

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2013

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2013 — 1(30)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории»?	3
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА	
Классик Серебряного века русской поэзии: от главного редактора	11
Федор Сологуб. Стихотворения разных лет.....	12
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ	
Виктор Пахомов. Как часть русской литературы.....	21
Валентин Сорокин. Высшие литературные курсы.....	29
ПОВЕСТЬ	
Владимир Сапожников. Русский доктор.....	33
Алексей Яшин. Дэкаф	50
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Александр Мионов. На комиссии.....	66
Ольга Волгушева. Степь. Дудак.....	71
Борис Голев. За лосем и кабаном.....	75
Яков Шафран. Жалостливая.....	85
Елена Семенова. Айседора.....	93
Роза Нарышкина. Последний аккорд.....	100
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Игорь Лукьянов. Повесть о Петре и Февронии (поэма).....	105
Наталья Квасникова. Камилла Клодель, или на выставке Родена (поэма-реинкарнация).....	111
Борис Рубцов. Разговор с плотником Коровиным.....	115
Константин Кедров. Дирижер тишины.....	119
Елена Кашоба. Люди огня.....	127
Игорь Мельников. Суть времени.....	133
Александр Новгородский. Где-то над полем.....	137
Андрей Каретников. Стихи.....	140
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве (Историческая поэма).....	142
Елена Хадарцева (Медведева). Благородный род.....	155
Алексей Гусаков. Казюки.....	158
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ	
Ефим Гаммер. Эмигранты из Атлантиды зыбучего времени (повесть).....	162
Игорь Карлов. Осенний вечер.....	182
Наум Ципис. Бюст в полный рост.....	185
Валерий Пайков. Стихотворения.....	197

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ	
Николай Еремин. Всем по барабану.....	201
Галина Зеленкина. Пейзажная лирика.....	206
Сергей Лебедев. Детство на Ветлуге (повесть).....	210
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»	
Сергей Мурашев. За чужой счет.....	223
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Николай Мых-Степняк. «Нелюбовный треугольник»: Солженицын, Шаламов, Твардовский и «Новый мир».....	229
Виктор Еремин. Год 1834-й. Пожар.....	239
Валерий Маслов. Вторая родина моя.....	248
Рудольф Артамонов. Федор Достоевский — сын штаб-лекаря.....	253
Геннадий Маркин. Хорошее и доброе не проходит бесследно.....	255
Выдающиеся люди тоже шутят: Юмор Сталина.....	279
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Наталья Квасникова. Итоги всероссийской и международной дискуссии «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление).....	265
Виктор Богуславский. Над Плавой-рекой (Новые поэтические книги Ирины Пархоменко).....	272
Нина Попова. Рецензия на книгу Алексея Яшина «Видение на Патмосе».....	276
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	278

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Внимание читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru, (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Наталья КВАСНИКОВА (Москва) — зав.
отделом публицистики и литературоведения
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав.
отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Технический редактор Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»?

(Что нам следует взять из русской литературы советского периода)

◆ Раскрыл позднегоябрьский номер «Литературной газеты» и поначалу усомнился: а достоверно ли сообщение о том, что некая «высокая» минвузовская комиссия признала Литературный институт имени А. М. Горького неэффективным, то есть приговорила к ликвидации кузницу писательских кадров, недавно отметившую свой солидный юбилей. Но комментарии там же известных писателей убедили: все достоверно.

Правда, кто-то, тоже «сверху», дал отбой столь поспешному решению. Пока Литинституту велено жить. Прозрачно читается и подоплека решения об «неэффективности»: какому-то лауреату журнала «Форбс», ошалевшему от изобилия денег и обеспеченной ими вседозволенности захотелось («Хочу быть царицей морской!») для экзотики пожить в знаменитом Доме Герцена в самом что ни на есть культурно-историческом центре Москвы. Ни много ни мало. Вот и был сделан заказ.

При любом сюжете «неэффективности» случившееся — квинтэссенция современного состояния культуры в целом и литературы в частности особенности. Ее уничтожают в школах, опошляют в вузах, вытирают об нее ноги в многоликих СМИ... Точно кто-то тайноуправляющий нашим житьем-бытьем отдал приказ: некогда великую русскую и славную советскую литературу вычеркнуть из памяти людей средне-старших и просто старших поколений. А в головах вовсе уже не знающих ее молодых поколений поселить суррогат литературы: интернетовскую жвачку.— При полном отращении к литерам на бумаге.

Как это технически, так сказать, делается? А очень просто: в отношении русской классики XIX — начала XX веков СМИ делают вид, что ее и вовсе не было, а русскую литературу советского периода всячески охаивать — по поводу и просто походя. Дескать, насквозь тоталитарная, как и весь режим советской власти, с лицемерием «поэзии рабочего удара», «Свинарки и пастуха», а также «Кубанских казаков». Из всего обилия имен упоминаются только «дозволенные имена»: в части поэзии Ахматова, Цветаева и Пастернак; иногда добавляется Мандельштам или Осип Бродский. В прозе же, конечно, тот же Пастернак, автор «Судьбы и жизни» и несколько сомнительный Михаил Афанасьевич. Афанасьичи — они всегда сомнительны; по себе знаю... Упоминать-то эмигранты их упоминают, но читать как-то забывают. На всякий случай.

Вот и все, вот и славно. И железобетонный аргумент на демократический десерт: Сталин одел советских писателей «в мундиры», а надзор поручил Горькому.

...К месту или не к месту, но вспоминается очень смешной анекдот диссидентских шестидесятых годов.

Вызывает Сталин Горького к себе в кабинет. Там же за краешком стола сидит Берия, какие-то свои бумаги подписывает, до Горького ему дела нет.

— Алексей Максимович, вы в свое время написали замечательный роман «Мать». Он нам очень помог в мобилизации масс в революцию девятьсот пятого года. Однако сейчас иное время. Мы почти построили социализм. Нужно и в части литературы мобилизовать народ на успешное завершение этой великой стройки. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман... например, под названием, — здесь Сталин нарочито засмутился, делая вид, что занялся своей трубкой, — ...под названием «Отцы»? Опешивший Горький забормotal:

— Ну-у, Иосиф Виссарионович, я подумаю, я — попытаюсь...

— Вот-вот, Алексей Максимович, попытайтесь. Ведь **попытка — это не пит-ка?** Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?

◆ Только что исполнилось шестьдесят лет со дня кончины Сталина. Такая дата — лишний повод задаться вопросом: почему отечественные СМИ, зомбирующие 90—95 % людей, так торопятся в очередной раз «сбросить Пушкина с корабля истории»? То есть внушить масс-медиа: не было никакой советской русской литературы, все это сталинский тоталитарный мираж и наваждение. И сопряженный с ним вопрос: что мы, самодостаточно мыслящие, должны взять из арсенала русской литературы советского периода?

Ответ на первый вопрос предельно прост: социальный заказ. — Навалился класс-гегемон... Раскрытие же содержания вопроса второго — тема настоящего очерка.

Академическое литературоведение советского периода в определенном смысле разделяло творческие методы классической русской литературы — критический реализм и советской литературы — соцреализм. Наше убеждение — соцреализм является дальнейшим развитием критического реализма — обосновано в «Манифесте нового русского критического реализма» и во многом подтверждено материалами всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» — все опубликовано в «Приокских зорях» год с небольшим назад. Заинтересованные читатели легко могут освежить это в памяти.

Содержание же нового русского критического реализма, то есть современного творческого метода, суть органическое слияние наиболее выигрышных сторон «классического» русского критического реализма и соцреализма. Если в критическом реализме антагонизм добра и зла художественно отображается, преимущественно, в системе психологии индивидуальности, то в соцреализме доминирует психология коллективизма.

Но как быть новому русскому критическому реализму, претендующему на ведущую литературно-методологическую роль, в современном социуме с его сложными коллизиями индивидуального и коллективного начал?

Во-первых, нельзя утверждать, что в последнюю четверть века коллективное начало полностью уничтожено. Нет, просто оно расслоилось по классам и более дифференцированным социальным группам. Нельзя за двадцать с небольшим лет даже при мощном директивном натиске-давлении напрочь уничтожить почти что генетическую общинность русского человека! Это не европы-америки, где за полтысячелетие господства торгово-протестантской идеологии понятие коллектива выродилось в абсолютный ноль.

Во-вторых, современный индивидуализм в русской среде суть эйфория эгоцентризма: люди дорвались до частнособственничества и накопительства. Но всякая эйфория есть болезнь «возраста». Человек, тем более русский, как отбившийся волк рано или поздно вернется в свою стаю. Кому не нравится сравнение с волком (нам тоже не нравится...), подберите для себя более лабильных животных, обезьян, например. К сожалению, прекрасное во всех отношениях животное — кот является сугубым индивидуалистом...

Такой вот «паровой котел» получается: индивидуализм об руку с директивно

осуждаемым коллективизмом, эйфория обнялась с первоначальным накоплением капитала. Словом, сочинитель пишет роман о бытии за окном, а на письменном столе его чинно сидит обезьянка и умывающийся лапкой кот.

А если иутки в сторону, то творческий метод нового русского критического реализма дает писателю обширный карт-бланш и бескрайнее поле вдохновения. Одно «но»: за писание сейчас ни копейки не платят, издавать книги не на что, главное — народ напрочь перестал читать. Как говорит мой сосед-электрик: «С когтями, но не птица; летит и матерится!».

◆ Так что? — Сталин угробил великую русскую литературу, или сохранил ее и развил? Наши СМИ при ответе садятся на пол, чтобы можно было всеми четырьмя конечностями голосовать за первую часть вопроса.

И еще момент: говоря — в части литературы — «Сталин», мы подразумеваем: «Горький». И наоборот. Здесь «править лыко» следует с оценки литературной жизни и издательской деятельности первых четырех-пяти послереволюционных лет.

...Нечто схожее мы воочию наблюдали в короткие девяностые годы после разрушения — силами мирового зла и отечественных агентов влияния — бывшей сверхдержавы СССР: дробление бывшего единого писательского сообщества, пишут все и все что хотят, а на уличных развалах книготорговцев соседствуют труды Суворова-Резуна и Проханова, «Mein Kampf» и «Цитатник» Сталина; тут же мемуары белогвардейских писателей, «Протоколы сионских мудрецов» и националистические издания всех толков: «Молот ведьм» и «Энциклопедия Третьего Рейха», «Беседы Вельзевула со своим внуком» Георгия Гурджиева — бывшего однокашника Сталина по духовной семинарии, — запрещенный на Западе «Еврейский вопрос» Дэвида Дюка, Библия и Коран, толстенные тома кришнаитских сочинений... Не хватает только... впрочем — хватает: матерщина «Эдички» и толковые словари русского же мата.

Ситуация в послереволюционные годы наблюдалась еще более пестрая, но и более творческая: всевозможные «измы» соседствовали с оставшимися еще в России поэтами Серебряного века, мощно «работала» проза. С одной стороны, изоцирились имажинисты, те же Кусиков и Шершеневич, футуристы, дадаисты и пр., и пр. Но умами овладевали не они, а Блок с Маяковским и Николаем Гумилевым. Из дореволюционных «Северных сборников» и «Шиповника» выделялась горьковская группа: Гладков, Чапыгин, Шагинян, Панферов, вырослел Михаил Шолохов и многие будущие корифеи собственно советской русской литературы. В полный голос говорили Есенин и Клюев. Многие классики русской литературы оказались за пределами революционной России, но покинутые ими места не оставались пустыми.

В это же время происходили и другие события, уже настораживавшие классиков и новичков русской литературы, а Горький и вовсе предпочел «отсиживаться» на итальянском Капри, где еще до революции играл в шахматы с тем же Муссолини, тогда молодым социал-демократом... А события эти действительно были многозначительными: «философский пароход» Троцкого, комиссия Луначарского — Крупской, директивно решавшая что можно, и что нельзя читать и знать советскому человеку. Лубянка наводняла писательскую среду своими опекунами... Все дело шло к взятию молодым государством под свое крыло литературного процесса в России — СССР.

Пробным камнем стал РАПП — явно детище Иудушки Троцкого. Писать о нем, то есть о РАПП'е, не будем, только отметим его, пожалуй, единственное позитивное наследие: внесение в ранее разобщенную писательскую среду элементов коллективизма. Правда, в извращенной форме коллективной круговой поруки...

Именно в рапповских недрах появился эквивалентный более позднему соцреализму термин нового творческого метода — приснопамятная «борьба лучшего и еще более лучшего», который потом затаившиеся троцкисты и диссиденты приписали то ли Горькому, то ли Гладкову. Сущность же художественной идеологии раппов-

цев конгениально в одной фразе определили одесские классики: «Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился» — из романа рапповского сочинителя из группы «Стальное вымя».

◆ Сталин являл собою настоящего хозяина СССР — в том именно смысле, что хозяин обладает стратегическим мышлением, но при этом стратегию подкрепляет умелой тактикой и оперативным искусством. В части художественной литературы он прекрасно понимал: что здесь досталось СССР от прежней России и что уже приобретено в советское время. Знал и о разномасштабности литературных дарований, не скрывая это перед страной и миром. Заезжему именитому французскому писателю на вопрос о не очень высокой художественности молодой советской литературы ответил прямо: «Других писателей у меня нет».

...А после этого отечественные ненавистники (по убеждению, чаще — по служебной инструкции) Сталина говорят, дескать, усатый тиран знакомил заезжих знаменитостей со страной по потемкинским деревням!

Не менее ясно Иосиф Виссарионович осознавал, что РАПП — не помощник хозяину страны в создании высокохудожественной литературы, достойной великого государства, впервые в мировой истории строящего бесклассовое, социально ориентированное общество. Требовалось не просто обновление, но коренная реконструкция советского литературного процесса.

Здесь требовался помощник; говоря официальным языком: зам. по литературе. Звезда таланта Шолохова еще не взойшла, а многочисленные «демяны — бедные — мужики вредные» на такое большое дело не тянули. Был вытребован с Капри Алексей Максимович. Он не то что стремился стать завлитом СССР, но сталинское предположение совпало с досадливым для великого писателя обстоятельством: на Западе он вышел из моды, как только в Европе после потрясений Мировой войны и революционной активации наступило бюргерское затишье. Пролетарский же писатель с практической нижегородской хваткой уже привык жить в относительно-роскошном удобстве, а главное — в номинации «первого писателя». Хотя бы он и действительно таковым был... Так Алексей Максимович стал исполнителем сталинской реформы советского литературного процесса.

...К 130-летию со дня рождения Сталина было издано несколько книг*, в том числе и солидный — по размеру — трехтомник. Кстати, последний как раз и посвящен был взаимоотношению Иосифа Виссарионовича. Но здесь и в других работах о Сталине, где затрагивается тема литературы, речь идет исключительно о персоналиях. Дескать, имярек из писателей то-то сказал о Сталине, а Вождь тоже что-то сказал, правда, очень кратко, об имяреке... И ни полслова о роли Сталина в создании феномена русской советской литературы.

Опять же кстати: хотя автор трехтомника явный и не скрывающий этого антисталинист, но вывод для осилевшего эти тома несколько иной полярности: Вождь почти что нянчился даже с самыми ершистыми сочинителями (!). Действительно, написал один из кумиров нынешних СМИ: для Сталина «что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина», так ведь Вождь не расстрелял его, а похвалил талант поэта в своем кругу, посоветовав только обратить свой дар на более актуальные темы. Вот кураторы с Лубянки и порекомендовали поэту ненадолго поменять московскую квартиру на воронежскую. — Чтобы к народу ближе быть. А если его и расстреляли в годы энквэдешиного психоза, то это дело перестаравшихся лажеев хозяина...

* И мы не лыком шиты: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Или тот же «сомнительный» Афанасьич. Сочинял он высокохудожественные, правдивые романы и пьесы, мало надеясь на постановку последних. Ан возьми Сталин и прикажи поставить «Белую гвардию» в лучших театрах страны. Да еще сам и ходил, как на службу, регулярно на ее постановки.

Конечно, книги о персоналиях в соотношении с фигурой Сталина не дают сколь-либо развернутого фона создания и развития советской литературы, но зато они фактологически подтверждают: Вождь ценил талантливых писателей, даже если они стрезву или спяну лезли бодаться с дубом. Слишком хорошо он понимал психологию «инженеров человеческих душ», чтобы не уметь отделить зерна от плевел. Как его учил отец Ираклий в духовной семинарии...

◆ *Создание Союза писателей СССР — главная веха в реализации генерального плана Сталина — Горького по закладке фундамента советской литературы. Прежде всего — русской. Конечно, политкорректно был дан старт и национальным литераторам. Даже в Средней Азии, где за неимением других кадров начальниками республиканских писательских союзов ставили бывших писарей басмаческих курбанбаши, которые, в свою очередь, обменяли свои маузеры на партбилеты и должности республиканских и областных секретарей... Ничто не ново под луной. Удивляться в нашем мире нечему, разве только снижению цен? — Но в послевоенные сталинские времена и этому перестали изумляться: каждое первое апреля — без всяких дураков — цены снижались. Однако, вернемся к литературе.*

Создание Союза писателей — вовсе не означало облачение литераторов в вицмундиры и намордники, как полагают нынешние демСМИ. Это организационно начало окончательный переход от литературного индивидуализма к советскому коллективизму. Конечно, это дисциплинировало писательское творчество, а ведь в душе своей каждый литератор в той или иной степени разгильдяй, лентяй и анархист с несколько повышенным самомнением. Так сказать, издержки творческой личности.

Но для не очень сытых тридцатых годов все это компенсировалось свалившимися, как манна небесная, финансово-бытовым устройством жизни писателей, освободив их время, нервы и души для творчества.

*...Будучи правоверным коммунистом, Сталин был настоящим хозяином, который прекрасно понимает: добротную работу можно требовать только с сытого человека. Писатели здесь не являлись исключением. До сих пор вузовские преподаватели, как некую легенду, уже в котором поколении вспоминают 1953-й год, когда профессорам и доцентам в одночасье увеличили зарплату сразу в три раза (?!). Ответная реакция не заставила себя ждать: в считанные годы советское высшее образование заняло ведущие позиции в мире.**

Наконец, с созданием Союза писателей, последние приобрели впервые в мире статус элитарности! А быть советской элитой — это не фунт изюма. Даже не владение, говоря о нынешних реалиях, нефтяными трубами, городскими кладбищами, сетью городских супермаркетов. Или свалок и опять же сетью городских сортиров...

◆ *Как профессура сталинских вузов, так и советские писатели ответили госвласти адекватно, создав в 30—60-е годы советскую, прежде всего русскую, литературу соцреализма. Содержание и качество ее всесторонне рассмотрено в тысячах книг, диссертаций и пр. Не все они подхалимские, так что реальная картина выписывается. Это не тема настоящей передовицы литературного журнала. Нам*

* Для грустной аналогии: современный профессор в провинциальном ВУЗ'е имеет месячную зарплату в 15 тысяч (не подумайте «дурного» — рублей, не долларов) «чистыми». Столько же имеет и пишущий эти строки: активно работающий ученый-биофизик, хорошо известный в научном мире. К тому же — Заслуженный деятель науки РФ, двойной доктор наук, двойной профессор и пр., и пр...

предстоит ответить на вопрос: что нам следует взять из русской литературы советского периода?

Желательно, конечно, сотысячные тиражи издаваемых книг с гонорарами, на которые можно жить. И жить относительно неплохо. Увы, сейчас и в обозримом будущем это звучит издевкой...

Но нельзя и в очередной раз «сбрасывать Пушкина с корабля истории», как наши СМИ советуют поступить с русской литературой советского периода. То есть делать вид, что семьдесят лет в России — СССР таковой вообще не существовало, не существовал этаким «художественный пробел». Оно же зеро-нуль. — Для тех, кто балуется преферансом.

Умный же человек, тем более служащий не за страх, а за совесть великой русской литературе, полагает совсем наоборот: мы не только все «вышли из гоголевской «Шинели», но и из шолоховского «Тихого Дона», книг Булгакова, Федина, Соболева, Фадеева, Лихоносова, стихов Маяковского, Есенина, Смелякова, обоих Рождественских, Рубцова. Как провидчески грустно писал последний: «Мне поставят памятник в городе или на селе, буду я и каменный — навеселе».

...И даже из «Цемент», «Гидроцентрали», «Четырех уроков у Ленина», «Журбиных» и «Бронепоезда 1469», ведь Гладков, Шагинян, Кочетов писали по велению души. Хотя и был соцзаказ, но он вовсе вне рамок приведенного выше диссидентского анекдота о романе «Отэц».

Автор этих строк читал названные романы в свое время вовсе не следуя параграфам школьной программы. И сейчас бы читал их с меньшим интересом. Хотя бы был и есть человеком вольномыслящим. — Даже в рецензии на дипломную работу в Литинституте маститый писатель «припечатал» нас: «Крайне левый деревенщик». — И спасибо ему.

Редактируя восьмой год журнал «Приокские зори», то есть знакомясь со множеством рукописей, присылаемых со всей России, из стран СНГ и Европы с Америкой авторами как «с именем», так (пока) и без оно, без всякой натяжки могу констатировать: даже очень молодые авторы следуют традициям классической русской и русской советской литературной школы.

*...Не могу сказать «из чего вышли» немногочисленные современные запиаренные сочинители? — В «Приокские зори» они свои материалы не шлют, равно как и в любые другие журналы — гонорары сейчас в периодике не платят, или мало платят. А покупать их книги накладно — профессорская зарплата не позволяет (см. сноску выше).**

◆ *Итак, резюмируем вышеизложенное, не удержавшись, перефразируя название книги Мариэтты Шагинян: четыре урока советской русской литературы.*

Урок первый. *Советская литература являлась интернациональной по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей. Таковой же она должна оставаться и сейчас, хотя это очень сложно в художественном выражении, учитывая реалии нашего бытия. Какие? Сами прекрасно знаете, уважаемый читатель. Пояснять не будем, только заметим: куда как легко быть ксенофобом, но намного сложнее разложить все по полочкам: кто виноват? И сверхзадача писателя-интерна-*

* У кого что болит... Опять же вернемся к нашей славной профессуре. Еще некогда великий реформатор Ч., бывший доцент марксизма-ленинизма, заявил во всеуслышание: настоящий ученый тот, кто занимается и бизнесом. — В этом смысле сказал. А совсем недавно — ноябрь 2012 года — очень высокий чиновник по линии образования и науки тож всепублично заявил, что-де в России средняя зарплата профессора превышает 30 т. рублей, а кто получает меньше — тот... точного термина его не запомнил, кто получает меньше, вроде как неэффективный, самонедостаточный... словом — почти что идиот и бездельник. — Это к радости всех 80—90 % всех российских профессоров. Нет! Вспомнил: назвал он низкооплачиваемую профессуру никчемной...

ционалиста — не делать акцента на негативных сторонах современной межнациональной коллизии в России. Но не обходить этот болезненный момент, а понимать: кто и за что поставил всех нас, все сто с лишним национальностей в стране, в такую ситуацию. Главное — какие кукловоды, преимущественно со стороны «наших злейших друзей» из-за «бугра», дергают национальную ниточку. К тому же следует помнить: сейчас именно русские «остались на бобах»...

Урок второй. Советская литература — выраженно бесклассовая, ибо и классов де-факто в СССР не было; разделение на рабочих, крестьян и пресловутую «про-слойку» — хорошая мина при хорошей игре. Сейчас наши (скорее «наши»...) СМИ радостно оповещают: наконец-то и у нас как у людей, Запада то есть, — сузубо классовое общество. Но в том-то все дело, что и сейчас у нас нет... никакой классовости. Поясним этот невероятный факт.

Классы создавались в буржуазных государствах столетиями. Столь почтенный возраст в определенном смысле сделал классовое деление легитимным. Это естественный процесс социально-экономической эволюции. В современной России все это нарушено, главное — антиэволюционно: неестественный возврат от более высокоорганизованной, социально ориентированной формации к эволюционно предшествующей — частнособственнической. Поэтому тщетно нас убеждают все те же СМИ о существовании в России классов: скороговоркой говорят об олигархическом классе, классе крупных «предпринимателей», сросшихся с госвластью, пресловутом, навязшем на зубах «среднем классе», классе неимоверно разросшегося — причем искусственно взращенного — чиновничества. Такое обилие чиновников имело только в Древнем Риме в период его стагнации и окончательного упадка. ...И подавляющее большинство населения более чем скромного достатка. Их СМИ стыдливо не именуют классом, предпочитая называть «рядовыми обывателями».

Итак, как в СССР, так сейчас, был и есть только **один** класс: тружеников. Все остальные — не классы, а группировки по роду деятельности, нелегитимизированные естественной социально-экономической эволюцией. В СССР эти группировки, по-преимуществу, являлись либо противозаконными, либо же по необходимости «терпимыми». В современной России эти группировки «держат шишку», говоря языком старинных волжских бурлаков.*

Таким образом, исходя из основного закона критического реализма, соцреализма в том числе, — художественное воплощение противостояния позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали, данный творческий метод в принципе одинаково реализуется как для современной литературы, так же, как он «работал» в литературе соцреализма. В этом состоит второй урок русской литературы советского периода, который мы заимствуем.

Урок третий. Он относится к народности русской литературы и являлся преобладающим для периода соцреализма. Современная литература нового русского критического реализма если и жива сейчас, то только благодаря все тому же качеству народности. Пока, конечно, все наши потенциальные читатели не перешли — под водительством зомбирующих СМИ — в число потребителей пресловутой «компьютерной» литературы (см. в «Приокских зорях» дискуссию 2012-го года о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы): комиксы, бессмысленные детективы в сплошных диалогах, маразматические «фэнтази», перепевы дурно понятых скоропостижными «авторами» модных западно-восточных попфилософий и прочая чушь, окончательно дебилизирующая бедного читателя.

Урок четвертый. Военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту, воспитывая в читателях, особенно молодых, чувства пат-

* Шишка — утолщенный конец бурлацкого троса; за шишку тянул вожак бурлаков: самый сильный и хорошо знающий наиболее удобный путь вдоль берега реки.

риотизма и восприятия исторической правды. Сейчас — это болезненная тема: как для авторов, так и для читателей. Болезненная — опять же по вине современных СМИ. Они творят здесь чудовищное. Несомненно умный и самодостаточно мыслящий читатель «Приокских зорь» все это прекрасно слышит — видит и понимает.

Помня этот урок русской литературы советского периода, современные писатели должны, обязаны продолжать военно-историческую тематику, держа в памяти слова Леонардо да Винчи: «Истина была единственной дочерью времени».

...Хотел красиво завершить настоящую «Колонку суждением великого итальянца, но вот вернулся с квартального собрания Тульской писательской организации Союза писателей России, где, что называется «в кулуарах», задал нескольким писателям — равного физического и творческого возраста, отчасти различающихся по убеждениям и пр. — два вопроса: а) что нам можно и нужно взять в свою практику от русской советской литературы? б) какое основное достижение советской литературы в общеплановом масштабе?

Ответ получил (усреднено) одинаковым: *взять все!* Ибо впервые в истории русской литературы она заставила своих читателей — а это была тогда вся страна — осознать себя человеком.

Вот теперь можно *point sur les “i”*.*

Уважаемые авторы!

Обратите внимание (см. с. 2): у нас теперь собственный сайт в Интернете. Прежний сайт недействителен.

И еще: поздравляем авторов и читателей «Приокских зорь» с небольшим юбилеем: этот номер журнала тридцатый по счету. «Поздравляем» и жителей Тулы: только что закрылся последний книжный магазин; теперь в части литературы, да и всего остального, Тула — «город зеро» — вспомните известный одноименный фильм с Леонидом Филатовым...

* Поставить точку над «i» (фр.).

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА

КЛАССИК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В советской школе даже вдумчивые отличники (не зубрили) и любители поэзии почти ничего не знали о Сологубе и обычно путали его с графом Владимиром Соллогубом (1814—1882 гг.), писателем-прозаиком, автором знаменитого «Тарантаса». — Ибо избранные произведения графа, хотя и не популяризовались, но иногда издавались. Даже в центральных издательствах.

Дело в таком разном отношении вовсе не имело главлитовской «политподоплеки», хотя бы граф Соллогуб если и служил на Кавказе в комиссии по преобразованию тюрем и сочинял «Дневник Высочайшего пребывания за Дунаем», но это все было давно, а вот Федор Сологуб — псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова, родившегося в 1863 году, творил в пред- и междуреволюционные годы, а его имя — по «приговору» знаменитой комиссии Луначарского — Крупской — было отнесено к группе таких писателей, как В. Розанов, Д. Мережковский, П. Флоренский, А. Ремизов, А. Белый.

Во всяком случае самый его знаменитый роман «Мелкий бес» после 1933 года до наших дней, если не ошибаюсь, издавался только один раз в годы хрущевской оттепели в Кемеровском издательстве. — Кажется, но где-то в тех краях.

Между тем, им были написаны и изданы многочисленные книги прозы и поэзии : сборники стихов (1896 и 1904 гг.), романы «Тяжелые сны» (1896) и «Мелкий бес» (1907), сборники рассказов «Тени» (1906), «Жало смерти» (1904), «Книга сказок» (1900), «Политические сказочки» (1906), «Истлевающие личины» (1907), сборники стихов «Родине» (1906) и «Змий» (1907), мистерия «Литургия мне» (1907) и другие.*

...Помню первую свою «встречу» с творчеством Федора Сологуба. Это и был роман «Мелкий бес» — дореволюционного издания, приобретенный мною в начале 1970-х годов в тульской «Буккниге», тогда удивительно богатой на книжные раритеты. Прочитал его на одном дыхании за вечер и ночь.

Чуть позже прочитал книгу стихов Сологуба, изданную в серии «Библиотека поэта». — В читальном зале Тульской областной библиотеки, посвятив этому целый день: от открытия до закрытия библиотеки.

Существенно, что творчество Федора Сологуба не только попало в «проскрипционные» списки Луначарского — Крупской, но и дореволюционный Словарь Брокгауза — Ефрона не очень одобрительно писал: «...Основным мотивом декадентских стихов и рассказов Сологуба служат жажда смерти, безумие и жестокое мучительное сладострастие. Сологуб владеет сжатым, выразительным языком, одинаково сильным и красочным в стихах и в прозе. Произведения написаны в стиле наиболее «мучительских» произведений Достоевского и «сатанинских» романов Гюисманса; повести и романы Сологуба свидетельствуют о несомненном таланте, принявшем, однако, совершенно болезненное направление в погоне за необычайностью

* Библиография книг Федора Сологуба взята из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

ощущения. Герои и сюжеты Сологуба — смесь садизма с так называемым в психиатрии навязчивыми идеями».

Мы же скажем проще и короче: в своей прозе Федор Сологуб — прямой последователь Ф. М. Достоевского; именно последователь, а не подражатель... Этим все и сказано.

А в поэзии Федор Сологуб — бесспорный классик Серебряного века русской поэзии конца XIX — начала XX вв. Символизм — понятие многогранное, а в рамках критического реализма расширяет его творческий ареал. Это в полной мере относится к поэзии Сологуба... Чтобы там не говорили литературоведы — от авторов словарных статей у Брокгауза — Ефрона до современных жидких всхлипов того же литературоведения, почти заглушающего в безвременье наших дней, что длятся уже четверть века...

Современная поэзия, мягко говоря, далеко отошла от мощи великого русского и советского стихотворчества. Полагаю, что уважаемый читатель «Приокских зорь» не преминет прочитать и обдумать приводимые ниже стихи Федора Сологуба.

Федор Сологуб

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч

В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнию
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнию
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмурия брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы,—
Палач — везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

СУДЬБА

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою,—

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889 г.

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.

И тяжелым коромыслом
Надавлив себе плечо,
Ты с реки тащила воду:
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод: гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрёка
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упрёки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
До страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня,—
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1—22 октября 1892 г.

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах,
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896 г.

* * *

Друг мой тихий, друг мой дальний.
Посмотри,—
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества,
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень,—

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру.

1898 г.

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданье одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898 г.

* * *

Недотыкомка серая
Вокруг меня вьется да вертится,—
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899 г.

* * *

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, — долог он и крут,
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, — тусклый лик.

Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть
И от жизни обещает уберечь.

Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленье неподвижных дней.

1901 г.

* * *

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прослаблю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню.

23 июля 1902 г.

* * *

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мгливой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети,—
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой и ничей,
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь — не бойся, не лги.

14 июля 1904 г., Сиверская

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,

И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907 г.

РОССИЯ

Еще играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идешь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.

Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнешь, и мнешь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела

Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,

И чувствуешь, что вот пришла твоя пора,
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.

1915 г.

РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

13 июня 1917 г., Княжьино, под Костромой

* * *

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,—
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть и не могу.

Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,
Где веют ветры всех стремлений,
И все чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,

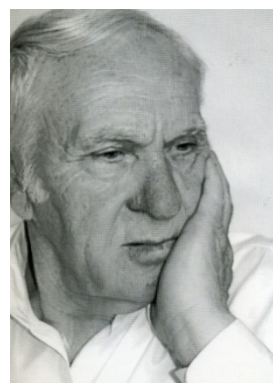
И я услышу речь живую
Про все, о чем я здесь тоскую,
Про все, чем дивен океан.

Подборка Якова Шафрана (Тула)

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Виктор Пахомов
(г. Тула)

КАК ЧАСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Виктор Федорович Пахомов, ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный работник культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, почетный гражданин города Тулы, любезно согласился побеседовать с сотрудником редакции журнала «Приокские зори» и ответить на ряд вопросов

Я. Б. Виктор Федорович, Ваша жизнь неразрывно связана с Тульским краем, который Вы воспели своей замечательной тонкой лирикой. Вашими стихотворениями, наполненными судьбами людей, их характерами, красотой природы, равнодушием к злу и несправедливости, ко всем неустройкам нашей жизни, зачитываются поколения людей. На протяжении вот уже почти двух с половиной десятилетий под Вашим руководством решаются все вопросы жизнедеятельности Тульской писательской организации, Вы знаете, чем дышит каждый писатель — профессиональный и еще только начинающий, — помогаете, поддерживаете, направляете, словом, делаете то, что подобает настоящему руководителю такого большого творческого коллектива.

Виктор Федорович, но ведь Тульская писательская организация не всегда была такой, когда-то ведь все только-только начиналось? Расскажите, как это происходило, расскажите о тульских писателях.

В. П. Не каждый пишущий — писатель. Не каждый писатель — Толстой. Не каждый прикрепленный к своему региону уже Российский писатель.

Понятие тульский писатель и тульская литература закрепились в общественном сознании со времени создания областной писательской организации (18 ноября 1960 года). Это послужило толчком к оживлению тульского литературного процесса, предъявлению читателю творчества местных авторов, группировавшихся вокруг альманаха «Литературная Тула», и входивших в областное литературное объединение. Произошло собирание литературных сил края, приведение к созданию писательской организации. В нее вошли члены Союза писателей РСФСР: В. Булгаков, Н. Парыгина, А. Лаврик, Г. Шмань, А. Кузнецов, И. Панькин. Затем в организацию вошел

П. Сальников. Затем писательскую организацию пополнили П. Сальников, М. Казакова, А. Елькин, Н. Любин, Ю. Щелоков, В. Лазарев, И. Минутко, В. Трапезников, Н. Акулиничев. Не заставят себя ждать молодые В. Ходулин, А. Харчиков, С. Галкин. Начнут давать о себе знать представители тульской глубинки В. Сапронов, Н. Боев, В. Болохов, В. Маслов, В. Большаков, А. Пешков, В. Логунов, В. Греков. Их книги, их выступления сыграют значительную роль в создании положительного писательского имиджа. Газеты «Коммунар», «Молодой коммунар», журнал «Ясная Поляна» предоставят свои страницы местной художественной литературе. Ныне тульскую прозу не представить без романов и повестей Н. Парыгиной, ставших с годами тульской классикой.

Продолжает быть востребованным произведение И. Панькина «Легенды о мастере Тычке». На пьедестале памятника Левше у машиностроительного завода, наряду с Толстым, Чеховым, Лесковым, высечены строки и из панькинских легенд. Подобралась неплохая компания. Продолжают пользоваться спросом проза и поэзия В. Лазарева, Ю. Щелокова, И. Минутко.

Я. Б. Замечательно, что известные тульские авторы востребованы, благо в каждой библиотеке Тулы и районов области можно найти их книги. А издаются ли современные писатели, и кого Вы могли бы отметить в этой связи? Как обстоят, на Ваш взгляд, дела с периодическими литературными изданиями в нашей области?

В. П. Худо-бедно, выходят книги А. Костюхина, Н. Смирнова, Л. Вагановой, В. Ходулина, Б. Голованова, О. Каширина, ставшего лауреатом серьезной литературной премии России, В. Киреева, В. Кузьмина, В. Кулешова, А. Новгородского, О. Пантюхина, В. Сапожникова, Е. Трещева. Столичное издательство «Московский Парнас» уже несколько лет издает романы и повести Алексея Яшина — члена Правления Академии российской литературы, лауреата многих всероссийских и международных литературных премий. В московских изданиях все чаще публикуются стихи В. Савостьянова.

Вопреки сегодняшнему удручающему положению с финансированием книг за счет средств бюджета области, продолжают издаваться коллективные альманахи «Тула», «День тульской поэзии», «Иван-озеро», «На крыльях «Пегаса». Издан справочник членов тульской писательской организации.

Особо следует отметить регулярно выходящий литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», за что поклон от всех его авторов и читателей ректору Тульского государственного университета М. В. Грязеву, за поддержку журнала, и главному редактору А. А. Яшину, без титанических усилий и энтузиазма которого, журналу бы не выжить.

Я. Б. Вы правы, Виктор Федорович, многое издается и делается не благодаря, а вопреки, поэтому неоценима роль энтузиастов. На слуху у пишущих туляков слеты молодых поэтов и прозаиков. Это все ведь тоже подвижнический труд?

В. П. Да, объединенными силами членов писательских союзов и литераторов области складывается судьба современной тульской литературы. Как не назвать ее славных подвижников Н. Парыгину и В. Маслова, чье творчество известно не только в России, но и за рубежом. В. Ботя, В. Ходулина, Е. Трещева, В. Киреева, С. Щеглова-Норильского, С. Галкина, В. Ткач, В. Сапожникова, А. Новгородского, М. Дубинского, Э. Георгиевского. Благодаря им существуют ныне наши писательские организации, пополняющиеся молодыми талантливыми поэтами и прозаиками, нашей, по сути, сменой. Это никому не известный по большому счету Алексей Гусаков, Сергей

Крестьянкин, Владимир Тимохин, Екатерина Сагалаева, Михаил Тулуевский, Сергей Редков и другие авторы первых книжек.

Я. Б. Виктор Федорович, Вы уже много лет, можно сказать, в условиях разных эпох руководите организацией писателей. Многие из них выросли на Ваших глазах и, во многом, благодаря Вам. Как это видится в сравнении?

В. П. Несколько слов об ушедшем пятьдесят лет назад времени.

Созданная по инициативе правления СП РСФСР тульская писательская организация финансировалась, имела свой счет в банке. Получали зарплату ответственный секретарь и секретарь-бухгалтер. Помимо этого функционировало под писательской крышей бюро пропаганды художественной литературы со своим директором и бухгалтером. Бюро оплачивало писательские выступления по специальным путевкам, командировки писателей, консультации и рецензии так же оплачивались. Все это было существенной гонорарной поддержкой членов Союза писателей, решивших стать профессиональными писателями. Таким образом осуществлялась активность и заинтересованность писателей в проведении многочисленных литературных акций. Разнообразной была связь писателей с районными литобъединениями, городскими и районными газетами, школами, воинскими частями, трудовыми коллективами, как правило, заинтересованными в таких мероприятиях. К тульским писателям постоянно приезжали писатели из соседних областей, писатели из Москвы: Астафьев, Распутин, Е. Носов, Ганичев, Проскурин, Чалмаев, Старшинов. В общении с ними набиралась опыта молодые тульские поэты и прозаики.

После смерти Щелокова и его замещавшего Трапезникова в 1987 году меня избрали ответственным секретарем писательской организации. Утвердили на бюро обкома партии. На сегодня, за вычетом одного года, у меня почти 25 лет моего секретарства. Причем половина срока без оплаты, на общественных началах. На моих глазах прошло становление многих тульских поэтов и прозаиков. Сейчас даже не верится в реальность описываемого.

Я. Б. Да, срок немалый, есть, что вспомнить и с чем сравнить. А из современных писателей, кто Вам, Мастеру, ближе всего?

В. П. Анализировать, обзирать, критиковать, как известно, своих коллег — дело неблагоденное. Множить врагов и уменьшать друзей. Надо ли? Не потому ли как-то перевелись у нас критики. Да и не простое это дело — критика! Поносить, хулить — пожалуйста! Как, скажем, оценить творчество развернувшегося во всю мощь в новых своих романах и повестях прозаика, философа и публициста А. Яшина? Неподъемен он для простого читателя, отвыкшего от серьезного чтения, окончательно сбитого с литературного пути отравой антилитературы либерального Запада. А что сказать начинающим гениям? Чем убедить поэта Сергея Полянина в том, что его творчество на грани воспринимаемого, и что делать с одареннейшим тульским стихотворцем Алексеем Гусаковым, чьи три подряд сборника свидетельствуют о его незаурядном творческом потенциале, требующем серьезной оценки, как и поддержки? Стихи Гусакова отмечены свежестью ощущения своей судьбы, нестандартностью мышления. Их энергия и напор чувств покоряют. Язык его чист и звонок, рифма точна и чеканна. Поэт пишет, не отворачивая лица от происходящего вокруг, не пытаясь разжалобить читателя. И ни намек на протестность, становящуюся сегодня чуть ли не модой. Прочитай, читатель, предлагаемые его стихи — не пожалеешь. Они о тебе, обо мне, о нас, но изданы, к сожалению, небольшим тиражом и вряд ли дойдут до тебя.

*Я так и не пойму,
В чем истинная милость...
Она прошла войну,
А замуж — не случилось.
Она делила дом
С замужнею сестрою
И с теми, кто потом
Рождался в нем порою.
Затем она жила,
Как только свет потухнет,
Из своего угла
Украдкою — на кухню.
Из потемневших слив
Сочился дух сопрелый,
Когда ее везли в приют для престарелых.
Вдохнуть еще зимы
Уже не получилось...
Так что же знаем мы
Про истинную милость?
(Милость)*

*А танки шли, огнем плюясь,
Вода в ложбинах тлела,
Железо ввинчивалось в грязь,
Выщупывая тело.
Разрывы падали, но шли
Нетрезвою походкой,
И все, что выше от земли,
Выстегивалось плеткой.
Он только лишь позавчера
В довольствиях отмечен,
Здесь от бессилья умирал,
Заваленный по плечи.
Он, потерявший речь и слух,
Не выстрелив ни разу,
Цеплял невышебленный дух
За уходящий разум.
К нему уже летел снаряд,
Раскручивая вертел,
Он умирал... И думал зря,
Не зная, что бессмертен.
(Дед)*

*Он сел напротив, глядя мне в глаза...
Длина пути зависит от соседа.
Он имя мне какое-то назвал, а я свое...
И потекла беседа.
И, как бывает в случаях таких,
Все, что смогли, обмыли по порядку...*

*И он спросил: «Вы любите стихи?» —
И вытащил опухшую тетрадку...
И я кивнул... И слушал... И молчал...
Его стихи меня не обманули —
Я, наконец, дождался палача,
Не канувшего в песенном разгуле.
Не знал — когда, но чувствовал — придет,
Здоровый, сильный, искренний, беспечный,
А что затем со мной произойдет —
Вопрос сиюминутный, а не вечный.
Он дочитал, свернул трубой тетрадь
И вышел на платформе без названья.
И поезд вез отмеченного — знать...
И не было страшнее наказанья.
Зайти в свой дом и в ящиках искать,
Среди газетных вырезок и ручек —
И вот она, та самая тетрадь,
Которую вычитывал попутчик...*

(Попутчик)

Я. Б. Действительно, замечательные стихи! Поэт говорит свободно, трогает глубоко и темой, и образами...

Виктор Федорович, Тульская организация писателей работает с 1960-го года и, как Вы отметили, создавалась не на пустом месте. Нашим читателям будет интересно узнать, как давно началась литература нашего края и с кого, кто ее создавал на протяжении всего времени до наших дней?

В. П. Три века тульской литературы представляют имена Жуковского, Толстого, Тургенева, Успенского, Вересаева, Сухова-Кобылина, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Достоевского, Бунина, Гиппиус, Богданова, Ганышина, Романова, Полетаева, Бородина, Федина, Малашкина, Скребницкого, Брауна, Кулемина, Федорова, Доронина, Кольчугина, Смелякова, Милонова. С последними в этом перечне приходилось встречаться. Среди книг, достойно представляющих тульскую литературу, повесть Н. Любина «Марфа Подаркина», поэта Кольчугина «Маша», книга В. Булгакова «Жизнеописание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря», роман Н. Парыгиной «Вдова», «Легенды о мастере Тычке» И. Панькина, повесть «В долинах белых черемух» А. Лаврика, повесть «Трудно с тобой, Андрей» М. Казаковой, роман «Бабий Яр» А. Кузнецова, повесть «Мне восемнадцать лет» И. Минутко, роман «Кара» В. Грекова, повесть «Преображенский вал» Г. Паншина, «Заводские повести» А. Харчикова, повести и рассказы А. Корнеева, Ф. Поленова, П. Сальникова, повесть «Каменотес» И. Арясова, повести А. Пешкова, Ю. Кириленко, В. Шавырина, роман «Тысячу лет после меня» Н. Стещенко, повесть «Отступник» А. Соколова. Стихи поэтов А. Логунова, В. Лазарева, Г. Шманя, Е. Вдовенко, Н. Боева, М. Крышко, В. Савостьянова, В. Болохова, М. Лубенского, В. Большакова, Н. Завалишина, Н. Акулиничева, В. Сапронова, В. Ходулина, В. Суворова, А. Меситова и другие.

Я. Б. Слыша эти имена, еще более осознаешь, что тульская литература — часть великой русской литературы. И тем обиднее видеть отношение к ней, впрочем, как и ко всей культуре, в наше время.

В. П. В недавнем обращении к русским писателям председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев отметил: «Мы убеждены, что культурная политика в нашей стране коренным образом должна быть изменена. Великая культура, классическая литература, наш русский язык следует за Верой, является теми базовыми ценностями, без которых наш народ, союз народов не проживут. В нынешнем постсоветском обществе эти категории или забыты, или отодвинуты, или отрицаются...»

Тульские писатели не исключение. Письменные и устные обращения к администрации области поддержать наши планы с изданием книг не достигают цели. Не реализуются даже обещания на самом верху об издании «Избранного» к восьмидесятилетию ответственного секретаря писательской организации. Невольно думается, что дело не в отсутствии средств. По-моему, ответ витает в воздухе, в нашей сегодняшней действительности. Ганичев прав в своих выводах. Мы никак не наберемся смелости осознать сложившуюся ситуацию. Живем прошлым, цепляемся за него. Надо перестраиваться с учетом нашего поражения, что совсем не значит, что политика сегодняшнего дня нам чужда. Литература не обрывается на крутых поворотах истории. Она продолжается, как и сама жизнь. Не могу объяснить самому себе, почему руководители департамента культуры области не хотят видеть происходящее сегодня в сфере тульской культуры, не заинтересованы в участии писателей в деле воспитания читателя средствами отечественной словесности, художественным словом, не видят их сотрудников в общем процессе духовно-нравственного воспитания общества, подрастающего поколения? Писатели предоставлены самим себе, брошены на произвол судьбы без всяческой поддержки, словно нет у них за спиной пятидесятилетия службы родной тульской культуре, и нет никаких заслуг у писателей края. Разве не так? Я листаю последний биографический справочник тульских писателей, вглядываюсь в лица моих постаревших друзей: поэтов, прозаиков, публицистов. Никто из них не заслуживает забвения. У каждого свои заслуги перед обществом, тульской культурой.

Я. Б. Биографический справочник, вот, вижу, он лежит на Вашем рабочем столе — это история в лицах. Расскажите хотя бы о некоторых из тех, кто в него вошел.

В. П. Вот узловчанин Николай Боев — яркий поэт и серьезный прозаик. Будущие литературоведы не пройдут мимо его творчества. О нем будут написаны книги. Верные ученики еще поставят ему памятник, выбьют на камне его строки: «Попробуйте взглянуться в пространство, посмотрите на тень вдалеке. Это я — ваш бесхитрый странник по вселенной иду налегке».

Марк Дубинский своим трехтомником сумел поднять тему и убедить читателя в необходимости книг о воинском долге, его важности, значении для сегодняшнего беспокойного, неуправляемого, страшного времени. Роман «Наследники «Бога войны»» принят и заслуженно оценен широким кругом читателей. Отмечен областной литературной премией имени Л. Н. Толстого.

Неутомимый Вячеслав Боть. Вот уж кому поистине обязаны мы все! Его уму, памяти, знанием Тулы и родного края, его истории, культуры, литературы. Кому только он не помог? Редкой судьбы краевед, тульский подвижник! Публикации его работ всегда прекрасны, актуальны, точны. Тоже можно сказать и о его стихах.

Александр Вишневецкий. За звонкой фамилией стоит удивительной скромности и порядочности человек, верный дружеству и чести. К его прозе и поэзии тянутся молодые. Его стихотворение «Потешный полк» — одно из лучших о многострадальной писательской доле.

Недавно ушедший от нас скромнейший Борис Михайлович Голованов. Чистей-

шая душа поэта всегда радовала и возвышала нас, его друзей. Его творчество еще не оценено нами по достоинству. Он не успел опубликовать многое из написанного. Ждут своего часа и его песни.

Виктор Греков. Болит сердце за прикованного к постели друга, болит. Но что можно сделать? Ничего. Боже, помоги ему! Он — один из самых талантливых из нас, нынешних. Начав с книг для детей, он стал замечательным исследователем истории и культуры родного края, автором исторических хроник. Белевцы полюбили своего хрониста из Сытич, и не обманулись в нем.

Михаил Крышко. Не знаю человека более умного и скромного, благородного, преданного своему писательскому долгу.

Александр Новгородский. В его судьбе, кажется, преломилось все то, что тяготет над каждым настоящим талантом от Бога. Художник, поэт, песнетворец, мудрец-небожитель — это все он. Очень многие, особенно молодые дорожат дружбой с ним, учатся у него.

Наталья Деомидовна Парыгина. Ее имя, ее книги, ее авторитет не только в писательском кругу, но и среди творческой интеллигенции, вообще туляков очень значимо, уважаемо и любимо. Ее книги стали достоянием тульской литературы, тульской культуры, тульской истории. Сорок с лишним книг написанных ею, — целая библиотека. Без книг Парыгиной не понять нашего времени, нашей судьбы.

Александр Пешков — автор более десяти книг прозы. В них судьба нашего народа, судьба многих из нас, его личная судьба. Современность и прошлое нерасторжимо. Автор объясняет читателю суть происходящего с нами, призывая нас к подвигу возрождения нашего духа.

Листаю справочник дальше. Олег Пономарев, Владимир Родионов, Валерий Савостьянов, Владимир Сапожников, Владимир Сапронов, Евгений Трещев, Валерий Ходулин. О каждом есть что сказать. Да простят они меня, что невозможно выделить каждого. В перечне на равных еще достаточно молодые и издавшие виды труженики тульской литературы. На одного лишь Сапронова или Ходулина можно использовать весь отпущенный мне журнальный листаж.

К сожалению, в справочнике не присутствует Дмитрий Ракитин и Николай Смирнов, без которых писательская организация неполна, как не полна она и без упоминания ушедших из жизни В. Большакова, Н. Дружинина, А. Логунова, А. Земцова, Г. Шманя, В. Суворова, М. Жарковского, В. Зайцева, М. Казаковой, Г. Паншина, Ф. Поленова, И. Панькина, С. Сывороткина, И. Прасолова, М. Абрамова, Н. Дружкова, Л. Адрианова, П. Сальникова, Н. Акулиничева, как и снятие, увы, с учета В. Болохова, Б. Сушкова, В. Аникеева, Д. Овинникова, А. Шитова, внесших свою литературную лепту в утверждение тульского писательского сообщества.

В тульской прозе последних лет особенно заметен Н. Смирнов, отмеченный престижной премией журнала «Приокские зори». На последнем писательском собрании был принят в Союз писателей прозаик Г. Маркин, единогласно и с первого захода.

Я. Б. Значит, писательская организация динамично пополняется свежими творческими силами. Это хорошо!

В. П. Не совсем так... Хотелось бы, чтобы долгие мытарства принимаемых в Союз писателей в последнее время у нас прекратились. Организация стареет. Нам следует думать о своей смене, не смотреть на это, как на посягательство молодых и амбициозных коллег по перу. Вспоминаю свой прием, это было аж в 1975 году. Против был лишь один Щелоков. Он и не скрывал этого. Но и он вскоре нашел необходимым извиниться за допущенную оплошность. Вспоминаю еще курьез, как не был принят в

Союз писателей Володя Суворов. Было такое дело. Морочили с приемом В. Большакова, В. Савостьянова, В. Грекова, Б. Сушкова, В. Шавырина. Не делает это нам чести. Уставной требовательностью принимаемых в Союз здесь и не пахнет. Создали сегодня большую очередь на прием. Отпугиваем заслуживающих приема молодых и не только их. Спрашивается, почему не спешат с приемом, не подают заявление в Союз достаточно известные Владимир Милов, Юрий Кириленко, Николай Дронов, Юрий Лукаш, Федор Гусев? Спрашивается, да не отвечается...

Я. Б. Виктор Федорович, будем надеяться, что положение поправится. Вы правы, писательская организация с такими корнями, с такой историей, как тульская, не должна обезлюдеть.

Благодарю Вас, Виктор Федорович, за беседу! Ваше творчество является образцом для Ваших многочисленных учеников. Я желаю Вам дальнейших творческих успехов, Вам и руководимой Вами Тульской писательской организации — дальнейшего весомого вклада в сокровищницу великой русской литературы, лепты в поле духовности России!

Беседовал Ярослав Брагин

Валентин Сорокин
(г. Москва)

Нина Попова
(г. Москва)

ВЫСШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25... Это не просто адрес, а святое, «намоленное» для писателей место, на котором расположились здания Литературного института и Высших литературных курсов (ВЛК). Сегодня наш разговор пойдет о ВЛК.

Уникальное и знаменитое учебное заведение, выпестовавшее не одно поколение талантливых писателей и литераторов — честных, ярких, самобытных, с пронзительным, разрывающим сердце, чувством любви к Родине; особым совестливым отношением к родному языку и слову. Так и хочется воскликнуть: «Какие люди, какие судьбы, какие имена!» И эти имена никогда не зайдут и не потускнеют на высоком небосводе литературы: Чингиз Айтматов, Олесь Гончар, Кайсын Кулиев, Михаил Алексеев, Алим Кешоков, Николай Шундик, Виктор Кочетков, Петр Проскурин, Виктор Астафьев, Иван Акулов, Римма Казакова, Анатолий Жигулин, Владимир Санги, Василий Ледков, Юван Шесталов, Андрей Тарханов и многие-многие другие...

Кто может еще рассказать о ВЛК с большей любовью и знанием, как не выпускник курсов, их проректор (уже 28 лет!), руководитель семинара поэзии, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, Международной премии им. М. А. Шолохова и многих других заслуженных премий — Валентин Васильевич Сорокин, член редколлегии журнала «Приокские зори».

— *Валентин Васильевич, когда были организованы Курсы и с какой целью?*

В мае 1953 года секретариат правления Союза писателей СССР обратился в ЦК КПСС и Советское правительство с ходатайством об открытии Всесоюзных высших литературных курсов, а уже в августе было принято постановление Советского правительства: «Предоставить Союзу советских писателей право организовать с 1 сентября при Литературном институте им. А. М. Горького постоянно действующие Высшие литературные курсы...»

Цели и задачи перед Курсами поставили сама жизнь и реальный ход литературного процесса, и они четко прозвучали в Положении о Курсах: «Повышение общекультурного и идейно-теоретического уровня профессиональных писателей, развитие их творческой индивидуальности, совершенствование литературного мастерства».

— *И как выполнялись поставленные задачи?*

ВЛК стали школой мастерства и творчества. Здесь, признаются выпускники, прорастает святое чувство зоркой ответственности перед самим собою, перед словом, которое произносишь и перед делом, которое ты обязан вершить. Здесь укрепляются многонациональное единство и гражданственность. Приобретается важнейший для писателя опыт выступлений перед самыми разными аудиториями.

— *Кем становились выпускники ВЛК при Советской власти?*

Получив дипломы, они часто становились руководящими работниками отделений Союза писателей СССР в областях, Союзов писателей братских республик, назначались на ответственные посты в издательствах, газетах и журналах, поддерживая завязавшуюся во время учебы творческую и человеческую дружбу.

Авторитет Курсов был очень высок. Я сам многократно отправлял письма в райкомы и обкомы партий различных республик и городов с просьбой об улучшении условий жизни слушателей и моментально получал положительный ответ. Теперь же, по прошествии многих месяцев, часто приходит пустопорожняя отписка... Произошли пагубные и печальные для литературы изменения и в условиях учебы на ВЛК. Раньше государство платило учащимся стипендию, а теперь учащиеся платят государству за свою учебу. Прекратились поездки с выступлениями по всей стране. Пропала забота о творческих людях, которые могли бы принести огромную пользу Родине.

— *А в чем выражалось, как проявлялось отношение Правления Союза писателей СССР к Высшим литературным курсам.*

Вспоминаю сердечное отношение Георгия Мокеевича Маркова, Председателя правления. Он был нам как отец родной. Еженедельно приглашал к себе и расспрашивал меня о жизни слушателей, их проблемах. Всегда был готов поддержать и помочь. К праздникам выписывал материальную помощь, причем, если обещал 100 рублей, то в ведомости мы обнаруживали 250, это были по тем временам очень солидные деньги.

Многие и многие, уже ушедшие от нас именитые и талантливейшие писатели всегда с радостью приходили на семинары поэзии, прозы и критики, щедро даря свой талант и душу. И сейчас мы продолжаем творческие встречи с известными писателями и выпускниками ВЛК.

А творчество наших гениев! Строки всех погибших в лагерях и застенках... Божественные есенинские стихи и проза... Оттуда, издавека, они как живые поддерживают нас и окрыляют, стоит только открыть страницы их немеркнущих книг:

*Я теперь скунее стал в желанья.
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Сергей Есенин

— *Дружны ли между собой студенты Литературного института и слушатели ВЛК? Ведь между ними огромная разница и в возрасте, и в жизненном опыте.*

Слушатели и студенты с уважением и вниманием относятся друг к другу, часто вместе участвуя в различных творческих семинарах. Все они — литинститутцы. Мир вдохновения у них единый. Профессорско-преподавательский состав один.

Нельзя не вспомнить доброе отношение к ВЛК ректора Литературного института Владимира Федоровича Пименова. Забыть это — предать память о нем. Возглавлявшие Литинститут, каждый в свое время, — Евгений Сидоров, Владимир Егоров, Сергей Есин и сегодняшний ректор, известный ученый и писатель Борис Тарасов всегда поддерживали традиционно-доброе отношение к ВЛК. Низкий поклон им за это!

— *Зажглись ли яркие новые имена среди выпускников ВЛК последних лет?*

Выпускники последних лет: Антонина Спиридонова, Владислав Цылев, Василий Попов, Людмила Снитенко, Игорь Мухин, Ирина Еременко, Евгений Попов, Елена Мозжухина, Ольга Дробышевская, Олег Малинин и многие другие — талантливые литераторы. И среди тех, кто учится сейчас, есть одаренные благородные люди, которые в ближайшие годы обязательно заявят о себе!

— *Валентин Васильевич, что Вы думаете о нынешнем состоянии литературного процесса и какое будущее, по Вашему мнению, ожидает многонациональную русскую литературу?*

Сегодня полностью разрушена дорога книги. Изменена программа работ с авторами не только в издательствах, частных теперь, но и в книжных магазинах. Ни государство, ни издатели материально не поддерживают писателей, поддержка и помощь сейчас — редкое исключение.

Авторы за свой счет издают книги, совсем мизерным тиражом. Если раньше тираж был выгоден и государству, и автору, то сейчас авторских средств хватает от силы на 500—1000 экземпляров, а то и, горько сказать, на 50—100 экземпляров. Он явно не окупается. О каком гонораре может идти речь?

Многочисленные мелкие «творческие» Союзы мешают возродить государственную трассу книги, подрывают авторитет литературы, не оказывают помощь писателям.

По пальцам можно пересчитать издательства, которые болеют душой за автора, за свою литературную репутацию. Считаю необходимым выделить уважаемого мною талантливого, честного, высокопрофессионального литератора и издателя Леонида Васильевича Ханбекова, руководителя Независимого литературного агентства «Московский Парнас», который в тяжелейших условиях издает книги честно и ответственно. И гораздо больше, чем все Союзы писателей, вместе взятые. А каково ему приходится? Его агентство ютится в одной маленькой комнатухе! И он не входит ни в какой Союз! Пока государство не возьмется за возрождение гражданского и патриотического пути писателей — толку не будет...

Надо возродить разговор писателей с народом, с государством, контакт народов, не только в Москве, но и во всех округах и республиках России! Необходимо, чтобы был услышан писательский вздох, который выше молитвы, проторить вновь дорогу дружбы и уважения, возобновить национальные праздники.

Многонациональное население России утратило свой общий голос, и он почти не слышен в полуразоренной стране. Нет преемственности поколений, прославляется и приветствуется падение нравственности, одобряется блуд и безответственность. Нет достойных телепередач о созидании и возрождении великой многонациональной литературы России.

При достойном, благородном и честном подходе можно за полгода возродить и направить по нужному пути весь литературный процесс, войдя в плодотворный контакт с писателями России, чиновниками России и народом России!

— *Что бы Вы хотели пожелать и начинающим, и именитым писателям?*

Считаю, что литератор обязан читать каждый день, думать, работать над собой и собственным словом, четко знать свое место не только в жизни, но и в творчестве. Опирайтесь на любимых писателей. А поэт — я не шучу — каждый час, каждый миг не только душой, но и сердцем своим, обязан слышать любимых поэтов, без которых нет пути к вдохновению. И поддерживать близких ему действующих собратьев выступлениями, очерками, рецензиями. Это и есть не только путь литератора, но и судьба его... Честность и смелость слова никогда не подведут автора!

— *Спасибо Вам, Валентин Васильевич, за интересный, душевный и открытый разговор! Спасибо за правду, которую Вы всегда говорите сами и учите говорить нас, своих воспитанников — «сорочат», за то, что Вы нас слушаете и слышите. Как напутствие всем читателям я прошу Вас прочитать свои стихи.*

Хорошо, я прочитаю недавно написанное:

СУМЕРКИ

*Скорбит моя честная лира,
И нету причин веселиться.
Россия кружится над миром,
Как всеми забытая птица.*

*Вечернее дикое поле,
Безлюдье кругом и унылость.
И столько обиды и боли
В домишках пустых затаилось.*

*Есть истина опытов древних,
Она неизбежна в повторях:
Народ,
 не сберегший деревни,
И сам растворится в просторах.*

*Один я стою на кургане,
Встречающий века немилость...
Мой путь заблудился в тумане
И солнышко с неба скатилось.*

*Природа, вздохнув, замолчала
Под ветром внезапной тревоги.
Но это —
 лишь только начало
Трагической русской дороги.*

*Один я стою, наблюдая,
И там, где закат серебрится, —
Кружится Россия святая,
Как всеми забытая птица!..*

(Интервью взяла Нина Попова)

ПОВЕСТЬ

Владимир Сапожников
(г. Тула)

РУССКИЙ ДОКТОР
Отрывок из повести

*Посвящается всем участникам
Десантов Детского Фонда СССР
в Среднюю Азию*

Поле аэродрома было окутано беловатым вечерним туманом, низко стелящимся у самой травы. Участники бригады Десанта Детского Фонда, улетающие на лето в Киргизию для оказания медицинской помощи больным детям в связи с эпидемией, расположились кто как смог: на рюкзаках, сумках, просто присев на теплую июньскую землю в ожидании посадки в самолет.

Сергей — тридцатидвухлетний кандидат медицинских наук, сотрудник педиатрической кафедры мединститута, прилег на спину, подсунув под голову свой большой синий чемодан, наполненный всем необходимым в командировке: запасным бельем, одеждой, носками, банками с консервами (на всякий случай!) и, конечно же, несколькими книгами. В основном это были справочники по педиатрии, детским инфекциям, интенсивной терапии. Память человека не беспредельна! Да и мало ли чего необычного встретится в той далекой, неизведанной, а поэтому манящей, Средней Азии! Затылком, сквозь ткань стенки чемодана он как раз явственно ощутил угол какой-то из захваченных книг, и, видимо, поэтому в голове проплыли, прозвучали напевные названия: «Киргизия... Узбекистан...»

Месяц тому назад им на кафедру пришла разнарядка по участию в акции Десанта Детского Фонда. Женщинам, работавшим в их коллективе, мешали поехать их дети, болезни. Да и желанием попасть в очаг кишечной и прочей инфекции никто не горел. Поэтому пришлось согласиться ему и сослуживцу — Машкову Ивану Ивановичу — единственным, не считая одного бывшего комсомольского работника, мужчинам в их коллективе.

...Сергей с Гулей подошли к крайней от двери металлической кровати, на которой лежала смугленькая девочка полутора лет. Глазенки ее были прикрыты. Головка, как ватная, откинулась назад. Дряблые, истощенные ножки и ручки, обтянутые сухой кожей, под которой не определялась подкожножировая клетчатка, бессильно свисали вниз, когда во время осмотра Сергей взял ее на руки.

Мать девочки — женщина в дурно пахнущем, бесцветном из-за грязи халате, в наехавшем на глаза платке, угрюмо, без надежды смотрела на русского врача. Девочка находилась без сознания. Из истории болезни, зачитанной Гулей, и из ее переговоров с матерью Степанов узнал, что ребенок заболел около трех недель тому назад, когда появился жидкий, со слизью и свежей кровью стул, до десяти раз в сутки.

Но родители, живущие в кишлаке, обратились не к врачу, а к мулле. Тот все это время «лечил» девочку на дому. Давал жевать опий, выпускал «дурную кровь». С ужасом при осмотре врач обнаружил на груди и худеньких плечиках ребенка множественные ранки от надрезов, сделанных чем-то острым, вероятно, лезвием бритвы. У ребенка, безусловно, была острая кишечная инфекция. По характеру стула, скорее всего, дизентерия, осложнившаяся из-за отсутствия лечения развитием инфекционно-токсического шока со значительным общим обезвоживанием. Спасти ребенка можно было, только немедленно наладив внутривенное переливание кровезаменителей, крови, других лечебных растворов и жидкостей. Медлить было нельзя! В любой момент могла наступить остановка сердца или дыхания, или того и другого одновременно.

Сергей подхватил на руки легонькое, воздушное тельце девчушки и бегом понес ее по коридору в реанимацию. С девочкой на руках он вбежал в реанимационный зал. Работавшая там Маша сразу все поняла, освободила процедурный стол.

— Маша, нужно быстро взять кровь из вены для определения группы, резус-фактора... Готовь систему для переливания, пузырек реополиглюкина* для начала. Вводи внутривенно, струйно преднизолон..., — он отдавал распоряжения Маше, а сам лихорадочно осматривал голени, локтевые сгибы в поисках вен для постановки катетера.

Сероватые тонкие ниточки сосудов еле просматривались под сухой, пергаментной кожей на теле ребенка. Взяв заряженный шприц с одетой на него иглой, наложив жгут, Степанов с большим трудом, потягивая поршень шприца на себя, по появлению в его просвете капелек алой крови понял, что попал к счастью в сосудик. Осторожно, по игле ввел проводник из тонкой лески в катетер. Подключил к концу катетера уже приготовленную Машей систему для переливания, и маленькие, живительные капельки прозрачного, как слеза, реополиглюкина начали ритмично падать вниз в смесителе одноразовой системы. Сергей в листе назначений подробно расписал, сколько и чего нужно вводить этой больной сегодня в течение суток, чтобы она выжила, справилась с многодневным обезвоживанием. Получилось около литра жидкости внутривенно в сутки.

* * *

В уголке кровати у окна, среди вороха каких-то бесцветных, грязноватых тряпочек, простыней лежал маленький мальчик, двух лет отроду. Из-за сморщенного по-стариковски лобика, густых темных бровей на Сергея смотрели не по-детски серьезные, страдающие, голодные черные глаза. Смотрели настороженно, жалобно и осмысленно.

— Ребенок родился с весом 3500 грамм, сейчас весит 5000 грамм. Около месяца тому назад появился частый, до пяти-шести раз в сутки, жидкий стул со слизью, кровью..., — зачитывала выдержку из истории болезни Гуля.

Мать мальчика — среднего роста, плотная, вовсе неистощенная женщина, как и большинство из обитательниц больницы — в низко повязанной цветастой косынке, закрывающей большую половину нижней части лица, неопределенно среднего воз-

* Реополиглюкин — лечебный раствор, эффективно используемый для внутривенного введения в полость вены.

раста, с заспанными безразличными глазами молча наблюдала за тем, как врач взял ее крайне истощенного гипотрофичного* ребенка за слабенькие ручонки и попытался посадить. В ответ на это мальчик заплакал. А если сказать точнее, так как на полноценный плач у него явно не хватало сил — он отозвался скрипучим, раздраженным, дребезжащим звуком. Но пальцы доктора не спешил отпускать — значит, хочет сидеть! Хочет жить, но никто ему не помогает в этом естественном желании!

От жалости у Степанова кто-то холодной рукой сдавил до боли сердце. Таких истощенных, неухоженных детей он еще не видел никогда в своей жизни, даже на картинках в учебниках.

Подкожножировая клетчатка у мальчика практически отсутствовала на груди, животе, конечностях. Ручки и ножки, все его тело было покрыто сухой, в желто-зелено-бурых переливах, плохо расправляющейся из-за складок кожей, под которой кое-где определялись при пальцевом исследовании катающиеся комочки жидкости. «Безбелковые отеки! До такого состояния детей доводили только в Освенциме фашисты во время войны!» — невольно пронеслось в голове Сергея. Он поймал в который раз ищущий взгляд ребенка, дал ему в рот соску от бутылки с налитым раствором глюкозы, стоявшую на тумбочке. Мальчик начал жадно пить. В глазах у Гули Степанов уловил те же чувства, что всколыхнули и его душу.

— Спроси, сколько раз у него вчера был стул?

Гуля перевела. Мать мальчика медленно и безучастно ответила ей по-узбекски.

— Четыре раза. Жидкий, но без крови, — разъяснила Гуля.

— Какого цвета? Желтый? Уточни, пожалуйста, — попросил Сергей.

— Сарок**? — спросила медсестра.

— Сарок, сарок, — кивнула женщина.

— Спроси, чем и сколько раз в день она его кормит. Дает ли мясные блюда, рис, что еще?

Гуля послушно начала расспрашивать мать на узбекском языке. Та как-то ступсывалась и отвечала неохотно. Гуля скривилась от ее слов и перевела:

— Она говорит, что дает лепешку и зеленый чай. Говорит, зачем кормить чем-то еще, все равно мы будем ставить капельницы, — и добавила от себя: — Вот такие у нас мамашки встречаются, Сергей Владимирович.

От циничности ответа Сергея просто перевернуло. Тут, не выдержав, вмешалась другая мать — молодая, лет двадцати пяти, опрятно, по-европейски одетая, черноволосая женщина с внешностью китайки или кореянки:

— Доктор, ничем она его не кормит, плохо за ним ухаживает. Дрыхнет круглые сутки, а он лежит голодный, обкаканный и пищит. Совести у нее совсем нет!

Эту женщину поддержали дружно все остальные обитательницы палаты, загалдев по-русски, по-узбекски, по-киргизски. От проявления такой неприязни мать Махмуда, так звали мальчика, сжалась, втянула голову в плечи, отодвинулась в самый угол палаты.

— Ладно, ладно! Хватит! Тихо! Доктор сейчас сам разберется! — осадила женщин Гуля.

— Гуля, я вас прошу, возьмите этого ребенка под свой личный контроль. Сами варите ему рисовый отвар и кормите его в виде каши почаще, малыми порциями. Пусть диетсестра выпишет ему мясные блюда, пюре, фарш... и, конечно, антибиотики, что назначены, продолжим. Кроме этого будем лить внутривенно... Я распишу в листе назначений, сколько ему нужно и чего. Определите у него группу крови и ре-

* Прим. (авт.): гипотрофия — хроническое расстройство питания с развитием дефицита веса по отношению к росту ребенка

** Прим. (авт.): сарок — желтый (узб.)

зус-фактор. Гемоглобин крови очень низкий у малыша, развилась тяжелая анемия, поэтому будем переливать кровь...

* * *

...Придя в больницу, Степанов привычно осмотрел всех тяжелых детей по отделению, зашел в отдельную палату, где лежал голубоглазый Рафик с его вспылчивой мамой. Но в палате лежали другие, вновь поступившие больные.

— А где Рафик? — спросил он дежурную сестру.

— Он затяжелел за ночь, поэтому вчера вечером был переведен в отделение реанимации, — пояснила та.

Закончив обход в отделении, Сергей зашел в реанимацию. Толкнул дверь в ординаторскую, там, сидя на диване, смотрел теленовости дежурный молодой врач, год тому назад закончивший Киргизский мединститут, кореец по национальности Игорь Васильевич Ким. Все звали его просто по имени — Игорь.

Увидев Степанова, Игорь приветствовал его приятной улыбкой. Они пожали друг другу руки. Пальцы у Игоря были сильными, жесткими. «Наверное, не выдумывают, что у него красный пояс по карате», — невольно вспомнил об этом Сергей.

— Как дела у вас сегодня? Тяжелых больных много? — поинтересовался Сергей. Ким разлил по пиалам зеленый чай, пододвинул одну из них Степанову:

— Угощайтесь чайком, Сергей Владимирович. Вроде все более-менее спокойно пока. В реанимации сейчас всего семь детей.

— А почему вчера Рафика из моей палаты перевели к вам?

— Это Саид Казиханович его забрал. Мальчик затяжелел к вечеру, токсикоз нарастал, участился жидкий стул с кровью. Пришлось добавить еще один антибиотик внутривенно. Стул к вечеру нормализовался, но у него усилилась дыхательная недостаточность. Утром осмотрели его с Латыповым — в легких очаговые нарушения, пневмония, похоже с обеих сторон определяется.

— А какова у него сейчас частота дыхательных движений?

Игорь порылся в куче процедурных листов, лежавших на столе, нашел нужный:

— Да особой одышки нет...

— А температура тела какая сейчас?

— С утра была 38,5 градусов, а сейчас — нормальная.

Сергей допил свой чай.

— Схожу, взгляну на Рафика, что там с ним случилось.

Мальчика и его мать он нашел в отдельной реанимационной палате. Женщина выглядела убитой горем. Потухшим, почти безжизненным взглядом встретила русского врача, даже не попытавшись улыбнуться. Видимо от бессонной ночи, она сильно постарела за эти сутки, под глазами пролегли серые тени, лоб прорезали две поперечные морщины. Рафика, укутанного в одеяло, она монотонно покачивала на руках.

Сергей развернул малыша, осмотрел его. Да, мальчик заметно затяжелел. Он был в сознании, но почти не реагировал на осмотр, плохо держал голову, не проявлял желаний сидеть. Кожные покровы приобрели мертвенно-серую окраску.

Ребенок дышал тяжело, с трудом, со свистом, выдох был шумным. Степанов прослушал его со всех сторон — дыхание почти не различалось над легкими. А если и определялось — то заметно ослабленное, жесткое, с рассеянными сухими хрипами.

— Как у него со стулом дела? — спросил доктор маму Рафика.

— Вчера был несколько раз с утра, жидкий, с кровью. Но с утра сегодня только один раз сходил и без крови... Что с ним, Сергей Владимирович? Он не умрет? У моей сестры вот так в больнице умер сын в таком же возрасте..., — и женщина разрыдалась.

— Успокойтесь, не надо. Пожалуйста, не плачьте. У мальчика ухудшение связано с тем, что развился по существу астматический статус... У вас в семье кто-нибудь болел бронхиальной астмой?

— Болеет. Моя сестра и болеет астмой... Но ему можно помочь? Или... или уже все?! Я вижу, как он тает на глазах...— она взглянула ему прямо в лицо своими полными горя темными глазами.

— Значит так, все антибиотики, все лекарства, кроме нитрофурановых я ему сейчас отменю. Его можно спасти, обеспечив регулярное внутривенное введение преднизолонa. Это мы ему сейчас и назначим. Наберитесь терпения, успокойтесь. Что сейчас нужно от вас кроме терпения и не раскисать —это поить мальчика регидроном, он у вас есть. * Прошу вас — будьте мужественны. Мы должны его вылечить. И вылечим. Легче ему станет не сразу, может, завтра, может, послезавтра, но так обязательно будет...

Женщина устало вытерла ладонью слезы с глаз:

— Хоп. ** Делайте, как считаете нужным. Я вам верю.

Сергей нашел дежурившую в реанимации медсестру Фатиму — красивую, статную, с привлекательными глазами, молодую узбечку, говорившую по-русски без малейшего акцента:

— Фатима, я сейчас все распишу в листе назначений... Рафику отменим все антибиотики. Внутривенно начните прямо сейчас, при мне. Будем вводить только преднизолон в дозе из расчета пока один миллиграмм на каждый килограмм массы тела в сутки, четырехкратно... Разводите на физрастворе. Катетер у него хорошо функционирует? Тромба нет?

— Нет, Сергей Владимирович, недавно вводила ему антибиотик внутривенно, проходит все без проблем. Приступаю сейчас к введению преднизолонa... Хоп. Все поняла,— девушка одарила его своей белозубой улыбкой.

«Почти так же улыбнулась, как Фирюза»,— невольно подумалось Сергею, но додумать эту тему не дали — сообщили, что вызывают в приемный покой — «скорая» привезла нового больного...

Степанов проснулся после недолгого забытья в ординаторской от того, что ощутил какое-то непонятное, но явственное движение, покачивание пола, всего здания. Открыв в недоумении глаза — понял, что слегка отъехал от стены вместе с диваном.

«Черт, чего это такое — мерещится мне, что ли?» — не мог понять происходившего спросонья. В этот момент легкое скольжение дивана от стены повторилось. Качнулась, задрезжала люстра под потолком.

В испуге Степанов вскочил на ноги, до него наконец-то дошло — что это землетрясение.

Посмотрел на часы — пять ночи. Было сумрачно, тихо и поэтому как-то жутко. Решил пройтись до поста медсестры. Набросил халат, вышел в окутанный сумраком длинный отделенческий коридор.

Где-то в середине его, за столом, придвинутым к окну, при неярком свете настольной лампы маячила на стуле сгорбленная, неясная фигура задремавшей сидя медсестры. Подземные толчки больше не повторялись.

Больные и их матери спокойно спали по палатам. Из отдельных полуприкрытых дверей были слышно чье-то сопение, одиночное покашливание.

* Прим. (авт.): нитрофурановые препараты — применяются при лечении кишечных инфекций у детей; преднизолон — гормональный препарат, используется для лечения аллергических заболеваний легких; регидрон — раствор, используемый для восполнения потерь жидкости, солей при кишечных инфекциях.

** Прим. (авт.): Хоп — используется в значении «ладно» (узб., кирг.).

Подойдя к медсестре, Сергей уже раздумал ее будить, но девушка зашевелилась и сама подняла голову.

— Что-то случилось, Сергей Владимирович? — отряхнулась ото сна, спросила она.

— Да нет, ничего. Видимо, было землетрясение. Люстра закачалась и диван поехал вместе со мной... Или мне показалось?

— Скорее всего, не показалось. У нас это бывает частенько. Видимо, не сильно трянуло — балла на три. Иначе бы я почувствовала...

— Ладно, отдыхай, отдыхай... Я пойду — тоже попробую прилечь. Вроде все тихо, даже странно...

Он вернулся в ординаторскую. Снял халат, туфли, опять прилег на застеленный диван. Но сон не шел.

Перед глазами пробегали картины прошедшего дня: измученные, наполненные страданием глаза больных детей, их вздутые, по-лягушачьи распластанные от недокормов и болезней животы, застывшие, угрюмые лица их матерей...

Вдруг ему показалось, что слышит где-то вдали неясный жалобный плач ребенка. Он даже присел на диване в ожидании стука в дверь. Но, просидев так минут пять — понял, что послышалось. Никто его не звал.

Тогда он решил все-таки прилечь. Усталость сдавливала виски, тяжестью наливались веки. И он упал на подушку и провалился куда-то в темноту.

— Сергей Владимирович, Сергей Владимирович... Проснитесь! Вызывают... Очировой на втором этаже плохо стало..., — медсестра трясла его за плечо. Он вскочил, натянул непослушный халат, засунул ноги в туфли и побежал по лестнице на второй этаж.

На кровати в палате он нашел бездыханное тело шестимесячной девочки, которая уже две недели лечилась в больнице по поводу кровавого стула, острой кишечной инфекции. Вроде шла на поправку и, надо же — дала остановку дыхания и сердца.

«В медицине все происходит по закону парных случаев... Опять мать приспала, придавила, невольно придушив девочку во сне... Сколько можно запрещать этим бестолковым матерям спать в одной постели с маленькими детьми!» — с досадой думал Сергей, бегом, делая на ходу искусственное дыхание через наброшенную на лицо ребенка маску, спуская девочку в реанимационный зал.

Там они продолжили реанимационные мероприятия втроем: он, подошедший Игорь Ким и Фатима. Делали сначала искусственное дыхание и закрытый массаж сердца, вводили в вену, а затем внутрисердечно, стимуляторы, но...

Провозились минут сорок. Вспотели, хоть отжимай халаты — но сердце завести не удалось, оно молчало. Дыхание тоже не восстанавливалось. И, смахнув с лица стекающий струйками соленый пот, Степанов в конце концов был вынужден дать команду:

— Все. Кончаем. Бесполезно. Не удалось.

Еще теплое детское тельце завернули в простыню. Сергей, сгорбившись, вышел из реанимационного зала в коридор. Игорь вышел следом. Прислонились к стене. Ким достал из кармана пачку сигарет, предложил:

— Будете? Закурим? — и, щелкнув зажигалкой, затянулся табачным дымом. Сергей, некурящий вообще-то человек, поколебавшись, последовал его примеру. Затянулся дымком. Закашлялся. Бросил сигарету в урну.

— Не идет мне курить... Ну, что — надо выходить к матери девочки... Поговорить с ней...

Когда Игорь докурил, вместе вышли из реанимации в коридор отделения.

Мать умершей девочки дожидалась их у двери, опустив голову, втянув ее в ху-

денькие, совсем девичьи плечи. Степанов закашлялся, першило в горле от попробованной сигареты, хрипло сказал:

— К сожалению, наши мероприятия по оказанию реанимационной помощи оказались бесполезными. Оживить ребенка не удалось, хотя было сделано все возможное. Девочка умерла.

Не поднимая на них глаз, как будто не до конца поняв, что произошло, молча, Очилова повернулась к ним спиной и побрела по коридору.

— Она нас правильно поняла? — спросил Степанов Игоря.

— Конечно. Она и без перевода все поняла, по нашему виду. Я сейчас попрошу кого-нибудь посидеть с ней, до прихода родственников.

— Ладно. А я пойду в ординаторскую. Вызову машину, отправим тело в морг.

Ким несколько удивленно поглядел на него:

— В морг? А нужно ли? У нас не всегда отправляют.

— Как — не всегда? Положено провести вскрытие, судебно-медицинское обследование о причинах смерти...

— А не боитесь?

— А чего бояться? Я поступаю в соответствии с законом, — не придав значения загадочной осторожности Игоря Сергей и пошел в ординаторскую — вызывать по телефону машину...

Та приехала на удивление быстро. Только-только Сергей дописал направление на судебно-медицинское обследование трупа, как за окном ординаторской в еще не развеявшейся утренней мгле мелькнул свет фар подъехавшей машины «скорой помощи».

Девочку, а точнее ее тело — ту необъяснимую, почти иллюзорную оболочку, которая остается какое-то время после того, как замолкает сердце, перестают дышать легкие, останавливается кровь во всех сосудах, погрузили в салон «Волги», и машина отъехала. Сергей взглянул на часы на стене ординаторской. Было полседьмого утра.

Попив в одиночестве — Игорь где-то задерживался, — зеленого чая, сел писать посмертный эпикриз в историю болезни Очиловой.

Было тихо в этот предрассветный час. Вдруг Степанов услышал звон разбиваемого стекла, женские, мужские крики на непонятном языке, шум, доносившийся со стороны входа в реанимацию с улицы.

Когда Сергей вышел в небольшой холл реанимации, то застал там неожиданную картину.

На полу валялись осколки разбитой стеклянной двери, одна половина которой висела на уже единственной искривленной петле. Низ двери был разбит, поломан в щепки, видимо, от удара ногой.

Фатима с побелевшим лицом пыталась пальцами левой руки остановить кровь из сильно кровоточившей рваной раны на предплечье ее правой руки. Это ей с трудом удавалось. Кровью был уже залит весь подол ее халата. Лужица крови натекла на пол.

Молодой мужчина лет тридцати, высокий, в темной рубашке и брюках, с выражением дикой ярости на заострившемся лице наседавал на Игоря Кима, у которого из носа уже текла кровь, и глаз медленно заплывал от синяка. Нападающий ударял вяло защищающегося Игоря мелькающими в воздухе кулаками и ногами. При этом он что-то злобно выкрикивал по-киргизски.

Небольшая группка проснувшихся матерей, набежавших на шум из палат, боязливо сбилась в кучку, молча наблюдая за избиением.

Увидев подбежавшего Степанова, мужчина, а Сергей тут догадался, что это был Очилов — отец умершей девочки, оставил Кима и, взревев, как раненый зверь, бросился с кулаками на другого врача.

— А, русский фашист... Убью! — Очиллов с этими словами бешено налетел на русского доктора, который с трудом увернулся от мелькнувших перед глазами кулаков. Помогла выучка, полученная во время уличных драк в юности.

«Черт, его мне нельзя бить... Скажут, избил родителя погибшей больной...», — успела промелькнуть в голове мысль. В этот момент Очиллов в животной ярости все-таки достал его ногой. Но, правда, в последний момент Сергей успел прикрыться от более неприятных возможных последствий удара, подставив под ногу нападавшего свою голень. От этого разгоряченный чем-то, судя по одурманенному мутному взгляду — опиумом, Очиллов упал на пол. Пока он порывался подняться, Степанову удалось жестко захватить, завернув в локте за спину, руку нападавшего.

— Прекратите! Вы что это вытворяете?! — крикнул Сергей, дав обидчику подняться с пола на ноги. Но, когда тот попытался вырваться, доктор, усилив фиксацию завернутой руки, подтвердил бесполезность этих попыток.

— Позовите его жену! — крикнул Сергей наблюдавшим с интересом за их схваткой женщинам. — Пусть отведет его домой. Успокоится, проспит...

Кто-то побежал за Очилловой. Ее муж подергался, подергался, поматерился, обзывая врачей убийцами, но бесполезно — Степанов надежно его удерживал.

Подошла жена нападавшего. Сергей передал ей взбесившегося, находящегося явно под воздействием наркотиков мужа. Та с трудом, повиснув на руке мужа, не позволила ему вырваться и вновь напасть на медиков.

— Расходитесь, концерт окончен! — разогнала по палатам матерей подошедшая мать Рафика. — И вы идите домой! Разве врачи не сделали все, что от них зависело?! — обратилась она к Очилловым. И те медленно, ворча, поблескивая воспаленными глазами, побрели прочь от «ворот в рай».

— Чего они так взбеленились? Ну, понятно, горе большое... Но мы, действительно, не виноваты, что она ее приспала, — высказал свое недоразумение вслух Сергей.

— Да разве дело в том, что она умерла, — пояснила мать Рафика. — Нельзя было тело отправлять в морг, на вскрытие по мусульманской вере. Да и пролежит там теперь до понедельника. Сегодня воскресенье — никто из судебных экспертов вскрытием заниматься не будет... А по обычаю — мусульманин должен быть захоронен, предан земле не позднее заката солнца в день смерти...

— Так мне же этого никто не объяснил... Да та же Очиллова сказала бы, как требуют их обычаи — и я не стал бы без их согласия переправлять труп в морг, на экспертизу, — посетовал Степанов. Но делать было нечего, к тому же необходимо остановить кровотечение из раны на руке Фатимы.

— Игорь, ты как — тебе обработать ссадины надо? — спросил Сергей у Кима.

— Ничего. Все нормально. Обойдется.

— Хорошо. Тогда вызывай «скорую» для Фатимы, отправим ее в травмпункт. Пусть там аккуратненько обработают и ушьют рану. А я пока наложу ей жгут на руку и тугую повязку... Да, и позвони на всякий случай в милицию. Пусть приедут, составят протокол, как положено...

— Хоп, Сергей Владимирович.

Игорь пошел в ординаторскую звонить, а Степанов в перевязочной быстро и тщательно обработал рану Фатиме, остановил кровотечение.

— Это как ты порезалась так? — спросил он девушку.

— Да он ударил меня. Я упала боком, рукой налетела на стеклянную дверь. Стекло лопнуло и упало мне на руку... Вот так все и вышло...

— Понятно. Приляг на кушетку до приезда машины.

Сергей оставил раненую медсестру, прошел в ординаторскую, где сидел Игорь.

— Как — дозвонился? — спросил он Кима.

— Да, тут же дозвонился, сейчас подъедут и те и другие.

— Ну, что ж, проследи, пожалуйста, за Фатимой. А я допишу, наконец, посмертный эпикриз.

Сначала приехала машина «скорой помощи», которая забрала раненую. Минут через десять после этого Сергей в окно ординаторской увидел, что к крыльцу подъехал «уазик» с тремя милиционерами, не считая водителя. Спустя некоторое время в ординаторскую зашел милицейский капитан — высокий, темноволосый, с незапоминающимся лицом, молодой мужчина.

— Ассалам-аллейкум*. Что тут у вас произошло? — капитан поздоровался с Сергеем за руку, присел на стул, расстегнул сумку, достал бумагу, авторучку.

— Нападение. Вот видели, дверь сломал, медсестру поранил, сейчас отвезли ее в травмпункт, моему коллеге лицо разукрасил... Вы его не встретили в коридоре?

— Встретил. Мы с ним переговорили. Он пошел грелку со льдом к синяку на лице прикладывать... Ну, давайте составим протокол: когда, как это случилось, при каких обстоятельствах, как здесь хулиганил...

В это время дверь ординаторской открылась, и вошел... сам Очилов собственной персоной. Взглянул хмуро на капитана, поздоровался с ним за руку.

Они — капитан все также сидя на стуле, Очилов — перемещаясь медленно по комнате, как будто в нетерпении, начали о чем-то оживленно говорить между собой по-узбекски. Изредка, во время разговора, Очилов бросал в сторону Степанова полный жажды мести и ненависти взгляд, не вынимая при этом правую руку из кармана брюк. Даже присев потом на диване, он так и не вынул руку из кармана.

«Что-то там зажал в кулаке... Может, приготовил нож для меня?» — невольно подумал Сергей и внутренне напрягся, ни на минуту не спуская глаз с вошедшего. Тот, видимо, ощутил это внутреннее напряжение, готовность доктора к отпору в случае необходимости. И, поговорив с милиционером, покругив по ординаторской под пристальным взглядом русского доктора, Очилов вышел.

В окно Сергей видел, что он не ушел, а выжидательно, все так же держа правую руку в кармане брюк, остановился на крыльце, у входа в реанимацию, начал о чем-то оживленно беседовать с другими милиционерами.

Капитан между тем деловито записал в блокнот показания Сергея, дал ему подписать протокол, а затем засобирался уходить.

Степанов взглянул на часы — они показывали уже полдевятого. Его дежурство закончилось полчаса тому назад. Из коридора он услышал голоса пришедших на смену им с Кимом Демократа Салжоевича и Назимы Мухтаровны — врача из отделения на втором этаже.

— А Очилова вы заберете с собой? — спросил Сергей уже выходящего капитана.

— Мы его потом вызовем в отделение, допросим, — ответил тот. — Не волнуйтесь, доктор, с хулиганом разберемся обязательно.

Хлопнула закрываемая дверь в ординаторской, неспешные шаги уходящего милиционера разносились по коридору... «Да, разберетесь, составите протокол, если меня прирежут. У Очилова в кармане точно нож припрятан... Это уже серьезнее. Всадит в спину, когда буду уходить с дежурства по «кишлачной» улице — с него и спрос будет маленький, раз находился в состоянии аффекта после смерти дочери... — пронеслись в голове Сергея мрачные мысли.

Нужно было действовать быстро, пока наряд милиции не уехал. Он понял, что в этой ситуации остается только одно — побудить Очилова броситься на него с ножом не потом, а сейчас, на глазах у милиционеров и свидетелей — медиков и с интересом наблюдавших из окон палат матерей. Тогда наряд не сможет не забрать хулигана.

* Прим. (авт.): ассалам-аллейкум (узб.) — здравствуйте.

* * *

«Уазик» уже заворчал заводимым мотором, капитан поставил ногу на подножку, готовясь сесть на сиденье в кабине, рядом с водителем, когда из «ворот в рай» вышел Сергей и пошел прямо навстречу Очилову.

Их разделяло шага три, когда тот не выдержал, заорав диким голосом: «Русская сволочь! Убью!» — метнулся, наконец-то вытащив руку из кармана, в сторону доктора.

Сергей в этот момент поворачивался к нему спиной. Он был готов к схватке. Подловив нападавшего на прием, перехватил занесенную руку того с зажатым в кулаке, блеснувшим лезвием на солнце, длинным стилетом.

— О-о-о-о!!! Фашист! Убью! — почти завывал вырывающийся, бьющийся в руках Сергея Очилов. Доктор подтащил его на глазах у выскочивших врачей и медсестер, припавших к окнам, казалось, всех матерей, лежавших в больнице, к ногам раздумавшего все-таки садиться в машину капитана.

— Как, капитан, и теперь его оставите? Тогда я его сейчас сам к вам приведу.

Капитан усмехнулся. И согласился, что-то сказал своим помощникам, и те, сцепив руки Очилова наручниками, с трудом запихнули его в заднюю, с решеточкой в окошке, дверь кабины. Капитан еще раз улыбнулся той улыбкой, о которой на Востоке говорят: «На языке — мед, под языком — лед», — пожал Сергею руку:

— Не волнуйтесь. Разберемся с хулиганом. Разберемся...

«Уазик» скрылся за углом здания. Доктор пошел следом, подождав, когда уляжется поднятая колесами машины пыль.

Из центра города Сергей из телефона-автомата позвонил, как договаривались, Фирюзе. Та сняла трубку, и он услышал ее мелодичный, ласкающий слух, ставший родным голос.

— Алло, алло... Слушаю вас...

— Здравствуй, дорогая, это — я — Сергей... Вот, закончил дежурство в больнице... Давай, увидимся?

— Ты откуда звонишь?

— Из телефона-автомата возле шашлычной. Напротив твоей гостиницы.

— Хорошо. Жди меня возле шашлычной. Через десять минут выйду.

Сергей повесил трубку телефона. Осмотрелся.

Как всегда с утра ярко светило солнце, подчеркивая свежесть зелени в скверике, где под несколькими брезентовыми навесами стояли пластмассовые столики с такими же белыми, почти игрушечными стульями. Несколько человек в тюбетейках не спеша наслаждались здесь свежими шашлыками на шампурах. Шашлыки готовил подвижный, толстоватый мужчина в когда-то белом халате.

Сергей подошел к шашлычнику поближе. Посмотрел, как тот ловко переворачивает нанизанные на шампуры кусочки беловатого, почти без крови мяса вперемежку с нарезанным луком, другой незнакомой восточной зеленью. В воздухе витал невообразимо вкусный, аппетитный запах. Степанов решил попробовать это блюдо, время до прихода Фирюзы еще оставалось.

— Ассалам-аллейкум, — приветствовал почти радостно, поблескивая золотыми передними коронками зубов шашлычник. — Мясо будем кушать, дорогой? Какой на тебя смотрит, командир? Выбирай на вкус!

— Давайте вот тот, — показал Сергей. — Выпить у вас что-нибудь найдется?

— Водка, вино, пожалуйста...

Сергей к шашлыку взял стакан вермута. Отошел к одному из игрушечных столиков, расположился так, чтобы видеть выход из гостиницы. Пригубил до половины стакан с вином, с удовольствием откусил мягкое, хорошо прожаренное, ароматное мясо.

От случившегося нападения на душе остался неприятный осадок. Как-то остро ощутил себя чужим здесь, среди непонятных, непредсказуемых мусульман, людей совершенно другой культуры, с другими эмоциями и нравами, кажущимися ему дикими и непонятными. Вспомнил о доме, где не встретишь такой агрессивности и злобности. Вспомнил о Наташе... Знала бы она, чем он здесь занимается... А если бы узнала, то как отреагировала бы? Разозлилась? Обиделась? А может, обрадовалась появившемуся наконец-то поводу оборвать их отношения, расставить все точки над «и»?..

Сергей допивал вермут, когда из подъезда гостиницы вышла Фирюза. Заметив его, она махнула рукой и стала переходить улицу.

Степанов пошел ей навстречу. Появление Фирюзы — видимо, хорошо выспавшейся, посвежевшей, еще более красивой и привлекательной, освободило его сердце от тяжелых мыслей. Она приветливо улыбнулась ему своими приоткрытыми полноватыми губами без следов помады, темными ласкающими глазами:

— Привет, милый! Рада тебя видеть!

— Здравствуй, Фирюза..., — Сергей потянулся, чтобы поцеловать ее, но она аккуратно и мягко отстранилась, шепнув:

— Сереженька, здесь не надо. У нас это не принято. Потом... Не здесь... Меня не поймут. Да и тебя тоже.

— Ну, что ж, нельзя — так нельзя. Сергей подал ей свою руку, и они пошли по улице вниз по направлению к реке, к мосту.

— Так, какие у нас планы? Куда мы пойдем? — спросила Фирюза.

— Не знаю даже. Давай сходим на рынок. Я там еще ни разу с утра не был. Купим дыню, фрукты. Согласна?

— Хорошо. Пошли. Дежурство, наверное, было не из легких — что-то у тебя вид такой замученный?

— Да, не из легких. Может, могло стать последним для меня. Но, бог миловал...

— Что-то случилось? — почувствовав неладное, напряглась ее рука, которой она держалась за него.

И Сергей рассказал ей о нападении, обо всем, что произошло на дежурстве, придав этому по возможности анекдотичный оттенок. Но он увидел, как по ходу его рассказа две продольные морщинки пробежали в уголках ее рта, как потемнели ее глаза.

— Ты об этом рассказываешь, как о хохме какой-то... А он мог тебя просто убить. Тем более наркоман, он же не соображал, что творил... Ну, и наши стражи порядка, как они могли себя так вести? А впрочем, чему тут удивляться, если все покупается и продается? А тебе, что, никто не сказал, что у нас умерших вскрывают очень редко? Что наши патанатомы и судебные медики, особенно в районах, выписывают обычно липовые заключения, не проводя аутопсий*?

— Да, конечно, нет. Откуда я мог знать об этих обычаях. Просто действовал по инструкции, по закону, как обычно поступают в России, как положено...

— Здесь другие законы, другие... Вернее, на бумаге они такие же, но выполняются по-другому, — она даже остановилась, провела, погладила его по волосам. — Но ты тоже хорош, зачем рисковал? Неужели нельзя было как-то уйти от этой стычки? Наверное, любишь подраться?

— По другому никак не получалось. Он привязался и не отставал — и все тут. А подраться по молодости я действительно любил. Когда в старших классах мы ходили драться с пацанами с другой улицы, меня ребята обычно выставляли ударником.

— Как это — ударником? И из-за чего вы дрались?

— Сражались, конечно, из-за девчонок... А ударник — это тот, кто начинает драку, подходит первым и бьет. Тут важно точно попасть. Я обычно бил в переносицу —

* Прим. (авт.): аутопсия — посмертное исследование трупа со вскрытием.

если попал, то вырубал, противник падает, это прибавляло смелости всей нашей компании. А в драке побеждает тот, кто злее дерется, а не тот, кто сильнее...

— Ну, ты — задира, однако. Знала бы, что такой хулиган — никогда не подружилась бы с тобой,— лукаво сказала Фирюза.— Тем более как ты рассказывал мне на предыдущей встрече — мужчина ты женатый, серьезный... Перед женой, наверное, совестно за свое поведение? А?

Последний вопрос был поставлен, как говорится, в лоб. И Сергей ответил честно:

— Конечно, есть такой момент. Я вообще-то жене почти не изменял... Но когда я с тобой — забываю обо всем на свете... Аура от тебя какая-то особенная исходит, что ли...

Они незаметно за разговором спустились по улице вниз, под гору. И оказались у входа на городской рынок.

Там собралась уже приличная разношерстная толпа входивших и выходивших через каменные ворота на базар. Недалеко от ворот, возле полуметрового по ширине арыка с мутной, бурлящей, грязной водой Степанов увидел маленького, лет четырех на вид, черноволосого мальчика в разорванной, давно нестираной рубашке навыпуск, босого, который присев на край водоема, жадно откусывал и, почти не разжевывая, проглатывал большими кусками вареную колбасу, зажатую в черной от грязи ручонке.

— Посмотри, Фирюза, на этого бедного малыша... Завтра, наверное, встречу его в больнице с кровавым поносом...

— Вряд ли, Сережа. Когда человек с детства ничего кроме грязи не видит, если выживает, то обычно потом не болеет — его организм привыкает к постоянному контакту с инфекцией. И потом оказывается в состоянии побороть ее без нашей врачебной помощи.

* * *

Обнесенный глинобитным забором со всех сторон рынок в этот воскресный утренний час гудел от многочисленной толпы покупателей, зевак и продавцов, занявших длинные деревянные ряды под навесами. Чего здесь только не было!

Великолепные, влажные от росы, без единого изъяна, крупные гроздья винограда соседствовали с розовобокими, сочными яблоками и просвечивающимися насквозь грушами. Всевозможная зелень: от чеснока, лука, петрушки до разноцветного перца — громоздилась на лотках рядом с черными пластинками мумие, добытого где-то высоко в горах, на труднодоступных горных козьих тропах. На мясных рядах были развешаны только что освежеванные туши баранов, телят, дичи.

Они остановились возле высокого, крепкого, со здоровым румянцем на щеках киргиза, торгующего свежим кумысом из бараньих бурдюков. Люди тоже выстроились к нему в очередь. За умеренную плату он наполнял их бидончики и стеклянные банки слегка пенящимся, сероватым напитком.

— Ты не хочешь выпить кумыса? — спросила у Сергея Фирюза. Он посмотрел на грязные, вываленные, похуже, в навозе бока лежавших на земле бурдюков, и отказался:

— Нет, как-нибудь другой раз, не сегодня.

Фирюза весело рассмеялась, разгадав причину его отказа:

— Поняла вас, Сергей Владимирович. Правильно мыслите. Этот наш азиатский напиток переносят только азиатские желудки. Думаю, вам не надо рисковать...,— и уже более серьезно.— А думаешь, почему такая очередь за кумысом? Видишь, многие тут же опустошают свои емкости?

Сергей, действительно, удивился, когда на его глазах какой-то русский мужик с

испытим, в сосудистых звездочках лицом с удовольствием, в один присест опорожнил двухлитровую банку с кумысом. Фирюза подтвердила его догадку:

— Да, кумыс кроме лечебных качеств является легким алкогольным напитком. Поэтому по утрам некоторые мужчины предпочитают его пиву.

Дыню они выбрали у приветливого продавца, который распорядился громадной кучей этих желтобоких красавиц разного размера, сваленных на землю, видимо, прямо из кузова машины. Точнее, выбирала Фирюза, тщательно простукав желтую, средних размеров дыню. Получив деньги, продавец долго кланялся им, твердя:

— Спасибо, спасибо за покупку...

Кроме дыни, которую поместили в прочную матерчатую сумку, оказавшуюся у Фирюзы, выбрали еще несколько отборных гроздей винограда, сочные персики, зелень, и, прихватив в магазине по пути к гостинице еще бутылочку коньяка «Киргизстан», по предложению Фирюзы поднялись к ней в номер.

* * *

В холодильнике у Фирюзы нашлась увесистая вырезка копченого, золотистого мяса. Как пояснила хозяйка, мясо привезли из родного кишлака ее отца. Фирюза занялась приготовлением пищи, а Сергей решил позвонить к себе в общежитие, так как вспомнил, что они с Иваном и Войтовичем собирались сегодня поехать покататься в зоне отдыха.

Он набрал номер телефона вахтера общежития, попросил пригласить кого-нибудь из их комнаты. Прошло несколько минут, прежде чем Иван Иванович взял трубку.

— Иван, привет, это я — Сергей. Хочу извиниться за запоздалый звонок. Как вы там — еще не уехали на речку купаться?

— Привет. Да нет, ждали тебя. Ты откуда звонишь?

— Да, зашел здесь в гости...

— Понятно, куда зашел. Привет Фирюзе Байрамовне, — догадался о месте нахождения Степанова Машков. — Тут тебя какой-то взъерошенный мужик с утра, кстати, разыскивал. Я сказал, что должен подойти с дежурства. Что за мужик, похож на наркомана, глаза сумасшедшие?..

— Мужик, говоришь? А выглядел он как?

— Да, молодой такой киргиз, весь на взводе... Что-то случилось?

— Потом расскажу... Ничего особенного, так, трудовые будни... В общем, не рассказывай этому мужику, где я нахожусь, если еще придет. Я с вами не поеду, езжайте без меня. Вечером постараюсь быть. Пока.

Сергей положил трубку телефона. Фирюза, невольно слышавшая их разговор, встревоженно спросила:

— Тебя кто-то искал?

— Да, похоже Очиллов шарился по общежитию... Но, ничего страшного, ерунда, обойдется, проспится...

Фирюза подошла к креслу, где он сидел, обняла его рукой. Пальцами ласково поворошила негустую шевелюру на его голове:

— Сережа, ты сегодня останешься у меня. В общежитие не пойдешь. Не отпущу. Надо выждать, да и отдохнешь — вон какой весь усталый. Так будет лучше...

Сергей поцеловал ее приоткрытое теплое плечо, ощутив на губах приятный терпкий запах. Почувствовал себя абсолютно усталым, как выжатый лимон. Его слегка клонило в сон. Никуда не хотелось идти от этой единственной, ставшей такой близкой, женщины.

— Спасибо тебе, дорогая. Если честно, то с удовольствием останусь... Правда,

наверное, как мужчина я сегодня ни на что не способен... А как посмотрит на мое присутствие здесь гостиничная администрация?

— Об этом не беспокойся. Этот номер — броня Минздрава, с ним все обговорено. Претензий не будет, вахтер не придет проверять мое целомудрие. Так что, давай — прими горячую ванну, потом вместе перекусим, я сейчас схожу в буфет, принесу чего-нибудь горячего... Ты борщ любишь? Здесь его, кажется, неплохо готовят...

— От борща не откажусь. Давно не ел, с удовольствием попробую борщ по-узбекски или по-киргизски. Так, как правильно: по-киргизски или по-узбекски?

— Какая разница, лишь бы вкусно было. Ну, я пошла,— и поцеловав его в висок, она направилась к входной двери.

Когда освежившийся и взбодрившийся Степанов вышел из ванной комнаты, то увидел красиво сервированный стол. И его ожидала не менее привлекательная Фирюза.

Разлили по стаканчикам киргизский, соломенного цвета коньяк.

— Давай, выпьем на брудершафт, за здоровье хозяйки этого дома,— пошутил Сергей.

— С удовольствием, Сережа,— согласилась с улыбкой Фирюза и с бокалом в руках скользнула к нему на колени, сев полубоком. Он обнял ее свободной рукой за гибкую талию, ощутил притягательное тепло ее упругих ног.

Выпили коньяк: Сергей — до дна, Фирюза —немного пригубила только и поставила свой стаканчик на стол. После этого их соскучившиеся друг по другу губы слились воедино в нежнейшем, долгом поцелуе...

Фирюза спрыгнула с его колен, села на свое место:

— Не буду тебе докучать. Нужно хорошо покушать, а потом ляжешь — отдохнешь, постель уже готова... Закусывай, Сережа.

Мягкий, напоминающий чем-то липовый цвет привкус киргизского коньяка смешался с привкусом от ее влажноватых губ.

— Да, жаль, что я сейчас в плохой форме после дежурства,— шутливо посмотрел он на Фирюзу, отправляя в рот кусочек прозрачного копченого мяса.

— Это даже хорошо, Сережа. Прошлый раз ты просто был неутомим. Сегодня отдохнем, выспимся. Тем более мне этот небольшой перерыв будет полезен. Нельзя так бурно возвращаться к регулярной сексуальной жизни после двухлетнего перерыва,— и добавила, уже посерьезнев.— У меня после смерти мужа два года не было мужчин.

— А чего так? — позволил пошутить Степанов.— Неужели здесь нет достойных джигитов, которым бы приглянулась такая женщина, как ты? Самый большой грех на земле — не любить красивых женщин.

— Джигиты проявляли ко мне интерес. Но как-то они мне казались то слишком легкомысленными, то — излишне расчетливыми и жадными... Так что — ждала тебя. Хотя ты — женатый человек... Кто я для тебя — командировочное увлечение, экзотическая женщина, уедешь — и забудешь... Но мне так хорошо с тобой, что я напроць потеряла голову. Мне от тебя ничего не надо, кроме тебя самого, кроме того, чтобы ты был со мной, сколько сможешь или захочешь. Так что знай — у тебя нет передо мной никаких обязательств. Давай, выпьем за нашу встречу. Я грешна сегодня — мало того, что связалась снова с русским, неверным, еще и пью с ним вино, а это запрещается Кораном...— закончила она полужутливо.

Выпили еще. У Сергея проснулся дикий аппетит. Он съел с удовольствием борщ, салаты, прочие закуски, приготовленные Фирюзой. От замечательного коньяка, вкусной пищи, непростога дежурства в больнице его явно стало клонить в сон. Степанов ощутил, как наваливаются тяжестью веки уставших глаз. Фирюза, видимо, это тоже уловила.

— Сережа, приляг, отдохни, поспи. Я сейчас приберусь..., — предложила она.

Сергей разделся, лег, нет, упал без чувств на чистую кровать, Засыпая, ощутил тонкий запах свежей ели, исходящий от простыни и подушки...

* * *

В понедельник, как всегда, рабочий день начался с обхода. Правда, перед этим Гуля рассказала Сергею, что, оказывается, в воскресенье утром, когда после нападения милицейский патруль забрал Очилова, полчаса спустя он опять появился в больнице. Бегал, искал «русского доктора». Видимо, милиция недалеко его отвезла, быстро отпустив.

Сергей тщательно осматривал Рафика. Сегодня мальчик показался ему чуть-чуть получше. И хотя он по-прежнему был вялым, со слов его матери, плоховато пил и почти ничего не ел, но появился влажный кашель. С замиранием сердца доктор приложил к груди ребенка предварительно согретую рукой тонкую мембрану фонендоскопа. Безусловно, дыхание над обоими половинами грудной клетки стало лучше прослушиваться! Уменьшились, почти исчезли зоны в легких, где в субботу вообще не определялись дыхательные шумы. Правда, сохранялось множество рассеянных сухих и влажных хрипов, выдох оставался по-прежнему затруднен... Поймав тревожный, вопросительный взгляд матери Степанов постарался ее успокоить:

— Лучше в легких стало, лучше. Будем продолжать вводить гормоны... Поставим капельницу — подкормим мальчика внутривенно... Так что не волнуйтесь — все идет пока нормально...

В это время в палату заглянула Багира из процедурного кабинета:

— Сергей Владимирович, вас там какой-то мужчина спрашивает, хочет поговорить. Выйдите, пожалуйста.

«Мужчина спрашивает... Небось, опять Очилов прибежал, никак успокоиться не может», — с досадой подумал Степанов.

— Ладно. Сейчас выйду, когда закончу обход. Пусть подождет.

Завершив осмотр больных в последней палате, Сергей пошел к выходу, где его кто-то ждал. На крыльце он увидел молодого, лет двадцати шести—двадцати восьми парня с каким-то плохо запоминающимся лицом в темном, несмотря на зной, шерстяном костюме, в рубашке с галстуком в синюю полоску. На лацкане костюма красовался прикрепленный комсомольский значок. Под мышкой молодой человек держал темно-зеленую папку, модную среди комсомольских и партийных аппаратчиков. Сергею вспомнилась шутка, брошенная как-то заведующим реанимацией Латыповым: «В Коше киргиз без портфеля — считай, не человек». Только внимательно присмотревшись к этому благообразному, почему-то избегающему прямого взгляда, молодому человеку, Сергей признал в нем Очилова. Все-таки прием наркотиков сильно меняет не только поведение, но и внешность человека. На этот раз он, кажется, не был вооружен, но доктор на всякий случай внутренне напрягся, готовый к любой неожиданности. Тем более что личного оружия им почему-то не выдали, отправляя в эту командировку.

— Что вам от меня нужно? — спросил он Очилова, пытаясь смотреть ему прямо в глаза. Но тот по-прежнему уходил от взгляда, смотрел куда-то в сторону, как-то суетливо начал доставать из папочки блокнотик и авторучку.

— Как ваша фамилия? — спросил Очилов, приготовившись записывать.

— А зачем вам понадобилась моя фамилия? А впрочем, пожалуйста, записывайте, не ошибитесь. Степанов Сергей Владимирович — врач-педиатр. Все? Правильно записали?

Очилов записал. Спрятал авторучку и записную книжку в папку и как-то весь за-дергался, занервничал, заговорил срывающимся голосом:

— Я работаю в обкоме ВЛКСМ... Буду жаловаться на ваше грубое поведение в Министерство здравоохранения СССР. Вы ответите за все...

Сергей придвинулся к нему вплотную.

— Пиши, валяй... Тихо скрипнуло перо — значит скоро на бюро... Лучше пиши сразу генеральному секретарю или в ООН...,— Степанов краем глаза увидел, как прилипли, с интересом наблюдая за происходящим, к окнам матери и медсестры.

— А теперь, знаешь что — пошел ты на ...,— последнюю фразу доктор сказал комсомольскому работнику почти на ухо. После этого повернулся к нему спиной, и, хотя у самого легкий холодок воспоминания пробежал между лопаток, не спеша направился в отделение...

Больше он Очилова никогда не видел и ничего о нем не слышал.

...В четверг в состоянии голубоглазого Рафика наконец-то произошла разительная перемена к лучшему. Подходя к двери его палаты, Сергей вдруг услышал, как из-за нее доносится негромкая, но негрустная женская песня на незнакомом языке. Доктор знаком попросил сопровождавшую его, как всегда, Гулю не спешить открывать дверь. Дождавшись, когда женщина перестала петь, они вошли в палату.

Мама кормила Рафика рисовой кашей с котлетой с ложечки. Сергей никогда не думал, что этот измученный болезнью, чуть было не погибший, ребенок может так жадно есть. Его мать еле успевала подавать новые и новые порции пищи. Он даже вцепился от нетерпения в ее ладонь с ложкой и наворачивал пищу без остановки. Мать, увидев вошедших, счастливо и радостно улыбнулась, глаза ее излучали свет, жизнь, надежду... Степанов подумал, что, наверное, доставлять человеку такую радость своим трудом — может быть, и есть самое главное в этой жизни, по сравнению с чем все остальное кажется ничемным и эфемерным.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович! Видите, как мы хорошо кушаем и почти не кашляем сегодня. И кааем нормально, вчера один раз только сходил, не жидко, и ночь спали крепко...,— радостно сообщила женщина. Сергей и Гуля не смогли сдержать улыбок. Приятно было наблюдать эту материнскую радость.

— Что ж, рад за вас. А помните, как вы убежать от нас намеревались? Кстати, все как-то забываю спросить, а как вас зовут?

Рафик наконец удовлетворился съеденным, отпустил руку мамы с ложкой, измазанной пищей, поджал порозовевшие губки и внимательно, словно припоминая, посмотрел на врача своими небесно голубыми глазами. Осмысленно, изучающе, с интересом посмотрел. Впервые за прошедшую неделю.

— Зовите меня просто Тамарой. По-уйгурски мое имя слишком сложно звучит, запутаетесь в произношении,— пошутила мама Рафика.

Сергей невольно залюбовался ею: женщина излучала на первый взгляд непонятную, восточную красоту. Сейчас красивым было и ее, видимо, впервые за последние дни непомятое, спокойное, несколько заостренное лицо. Даже слегка крючковатый нос не портил его. Ее темные, жестковатые волосы, заплетенные в тугую косу, отливали всеми переливами радуги. Под скромным, несколько помятым халатиком контурно вырисовывалась худенькая, по-девичьи стройная гибкая фигурка с проступающими выпуклостями на бедрах, небольшом, горделивом бюсте... Но особенно прекрасны были ее глаза — в них полыхал, колебался, не угасая ни на минуту, загадочный темно-коричневый, янтарный свет. Сегодня он был знаком жизни.

— А вы можете быть красивой, Тамара. Как ваш муж — не ревнивый? — То ли в шутку, то ли всерьез спросил доктор, начав осматривать малыша.

— Мой муж...,— она споткнулась, не стала развивать свою мысль дальше.— Ну,

в общем, типичный узбек. Правда, я его воспитываю. Сейчас лучше стал, меньше свою маму слушает.

Над обоими половинами грудной клетки, в легких у Рафика дыхание определялось во всех отделах. Хрипов почти не было, выдох стал почти свободным. Мальчик самостоятельно сидел, пока врач его простукивал пальцами и обслушивал. Стал тянуться к игрушкам. Поймав маленькую машинку, занялся ею.

— Что ж, дела у Рафика, действительно, идут хорошо. Поздравляю. Сегодня снизим дозу гормонов, завтра-послезавтра вообще их отменим, если так дело пойдет. И потом выпишем вас домой, чтоб опять какую-нибудь кишечную инфекцию не подцепили ненароком. Будьте поэтому эти последние дни перед выпиской предельно осторожны.

— Хорошо, Сергей Владимирович. Спасибо вам, я ваша должница, как говорится, по гроб жизни.

— Да какие могут быть долги — это наша работа, вот и все.

— Работа — работой, а человеческое отношение — это совсем другое. Сколько я вам тут крови испортила своими выходками... В общем, я работаю художницей народного промысла, занимаюсь чеканкой. Выпишусь — подарю вам на память о наших краях одну из своих работ, что-нибудь на сюжет национального эпоса.

— Ничего не надо. Что вы, не беспокойтесь, — заспешил к выходу Степанов.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ДЭКАФ
*Главы из новой повести**

ГОСТИ ЭЛЕКТРОБУДКИ

◆ Николай Андреевич, руководитель конструкторской группы из ракетно-пушечного НПО** «Меткость», с трудом прорвавшийся с приятелем и коллегой по работе Сергеем Зябликовым в пивную «Сокол», намяв себе бока в толпе озверевших от «сухого» закона Горби-демократизатора, осаждавших входную дверь, почти блаженствовал. Не столько от пива и закусовых креветок, сколько от рассказов случайного собеседника, соседа по столику, только год как выслужившего мичманскую пенсию на Северном флоте и перебравшегося с семейством в Тулуповск матерого боцмана.

Николаю Андреевичу все рассказы отставного военкома как по маслу: сам родился и до восемнадцати лет жил в тех же местах. Только экс-боцман базировался в Североморске, а он в Полярном — обе крупнейшие базы Северного флота в полчаса ходьбы на катере друг от друга.

Выяснилось, что начинал свою, еще срочную службу на флоте будущий боцман в Полярном на плавбазе подплава***, не пропускал ни одного воскресного танцевечера в дэкафе, если корабль «Печора», переделанный из бывшего немецкого рейдера****, не находился в море, а стоял у пирса Екатерининской гавани Полярного. Поскольку Николай Андреевич последние два года жизни на Севере, учась в десятом и одиннадцатом классах, одновременно работал электриком в том самом дэкафе, то у собеседников наметилась нескончаемая тема для беседы.

Однако, когда принялись было за последние кружки, а Серега вознамерился идти к пивной буфетчице за следующей партией, лафа закончилась. Швейцар-вышибала оповестил:

— Слушай сюда, мужики! Имейте гражданскую совесть: вы уже почти час здесь пивко сосете, а на улице народ мерзнет, смена вам с Комбайнового прибыла. Даю еще десять минут — и выметайтесь!

Боцман откашлялся со значением, подмигнул компаньонам и к всеобщему восторгу достал из кармана пальто четвертинку водки:

— Вчера талонную брал, два часа в очереди на морозе в сто-двадцать-пятом специализированном проторчал, полдня отгула на работе взял. Хотел после пивной к

* Начало повести см. в № 4, 2012 «Приокских зорь» — рассказ «Первый после боцмана (Морская быль)».

** Научно-производственное объединение.— Прим. авт.

*** То есть хозяйство подводников.— Прим. авт.

**** По классификации флота Третьего Рейха — легкий крейсер.— Прим. авт.

соседу, тож из флотских, зайти, да ради такого случая — земляка встретил — давай примем. Правильно ведь говорят: вино на пиво — это диво!

...И с боцманским глазомером долил три кружки с пивом содержимым четвертинки. А напоследок под ерша рассказал забавную историю кота Федора. Серега хохотал до умильных слез.

По выходе из заведения расстались: боцману и Сереге надлежало следовать по домам на автобусе в сторону Косолучья (курсом зюйд-зюйд-ост, как пояснил боцман на флотском, человеческом языке), а Николаю Андреяновичу на долгом трамвае с пересадкой на троллейбус в противоположную, в центр города.

— В следующий раз встретимся — с нас целиковый бутылек, — пообещал Серега.

◆ Николай, младший электрик полярнинского дэкафа, демонстративно посмотрел на свои наручные часы, купленные еще с первой полочки, сверил время с принятым к стене электробудки флотским хронометром, имевшим недельный завод и суточный, двадцатичетырехчасовой циферблат. Через четверть часа в большом зале начало мероприятия, а захмелевший от выпитой бутылки «зубровки» капитан второго ранга с подлодки четвертой эскадры без усталости рассказывал флотские байки.

Только он поведал — со слов брата, служившего командиром двигателей на эсминце «Стремительный», что базировался в соседнем Северноморске — о корабельном коте-крысолове Тихоне, как Николай встрял в паузу:

— Извините, товарищ кавторанг, мне нужно к электроцитату: свет и подсветку на сцене включать и...

— Все-все, Николай, ухожу в зал. Здесь в бутылке сотка осталась — передай отцу, пусть завтра после работы освежится. Держи краба!

Шутливо отсалютовав, кавторанг мигом изобразил на лице трезвую задумчивость и вышел из электробудки.

Обычные гости перед концертом или иным культурным мероприятием. Николай поначалу, еще не совсем освоившись в дэкафе, не мог понять: почему всех желающих выпить перед концертом или спектаклем тянет в электробудку? Пришел к выводу: его хозяйство хотя и под сценой расположено, но путь к нему из публичной части дэкафа достаточно запутан по безлюдным коридорам. Главное — лишняя соглядатай сюда не забредет, что немаловажно: дэкаф, город Полярный и все владения Северного флота — от Сафонова и Северноморска до Земли Франца-Иосифа, где базируется усиленная дивизия первого удара по натовским базам в Исландии — есть зона действия абсолютного «сухого» закона.

Но эту версию авторитетно отверг ведущий бас Краснознаменного ансамбля песни и пляски, дававшего шефский концерт в дэкафе.

Бас заглянул в электробудку с дежурным вопросом-паролем:

— А-а где Андреян?

Уже по этому было ясно: бас не первый раз на гастролях в Полярном.

— Я за него, — уже привычно ответил Николай крылатой фразой из гайдаевского фильма, — сын. А отец теперь в первую смену работает. Меня звать Николаем, — по военно-морской дисциплине представился.

Бас назвал себя Егором, переступил порог и сел на боковой к столу гостевой стул, чуть помялся и достал из кармана концертного солдатского — но пошитого из тонкого офицерского сукна, сапожки тоже не кирза и не юфть и построены на заказ — кителя четвертинку. Николай уже привычно пододвинул гостю стакан, что стоял рядом с графином на маленьком подносе.

— Может на закуску бутерброд достать? У меня есть домашние: с колбасой и сыром.

— Ни-ни-ни, дорогой! Зачем продукт, то есть водку, портить. А твой стакан где?

— Я не пью,— Николка усмехнулся,— дисциплина и отец не велют. Отец и вовсе после третьей стопки поучает: дескать, древние греки до тридцати лет вкуса вина не знали...

— Да-да, помню, Андреян уважает древних греков... и «старку».

Сорокалетний бас Егор выгреб из другого мундирского кармана три шоколадные конфеты, две пододвинул к Николаю, а третью развернул перед собой. С лабораторной точностью в один прием налил три четверти стакана, со словами «бум здравы» в один же глоток выпил, чуть поморщился, поднес ко рту конфетку, понюхал и брезгливо опять вернул ее на бумажку с серебряной фольгой. Протянул Николаю четвертинку с остатком:

— Заначь для родителя. Понимаешь, нам, басам, без допинга лучше на сцену и не выходить. От водки бас гуще становится, этакая колоратура в нем начинает играть. Ладно, пошел я. Привет Андреяну. Хорошее у тебя хозяйство: чистое, все прибрано. Самое интересное (водка все же подействовала, на разговор потянуло) — наверное, в сотне с лишком городов и баз на гастролях был, ни одного директора театра или клуба не запомнил, зато всех электриков по именам знаю! Всегда наш брат-артист идет освежиться в электроаппаратную, потому как ближе к сцене и люди вы, электрики, душевные. Бывай здоров, Николай!

Бас знал устройство дэкафа, поэтому не свернул в лабиринт коридоров, а открыл нужную, неприметную дверь, за которой крутая лестница вела в закулисье сцены.

Николай вдругорядь усмехнулся: Егор точь-в-точь повторил, сам, наверное, того не зная, слова баса Михайлы «бас от водки гуще делается» из чеховских «Сельских эскулапов».

◆ Сегоднешний же гость из подплава, естественно, справившись об Андреяне, зашел выпить «зубровки» сразу по двум причинам. Во-первых, как от объяснил, любит поэзию, сам в школе и в *ЛВВУПП** пописывал, в литкружке при Доме культуры Ленсовета частым гостем был. А теперь вот служба все время отнимает. Сегодня же в дэкафе такая знаменитость выступает? Думаю, он с Евтушенкой сейчас первые поэты.

Николай согласился с мнением гостя, а тот, уже откупорив бутылку и выпив разгонные сто граммов, закусил пирожком с картошкой и мясом, целый кулек которых, еще горячих — с пылу-жару,— принес из дэкафовского буфета кулек, пододвинул к Николаю, продолжил монолог:

— Конечно, послушать известного поэта — это еще не повод бутылку откупоривать. Радость у меня сегодня, хотя это почти военная тайна... но ты парень, вижу, серьезный, весь в Андреяна, потому в общих чертах расскажу.

Мне кап-два год назад дали, тесно нам с командиром, что в том же звании, на одном борту стало. А сегодня с утра в штаб эскадры вызвали и приказ показали под расписку: назначили командиром новой лодки, что вот-вот со стапелей в Сормово сойдет. Так что велено экипаж формировать, с которым через месяц, пока еще Волга и северные каналы не замерли, отправляться в Горький принимать корабль.

Послезавтра, в воскресенье, конечно и само собой дома небольшой сабантуй устрой для своих сослуживцев. Начштаба будет, даже адмирал обещал на часок заглянуть — если в Североморск не вызовут. Пока же у тебя разминаюсь.

...После ухода счастливого новоиспеченного командира подлодки Николай поставил недопитую бутылку в шкаф. Подумал: где же этот баловень флотской судьбы умудрился достать в суховейном городе, где легче командиром корабля стать, бутылек? Разгадка тотчас пришла.

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница кадров советских подводников.— Прим. авт.

Не далее как в понедельник заменял перегоревшую лампочку в подсобке Зойки, кладовщицы буфета-столовой, и с высоты лестницы-стремянки узрел в дальнем углу, нарочито загороженном коробками со сгущенкой, мясными консервами и печеньем, пару ящиков с бутылками. Отец не только «старку» уважал, но признавал высокую полезность «зубровки». Так что Николай сразу отметил характерную этикетку на Зойкиных бутылках: набывшийся беловежский зубр на ядрено-зеленом фоне.

Конечно, спиртное *НЗ* у Зойки легально проходило по всем бухгалтерским ведомостям по невинным статьям. По слухам знал он, что у Зойки в запасе имеется также грузинский коньяк «грэми» десятилетней выдержки кубинский ром и ленинградские ликеры «шартрез», «Южный Кюрасао» и «бенедиктин». Надо же начальнику дэкафа чем-то угощать высокое флотское начальство — местное, из Североморска и даже из обеих столиц — на торжественных парад-алле!

Но как удалось новоиспеченному командиру подлодки выудить у Зойки «зубровки»? Знал Николай от всеведущих дэкафовских слесаря, столяра и художника-оформителя, что Зойка, плотная бабенка в расцвете своих тридцати пяти лет, незамужняя и охочая до мужиков, иногда снабжает «горючкой» голодных до баб холостых военных. Но это, как правило, старшекурсники из *ЛВВУПП* на мореходной практике и молодые офицеры до каплеев включительно. Давешний гость электробудки сюда явно не подходил.

Чтобы не ломать голову по пустякам, Николай занялся было горячими пирожками, которые с великим искусством пекли на кухне буфета-столовой, но здесь за всегда открытой дверью кто-то вежливо-осторожно кашлянул.

◆ Николай досадливо поморщился: скоро начало выступления поэтической знаменитости, а пирожки могут и остыть. Все одно съедобные и вкусные, но уже не то... Однако взял себя в руки и с принятой в дэкафе дружелюбностью сказал в сторону двери:

— Входите, пожалуйста!

Сказал и обомлел, все же успел уложить надкусанный пирожок в кулек: на пороге нерешительно потаптывался сегодняшний гость дэкафа, стихи которого часто читала на уроках их учительница литературы и руководительница школьного театра Людмила Евгеньевна. Николай тотчас узнал его по фотографиям, телевизионным выступлениям, а особенно по неизменному шарфику-косынке под расстегнутым воротом рубашки.

Но совсем потерялся Николай от вопроса несколько заикающимся голосом:

— А-а гд-де Анре-реян?

Николай куда меньше удивился бы, если этот вопрос-пароль задал появившийся в проеме двери электробудки командующий Северным флотом...

Справившись с волнением, Николай объяснил нынешнее статус-кво, свое и отца, пригласив гостя войти, мучительно сожалел, что под рукой нет ни одной из двух книг поэта, что имелись в домашней библиотеке.— Для автографа.

И гость, уяснив обстановку и степень родства хозяина электробудки с Андреем, перешел к деловой части визита: сел на боковой стул, вынул из пиджачного кармана ранее выданную Николаем только в заграничных фильмах плоскую коньячную бутылочку с импортной наклейкой, задумчиво посмотрел на стакан, тотчас услужливо придвинутый к нему Николаем, наполнил его на две трети, выпил. Не отказался от пирожка; почти перестав заикаться, пояснил:

— ...Я только с выступления из Североморска, пообедать не успел, ужин обещаю у вас в Полярном. Хорошо что с малолетства не употребляешь, а мне это как лекарство перед выступлением, заикаться на время перестаю...

Из зала через растворенные двери электробудки, непонятного назначения про-

ходной комнатки перед ней — без мебели и каких-либо признаков обитания — и оркестровой ямы донесся звонок начала мероприятия.

Гость вручил уже ничему не удивляющемуся Николаю ополовиненную бутылочку для Андреяна, попрощался и заторопился к двери на сценическую лестницу.

Так и не съев толком ни одного пирожка, Николай тоже заторопился в оркестровую яму слушать выступление поэта, но тут из коридора перед предбанником слышались шаги и возбужденный разговор нескольких человек. Николай внутренне похолодел, но тут же и оттаял: в электробудку вошли трое его одноклассников, в один голос оповестивших:

— Никол! А знаешь кого мы сейчас встретили у двери с лестницей на сцену?

— Знаю. Пошли в оркестровку слушать.

Воспитание не позволило ему говорить то, что узнал доверительно.

...Много гостей побывало в электробудке за два года работы в дэкафе: кто с вопросом-паролем, иные просто заплутав в низкосводчатых коридорах непубличной части здания, или одноклассники. Более всего Николай любил визиты последних. Тогда жилая часть электробудки превращалась в клуб. Порой и мебели не хватало: два стула и диван не вмещали всех. Но в запасе имелся высокий порожек в электрошитовую часть помещения.

Здесь обходилось без бутылок: у одноклассников, тем более одноклассниц, тоже было воспитание, а их отцы также уважали древнегреческие порядки.

ХРУЩЕВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ДЭКАФ В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ

◆ Людмила Евгеньевна благоволила Николаю, хотя тот не участвовал в ее любимом детище — школьном драмтеатре. Не любил сценического лицедейства. Но учительнице литературы в старших классах нравились его сочинения, которые она часто ставила в пример и зачитывала в классе вслух. Обычно резюмировала: «Очень жаль, что Николай пойдет в жизни по математической или радиотехнической части. У него явно прослеживаются хорошие литературные задатки».

Класс оживлялся, ибо дальше их литераторша слово-в-слово произносила странную реплику в адрес добрейшего Алексея Васильевича, руководителя производственного обучения по радиотелеграфному профилю. Вот, дескать, он всех вас сбил с толку, заразив своим радиоделом. Сколько же в вас, что станут радиотехниками, погибнет артистов, писателей, учителей, врачей? Во всем Людмила Евгеньевна винила Хрущева, благо того уже перевели в разряд персональных пенсионеров, который ввел одиннадцатилетку и трехгодичное производственное обучение. А с «камчатки» класса подначивали: «Скольких же тунейдцев и спекулянтов-фарцовщиков родина не досчитается, если все после школы пойдут поступать на радиотехнические факультеты!»

В хорошем настроении Людмила Евгеньевна, похвалив Николая за удачную трактовку образа Катерины в пьесе Островского, подшучивала: «Ты, Николай, не иначе как метишь в книгу рекордов Гиннеса: в школе учишься, заведешь здесь же радиоузелом да еще единственный из школы, не считая вечерников, имеешь трудовую книжку!» Опять же с «камчатки» поделдыкивали: «Этого мало для Гиннеса. Надо еще пару-тройку привόδов в милицию иметь!»

В общем-то учителя доброжелательно отнеслись к внешкольной работе Николая. Директорша Мария Ивановна более заботилась, чтобы Николай не переутомлялся, хотя и признавала: педагогическая наука даже рекомендует чередование умственной и физической деятельности.

Алексей Васильевич, как действующий мичман флотского узла связи, одобрял:

во-первых, привыкает в дэкафе к военно-морской дисциплине; во-вторых, электрик и радист суть братья-близнецы; наконец, пуп у такого молодца не надорвется. Опять же деньги в любой семье не лишни.

Матерый физрук Рэм Давыдович, скороспешно так названный родителями в конце двадцатых годов, когда дружили с Германией, в честь вождя штурмовиков *СА* Рэма, тоже в целом одобрял Николаеву работу. Но, как человек многоопытный в житейских ситуациях, остерегал многостаночника: «Самый опасный для тебя, Николай, народ в дэкафе — это низовая обслуга: слесаря там всякие, кочегары, оформители-халтурщики, вечно нетрезвые столяра... Не водись с ними — сопьешься даже в наших безалкогольных местах!

И еще с бабами тамошними будь осторожен. Как со взрослыми, так особенно с молодухами. Первые обязательно в какие-нибудь свои дрязги втянут и тебя же на посмешище выставят, а в любовь-морковь играть, так своих одноклассниц предостаточно».

Николай слушал, мотал на ус. Когда того требовали обстоятельства разговора — делал серьезность на лице, а нужно — и усмехался. За науку благодарил.

◆ Никиту Сергеевича на флоте не любили, особенно на Северном. Именно его Хрущев подставил первым — во время недавнего Карибского кризиса. Генсек довел дело до американской блокады Острова свободы, не поинтересовавшись: а на ходу ли первые атомные подлодки в составе Северного флота? Оказалось — все они на доработке после ходовых испытаний и походов. Пришлось послать в акваторию Кубы бригаду из четырех дизельных лодок из Полярного. На смех американцам и унижение североморцам.

А дальше пошло и поехало. Печально знаменитое стотысячное сокращение офицерского корпуса заметно ударило и по флотам СССР, Северному флоту тож. Сколько кап-2 и кап-3 были лишены погон с неполной пенсией? А некоторые уволенные каперанги так и не стали адмиралами...

С военных лет Северный флот мечтал о своем линкоре, а лучше двух. Но Никита, полагавший большие корабли дорогим баловством, не только поставил крест на линкоростроении, начатом военно-политическим стратегом Сталиным, но ударил и по крейсерам в строю. Даже гордость североморцев — тяжелый крейсер «Октябрьская революция» был отправлен на консервацию в Лиепаю.

Уже не стоит и говорить: как проклинали «кукурузника» флотские и штатские за «сухой» закон по всему северу Кольского полуострова! Николай по старовойсковской от отца традиции никогда сам не матерился, но сторонний десятиэтажный по этому поводу одобрял.

У Николая же отношение к бывшему генсеку было неоднозначное. Он понимал обиды военного, офицерского люда. Поскольку тяги к алкоголю не испытывал, да и не принято это в школьной среде, то над следствиями и последствиями «сухого» закона голову не ломал. Как и над увлеченностью генсека выращиванием маиса-кукурузы.

А когда Хрущева снимали со всех его постов, то Николаю даже несколько жалко было опального генсека. Заодно впервые в жизни понял: каждый начальник по должности — калиф на отведенный ему час.— В отличие от людей с заслуженным авторитетом.

Получилось так, что снятие Хрущева случилось в начале трудовой деятельности Николая в дэкафе. Стояла осень, снег еще боролся с холодным дождем из свинцовых туч, нависших над городом и его окрестностями. Ничто в такой хмурый день и не радовало. Разве только то, что сегодня воскресенье — единственный в неделе день, когда они с отцом менялись сменами, поскольку каждый выходной день Николаю с полудня и до полуночи имел занятость в школе: в основном, его дежурство

по расписанию в школьном же радиоклубе, прерываемое на пару вечерних часов обслуживанием танцев в актовом зале. Николка «давал» музыку, как начальник школьной радиорубки.

...А первая смена в дэкафе — только сгоревшие лампочки поменять и никаких тебе концертов, посетителей в электробудке и прочих (порой) неудобств. Собирался же Николай устроить себе праздник души в первую половину воскресного дня: лежа на служебном диване, почитать свежевзятую в библиотеке книгу: только что изданный сборник рассказов Леонида Андреева.

На редкостную книгу в райбиблиотеке уже шла запись на очередь, но Николаю, как постоянному читателю, выдали на три дня по благу...

◆ Нехорошее предчувствие охватило Николая уже перед мостом через овраг, что упирался прямо во входную дверь дэкафа: по мосту, справа от моста по дорожке от подплава, слева от различных наземных служб и с военного судоремонтного завода № 6 *ВМФ* сквозь косо бьющий с неба снег чернели многочисленные офицерские шинели. Огромные, двустворчатые дубовые двери дэкафа и вовсе не закрывались, пропуская военмором.

Николай втиснулся в колонну входящих и, миновав дверь, поинтересовался у дежурной на входе Нины Степановны о причинах воскресного многолюдства.

— А это, Никол-Батькович, какое-то спешное совещание офицеров всех эскадр и служб. Два адмирала уже вошли. Никак по поводу снятия Хрущева.

...Почти семьдесят лет жизни научили Нину Степановну пронизательности. Редко она ошибалась. Николай сник. Но с другой стороны — это не менее интересно, чем чтение Андреева. Где еще узнаешь подробности о важнейшем событии в жизни страны? — Радио и газеты пока ограничили сухим официальным сообщением.

Собрание офицерского состава носило служебный характер, поэтому недовольный порушенным воскресеньем и неоткупоренностью воскресной же бутылки самогонки завхоз дэкафа Михаил Дорофеич, мысленно матерясь, обошел немногих в выходной день сотрудников дэкафа, давая обычную в таких случаях диспозицию: «В зал не входить, около дверей его не стоять, а посторонние и так не войдут: ворота заперты!»

Кочегарку, обслуживаемую приписанными к дэкафу солдатами-стройбатовцами и имевшую выход на улицу, он самолично закрыл внутреннюю дверь на висячий замок.

Добравшись по изломанным под прямыми углами коридорам до электробудки, проинструктировал и Николая: «Тебе, Андреяныч, по инструкции положено сидеть в оркестровой яме. В школе лишнего не болтай!»

Николай шутковато отдал честь «к пустой голове», не преминув заметить: всем его одноклассникам отцы-офицеры сегодня же за домашним ужином все расскажут. С комментариями.

После звонка Николай включил на распределительном щите освещение сцены — верхние софиты* — и отправился с оркестровку. Через внешний барьер ямы посмотрел в зал, сплошь черневший мундирами, прочерченными блестками погон и шевронов.

Основной доклад, встав за выдвинутую на середину сцены трибуну, делал прибывший из Североморска черномундирный полковник — заместитель начальника политуправления флота.

Как ни малоопытен был еще Николай в военной бюрократии, равно и гражданской, но уже знал: если на официальных толковищах речь идет о поощрениях, наградах и прочих приятных вещах, то главную речь «толкает» начальник, а если те-

* Софиты — светильники из нескольких, горизонтально расположенных ламп, дающих конус горизонтального же света. — Прим. авт.

ма мероприятия кляузная и вообще малопривлекательная, то за трибуну водружают заместителя...

Флотский замполит был знаком Николаю по июльскому офицерскому собранию в дэкафе в честь Дня военно-морского флота. В тот раз начальник политуправления тоже не прибыл. Вроде как причина собрания торжественно-наградная, но накануне случился казус во второй эскадре; даже два: при погрузке торпед в лодку, готовящуюся к выходу на боевое дежурство, одну из них уронили в воду и утопили у пирса. В другой же лодке — хорошо у пирса — случился пожар; слава морскому богу Николаю, дело обошлось легкими ожогами у двух матросов и мичмана. Но подлодку на пару месяцев отправили ремонтировать на шестой завод в Палагубу.

Так что праздник получился смазанным, поэтому флотский замполит основное время доклада алилуйничал Никите Сергеевичу — первому ленинцу после самого Ленина, мудрейшему вождю СССР и всего мирового коммунистического движения.

◆ Особо замполит в тот раз остановился на роли верного ленинца Никиты Сергеевича в укреплении обороноспособности страны и особенно ее военно-морского флота. Николай при этих словах из своей оркестровой ямы явственно услышал, как в зале не один десяток офицеров демонстративно закашлялся.

Июльское собрание было торжественным, поэтому началось ближе к вечеру и завершилось праздничным концертом с неизменными «Яблочком» и «Танцем с саблями».

Николай в этот день задержался в школе по делам своего радиоузла, потому, не заходя домой, отправился прямо в дэкаф. Без домашних бутербродов. К концу официальной части желудок начал нервически пульсировать от голода. Едва дождавшись последних восторженных слов замполита в адрес человека-легенды Никиты Сергеевича Хрущева, Николай ринулся в буфет за горячими пирожками с картошкой и мясом.

Но его опередили шедшие более коротким путем из зала офицеры. У стойки буфета-столовой уже выстроилась внушительная очередь. Но Николая в синем халате служащего дэкафа, как человека неспящего, стоявший во главе очереди капитан первого ранга, отец одноклассницы, подманил к себе и кивнул в сторону буфетчицы: отоваривайся, мол, парень, ты на работе.

Расплатившись за кулек с огнедышащими пирожками, Николай двинулся было на выход, но его притормозил другой отец одноклассника, кавторанг. Он Николая знал, а интересовала его подоплека недавней школьной драки, где зачинщиком выдвинулся стать его сын.

Поскольку это не относилось к категории доноса, Николай кратко и толково объяснил: причина драки без причинения особого вреда — случайная, что называется по погоде... Кавторанг, выполнив воспитательный долг родителя, рассказал собеседнику свежий анекдот о членах партии и правительства.

Слушая кавторанга, Николай непроизвольно отметил некоторую странность в поведении столпившихся в буфете офицеров: каждый из них отходил от стойки с подносом, на котором стояло от пяти до десяти кофейных чашек. Собеседник, еще ранее занявший очередь, засек взгляд Николая, хохотнул и пояснил, что по случаю профраздника буфетчице велено отпускать офицерам кофе с коньяком. «Вот наши краснофлотцы и берут из расчета общей емкости коньяка: от ста до двухсот граммов! Голь на выдумки хитра, Николай».

...Но сегодня замполит, ничтоже сумняшеся, с дежурным гневом и марксистско-ленинской непримиримостью клеймил опального генсека: разрушителя флота, волюнтариста и пробабелю. Зал молчал. Как понял Николай, все пытались разгадать значение только что вошедшего в речевую практику слова «пробабелю».

Николай уже знал значение почти непристойного термина. Его вчера объяснила их классу всезнающая Людмила Евгеньевна: бабы здесь ни при чем, а имеется в виду немецкий философ и революционный теоретик Август Бебель*, автор знаменитой книги «Женщина и социализм».

— А вы говорили, что бабы здесь ни при чем? — Это с «камчатки» послышалось.

— Не бабы, а женщины. Термин «пробабелист» никакого отношения к ним не имеет. Имеются в виду некоторые взгляды Августа Бебеля на теорию социализма, которые показали себя на практике несостоятельными.

◆ Как ни странно, но Николай вполне спокойно и доброжелательно оценивал хрущевский эксперимент со школьной одиннадцатилеткой и ее стержнем — трехгодичным производственным обучением**. Последнее ему просто нравилось. Главное, здесь имела свобода выбора профессии. В полярниковской школе девятиклассникам в самом начале учебного года, чуть ли не первого сентября объявили о наличии двух производственных баз: собственно школы со специальностью радиотелеграфиста-морзиста и шестого судоремонтного завода ВМФ.

Это официально. А по существу через родительский комитет, игравший в образцовой полярниковской школе с «традициями», идущими от тридцатых годов, когда создавался Северный флот, большую роль, была дана установка: кто думает после школы поступать в институт или в военное училище — пусть идут в телеграфисты. Все остальные — шагом арш на завод. Там дадут хорошую, изрядно оплачиваемую рабочую специальность, гарантированное после окончания школы трудоустройство и постановку на квартирную очередь.

Николай безо всяких раздумий выбрал телеграфную стезю, ибо с шестого класса был ярким радиолителем и собирался после школы идти на радиотехнический факультет.

Не особенно испугало его и прекращение эксперимента — отмена одиннадцатилетки и производственного обучения с возвращением к традиционной деятельности. Оповещена об этом страна была сразу после отставки Хрущева.

Здесь Николай осознал еще одну традицию власти — от колхозной и фабрично-заводской до высшей, что греется рубиновым светом кремлевских звезд: кто ограничивается заменой хрущевской секретарши на приятно пышнотелую, а иной, с большой властью, занимается в первые годы начальствования крупным реформированием. Так и теперь: кукурузу заменили рапсом, а одиннадцатилетку — десятилеткой.

Правда, на последний переход отвели три года. Получилось так, что Николаем и его сверстниками во всем Союзе одиннадцатилетка завершилась, а год их выпуска из школы совпадал с окончанием ее же десятиклассниками***.

Николай особо не заволновался, поскольку учился почти на «отлично», хотя патентованным отличником, кандидатом в медалисты становиться не собирался: отвлекала многогранная деятельность и нелюбовь к зубрежке. Но обеспокоился отец. И когда в самом завершении девятого класса Николай получил паспорт, то Андреян Матвеевич, приняв «на грудь» девятого мая бутылку любимой «старки», привезенной из Мурманска, повел такой разговор:

— ...Вот, Николка, когда будешь оканчивать школу, конкурсы в институты будут

* Почему «пробабелизм» вместо грамматически правильного «пробебелизм»? Этого никто в те годы объяснить не мог, а чуть позже про это слово и вовсе забыли. Скорее всего в передовице «Правды» верстальщик сделал ошибку, выпускающий редактор не заметил. Так пошло и поехало...— Прим. авт.

** Кстати, схожий эксперимент был проведен и в высшей школе; в частности, в технических институтах студенты целый год работали на заводах и фабриках.— Прим. авт.

*** При всех своих изгибах советская власть заботилась о людях. Так и здесь: в год двойного школьного выпуска увеличили прием в ВУЗ'ы и даже разрешили принимать выпускников школ в военные академии — наряду с майорами и подполковниками.— Прим. авт.

удвоенными по сравнению с обычными. Учишься ты хорошо, главное — отменно соображаешь, что главнее оценок в табелях и аттестатах. Но береженого бог бережет. Вне конкурса в институты берут имеющих двухлетний стаж работы...

Чувствовалось, что дэкафовские женщины, озабоченные судьбой своих детей и внуков, оканчивающих школу, обстоятельно рассказали отцу про все правила, были и небылицы поступления в институты.

— ...Я это к чему говорю: ты теперь паспортный, на работу поступать имеешь все права, а у меня помощник, электрик Ваня Тутьшкин подал заявление об увольнении, собрался перебраться на Большую землю — в Псков вроде как. Так что через месяц его отстоя место будет свободным. Давай-ка устраивайся в дэкаф. Я уже с подполковником Зинченкой разговаривал — одобряет.

— А школа как?

— А никак, учишь как учился. У вас, старшеклассников, теперь только первая смена, до двух часов. В дэкафе же вторая смена у электриков с четырех. Так что после школы дома пообедаешь, передохнешь минут сто. В свой радиоклуб школьный работать на радиостанции по воскресеньям будешь ходить — опять же до четырех дня и в скользящий выходной* хоть целые сутки стучи там телеграфным ключом.

К тому же не перетрудишься; основную работу я делаю в первую смену, тебе же только пройтись по этажам и перегоревшие лампочки заменить, а вечером, если концерт или спектакль случится, нужный свет включить. Электротехнику ты уже лучше меня знаешь, так что с нужными поделками, коль потребуются, сам справишься.

К окладу плюсуешь сорок процентов поясных и премиальные, а со следующего года первые десять процентов полярных.** И как раз к получению аттестата будешь иметь ровно два года трудового стажа! Хоть в МГУ поступай или в физтех.

Здесь отец говорил опять-таки с чужих слов, явно озабоченных женских.

— ...Единственно, что этим летом без каникул останешься, но в отпуск следующего года поедете во Дворцы с матерью и ребятами без меня — дэкаф без электрика не оставишь. Как тебе — согласен?

Николай кивнул головой, а отец, крикнув от удовольствия, выпил стопку «старки».

...Так малолюбимый народом Никита Сергеевич вмешался в судьбу Николая, связав ее на пару лет с полярным дэкафом. Впрочем, народ любит отдых, награды, водку и девушек, пока они не превратились в ворчащих жен. Властные же лица всегда не в почете. Это Николай хорошо понимал и на Хрущева за его школьный эксперимент никогда зла не держал, памятуя отцовское: все что ни делается — делается к лучшему.

ХОЗЯЙСТВО НИКОЛАЯ И ЕГО ХВОСТАТЫЕ СОСЕДИ

◆ Николай сразу почувствовал: он работает в военном учреждении. В день оформления Екатерина Захаровна, работавшая в дэкафе со дня его основания в тридцатых годах, делопроизводительница и завкадрами, протянула ему для ознакомительной подписи приказ о зачислении, где в числе прочих значилась фраза: «Принял торжественное клятвенное обещание согласно проведенному инструктажу».

— А-а кто будет инструктировать, Екатерина Захаровна?

— Твой непосредственный начальник — завхоз.

* Суббота стала выходным днем в СССР, когда Николай уже учился в институте; вплоть до конца 80-х годов «шабара» не было только в ГДР и на Кубе...— Прим. авт.

** И еще за что ненавидели жители за Полярным кругом Хрущева: до него полярные надбавки шли из расчета 10 % за каждые полгода работы — и так до 100 % к окладу. Никита же, побывав в Мурманске летом, возмутился: да у вас как в Крыму! — И срезал полярные до 60 % с начислением по 10 % за год. Брежнев поднял вновь до 100 %.— Прим. авт.

Николай расписался внизу первой страницы новенькой, пахнущей дерматиним и еще чем-то канцелярским трудовой книжки, где в графе места работы стояло «электробудка», а на следующей — запись о приеме на работу и о принятии клятвенного обещания, и пошел искать завхоза.

Михаила Дорофеевича, слегка подвыпившего, он нашел в подсобке Зойки, официально Зои Григорьевны. Тот вел с ней какие-то запутанные разговоры полунамеками.

— Не дам и все! — громко отрезала Зойка. — Мне из-за тебя, Дорофеич, вовсе не улыбается попасть под ревизию. Пошли лучше свою жену в Мурманск — хоть чемодан водки тебе приволочет. Баба здоровая, не надорвется!

Увидев же замершего на пороге полуотворенной двери Николая, заулыбалась:

— А-а, сынок Андреяна. Милости просим. С чем пожаловали?

— Да я к Михал Дорофеичу насчет инструктажа к клятвенному обещанию...

Завхоз, донельзя огорченный отказом кладовщицы, хмуро посмотрел на непрошеного гостя, которого шапочно знал:

— Какие там еще в канцелярии клятвы и обещания Захаровна напридумала? Инструктаж же такой: на работу не опаздывай, содержи электрохозяйство в порядке, чтобы дэкаф не сгорел* и...

— ...И не пей смолоду, — расхохоталась Зойка, плотоядно оглядывая фигуру высокого молодого парня, — девушек к себе не води!

Завхоз же, почувствовав перемену настроения кладовщицы, отвально махнув рукой новому электрику, опять начал обещать Зойке манну небесную за четвертинку «злодейки с зеленой наклейкой».

В электробудке его дождался отец, собираясь домой:

— Оформился?

— Угу. И инструктаж о клятвенном обещании у завхоза получил.

Отец рассмеялся:

— Все еще у Зойки чекушку просит? Ладно, я тебе сегодня с утра полный инструктаж выдал и все показал. Главное, на случай, если я забуду сказать, по приходу в дэкаф спрашивай на вахте у Степановны о мероприятиях на вечер, а если концерт или спектакль и к тебе в электробудку будет кто проситься на пяток минут воспользоваться стаканом — гони, ссылаясь на занятость делами. Кроме, конечно, капитанов третьего ранга и выше. Все, я пошел.

◆ В части электричества хозяйством Николая был весь дэкаф. Раньше, ходя на дневные и вечерние киносеансы, он знал только наружные летние и внутренние зимние кассы, где покупал билеты, большой зал, где шли фильмы, и смежный с ним танцзал, что находился на пути. И только теперь после многочасового хождения с отцом по зданию осознал его огромность и своеобразную запутанность.

...Прошедшей зимой, знакомясь в городской библиотеке с новыми иллюстрированными и научно-популярными журналами, отметил на стенде свежих поступлений большого формата книгу-альбом по истории архитектуры. Полистал, заинтересовался, сел за стол и читал-рассматривал до закрытия библиотеки. Благо за окнами бушевал ветер с метелью, не хотелось выходить из духмяного тепла читального зала и через весь Новый Полярный и Чертов мост, отворачивая лицо от хлестко бьющего по щекам и носу оледеневшего снега, добираться до дома в начале Старого Полярного по одноэтажной улице имени героического матроса Сивко, хаотично разбросанной по куполообразной гранитной сопке.

* Как в воду глядел завхоз. Николай на Большой земле уже детьми обзавелся, которые выросли и в университете учились, когда тот получил по электронной почте от одноклассника из Полярного: из-за короткого замыкания дэкаф сгорел подчистую. — Прим. авт.

Особенно в книге его заинтересовал раздел, посвященный советскому конструктивизму двадцатых — начала тридцатых годов, тон которому задал француз Ле Корбюзье. Он и раньше слышал о конструктивизме. В младших классах — на уроках рисования. Всезнающая Людмила Евгеньевна просвещала на уроках литературы, вроде бы далекой от архитектуры. ...И отец, тоже много чего знавший. Знакомство Николая с образцами конструктивизма от Корбюзье в Москве началось, как ни странно, с запретного во владениях Северного флота напитка.

На Новый год отец всю ночь провел в дэкафе: самое хлопотное для электриков время — с елочными гирляндами, прожекторами и полным освещением всех помещений. Проспав до обеда, начал отмечать наступивший очередной год, то есть достал давно заначенную бутылку «столичной».

Сожалея, что это не «старка», отец наполнил праздничную стопку. Николай до ночи смотрел по телевизору новогодний концерт, проспал до полудни, сейчас собрался на улицу, наевшись испеченных с утра матерью пирогов с палтусом. Задал отцу давно интересовавший его вопрос:

— Что за дом углом вперед на наклейке «столичной»?

— О-о, Николка, в этом доме на первом этаже самый знаменитый в Москве гастроном. Я там был, когда в первый послевоенный отпуск в Калугу ехал. Денег за войну много набежало, так что затоварил — в Калуге-то карточки — два «сидора». Кряхтел пока добрался до Киевского вокзала.

Ты вот намерен про конструктивизм передачу по телевизору смотреть. Так вот этот дом на бутылке — самый настоящий конструктивизм. Смысл же его такой: снаружи — никаких финтифлюшек, голые стены и окна без балконов, зато внутри все для удобства живущих или работающих там людей.

...Через полгода, как обычно, всей семьей поехали в отпуск в калужскую деревню Дворцы, отцову родину. Поскольку мурманский поезд приходил в столицу утром, а калужский уходил ближе к вечеру, приходилось поболее полудня скучать на Киевском вокзале. На этот же раз, услышав по внутренней трансляции объявление от автобусных экскурсиях по Москве, отец сказал Николаю:

— Нечего здесь торчать без дела. Оставим мать с ребятами, а сами прокатимся.

Экскурсия оказалась замечательной. Из нее Николай узнал о столице больше чем до того знал из книг, фильмов и рассказов знающих людей, в том числе одноклассников из коренных москвичей. Обошли весь Кремль, который Никита Сергеевич открыл для посетителей. И мимо дома с этикетки «столичной» автобус неспешно проехал, причем экскурсовод назвала его образцом конструктивизма. И еще два-три раза обращала внимание на известные конструктивистские здания столицы.

...Но Николаю больше понравились высотки и другие «сталинские» дома, хотя экскурсоводша, говоря о сталинском ампире, заметила: снаружи они красивы, но квартиры в них самые обычные и темноватые.

◆ Дэкаф явно относился к архитектурному конструктивизму, единственным образцом которого он был не только в Полярном, но на Северном флоте и вообще в Мурманской области. Как пояснял отец, ближайшие здания этого стиля стоят в Ленинграде...

Как сообразил Николай, прочитав раздел о конструктивизме в тот зимний вечер в городской библиотеке, дэкаф все же не «чистый конструктивизм» — по Корбюзье, ибо фасад здания уже слегка косил под сталинский ампир: башенка справа, чем-то схожая с верхней частью мавзолея Ленина, пара колонн слева и там же двойная двухпролетная лестница парадного входа. Но остальные три стены не имели никаких архитектурных излишеств, а крыша уступами перепала от трех этажей фасада до одноэтажных частей здания.

Но главное, как понял Николай, прочитав соответствующий раздел в книге-альбоме, в здании дэкафа воплощена главная идея архитекторов-модернистов двадцатых годов: функциональное единство и максимальная автономия (эти слова из просмотренной книги...) всех жизненных удобств здания.

Николай тотчас провел аналогию — это как корабль в открытом море, а еще ближе — стратегическая атомная подлодка, из числа базирующихся неподалеку от Полярного — на 4-й точке*, что залегла на полгода на дне Атлантики поближе к Штатам... Соединенным, конечно, не Мексиканским. Как говорится, экипаж бесшумно ходит в спецтапочках, а межконтинентальные ракеты на стреме. Как она поддерживает связь со штабом Северного флота в Североморске и с Генштабом в Москве — этого Николай не знал. Была такая строгая военная тайна, что даже старшекласники из числа детей адмиралов и каперангов не могли сказать ничего толкового.

Все, конечно, знал матерый радиомичман Алексей Васильевич, но на прямые и косвенные вопросы любознательных школяров отвечал неизменной шуткой: дескать, «Остров сокровищ» и «Детей капитана Гранта» читали? — Бутылку «столичной» распили, записку в донесении в штаб *ВМФ* засунули, сургучом горлышко припечатали и через аварийную шахту выбросили.

— А ее подобрал случайно оказавшийся рядом «корабль науки», — некстати сказал Николай, много размышлявший на эту тему.

Алексей Васильевич пристально посмотрел на него, но комментировать не стал, перейдя к теме урока производственной практики: супергетеродинные приемники и их блок-схемы.

...Так и дэкаф, вместивший под одной крышей кабинеты начальства, огромные танцевальный и киноконцертный залы, плавательный бассейн почти что олимпийского формата, лучшую в городе библиотеку, буфет-столовую со своей кухней, паровое отопление с собственной кочегаркой, бильярдную комнату и многочисленные комнаты и комнатухи: служебные, мастерские, кладовые, репетиционные и для занятий детских кружков, смог бы при необходимости полгода самостоятельно простоять-выжить, если бы некая сила заколотила все двери здания...

Во всяком случае съестных припасов из кладовых Зойки и кухни вполне хватило бы. Даже если отрубить кабель подвода в дэкаф электроэнергии, конец которого находился в электробудке Николая, даже если взорвать городскую подстанцию и обесточить весь Полярный, то и здесь выход нашли бы, перебросив временку из электрокабеля, целая бунта которого занимала угол в подвале-мастерской того же Николая, в соседний флагманский госпиталь, Где предусмотрено автономное электропитание от своего дизеля.

...И это не удивительно. Ведь дэкаф сооружался в тридцатых годах, когда война уже полагалась неизбежной, а Полярный тридцать лет был «столицей» Северного флота. Архитекторы же здания явно взяли за образец крестьянские дома архангельских поморов, в которых под единой крышей также расположено все нужное для жизни: комнаты, печи, мастерские помещения, хлев для живности с сенниками для ее кормежки, кладовые для людей, баня с парилкой и даже всегда чисто прибранное отхожее место. Такой дом Николай увидел, будучи в гостях у своего дядьки на станции Плесецк. Правда, пожив неделю у дядьки-тетки, так и не увидел свою двоюродную сестру Светлану, работавшую инженером на космодроме Мирный, что неподалеку от Плесецка. Но это было позже, когда Николай уже учился в политехническом институте Тулуповска...

* Этому военно-морскому городу-базе явно не везло с названиями. Из «4-й точки» его переименовали в Гаджиево — в честь героя-подводника в Отечественную войну. После начала Чеченских войн, хотя Магомед Гаджиев был дагестанцем, город получил название Скалистого. Сейчас — вновь Гаджиево. — Прим. авт.

Особой гордостью руководства дэкафа являлась люстра в киноконцертном зале и бильярдный стол. Люстра была лишь чуток уменьшенной копией своей старшей сестры из Большого театра, а стол вывезен в счет репараций из Германии вскоре после окончания войны, изъят при «зачистке» берлинской штаб-квартиры адмирала Денница, который, в свою очередь, позаимствовал этот роскошный инструмент из бывшего дворца кайзера Вильгельма Второго.

Когда Николаю приходилось менять лампочки в малой люстре бильярдной комнаты, он расстилал на середине стола половичок из незамыганного брезента, ставил на него стул, а сам снимал ботинки, уважая предмет ближней и дальней истории.

Застав как-то Николая, стоящего на этом столе и стуле и копающимся в люстре, подполковник Зинченко пошутил: «Ты, Андреяныч, сейчас попираешь ногами сразу два рейха: Второй и Третий! Так им, гадам, исключая, конечно, *нашу ГДР*, и надо».

◆ Кроме Людмилы Евгеньевны, Николая хвалили учительницы немецкого, химии и биологии. Последняя зауважала его за доклад, от которого все в классе бежали как от чумы, явно из институтской программы: о различии взглядов Дарвина и Ламарка на эволюцию жизни на Земле. Готовясь к докладу, в числе прочих книг и статей в популярных журналах Николай присмотрел, а потом и прочитал только что изданную, переведенную и адаптированную для любознательных юношей работу нобелевского лауреата Конрада Лоренца о коллективном разуме стадных живых существ: от муравьев, термитов и пчел до волков и обезьян. ...И сделал вывод: наиболее слаженный коллективный разум действует у крыс.

Как во всяком портовом городе, Полярный изобиловал корабельными крысами, что в два-три раза крупнее и умнее крыс обычных, что Николай видел на Большой земле в деревне Дворцы и на частносекторной окраине Калуги: там и там проживали со своими семьями его тетки — старшие сестры отца.

К корабельным крысам в Полярном настолько привыкли, что особого внимания на них не обращали, да и они по отношению к людям соблюдали безразличный нейтралитет. Жителей города вполне устраивало то, что крысы эти, в отличие от мышей, держались поодаль жилых мест. Крысы же довольствовались малым и с усмешкой смотрели на холерические попытки городской санэпидемстанции устроить им подставу. Травились только ни в чем не повинные кошки. Кстати и кошки с крысами соблюдали нейтралитет, только вооруженный, как СССР и Япония, во Второй мировой войне — до начала осени сорок пятого года.

Точно также к крысам безразлично относились и все полярнинские жители. Как-то Николай в книжном отделе главного магазина города в Циркульном доме, что рядом со штабом и чуть повыше пирсов второй эскадры подлодок, не торопясь рассматривал книги нового завоза, а у соседнего прилавка с канцтоварами с десяток женщин закупались для своих детей к скорому первому сентября. Как принято у них, одновременно обсуждали сразу в три-четыре голоса все свои насущные дела.

Одна из них, судя по всему, совсем недавно прибывшая в Полярный с Большой земли ужасом запричитала:

— Господи! Да что ж за жизнь здесь у вас? Вчера иду от школы вниз по улице, смотрю: у дома, где травка и какие-то камни, дошколята с подростками котятками играют. Подошла и чуть в обморок не упала: это не котята, а здоровенные крысы!

На высокой ноте она замолчала, ожидая возмущенного сочувствия, но собеседницы с некоторым удивлением посмотрели на крикунью-паникершу и продолжили интересный разговор об ожидаемом со дня на день завозе в одежный отдел Циркульного магазина женских плащей и польских костюмов...

Даже у моряков к крысам наблюдалось двойственное отношение: на корабле — после натовцев враг номер один, на суше — пусть себе живут.

◆ Раньше, бывая в дэкафе, Николай, ясно дело, ни одной крысы не видел, в присутственных местах те не появляются, не мозолят глаза людям. Их место обитания — удаленные от многолюдства подсобные полу- и просто подвальные помещения. К числу таких в полной мере относились владения Николая: собственно электробудка и — особенно — подвальная склад-мастерская.

С первых дней пребывания в должности Николай стал отличать друг от друга наиболее выдающихся крыс в их большой стае. Некоторым даже стал давать имена. Набегался от излишнего усердия со стремянкой по дэкафу в первый рабочий день, вернулся в электробудку, сел на диван, откинувшись на его спинку, отдыхает Николай. Даже слегка задремал под тихую и спокойную музыку из настенного громкоговорителя, подключенного к городской радиотрансляции. Но недолго дремал: из динамика раздались тревожные ноты полонецких плясок из «Князя Игоря» Бородина с сотоварищи, как шутила их учительница музыки Клара Семеновна. Увидев же недоумение в глазах младших школьников, с ученым апломбом выпускницы Ленинградской консерватории — мужа перевели с Балтфлота на Северный — объяснила: Бородин так был увлечен химическими опытами, что за полтора десятка лет так и не сумел дописать оперу, что сделали после его смерти друзья-композиторы: Римский-Корсаков, кстати морской офицер, и другие.

Увлечись, Клара Семеновна, явно тоскуя по прежней кафедре теории музыки, где она только-только стала доцентом, явно сверх всякой школьной программы стала рассказывать о непревзойденной оркестровке полонецких плясок, сделанной в тридцать четвертом году Касьяном Голизовским...

Но здесь приятные воспоминания прервало тихое попискивание, различимое даже на фоне оперного хора. Николай повернул голову направо, в сторону темной — свет там включался по необходимости — половины комнаты с ее сложным электрохозяйством: распределительными и управляющими щитами, кабельными подводками и всем прочим. На порожке, разделявшем половины электробудки, на границе света и темноты сидела очень уж крупная крыса с нехарактерной для ее племени рыжекрасной подпалиной на холке. Подняв мордочку вверх и немигающе глядя глазами-бусинками на громкоговоритель, она попискивала явно в такт... Николай никак не мог вспомнить тот музыкальный термин, которым Клара Семеновна называла хорошие всплески женских голосов во второй части полонецких плясок.

Крыса отметила внимание к ней Николая и бесшумно ушмыгнула в темноту. Увидев ее же на другой день, окрестил Касьяном. Еще через несколько дней сообразил: Касьян является вожаком ста дэкафовских крыс. Как бы сказал здесь Шерлок Холмс: сработало дедуктивное мышление. Знакомя Николая с электрохозяйством дэкафа, отец рассказывал и о всяких тонкостях, в частности, что в здании существует перекося фаз, то есть от ближней к дэкафу трансформаторной подстанции ко вводному кабелю в электробудку поступает трехфазное 380/220 вольт* напряжение, которое на распределительном щите «расщепляется» на двухфазное, обычное двестидвадцативольтовое, которое может сниматься с любых двух из трех вводных фаз.

Когда при строительстве здания проектируют разводку электросети, как хорошо понимал Николай, то рассчитывают равномерную загрузку всех трех фаз вводного кабеля. Но дэкаф был столь древен и много раз за свое существование дораивался и менял обветшалую электропроводку на новую, что изначальная разводка ушла в небытие. Отсюда случился и перекося фаз.

Поскольку же это внешне ни на чем не сказывалось в жизни дэкафа, то это никого не интересовало.

* Технически грамотные люди и старшие школьники из необремененных долларами-евро семей поймут, а остальным это необязательно знать. — Прим. авт.

— Вот смотри,— отец подошел в щитовой части электробудки к месту, где через отверстие в полу на уровень человеческого роста до плеча по стене поднимался толстый вводной кабель,— конец кабеля освобожден от стальной оплетки, фазные провода разведены в стороны и болтами наглухо принайтованы к трем голым медным шинам, которые закреплены снизу на фарфоровых изоляторах и упираются в распределительный щит. На ощупь шины теплые: хотя они и толстые, а в ширину, как видишь, в пол-ладони, но все равно греются градусов до тридцати пяти. Но не сами по себе, а от тепла контактов соединения с двух сторон.

Теперь потрогай пальцем каждую из фазных шин. Постарайся другими не попасть на последнюю. Не бойся, электрик не должен бояться, но всегда имеет в виду: где безопасно, а где тряхнет. Главное, чтобы ладони сухими были.

...Действительно, две фазные шины тепловаты на ощупь, а левая немного погорячее.

— Вот это и есть перекося фаз в действии,— ухмыльнулся отец,— крысы *наши* на шинах греются, но когда свет в электробудке горит, они сами спрыгивают на пол и уходят в свои норы. Пол под разводными щитами, как видишь, песчаный — по требованиям техники безопасности.

Действительно, как убедился впоследствии Николай, входя по прибытии на работу и включая свет в жилой части электробудки,— на каждой из трех медных шин сидело и блаженствовало по одной крысе: непременно Касьян на «перекошенной» самой теплой.

«Та-а-к,— подтвердил свою прежнюю догадку Николай,— Касьян у них вожак, а две другие — адъютанты.

В подвальном же складе-мастерской крысы обитали в дальнем углу, где стены из вырубленного гранита даже не были оштукатурены, а сам угол был завален старыми осветительными для сцены прибабасами: прожекторами, софитами и прочим хламом. Когда Николай, пригибаясь, входил в подвал и включал свет, то крысы, гремя хрустким железом софитов и прожекторов, исчезали из вида в свои здешние норы.

...Уже через пару недель Николай настолько привык к своим соседям, что даже зауважал крыс за их дисциплинированность. Главное — они не бегали под ногами и не забирались на его рабочие столы — в электробудке и в подвальной мастерской. Заболеть желтухой от крысиного присутствия он не опасался, ибо переболел боткинской болезнью еще в пятом классе, когда семья проживала на маяке острова Большой Олений, а он в интернате при школе.

«Живи и жить давай другим»*, как часто цитировала какого-то старого поэта всезнающая Людмила Евгеньевна.

* Из стихотворения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы», посв. Л. А. Нарышкину.— Прим. авт.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Александр Миронов
(пос. Товарково Калужской обл.)

НА КОМИССИИ

Печатался в сборнике калужских писателей, посвященном 55-летию ВОВ, в журналах: «Костер», «Ясная Поляна», «Крестьянка», «Работница», «Роман-журнал XXI век», «Пограничник», «Воин России» (проза, стихи), «Молодая гвардия», «Аврора», «Клуб» (стихи); в альманахе «ЛитРос»; в газетах: «Литературная Россия», «Сударушка», «Русская земля» (Москва), «Московский железнодорожник»; в сборниках лауреатов лит. конкурса им. В. М. Шукшина «Светлые души» (1999 и 2007 гг.). Награжден дипломом литературного форума «Ковдория». Лауреат «Литературной Вена 2010» (стихи). Лауреат Конкурса журнала «Чайка» (США) (проза). Вышла в свет книга детских рассказов «Увеличительное стеклышко» (изд-во «Золотая Аллея» г. Калуга. Автор журнала «Приокские зори».

В коридоре перед залом заседания сельсовета на стульях сидят трое. Две старухи и старик.

Старухи в поношенных плюшевых курточках, в длинных юбках, на ногах у одной — вельветовые полуботинки, у другой — суконные ботинки. Обе в выцветших старых платках, повязанных домиком.

Старик большой, сидит прямо, ладони скрестив на суковатой палке. Он в резиновых сапогах, в серых штанах, на колене — четырехугольная заплатка. На старом военном кителе, по случаю прихода к властям, висят медали: «За отвагу» и две юбилейные. Старик хмур, задумчив и безучастен.

Старухи негромко о чем-то переговариваются.

Скрипит дверь зала заседания, и на пороге появляется мужчина лет сорока.

— Ффонцева, заходи! — говорит он хрипловатым баском.

Старуха в ботиках встает, одергивает куртку, поправляет платочек на голове и, бросив прощальный взгляд на собеседницу, семенящим шагком проходит в зал. Мужчина прикрыл за ней дверь.

Председатель, молодой человек лет двадцати семи, в костюме, при галстукe, в белой сорочке, сидит за большим столом, покрытым зеленым ситцем. Он строг, старается держаться официально, перед ним бумаги и ручка. Рядом с ним женщина, примерно его возраста, и тоже строго одета.

— Ффонцева Татьяна Яковлевна? — спрашивает председательствующий.

— Нешто, Алеша, ты меня не признал? — удивляется, остановившись у порога, посетительница. Худенькое, потемневшее от старости лицо ее кривится в смущении.

— Хм,— произносит в замешательстве Алеша.— Давай, баба Таня, так договоримся. Мы сейчас с тобой как на суде. Мы судим тебя за самогонование. Поэтому мы будем судьями, а ты подсудимой. Поняла?

Баба Таня согласно кивает головой, серые концы платка, как козлиная борода, мелко трясутся под подбородком.

— Вот и хорошо. А теперь подойди сюда, на середину,— председательствующий указал рукой перед столом.

Старуха повинуется.

К Алеше с правой стороны подсел мужчина, который приглашал самогонщицу в зал. Он одет легко, по-летнему, в светлую рубашу с расстегнутым воротником. Держит себя степенно, важно.

— Итак, начнем заседание,— сказал председательствующий. Члены комиссии согласно кивают головами.

— Татьяна Яковлевна, вы, конечно, поняли, зачем мы вас вызвали?

— Дык, это, зачем?..

Алеша удивленно дернул головой и усмехнулся.

— Ты что, баба Таня, не поняла? Я же сказал, что мы будем вас сейчас судить за самогонование. С самогонкой тебя, то есть вас, застукали? Застукали. Пять литров изъяли? Изъяли.

Старуха согласно трясет «бородой».

— Отняли, Алеша, отняли... Всю зиму скапливала.

Члены комиссии оживились. Блондинка, сидевшая с левой стороны от председателя, записала ответ «подсудимой».

— Ты... Вы...

Никак Алеша не может настроиться на официальный тон. Смущенно кохыкнул в кулак и начал по-простому:

— Ты, баба Таня, слыхала о законе по борьбе с самогонованием? Слыхала, я тебя спрашиваю?

Молчание. Старушка тужится что-то припомнить или сформулировать ответ полочее, но не может. Руки ей мешают, она их прячет то за спину, то сцепливает пальцы впереди себя. Наконец руки поймали уголки платка и успокоились.

— Ты что, баба Таня, с луны свалилась? Он уж второй год как в силу вошел, а ты будто бы и не знаешь. Знаешь, что есть такой закон?

— Верно, касатик, кажись, был. Про строгости слыхивала...

— Ну вот, закон знаешь, слыхала, а почему нарушаешь?

— Чего?..

— Указ, говорю, почему нарушаешь?

Старуха переминается с ноги на ногу.

— Дэк это... нужда, Алешенька.

— Какая еще нужда? По нужде самогон гонишь?

— Эдак, эдак,— поспешно соглашается старушка.— Водка-то, эвон какая стала дорогушая. Где ж ее напасешься?

— А ты что, гулянки часто устраиваешь?

Алеша обводит смеющимися глазами своих коллег. Те снисходительно улыбаются.

— Дык кажную весну и осень. Веселюсь, а то и плачу. Жисть-то вишь какая веселая,— баба Таня кончиком платка смахнула слезу.— Ты, Алеша, рази сам не понимаешь? Нужда, я говорю, будь она неладна... Кто ж без еного дела что делать будет мне? Э-э... — махнула рукой.

— Ну, можно и за деньги.

— Конечно, можно. Почему нельзя? И за деньги можно. Так не хотят. Кто сейчас за деньги работает? Деньги мало кто берет. Им, говорят, подавай сейчас жидкую валюту. Да оно маленько подешевше с самогоночкой... Этот раз Проша вспахал огород, выпил баночку, а от денег отказался. Разве мне плохо?... Спасибо тебе, Прохор Игнатич! Хороший ты человек. И пашешь ладно.

Старушка кланяется мужчине, сидящему с правой стороны от Алеши.

— Ты, бабка, того, этого... не сваливай тут на личности,— ворчит Прохор Игнатьевич, нахмутив густые выгоревшие на солнце белесые брови.

— Дык я что, касатик,— забеспокоилась бабка.— Я ж не со злом. Я ж тебя хвалю. Ты сердобольный, Проша. И пьешь мало, и денег не берешь. Другие...

— Ты зачем сюда пришла, бабка? — повысил голос «касатик», краснея.

— Дык это... вызывали. За самогонку, поди...

Старушка пригнула испуганно голову и заводила уголком платка по лицу, казалось, еще немного, и она заплачет.

— Вот и отвечай. Следующий раз будешь знать, кого угощать,— ворчит Прохор.

— Дык это старый Михай, паразит,— всхлипнула она без слез.— Пить пьет, а как помочь чево попросишь, не может. Не дала ему похмелиться... Да и то человек не по злобе сболтанул. Во хмелю был. Он сам здесь,— кивает на двери.— Пришел каяться. И старуха Настася с ним. Ох, и шибко она его ругала. Ох, и ругала... Обещает своей самогонкой вернуть мне за туе, что у меня отняли...

Члены комиссии засмеялись. Старуха сконфуженно осеклась и подалась к столу.

— Тю! Че я трекаю? Вы не слушайте меня, старую дуру... Вы уж это,— вытянутой рукой показала на двери,— им ниче не говорите. Ладно?

— Ладно, ладно, бабка. Прикуси язык,— буркнул Прохор.

Блондинка наклонилась к председателю, и что-то негромко сказала ему. Тот одобрительно кивнул головой.

— Татьяна Яковлевна,— обратилась она к бабке.— Возьмите стул, присядьте.

— Вот спасибо, деточки,— обрадовалась старушка, засуетилась. Взяла стул у стены и поставила его на то место, где только что стояла. Села, облегченно вздохнула.— Ноги-т совсем, язви их, худы стали...

— Татьяна Яковлевна, вы о деле бы говорили. О том, о чем вас спрашивают. Лишнего не надо,— сказала женщина тоном учительницы младших классов.

На вид она была привлекательной, аккуратненькой, с розовыми губками, располагала к себе. Благодаря ее присутствию старушка чувствовала себя несколько приободреннее.

— И о Прохоре Игнатьевиче ничего говорить не надо. Мы его знаем. Он человек положительный,— добавила она.

— Этак, этак,— одобрительно кивает старуха.— Проша парень хороший, ничего не скажешь. Кабы все такими были, в совхозе жить легче было бы. Его только кликни, он завсегда. Доброй души человек и денег не берет...

— Слушай бабка, перестань меня дергать! — возмутился Проша, заерзав на стуле.— О деле давай.

— А я че? — стушевалась Татьяна Яковлевна и стала оправдываться.— И я о деле. Нешто я не понимаю?... И самогоночку я че, для плохих людей делаю? И она у меня чистая, без табака. Не для себя, а для дела. Когда нужда припрет, чтоб способней было... Вон, в прошлый месяц, помнишь, Валерия Марковна, я к тебе приходила в правление? Насчет боровка, подложить его надо было...

— Помню, Татьяна Яковлевна,— кивнула женщина в ответ в некотором смущении.— Но поймите меня. Не могла я тогда дать вам ветеринара. Занят он был. Так вы уж не обессудьте.

— Да будет, будет,— отмахнулась старуха маленькой ручкой.— Бог с тобой. Я не в обиде. Я Костратыча и так потом сыскала. На ферме подкараулила. Тоже говорил, некогда. А когда сказала, что самогоночкой попотчую, пришел, уважил. Во-от...

«Во-от» сказала ласково, с таким значением, словно всякое к себе участие воспринимала как божескую милость.

— Это, значит, вы Антона Калистратовича пьяным напоили?

— Бог с тобой, касатушка. Он много не пьет. Он только два стаканчика выпил, когда кастрировать пошел. Да два после. И всего-то... А денег не взял. Да-а. А чтоб пьяным?.. Не-ет. Он не шатался. Он сам говорил, что ему некогда, все на ферму торопился.

— Понятно,— раздумчиво проговорила Валерия Марковна.

— Нет, ты не сумлевайся, касатушка. Он мужик хороший. К нему только подход нужен. А без еного дела какой подход? Он, как Проша...— сказала и осеклась под горящим от негодования взглядом Прохора, казалось, еще немного и он бабку отма-терит.

— Баба Таня, ты нам толком можешь объяснить, почему ты стала самогонщицей,— спрашивает председатель, скрывая усмешку.

— Ну-у, это, почитай, у нас сызмальства,— заулыбалась баба Таня, оголив ряд мелких зубов.— Я еще, помню, вот такусенькой была, своему деду ее делать пособляла. Я ему, помню, щепу ношу, а он в кастрюльке бражку парит...

— Баба Таня, ты нам об истории самогонварения не рассказывай. Мы и без твоей лекции кое-что смыслим в этом деле, ну и прочее... Ты конкретно, о себе. Почему ты взялась за производство этого зелья? Ведь ты закон нарушила.

— Дык, Алеша, касатик, куда ж я без нее? Она мне и огород пашет и дрова возит. А не будь у меня ее, хоть ложись да помирай...— всхлипнула.— Это когда я работала в совхозе, то совхоз мне мал-мальски помогал, жить можно было. А теперь все, я — отрезанный ломоть. Это ладно ты в энженерах ходишь, своей бабке бесплатно помогаешь. А мне кто? Одна как перст осталась! — У старухи заслезились глаза, голос задрожал.— Сама работать боле не могу. Пенсии 32 рубля 42 копейки. Попробуй, поживи...

— Ладно, баба Таня,— остановил Алеша старухины причитания,— нам все ясно.— Посмотрел на членов комиссии, те согласно кивнули головами.— Ты выйди сейчас в коридор, посиди там. А мы посоветуемся. Иди.

Старушка со вздохами поднялась и, вытирая концами платка глаза, засемила к двери, постукивая резиновой подошвой суконных ботишков.

Минуты через три-четыре самогонщицу вновь пригласили в зал заседаний.

За столом стояли Алеша и Валерия Марковна. Председательствующий, держа перед собой лист бумаги, судейским голосом зачитывал решение:

— Заслушав дело о нарушении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.85 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства, алкоголизма и самогонварения» товарищем Ффонцевой Т. Я., неработающая, пенсионерка, беспартийная, русская, два класса образования, комиссия по борьбе с пьянством и самогонварением постановляет...

Старуха замерла. Глаза расширились, губы заметно подрагивают. На лице страх и ожидание.

— ...За нарушение Указа гражданке Ффонцевой Т. Я. вынести общественный выговор.— Председатель положил на стол лист и добавил, не снижая официальной тональности в голосе: — Данное решение, если вы, Татьяна Яковлевна, с ним не согласны, можете обжаловать в нашем сельском совете.

— Ой! — радостно воскликнула старушка.— Что ты, что ты! Я согласная. Дай вам Бог всем здоровья...

Ее темное лицо осветилось счастливой улыбкой, и она, бедная, засуетилась вокруг стула, на котором до этого сидела, раскланиваясь на две стороны, то Алеше и Валерии Марковне, то Прохору, стоявшему за ней.

— Вот спасибо-то!.. Вот спасибо-о!.. А меня-то как напугали... Мне ж сказали, чтоб я готовила двести рублей. А я... А где б я их взяла?

— Татьяна Яковлевна,— остановила радостные причитания старухи Валерия Марковна, постучав казанками пальцев по столу.— Мы вас на первый случай решили пока предупредить, то есть объявить выговор.

— Вот хорошо-то...

— Но,— повысила она голос до строгости,— если вы еще раз попадетесь, мы вас оштрафуем. Поняли?

— А как же, че тут не понять?.. Штраф худо. Штраф совсем плохо. А выговор ничо, выговор можно... Не-ет. Больше я Михею и на понюх не дам. Паразит, натерпелась сколько...

— Иди, баба Таня, иди,— потянул ее за курточку Прохор.

— Ага, ага, пошла,— согласно затрясла та "бородой", подаваясь к двери.

Но, взявшись за дверную ручку, вдруг обернулась и, глядя на Алешу ласково, робко спросила:

— А это, самогоночку мне вернуть нельзя? Нет?..

— Ты что, бабка?! — удивленно воскликнул молодой человек и со стоном проговорил:

— Иди, иди ради Бога отсюда!

— Иду,— перекрестилась старушка.— Иду. Это я так... Жалко, вот и спросила... Эх-хе. Опять пять рублей тратить. Где дрожжи брать? Сахар куда-то подевался. Вот беда-то... — бормотала она, выходя из зала.— И што за жисть?..

Ольга Волгушева
(г. Москва)

Публикуется в «Приокских зорях» впервые. Прозаик, член Творческого клуба «Московский Парнас».

СТЕПЬ

В начале 60-х годов мне пришлось поехать в командировку в Москву. Я долго отказывалась, не хотела оставлять семью на полмесяца. А тут начальство было неумолимо: езжай — и все!

Перелопатив кучу дел, села в алма-атинский поезд совершенно без сил и целый день проспала на верхней полке, переживая, как там дома без меня. Ездить на поездах я всегда любила. Спешить никуда уже не надо, смотри себе в окно, читай, наблюдай за жизнью, пользуйся возможностью отдохнуть.

Далеко за полночь вышла в пустой коридор. Пассажиры давно уgomонились, разместившись на своих местах, наше купе тоже сладко похрапывало.

Только что проехали загадочную станцию Тюра-Там, которая была воротами в город Ленинск. Значит, совсем близко космодром Байконур, о существовании которого мы уже знали.

Начинался самый утомительный отрезок пути. Почти сутки поезд тянется по унылой бескрайней степи, иногда подолгу петляя между невысокими холмами. Тогда можно видеть то хвост, то голову состава, раскачивающегося между снегозащитными заграждениями — единственными сооружениями в этих безлюдных местах. В окна врывается горячий пыльный ветер и стук колес, который звучит в этой сухой атмосфере по-особому. Порой начинаешь думать, что колеса стучат не по рельсам, а по частоколу этих бесконечных щитов, высушенных солнцем и ветром. Из-за того, что звуки и картина за окном не меняются в течение долгих часов, кажется, что едешь по кругу по одному и тому же месту: все та же желто-бурая земля и выжженная солнцем трава.

Больших станций нет. Лишь изредка промелькнет разъезд с двумя-тремя такими же бесцветными глиняными домиками, раздастся сигнал тепловоза и снова, сколько хватает взгляда, степь.

И так хочется увидеть одинокого всадника или верблюда, на худой конец какой-нибудь кустик или стоящего столбиком суслика, чтобы разнообразить эту безрадостную картину.

«Как хорошо, что проедем эти места ночью», — подумала я и, стоя у окна, посмотрела вдаль. Сначала мое внимание привлекла ярко-оранжевая полоса у самой линии горизонта. У меня захватило дух: полоса четко отделяла бурую, даже в этот

ночной час, землю от неба, которое, словно огромный купол, накрывало ровную бескрайнюю степь. Край купола у светящейся линии горизонта был светло-голубым, а все темно-синее пространство самого купола усеяно яркими звездами. Подумалось, будто это отблеск от огней стартовых площадок Байконура. Или предвестник восхода солнца? Феерическую картину дополняли десятки метеоритов, ежесекундно пронзающих небо во всех направлениях огненными стрелами.

Был август — время метеоритных дождей. Падающие звезды освещали степь и небо фосфоресцирующим светом так сильно, что на плавном изгибе показалось, что набравший скорость поезд мчится по степи куда-то вверх, и вот-вот оторвется от земли и взлетит в это бескрайнее небо, а может быть, и прямо в космос.

Машинист дал пронзительный гудок, заглушивший стук колес. Меня охватило странное чувство тревоги и тоски одновременно. Может быть, показалось, что поезд и впрямь умчит меня от детей, от дома навсегда, а не на десять дней командировки. Я жалела, что никто, кроме меня, не заметил завораживающую мистическую сцену, которая разыгралась ночью посреди огромной казахстанской степи.

Много раз потом доводилось проезжать эти места. Я хотела увидеть эту картину снова и с волнением подходила к вагонному окну. Но, увы, ночная степь была безмолвна и обыденна.

Круговерть разных дел закружила меня на долгие годы. Мы давно уехали из Чимкента в Россию...

Однажды я услышала по радио песню на казахском языке, пела Роза Рымбаева. В памяти вдруг отчетливо всплыла картина, увиденная много лет назад: огромная степь, ночное небо. Песня соединяла воедино простор этой древней земли и космоса. Я замерла и снова представила себя в поезде, несущемся к звездам.

ДУДАК

Во время строительства Чимкентского фосфорного завода мне довелось познакомиться с инженером Югансоном. К сожалению, не помню имени-отчества. Поехали с ним на обследование системы сброса сточных вод.

За окном привычная картина — долина реки Бадам, тополя вдоль Ленгерского шоссе, выжженная трава и едва видимая сквозь знойную дымку гряда Сайрамского хребта.

Разговорились. Оказалось, что он недавно приехал в наши края из Прибалтики, кажется, из Эстонии. Мой собеседник восторгался пейзажами. Я удивилась и спросила, что же его так взволновало? Ведь в Прибалтике море, сосны, леса — это гораздо интереснее. Югансон ответил, что в Прибалтике все причесано и ухожено так, что это уже не леса, а парки. А здесь природа уникальная, дикая, совсем не тронутая человеком, и очень разнообразная. Ему понравился наш зеленый город и окрестности.

«Я уже побывал на Сыр-Дарье, там так красиво и столько дичи!» — поделился своими впечатлениями Югансон. Оказалось, он был заядлым охотником. Мне приятно было услышать такие слова о нашем крае от приезжего человека.

А про себя усмехнулась: вот попробовал бы он поездить летом в горячем переполненном автобусе по пыльным дорогам, или зимой померзнуть на остановках, перестал бы так говорить.

Через некоторое время подумала: а ведь он прав! И вспомнила свое довоенное детство.

Тогда мои дяди были еще холостыми и жили вместе с нами. Вечерами часто собирались на кухне за большим столом, ужинали и рассказывали всякие истории. А мы — дети, пригревшись на русской печке, слушали их удивительные рассказы.

Все трое были охотниками и рыбаками. Ездили с друзьями по всей области и на Дарью, и в степь. В тугаях у реки водилось несметное количество разной дичи — утки, гуси, фазаны, дрофы, кабаны. Раненый кабан, как рассказывал дядя Петя, был очень опасен, ему на себе пришлось это испытать. Его спасло только направление ветра, дувшего от кабана — зверь не учуял охотника, затаившегося в зарослях.

Рассказов было много. Однажды огромный сом чуть не утащил компаньона на большую глубину. Тот пошел проверить сети, и, если бы товарищи не подоспели вовремя, запросто бы утонул — еле удержали. Мы слушали, затаив дыхание, даже со страхом — сомов-то они привозили очень крупных!

Да и сама видела, как по улицам ездили полуторки с откинутыми задними бортами, из которых свешивались хвосты сомов, а на базаре их, чтобы продать, топорами разрубали на куски.

У дяди Саши всегда были охотничьи собаки. Хорошо помню, когда наступал сезон охоты, дядюшки готовили снаряжение и надолго уезжали. Возвращались с уже выпотрошенными, присоленными сомами. Привозили уток, дудаков, фазанов. Мне, как старшей из детей, приходилось ощипывать птицу, и всегда было ее безумно жаль.

Всей семьей мы жарили, солили и коптили добычу, а потом лакомились дичью несколько дней. А уж если удавалось подстрелить сайгака, то мяса хватало надолго. Ухой и большими кусками жареной рыбы наедались досыта. Бабушка тушила куропаток в большом казане с помидорами и овощами. Все это запомнилось, потому что охота и рыбалка помогали прокормить большую семью.

В голодные послевоенные годы охота очень выручала и семью дяди Саши. Кабанчики и кеклики (куропатки) были основным мясным блюдом и угощением для гостей. Правда, кажется, охоту на дроф, фазанов и сайгаков после войны запретили — не помню, чтобы дядя Саша их привозил.

Был и такой случай. Однажды парень из их компании подстрелил самку сайгака. Дядя Саша буквально со слезами рассказывал, как детеныш ходил вокруг мертвой матери. Увидев это, он бросил в сердцах ружье на землю, выругался матом (чего никогда не делал) на этого живодера. Охота была испорчена, пришлось вернуться в город. Парня из своей команды он прогнал, но потом долгое время не мог охотиться.

Дядя Ваня великолепно коптил на самодельной коптильне жирных лещей и всегда передавал гостинец московским родственникам.

Ходят слухи, что теперь арабские шейхи приезжают в наши степи и за большие деньги участвуют в «царской охоте» на дроф.

Когда я работала главврачом Южно-Казахстанской краевой санэпидстанции, много поездила по этим местам. Наконец своими глазами увидела и степи, и пустыню, и горы, и Сыр-Дарью, и Аральское море. На машине исколесила всю Кызыл-Ординскую область — надо было обследовать водоснабжение, канализацию, благоустройство, городов и сел. Побывала в Казалинске на рыбоперерабатывающем заводе — здесь запахом свежеекопченной рыбы наполнен воздух всей округи.

Из Казалинска путь лежал в Аральск на полуторке. Гладкая, твердая, как асфальт, грунтовая дорога петляла вдоль берега Сыр-Дарьи.

Вдруг из зарослей саксаула и камыша появилась серенькая птица, похожая на изящную курочку с длинным продолговатым хвостиком.

— Самочку фазана потревожили, — сказал водитель.

Тут же показался самец — красавец-фазан, с роскошным, как у павлина, хвостом и разноцветным, ярким оперением, резко отличавшимся от желтовато-серых красок местности.

Только успели обсудить красивую птицу, как стало совсем темно. Будто кто-то накрыл нас одеялом. Потом раздался шум, и через открытое окно обдало волной горячего воздуха.

В переднее стекло увидела, как огромная тень наползает на капот и дорогу. Низко в небе появляется что-то большое и непонятное. Водитель спокойно так, поясняет:

— Дудак. С гнезда спугнули.

Тут вижу — это огромная тяжелая птица с размахом крыльев больше метра. Успеваю разглядеть маленькую головку на вытянутой шее, грудку, покрытую мягкими желтыми перышками, и ножки, плотно прижатые к длинному брюшку.

Вдруг, фельдшер, сопровождавший меня в поездке, выхватил из-за спинки моего сидения двустволку и выставил в открытое окно. Я только успела крикнуть:

— Не стреляйте!

К счастью, дорога тут круто сворачивает направо. А медленные, но мощные взмахи крыльев уносят птицу налево, и она скрывается в зарослях саксаула.

Как же я обрадовалась, что дрофу не подстрелили!

Борис Голев
(г. Тула)

ЗА ЛОСЕМ И КАБАНОМ

Борис Голев — замечательный рассказчик — охотник, продолжатель традиций этого литературного жанра, доведенного до совершенства в XIX веке. Постоянный автор «Приокских зорь».

ПРЕДЫСТОРИЯ

Наши отцы, да, пожалуй, и наши деды, посвящавшие свой досуг охоте, не знали охоты на кабана. Кабан издавна водился на просторах России, был обычен в западных и южных губерниях, в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. С конца XIX века в связи с применением огнестрельного оружия дикий кабан исчез из многих центральных районов, к 30-тым годам прошлого века в Подмосковье его практически не стало.

Мы довольствовались охотой на зайца, гордились, когда привозили домой лисичку, весной ездили на тягу вальдшнепов, осенью стреляли уток и при этом считали себя добытчиками, настоящими охотниками. Немногие уезжали на Север, в Сибирь, охотились на глухариных и тетеревиных токах, участвовали в охотах даже на медведя. Мы и не помышляли об этих охотах.

В начале шестидесятых, во время лыжной прогулки в Яснополянской Засеке, захал к знакомому егерю, Ивану Никитичу Исаеву, Исаю, как звали его охотники. Тот под страшным секретом рассказал, что у него появились кабаны. Он их подкармливает.

— Приезжай ко мне с ночевкой, я тебе покажу их.

Как-то быстро кабан прижился, численность его росла. Причиной этому послужило заметное увеличение численности кабана в западных областях, их естественное расселение на север и восток, где они быстро освоили районы с развитым сельским хозяйством. Расселению способствовали выпуск, охрана и подкормка кабанов в хорошо организованных охотхозяйствах и, конечно, наличие кормовой базы в наших лесах — дикий орех, желудь. Кабаны стали обычны, в начале семидесятых годов их стало так много, что жители небольших деревень поздней порой боялись ходить из деревни в деревню, грибники опасались встречи с кабаном, вепрь все-таки. Кабан обжился, от него и вред пошел. Разрывал картофельные поля, бурты с заложенным на зиму картофелем, перепахивал посадки молодого дуба в поисках желудей. Открыли на него охоту. Сразу было ясно, хоть кабан и дикий зверь, от человека зависит. В охотхозяйствах, где подкармливали его зерноотходами, картошкой, желудей подсыпали в кормушки, кабана было много. На кабана велась не только любительская охота, кабана отстреливали бригады охотников для сдачи мяса государству. Бригады формировались из таких же любителей, если выполняли план отстрела, полагалась, как бы премиальная, лицензия на лося или кабана.

ПЕРВЫЕ ОХОТЫ

Придя на работу после окончания института, Борис как-то естественно влился в охотколлектив.

В конце сезона молодым предложили лицензию на кабана, из нереализованных. Лицензию взяли к знакомому леснику, Киселеву Сергею Петровичу, иногда охотились с его гончими. Приехали к Сергею Петровичу с вечера, у него и ночевали. Утром Петрович сказал:

— Переходите овраг, двигайтесь по санному следу к лесу, смотрите кабаньи переходы. Я вас на лыжах догоню, вот только кой-какие дела сделаю.

Утро выдалось морозное. Конец января, высокое небо чистейшей голубизны, до самого леса заснеженное поле переливалось алмазным блеском, лес за полем предвещал сегодняшнюю охоту. Оставленная за спиной деревенька как будто утопала в снегах и — струилась печными дымками. Сразу за оврагом начали попадаться заячьи следы. На следы поглядывали молча, сегодня не до зайцев. В лесу санный след пересекала просека, решили двигаться по просеке параллельно опушке леса. Движение остановилось. Наискось просеку пересекала рваная борозда. Снега к этому времени насыпало изрядно, поняли, прошли кабаны. Начали гадать — в какую сторону пошли кабаны? Охотничьего опыта у всех было немного, зато амбиций достаточно. Барчуков указывал в одну сторону, Великородный — в другую. Сыпучий снег не давал отпечатка копыт. Пока спорили, на лыжах подъехал Сергей Петрович.

— Петрович, не пойдем, куда ушли кабаны? Вроде бы направо.

Сергей Петрович подавил улыбку, стал показывать:

— Смотрите, куда выволок, куда он ногу тащит из снега, смотрите, где он через бурьян шел, в какую сторону он кустики от снега стряхнул. А пошли кабаны налево, и я знаю, куда пошли. Теперь давайте за мной.

Петрович не пошел кабаньим следом, прошел дальше до пересечения с другой просекой и по ней повернул. Прошел этот квартал и опять повернул. Через некоторое время впереди просеку пересекал тот же след. Остановились. Петрович негромко объяснил:

— Теперь тихо. Скоро ельник будет, кабанам самое место в нем отлежаться на теплой подстилке. Обходить ельник не будем, прошли кабаны дальше или остались, дело покажет. Сделаем загон втемную, а то можем подшуметь. Рассказал, как идти, пересчитал нас взглядом, сказал, как расставиться.

— Я в загон один пойду, достаточно. Перед началом сигнал дам, крикну.

Шли молча, пока впереди не затемнел ельник. Ельник обходили стороной, что б не стронуть кабанов. За ельником редкое мелколесье спускалось в овраг, над оврагом перед ельником и расставились.

Впереди Володи Великородного просматривалась просека, вернее, посаженные рядами ели. Ели были немолодые, они переплелись темными лапами, но ряды просматривались. Володя не успел вжиться в окружающее, как послышалось: «Оо-оп! — Оо-оп!.. — Вот! — Вот!..»

Почти сразу за криком в просвете елок встал кабан. После выстрела кабан завалился, в просвете промелькнули еще два. Вскоре по этому же ряду вышел Сергей Петрович, поманил к себе Володю. Рядом с ним, почти зарывшись в снег, лежал кабан.

— Поздравляю. Небольшой секач, двухлетка. Для начала — неплохо.

Подтянулись остальные. Охота окончилась, каждый был немного расстроен, почему не на него зверь вышел. Зато Володя был на вершине славы — как же, вот кабан, можно сказать — вепрь, и положил его он!

— Степаныч, старший в команде, скомандовал:

— Разряжайте ружья, ты, Петрович, поезжай за лошадью, мы пока кабана разделаем.

Кто раньше участвовал в облавных охотах, быстро справились с кабаном. Только Володя Великородный прохаживался неподалеку и негромко напевал из Высоцкого: «Идет охота на волков, идет охота. Конечно, сегодня был его день».

Вскоре послышался скрип саней, Сергей Петрович сразу развернулся на поляне.

— Ну, мужики, не поверите! Со мной такое случилось! Вы тут прошлый раз: «Разрядить всем ружья!» Вот и я разрядил. Представляете, отъехал от вас, стал в овраг спускаться, а из правого отвертка кабаны пошли, штук шесть. Я ружье стаскиваю, прикладаюсь, жму на курок, а выстрела нет! Тут до меня доходит, ружье-то разряжено! Пока патроны вложил, кабаны уж далеко. Выругался я на вас, оглядываюсь по сторонам. А в другом отвершке, слева, кабан затаился в деревьях. Прямо ко мне мордой, сейчас бросится! Стреляю, кабан на месте остался. Вторым стреляю, кабан стоит. Перезаряжаюсь, подошел ближе, стреляю. Стоит кабан! Патроны что-ли плохие? Достая последний патрон, ближе подошел, выстрелил, а он стоит. Тут мне страшновато стало. Стою, смотрю, думаю. Остался еще один патрон с заячьей дробью. Потихоньку подхожу. Смотрю, а кабан-то мертвый. Застрял в развилке липок, давно, наверное, стоит. Думаю, что получилось — кормились кабаны на поле над оврагом, кто-то их напугал, бросились они вниз по склону, кабан прыгнул через липки, что росли из одного корня, и попал между стволов лопатками. Стал выбирать, снег глубокий, рыхлый, только ниже опускается. Его и заклинило. Морозы стояли за двадцать, он и замерз. Охотники недоверчиво слушали.

— Петрович, ты жене расскажи, как сдохлым кабаном в схватку вступил.

— Можете не верить, сейчас поедем, я вам покажу, как все было, нам через этот овраг выбирать.

Погрузили кабана, двинулись за саними. Все так и оказалось, как рассказывал Петрович. Лыжный след спускался в овраг, где сходились два отвершка. Пошли смотреть. Слева в деревьях темнело, подошли ближе. Действительно — кабан, небольшой кабан. Как живой стоит. Подошел Борис Степанович и за щетину поднял кабана из развилки.

— Что с ним делать, он вымерз, почти ничего не весит. Петрович, забирай его собакам.

У Петровича, засиделись до вечера, уезжали уже по темному. В машине было холодно, печка не работала, водителю, сидя за рулем, приходилось левой рукой через открытое окно протирать лобовое стекло. На заднем сидении сидел Володя Великородный и мурлыкал: «Идет охота на волков, идет охота...».

ТАК ЛИ ОПАСЕН КАБАН

В пятницу после работы с лицензией на кабана едем на охоту. С дороги свернули в Плоское, к знакомому леснику. Борис с Юрой на лыжах отправились к егерю, Толику Хренову, в Березовку. Подъехали к дому уже в сумерках. Егеря дома не было, жена говорит:

— Ушел на лыжах еще утром, подождите, скоро должен быть. Проходите в дом, чайник недавно кипел, чай пить будем.

Через какое-то время в сенцах слышится шум, в дверях появляется Толик Хренов, шапка и куртка в снегу, лицо горит от ветра и мороза. Здоровается, мы у него не впервой.

— Что у вас, — лось? — кабан?

— Кабан. Опять под закрытие охоты лицензию дали.

— Мужики, а у меня — пусто! Целый сезон долбили и ваши тульские, и алексинцы. Я сегодня весь участок на лыжах проехал — ни одного перехода. Лоси ходят, а кабана нет.

Борис с Юрой поскуцнели, смотрят выжидающе. Толик уже разделся, присел к столу. Ребят этих он знает давно, надо как-то выручать.

— Вы у Сергея Петровича ночуете? За дорогу от Поповки уже другой участок, не мой. За вашей деревней — старый ельник, за ельником поле, с одной стороны овраг тянется, с другой стороны — дорога на Алексин. На поле в валках солома осталась, утром посмотрите, кабаны могут залечь. Парочка там ходит. Пройдите низом по оврагу, разойдитесь по полю, проверьте валки с соломой. Постарайтесь на лежке взять. Если кто подъедет, скажете — подранка добирали. Не возьмете на лежке — постарайтесь толкнуть в сторону моего участка, через дорогу.

Утром получилось так, как говорил Толик. За ельником развернулись цепью и пошли параллельно дороге. Хорошо, Виктор пошел оврагом, он и стронул кабанов, лежали в соломе на краю оврага. Лежали уже на слуху, солома зашевелилась, потом развалилась, кабаны на махах пересекли поле и ушли через дорогу. Не стреляли, далеко, этих кабанов мы больше не видели. Целый день, просеку за просекой, поворот за поворотом, шли за этими кабанам. Ни в отъемном, ни в глухом лесу они не остановились. Под вечер пересекли свежую борозду кабаньего перехода. Загон решили делать втемную, светлого времени оставалось мало. Загон оказался удачным, стрелял Димка. Сошлись на выстрел, кровь.

— Шесть штук было, стрелял по последнему, но далековато.

Думали, что дальше делать. Надо бы время выждать, пусть облежится. Но времени не было, темнело. Покурили, пошли по следу. Крови было немного. Вместе с кровью на следу — брызги коричневой дряни. Видимо, пуля пробила кишечник. Вскоре раненый кабан от стада ушел в сторону. Вышли на край поля, цепочка следов тянулась в сторону отъемного леса. Преследовать дальше не было смысла, почти стемнело.

Над головами уже ярко сияли звезды, запрокинутый ковш Большой Медведицы указывал на Полярную звезду, Полярная звезда — на Север. Краем леса вышли на лесовозную дорогу, дорога шла в нужном направлении. Наезженная дорога припорошена снежком, идти легко, только целодневная погоня за следом давала о себе знать. Вспотели, холод все глубже проникал под одежду. Шли уже долго, лес по сторонам дороги то светился березовым белоствольником, то мрачно темнел спящими елями. Как водится, начались сомнения, туда ли идем, перспектива оказаться ночью посреди леса без всякой надежды на тепло и уют деревенского дома никого не радовала. Борис Степаныч уверенно шел впереди и эта уверенность передалась всем. Спустились в низину, поднялись на бугор и увидели впереди цепочку движущихся огоньков — дорога, к которой стремились. За дорогой темным пятном среди снежного поля угадывался ельник, за ельником, знали, Плоское. Даже лошадь в конюшню идет быстрее, поэтому оставшийся путь одолели быстро. В доме не спали, как оказалось, там были гости. Сергей Петрович, раскрасневшийся от выпитого, жестом пригласил всех к столу.

— Присоединяйтесь! У жены сегодня в Алексине районное совещание было, она своих учительк к себе ночевать привезла, поздно им на ночь глядя домой добираться. Как успехи, взяли своего?

— Да нет. Утренние, что за деревней в соломе лежали, не подпустили, потом целый день нас по лесу таскали. Идут и идут, нигде не остановились. Под вечер наткнулись на свежий переход, стреляли, зацепили одного, решили до утра оставить.

Петрович уточнил, как шли, как стреляли, как возвращались.

— Понял, вы его у Торчкова леса оставили. Хорошо, если ночью не сдохнет. Брюшину вы ему прострелили. Если сдохнет, его тогда собаки жрать не будут. Завтра я вам помогу. Подъедем прямо к лесу, на вашем запорожце подъедем, там дорога наезженная есть.

Вечер затянулся надолго. После дня лыжной погони за кабанам отдали должное угощениям хозяйского стола, согрелись выпивкой, и завязался общий разговор.

Да и учительки уже остыли от сегодняшнего совещания, согрелись, захмелели немного, почувствовали освобожденными от служебных, от домашних забот, ощутили себя молодыми и свободными. Петрович уже снимал с гардероба гармошку, и деревенская изба наполнилась музыкой, громкими голосами, добрым человеческим теплом.

Утром все были полны решимости добрать кабана.

Дорога к лесу, где бросили вчера подранка, оказалась не такой уж долгой. На машине подъехали почти к самому лесу. И след входной нашли быстро. Петрович сказал, где кому встать, взял с собой Великородного и углубился по следу. Началось ожидание. Ночное тепло потихоньку уходило, ожидание затягивалось. Два выстрела обнадежили, но тишина после выстрелов была такой же долгой, за выстрелами ничего не последовало. Борис помахал Виктору, сошлись.

— Слушай. Может, кабан их там размазал? Может, им помощь нужна? Соседу справа показали, идем по кабаньему следу. Вскоре увидели идущих навстречу Володю и Сергея Петровича.

— Больше не можем. Вышли на овраг, шесть лежек с кровью, а лежал он за грядой и тихо ушел. Два раза стреляли вдогонку, без толку. Пошли за ним, он прет и прет, и крови на следу почти не оставляет. Выходил на стрелков, только вы ведь тихо стоять не можете. Он обратно в лес уходил. Лес небольшой, но оврагов! Мы сдохли. Идите вы с Виктором.

Дошли до места, где Петрович с Володей оставили след, стали разбираться. След путался со старыми, приходилось постоянно наклоняться, оттаивать в ладони снежные катышки на следу, кровинки подтверждали — след тот самый. Борис шел впереди, Виктор чуть сзади. Кабан крутился в середине этого отъемного леса, в поле не выходил. Похоже, он уже знал расположение всех стрелков, где наши стояли на номерах, крутился в оврагах, в частике. Но мы-то подпирали его сзади. В очередной раз, когда Борис наклонился, чтобы оттаять катышки снега на следу, впереди раздался то ли рык, то ли вздох: «Ухх..., ухх...» Борис поднял голову — кабан был впереди, метрах в двадцати, и уже бросался на него. Первое впечатление — какой-то он плоский, некуда стрелять. Кабан шел прыжками, только холка кольхалась вверх-вниз. Выстрел... — кабан прет, вторым стрелял метров с трех — прямо в лоб. Кабан заковырял, но шел. Третий выстрел — стрелял Виктор — кабан ткнулся в землю. Последующее разбирательство показало: первая пуля прошла выше головы и только чиркнула по спине, не задев позвоночника. Вторая прошла краем морды и только оглушила кабана. Третья — убойная, через шею прошла прямо в сердце. Вскоре подошли остальные.

— Дима, а где секач-то, ты вчера говорил — секача стрелял?

Подняли за морду из снега, лишь небольшие клыки приподнимали верхнюю губу. Это была хорошо нагулянная свинья. Сходили к запорожцу за бечевой, накинули петлю на морду и на раз-два потянули к машине. Ошкуренную свинью погрузили на багажник и в таком виде подъехали к магазину в Поповке.

Молча отодвинули очередь, взяли водки. В очереди молчали, поглядывая в окно на стоявший запорожец с тушей кабана на багажнике. Машина повернула в сторону Плоского. Не пропадать же печенке.

КАБАНА ВЛЕТ

С переходом на другую работу возможностей для охоты стало больше. В отраслевом институте был небольшой охотколлектив, держали охотничий домик в отдаленном уголке Тульских Засек. Замдиректора института, Николай Алексеевич, сам охотник, в выходные дни выделял для охотников или рыбаков автомашину повышенной проходимости. И сам на охоту часто ездил. Виктор Васильевич, председатель охотколлектива, с Борисом они раньше охотились, когда еще работали на старой работе, рассказал:

— Организовали бригаду по отстрелу копытных для сдачи мяса государству. Вроде — нам ни к чему, все люди обеспеченные, но свой резон есть. Отстрелял сколько положено, имеешь спортивную лицензию. И всю зиму охотимся. Участок Засеки за нами закрепили. Приобрели небольшой домик подальше от трассы, отремонтировали. Две печки, одна на кухне — русская, в комнате — отопительная печь с плитой. Поставили солдатские двухэтажные кровати. Худо-бедно, человек двенадцать могут разместиться. В соседнем доме — егерь живет. И за домом присмотрит, и еще двоих-троих у него можно разместить.

В тот год охоту на копытных открыли еще в ноябре, Бориса пригласили уже на первую охоту. Еще в Туле Борис ощутил организующее начало Николая Алексеевича. Все собрались вовремя, машина пришла вовремя.

Виктор Васильевич представил Бориса Николаю Алексеевичу:

— Недавно у нас работает. А охотится давно, правда, больше по перу, но и на копытных ездил, раньше на стенде стрелял. Лося два года назад при мне положил, а в прошлом году кабан его самого чуть не положил.

— Ладно, посмотрим. Грузимся, поехали.

В тот раз, не заезжая в охотничий домик, начали цедить засеку. Снега еще не было, начали от Кузьменок. Загон от поля был пустым, решили ехать через засеку, от Турчиной до Шурухновской казармы просека была расчищена. Казарм этих давно не было, но названия остались. Остановили машину на поляне недалеко от маленькой речушки Колодни. Виктор Васильевич предложил:

— Отдыхайте пока. Мы с Борисом кружок сделаем, посмотрим, что к чему.

Шли старолесьем, лиственный высокоствольный лес без подроста не обещал ни лосей, ни кабанов. Кабаньи порытия, правда, встречались. Вышли на зарастающую вырубку, через вырубку просматривалась старая лесовозная дорога.

Виктор Васильевич остановился, осмотрелся, с уверенностью сказал:

— Пойдем через вырубку. Я думаю, скоро к машине выйдем. Заждались нас мужики.

Не успели углубиться в вырубку, застрекотала сорока. Борис поднял руку, повернулся к Виктору.

— Васильич, не зря стрекочет. Виктор Васильевич подтолкнул Бориса:

— Иди вперед.

Борис, перехватив ружье, тихо двинулся по лесовозной дороге.

Лес уже почти облетел, только вырубка светилась пятнами еще не облетевших кустов с вкраплением желтых полян некошеной травы. В этой траве и лежал кабан, с краю дороги на пригреве. Допустил близко, вскочил и бросился от охотников прямо по дороге. Стрелять было неудобно, опять поразило — такой он плоский. Несколько прыжков и он скроется в старолесье. Но еще раньше кабан отпрыгнул в сторону. Момент — и кусты его скроют. Борис накинул на прыжок, стрелял почти как по бекасу. После выстрела кабан рухнул. Тихо подходили, с ружьями наизготовку. Борис тронул стволами голову кабана. Голова была разбита. Пуля попала в сочленение костей черепа, кости точно разлетелись. Борис постепенно приходил в себя, подумал: «Все сделал правильно».

Виктор Васильевич восхищался:

— Ну, ты даешь, такой выстрел! Это называется — кабана влет!

Оказалось, машина была недалеко, притащили кабана, погрузили, было решено ехать в Высокое, на базу. Вроде-бы и не охотились сегодня, но результат был, а день ноябрьский короток. В машине Виктор Васильевич все рассказывал, какой это был выстрел — кабана влет. Борис понял, эти люди приняли его в свою команду, сегодня он все сделал правильно.

ТАКОЕ ТОЛЬКО РАЗ БЫВАЕТ

Поездки на охоту стали обычными. В пятницу созвонились, в субботу собрались на углу в ожидании машины. В этот раз Борис взял с собой сына, Сережу. В свои двенадцать лет он уже ездил с отцом на охоту, на тяге ему доверяли ружье. На эту охоту взяли в первый раз. Не заезжая на базу в Высокое, решили сразу начать охоту. Егеря взяли по дороге, первый загон делали от подкормки.

Сегодня мы богатые — лицензия на лося, лицензия на кабана, лицензия на косулю. Первый загон решили делать недалеко от Высокого, «от подкормки», как мы называли этот загон. Подкормочная площадка там действительно была, хотя в это время кабаны на подкормку еще не ходили. За скошенным полем темнел лесной массив, отделенный сырым оврагом, заросшим ивняком и осинником, за оврагом по косогору до старолесья тянулись заросли орешника вперемешку с подростом молодых березок и дубков. Идеальное место для всякого зверя. Стрелковую линию ставили по просеке в старолесье, гнали от оврага вверх. Сегодня Борис с сыном в загон не идет, на стрелковую. Сережа рядом с отцом, чуть сзади, без ружья. На этой охоте пока без ружья.

Почти сразу за голосами загонщиков — шорох по листве и косуля, оглядываясь и прислушиваясь, уходила левее метра в двадцати от Бориса и Сережи. Это был козел, рога он уже сбросил, но был так изящен и красив. Борис пока еще только любовался зверем, он еще и в мыслях не поднимал ружье, как услышал шепот Сергея:

— Папа, не стреляй, пусть уйдет.

Борис понимал чувства, владевшие сыном, но таким же шепотом чуть слышно сказал:

— У нас — лицензия на косулю, пропустим, нас не возьмут больше на охоту. В ответ услышал:

— Не стреляй, она такая красивая. Борис также тихо:

— Ну, смотри, не проговорись вечером, когда в дом приедем.

Косуля была уже за стрелковой линией, мелькнула белым зеркальцем подхвостья. Сосед слева не видел ее. Это была удача, они не стреляли и выстрелом не испортили того, что произошло дальше. Дальше было еще интереснее. Из мелочей прямо на них катили кабаны, целое стадо. Больше десятка молодых, с ними две свиньи. Борис стрелял по свинье, свинья упала, тут же вскочила, пришлось стрелять еще раз. А кабаны устремились слева и справа от охотников, они были совсем близко. Борис скосил глаза на Сережу. Нет, ружья у него не было, но и страха не было. Глазеньки сверкали. Не успели скрыться последние, услышали, и тут же увидели — справа мчался кабан, здоровенный секач. Видимо, он шел сзади стада и чуть в стороне, теперь, вслед за стадом, он шел прямо на соседний номер. Лес здесь был завален упавшими деревьями, кабан шел на прыжках, раз за разом гремели выстрелы. Это стрелял сосед справа, Левка Агеев. Работала его пятизарядка. И только на последнем, пятом выстреле, прямо на прыжке через поваленное дерево, кабан кувырнулся через голову и завалился. И все это Сережа видел. Видел, и, наверняка, все произошедшее останется у него в памяти на всю жизнь.

ОСЕЧКА

В тот раз загоны с краю засеки ничего не дали. Поехали просекой, через засеку, поехали, пока машина пройдет. На развилке остановились. Просеку пересекал свежий кабаньей след. Решили сделать загон на оврагах, что примыкали к большой поляне с остатками невывезенного сена. Обойти кабана не имело смысла, кварталы в старой засеке нарезаны в километр, а то и в два, овраги делали засеку непроезжей. Посоветовались у машины, решили делать загон, договорились, кто где встанет. Николая Алексеевича поставили внизу в овраге, там основной переход. Прокричали загонщи-

ки, выстрелов не было. Загонщики вышли на Николая Алексеевича в недоумении. Свежий след уходил прямо в овраг, где стоял Николай Алексеевич. По следу было видно — кабан прошел по противоположной стороне оврага, в пятнадцати метрах от него. В недоумении смотрели загонщики, в чем дело, почему не стрелял? Если бы не большой начальник перед ними, такое бы он сейчас услышал в свой адрес. Николай Алексеевич молча полез в карман, достал патрон, показал — осечка. Борис видел, патрон с пулей был наколот бойком.

— Может и была осечка, подумал про себя Борис, а может, не хотел Николай Алексеевич стрелять этого кабана. Интересно, сколько Николай Алексеевич возит этот осечный патрон с собой?

Вспомнил, как на одной из облавных охот на него вышла косуля, остановилась перед ним метрах в десяти перед просекой, слушала голоса приближающихся загонщиков. Борис был в белом маскировочном костюме, стоял на открытом. Лицензия на косулю и в этот раз была, но не было никакого желания стрелять в это грациозное изящное животное. Косуля не пошла через просеку, потопталась и направилась в сторону соседнего стрелка. Там стоял наш бессменный председатель, Виктор Васильевич Чернов, я его хорошо видел. Косуля и перед ним задержалась.— Думаю, не выдержит Виктор. Выстрела не было. Молодые сказали бы: «Стареют мужики». Теперь-то на моей памяти уже много охотников — на охоту ездят, путевку или лицензию выписывают, но зверя или птицу иногда отпускают без выстрела.

И такое вспомнил. На вальдшнепиной тяге стоял недалеко от Вени Сонина. Слышу, летит на него вальдшнеп, выстрел, слышу удаляющее циканье и хорканье. Еще летит на Веню. Выстрел, опять вальдшнеп летит. Промазал? Не верю. Старый стендовик, видел много раз как он чирка влет бьет. Потихоньку подхожу сзади, вижу, еще один вальдшнеп летит прямо на Веню. Ну, думаю, сейчас — королевским! А Веня ружье в сторону — Бах! ...Бах. Я потихоньку ушел на свое место.

БЛЮДЦЕ

На коллективных охотах от всех участников и от каждого в отдельности требуется строгое соблюдение дисциплины. До двадцати, а то и больше людей с заряженным оружием сходятся на ограниченном пространстве, обеспечить их безопасность может только четкое выполнение правил техники безопасности. И другое. Охота проводится на крупного зверя, трофейного зверя, результаты охоты становятся достоянием всех. Поэтому не допускается индивидуальная стрельба по набежавшему зайцу, лисе, прочим зверям и птицам. Выстрел этот может испортить результаты охоты всего коллектива, сделать никчемной подготовительную работу членов команды и егерей. Наконец, просто испортить настроение участников охоты. Только волк — исключение из этого правила. Волка стреляют всегда.

Как говорил Остап Бендер — деньги принесут ему на блюдечке с голубой каемочкой. Было у нас свое блюдечко. Блюдцем называли мы загон, где удача ждала нас почти постоянно. Далек от трассы, не всякая машина пройдет, а место для облавной охоты идеальное.

Поблизости от колхозных полей, в старолесье была обширная впадина, изрезанная оврагами и заросшая молодняком. Для зверя — настоящее эльдорадо. Подрост дуба, осины, вперемешку с березняком и орешником укрывали и кормили лося. Идеальная кормовая база для кабанов — старые дубы вокруг через год-два давали обилие желудей, заросли орешника в иной год — урожай орехов, да и на колхозных полях, что примыкали к лесу, кое-что оставалось после уборки урожая.

После утомительного проселка машина забиралась по откосу в старый дубовый лес и останавливалась на краю поляны. За поляной — обширная низина, заросшая

мелколесьем, по форме действительно напоминавшая блюдце. Здесь разговоров не было, каждый знал свое. Загонщики уходили влево к опушке леса, граничившей с полями. Стрелки уходили направо, все дальше и дальше спускаясь в низину, как бы огибая блюдце. Водитель брал на себя роль наблюдателя, забирался на крышу кунга, предстоящее действие можно было наблюдать как на картине. Потом рассказывал:

— Загон еще не начался — поднялся лось. Стоял, поворачивал головой с настроженными ушами, прислушивался. Начался загон, он еще некоторое время оставался на месте, потом неторопливо пошел в сторону загонщиков. Никто из загонщиков этом лося потом не видел. И на стрелков он не выходил. Объяснялось просто — подшумел кто-то на стрелковой линии пока расставлялись на номера.

На прошлой охоте Борис не удержался — стрелял по лисе. Загонщики были уже недалеко от стрелковой линии, судя по всему, кабанов не было, а на него вышел редкий по красоте лисовин. Шел, прислушивался, оглядывался на загонщиков. Перед просекой остановился. Светилась и переливалась шерсть его шубки светились и переливались снега на склоне оврага, прозрачно светился лес, просвеченный заходящим солнцем. Пересилило чувство — мужчина должен приносить в дом добычу. Дождался, когда лисовин был закрыт деревом, когда показалась голова, выстрелил. После охоты получил свою порцию ярких определений от команды, вечером традиционно откупился. Через неделю опять был поставлен перед вопросом — стрелять? — не стрелять?

Стоял на самом дальнем номере, справа никого не было. Впереди из оврага на него шла лиса. Следом еще лиса. Стрелять? — Не стрелять? Опять мужики орать будут. И тут же понял — волки! Передом волчица шла, даже соски разглядел. И понял, волки идут из загона, справа-то от него никого нет. А в стволах — только пули на кабана. Стрелял, думал, может, разверну волков в загон. Самец после выстрела делает кульбит и сваливает назад, в овраг. Ни стрелки, ни загонщики его так и не видели. Волчица, если бы она шла как шла, ушла бы невредимой. Она же развернулась и оказалась много ближе. После выстрела какое-то время шла, скрылась в кустах, там шуршало, трещало, потом затихло. Вышел загонщик, Володя Никитин.

— Посмотри,— говорю,— я волка стрелял.

Володя прошел по следу, дошел до кустов.

— Кровица тут,— говорит.— Я дальше не пойду, сам иди.

Пошел. Волчица лежала дальше, на склоне оврага, в последний раз показав зубы в смертельном оскале. Это был страшный оскал. Подумал, если бы она вцепилась в руку, перекусила бы.

Вечером в Высокое, в охотничий домик, заехал председатель одоевского районного охотобщества Петр Михайлович. Заехал, проверить нас, наверное, хотел. Мы ему — про волчицу. Обрадовался. Как-никак, район с волками борется.

— Шкуру я у вас забираю, деньги на неделе перешлю.

Неделя прошла, команда в полном составе в субботу погрузилась в шестьдесят шестой, и два ящика загрузили. Петр Михайлович слово сдержал, деньги за волчицу переслал.

В тот день охоты не получилось. Погоды не было, следа не было. Было настроение — скорей в Высокое. К этому располагал и перезвон из ящиков. Приехали, натопили печку. А на стол и поставить нечего. Привыкли уже. Не было охоты, чтобы без лосиной или кабаньей печенки, из дома кроме хлеба и солений ничего не брали. Выпили по единой и замолчали. Не идет разговор.

Безвыходных положений в жизни не бывает. Виктор Барчуков, подмигнул Борису:

— Борис, а мы забыли, у нас в сарае кабанья нога с прошлой охоты висит, пошли! Вышли в сенцы, Борис Виктору:

— Ты что буровишь, какая нога?

— Молчи, сейчас поймешь.

В сарае на крюке висела ободранная неделю назад волчица.

Мясо обрезают, в холодильнике всегда было нутряное кабанье сало, скоро жаровня с шипящим мясом была на столе. Неудача на охоте, дневная усталость, водка, которая без закуски не шла в горло, все забылось. Вечер покатился по накатанной. И егеря наш, Борис Захарыч, уже с гармошкой. Немолодые мужики, кто в валенках, кто в одних носках, притопывая и прихлопывая около печки, плясали и распевали:

*— А по ночам мне снится конь,
Ко мне подходит рыжий конь,
В лицо мне дышит рыжий конь,
Косит лиловым глазом.*

Почему-то вечернее застолье после охоты заканчивалось у нас именно этой песней. А когда Виктор в перерыве огласил: — Ну, как вам волчатина? На это никто даже не среагировал.

БАНКА

Конец января, закрытие охоты. У нас лицензия на лося не реализована. По трассе доехали быстро, до Кузьменок добрались благополучно, но на овраге сели капитально. Копать, толкать, заводит трос, цепляться лебедкой и опять толкать, копать — зимний день короток. Кто постарше остались машину вытаскивать, те, кто помоложе, перебрались через овраг и углубились в засеку. Надежды мало, даже на охотничьих лыжах еле продвигались по просеке. Засека буквально завалена снегом и никаких следов. Зверь далеко не ходит, держится около кормовых мест. Не везет тем, кто не очень сильно хочет. А мы хотели завершить сезон как положено. Наконец был след, был выстрел, подъехал Виктор Васильевич, улыбается:

— Стас лося положил. Только как теперь его вытаскивать?

А вытаскивать непросто. Нет бы Стас подождал, когда лося из оврага выберется, а он в овраге стрелял. Хорошо, лось небольшой. Разделали прямо в овраге. На просеку вынесли, а дальше что? От машины уходили, ружья взяли, а рюкзаки? Валерку послали за рюкзаками — он у нас спортсмен, лыжник! Привез рюкзаки, начали раскладывать. Кому — передняя часть, кому задняя часть досталась. Остальное помельче порубили и пошли к машине. Днем было тяжело ходить, снег не держал. А как идти с такой ношей? Валера, правда, когда за рюкзаками ездил, ружья наши в машину отвез. Шли из последних сил. Засеку прошли, вышли на край поля, дальше за оврагом — свет машинных фар. Вытащили они машину. И догадались направить свет в нашу сторону. Этот маяк и давал нам силы. Поле прошли, как овраг переползали, не помним. В машину, в кунг, сил подняться уже не было. Нас подняли вместе с рюкзаками. Все равно до трассы приходилось машину толкать, егеря домой завезли, только условие поставили — чтоб банка была. Нет на Руси села, чтоб банка не нашлась. И банка нашлась. А когда выехали на трассу, банка пошла по кругу. Как будто не было нынче рюкзаков с лосиной ногой за спиной, когда из последних сил, проваливаясь на каждом шагу, уже не надеялись, что дойдут. В валенках, в телогрейках, в так и не снятых маскхалатах охотники плясали в машине, и даже вприсядку, в тряске и качке мчащейся в ночном снежном кружеве машины. Под какую музыку плясали? Под ту же самую:

*— А по ночам мне снится сон,
Ко мне подходит рыжий конь,
В лицо мне дышит рыжий конь,
Косит лиловым глазом.*

Яков Шафран
(г. Тула)

ЖАЛОСТЛИВАЯ

1

Кончался дождливый июльский день. Под навесом сидели завсегдатаи пивной и медленно пили пиво. На столах между бутылок и кружек виднелись горки обглоданных скелетов хилых рыбешек, остатки кальмаровой стружки, пакеты со всякой подобающей случаю снедью. Устоявшийся запах — смесь винного и пивного перегаров, сигаретного дыма, выхлопных газов и других производных скученного человеческого бытия — окутывал сидящих, прохожих, через форточки проникал в квартиры и конторские (в переводе на заморский — офисные) помещения и пропитывал собой все и вся вокруг.

Меж столами ходила девушка со светлыми и, судя по пучку на затылке, длинными волосами. На ней было простое ситцевое платье, голубой форменный передник и такого же цвета шапочка. Одежда ее приятно гармонировала с большими синими глазами. Девушка убирала пустые бутылки, освободившиеся кружки, накопившийся мусор, вытряхивала пепельницы, вытирала столы и подметала пол, выходила с совком и метлой под мелкий морозящий дождь на тротуар и убирала за прохожими и посетителями возле пивной, магазина и сигаретного ларька. В редкие минуты, когда нечего было делать, она стояла и равнодушно смотрела на капли, равномерно падающие с навеса в лужицы на асфальте...

Вот и тогда, когда она приехала на электричке в Москву, стояла дождливая погода. С неделю промыкалась на вокзалах и в переходах на Комсомольской (или как она сейчас называется?) площади. Все надеялась найти работу или на встречу: не красавица, но молодая ведь, симпатичная, мало ли. Но такое, наверное, только в сериалах бывает...

— Эй, красивая, что скучаешь? Иди к нам, у нас весело! — раздалось из-за крайнего у стены и тротуара стола. Рыжий, с круглым конопатым лицом и красный от обильно выпитого пива мужчина, слащаво улыбаясь, уже приподнимался, чтобы направиться к ней. Но она резко отвернулась, посерьезнела и пошла в противоположный угол. Мужчина сел на место...

* * *

С каждым днем жизни на вокзалах она теряла привлекательность. Не было возможности ни помыться, ни постираться. Без билета в комнату отдыха можно было попасть, но стоимость была слишком большой для нее. В районе станции метро «Проспект Мира», она узнавала, есть Казанские бани, но там часовая помывка стоит триста рублей, да и на метро туда и обратно — почти шестьдесят. А на такие деньги она могла худо-бедно дня три протянуть.

Но даже при тех мизерных расходах, что она себе позволяла, привезенных денег уже почти не оставалось, ведь цены в Москве гораздо выше, чем у них в Егорьевске.

«Да, вроде бы и рядом, а как далеко ты, милый Егорьевск, тихий, ничем не примечательный, но такой родной городок...»,— думала она, сидя на стуле в своем углу. Вспомнились родители — совсем спившиеся, законченные алкоголики — и старшая сестра-наркоманка. Вспомнились уже без каких-либо эмоций — все давно перегорело. А тогда: изо дня в день попойки, вечно пьяные гости, наркоманы... Когда приходила домой — работала воспитательницей в детском саду после только-только оконченного педучилища (в переводе на тот же заморский — колледжа),— родители злобились на нее трезвую, собутыльники несли всякую похабщину в ее адрес, наркоманы соблазняли своим «кайфом». Не дом — сплошной кошмар. Она только на работе и на улице отдыхала душой. С детских лет спокойная и выносливая терпела бы еще, но однажды сестра подсыпала что-то в еду, наверное, что-то наркотическое. Она это сразу почувствовала, вызвала искусственную рвоту. После этого перестала что-либо есть и пить дома. Но денег на столовые и кафе стало уходить больше, а ведь нужно было и за коммунальные услуги платить (половину платила она, половину с неимоверными усилиями заставляла платить своих «родственников»). Невмоготу стало. Получила очередную зарплату, собрала самые необходимые вещи и уехала в Москву. «Была не была, столица все же, авось повезет с работой, а может, и...» Москва всегда была для нее чем-то большим и светлым, искрящимся и манящим, обещающим и заставляющим замирать сердце...

Но первое же впечатление покорило ее. Это был запах «бомжатника» в переходе под площадью, запах, знакомый ей еще по Егорьевску, вернее, по заброшенному дому, где жили «бомжи», к которому она однажды прибрела, гуляя по городу после работы, чтобы не возвращаться рано в свой домашний ад...

* * *

Она встrepенулась — совсем забыла про работу,— поспешно встала и принялась наводить порядок. В зале еще не установили кондиционер, поэтому нечем было дышать. Но там сидели несколько человек — заядлые курильщики, которым безразлично, какой воздух вокруг, так как курят одну за другой... Она быстро убралась и снова вышла под навес...

Нет, мужчины там, на площади, конечно, обращали на нее внимание, подходили и заговаривали. Но все это было не то, не того она ждала. А в первый день подошел к ней молодой совсем, пацаненок, начал говорить, лопотать что-то. Улыбается, а сам норовит облапать. Кажется дай ему волю, прямо тут же в переходе завладел бы ею... Потом подошел мужчина зрелых лет и, вертя перед собой ключами, прямо предложил побыть с ним в машине — вон она, рядом — за триста рублей... Всяких-яких было по два-три в час, а то и больше. Видно принимали ее за проститутку. А скромный вид еще более привлекал мужчин соответствующей категории. Да и за кого еще ее можно было принять? Если есть спрос, почему не быть предложению, и наоборот — закон рынка... Однажды подошла женщина, предложила жить — тут недалеко — в доме, на всем готовом: постель, питание, крыша над головой («В прямом и переносном смысле»,— добавила она)... Отказалась, в проститутки идти не хотела изначально. Вот найти работу, снять угол и устроить личную жизнь, если повезет, конечно, — другое дело.

Ее внимание привлекли группы людей, в основном мужчин, толпящихся с краю площадки у входа в метро, что между Ленинградским и Ярославским вокзалами. Они заметно отличались от всех остальных обитателей этого места, именуемого «поляной». А там кого только не было! Между колоннами у входа в метро стояли и прогу-

ливались одинокие девицы и женщины — проститутки-индивидуалки; нагло и целенаправленно двигались от мужчины к мужчине с вопросом: «Девушка не нужна?» работающие под крышей служивые профессионалки или их «мамы» (приказчицы, или по-заморски «менеджеры» этого дела). Были и те, кто пришел «подцепить кралю», в основном гастарбайтеры, без семьи и любви, готовые и на продажную. Тут же бегали и приставали к прохожим с «соцопросом» какие-то агенты и раздатчики листовок со своим явно торговым интересом. Прогуливались Люди, назначившие кому-то встречу, и пассажиры, уставшие сидеть в помещении вокзала в ожидании поезда. На основаниях колонн и на широком парапете, ограждающем высокую «поляну» от нижележащего тротуара, и в еще большем количестве на лужайке у тротуара сидели, полулежали и лежали «бомжи» и, с «серо-буро-малиновым нечто» вместо лица, законченные алкаши. На парапете они сидели маленькими группами в два-три человека. А на свободных местах можно было встретить и одиноких женщин, пришедших сюда в последней надежде, если повезет, познакомиться с другим отчаявшимся одиночеством, ведь нормальная жизнь для мужчины все же лучше эрзац-любви. К ним с притворно деловым видом изредка подходили и охотники «такой» любви.

Люди же, на которых она обратила внимание, отличались ото всех остальных. Они держались особняком и были, как правило, пропитыми, прокуренными, с какими-то серыми лицами и бедно одетыми, но сосредоточенно трезвыми мужчинами. Попадались среди них и женщины того же типа.

Она вначале побаивалась подходить... Мало ли что... Но одна женщина из той среды рассказала, что они приехали из окрестных городов и сел наниматься на низкоквалифицированные работы. И, верно, увидела: когда хорошо одетая женщина с папкой в руках подошла к ним, все тотчас собралось вокруг нее. Потом подходили и другие работодатели. Требовались землекопы, подсобные рабочие на стройки, сельскохозяйственные, в основном мужчины на тяжелые работы и вдали от города. На нее же все глядели как на нечто странное, из ряда вон выходящее. А один из работодателей — полный мужчина с широким лицом и затылком, сразу переходящим в спину — даже показал ей на толкущихся между колонн женщин...

Тогда, когда она решила вернуться в Егорьевск — деньги уже совсем кончились, и будь, что будет, не пропадать же здесь между вокзалами — подошел мужчина лет пятидесяти, назвался Тимуром. «Мне нужна уборщица-посудомойка в кафе с проживанием, питанием и зарплатой...» Она согласилась...

* * *

К навесу подошел хозяин, Тимур. Недовольно осмотрел все вокруг, выругался и поманил ее пальцем. Показал на валяющуюся на полу у стены скомканную салфетку. Прошел в закуток между туалетом и кладовкой, где хранились метлы и другие хозяйственные принадлежности. «Почему вода на полу?» Взял ее за локоть, отворил кладовку и резко впахнул вовнутрь. По привычке пригнул, снял трусы и сделал свое дело... Она, опять же по привычке, покорно приняла все как должное...

Выйдя из кладовки, она равнодушно поглядела по сторонам, подмела под навесом и на тротуаре и тупо принялась убирать мусор и пустую посуду со столов. Кто-то облапал ее ягодичу. Но она сделала вид, что ничего не заметила и продолжила уборку... С каждым днем, вот уже в течение двух лет работы здесь, она отмечала все более возрастающее внутреннее равнодушие к происходящему с ней и ко всей своей жизни вообще...

...Нанявший ее тогда хозяин оказался владельцем магазина, пивной и сигаретного ларька. Он был женат, имел дочь и сына, который работал в полиции, и с молодой семьей жил в доме отца. Там же проживали и старики — родители Тимура. Дом —

название условное. На самом деле это была большая квартира, сделанная из скупленных на одной площадке четырех квартир — «трешки», двух «двушек» и «однушки». Двери их, как обычно, выходили на площадку, но внутри была проведена капитальная перепланировка...

Ее взяли на работу в качестве прислуги: убираться в доме, в магазине, в пивной и на улице, мыть посуду дома и в пивной. Паспорт хозяин у нее забрал, угол определил рядом с пивной, в каморке. В ней помещалась кровать, небольшой гардероб и тумбочка. На стене висела полка. В отношении зарплаты он обманул, денег не платил, но кормил три раза в день, покупал необходимые вещи и то, что она просила — по мелочам. Тем не менее, жизнь здесь ей показалась раем после Егорьевска и трех вокзалов.

Через неделю Тимур устроил, как он сказал, вечер для работников. Среди них: женщин-продавиц с Украины, сторожа из Подмосковья, кавказца грузчика-водителя были еще и незнакомые ей люди: то ли друзья, то ли родственники Тимура.

Все много говорили, смеялись, поднимали тосты за новую сотрудницу, наливали ей, клали на тарелку еду, поздравляли... Женщины-продавицы усмехались, молчали... «Ревнуют? — думала она. — Но я не собираюсь тут ни с кем крутить. Завидуют? Но чему? Тому, что я молодая?..» Туман от выпитого вина обволакивал ее, было хорошо, тепло, уютно и негативные мысли отступали, растворялись...

Через какое-то время все, отвечая на призыв хозяина подышать свежим воздухом, встали из-за стола и вышли во двор. Далее она помнит, как, пройдя по двору, оказалась вместе с мужчинами в торговом зале магазина. Почему-то других женщин среди них не было, как не было и сторожа из Подмосковья. В зале было темно, свет от уличных фонарей едва пробивался через окна. «А где же тут воздух?» — спросила она. Мужчины рассмеялись. Потом они подошли, добродушно, но с силой взяли ее за руки и за ноги, так что она и пошелохнуться не могла, когда поняла все... Парень-грузчик и еще кто-то из гостей, что-то крикнув и сплюнув, вышли из магазина, громко хлопнув дверью. Остальные не обратили на это никакого внимания, неторопливо, даже ласково, сняли с нее одежду и нагнули, продолжая крепко держать. Все по очереди овладели ею...

С тех пор это делали с ней, кому не лень: хозяин, сын, родственники, гости. И она безропотно терпела все...

* * *

Дождь закончился, небо на юго-западе прояснилось, была видна последняя стадия заката — улица как раз в это время года открыта ему, и ничто не закрывает это всегда и всех волнующее зрелище. Вот и сегодня идущие домой после работы, после всех дел люди, или просто вышедшие погулять либо выведенные на прогулку своими собаками, или пьющие пиво за высокими круглыми стойками между тротуаром и навесом — все любовались этой красотой, которую небо иногда дарует нам.

Солнце садилось в небольшую тучку. «Значит, завтра будет хороший солнечный день», — подумала она и засемила к очередному освободившемуся столу, чтобы привести его в порядок. Люди подходили и подходили, работы было много, она не заметила, как стемнело.

За одной из стоек на улице пил пиво высокий стройный молодой мужчина, с темно русыми волосами, в светло серой футболке поверх джинсов. Она заметила: он с интересом поглядывает на нее. Что-то засветилось в ее отупевшей душе, но не могла объяснить себе что это. Шло время, а он не уходил, даже о пиве забыл — все смотрел на нее. Потом, спохватившись, взял еще одну кружку пива с сушенными кальмарами и стал медленно цедить прохладную янтарную жидкость, едва откусывая от соленой лапшинки-снеди.

Она отходила по делам, возвращалась и вновь ловила на себе его внимательный взгляд.

Как-то, улучив момент, когда она была недалеко и вокруг никого не было, он шепнул:

— Когда у вас кончается работа?

— А что?

— Хочу пригласить вас немного прогуляться.

— Зачем?

— Вы мне нравитесь,— ответил он и порозовел.— Я из Рязани, здесь на заработках, автослесарем устроился... Я тут, недалеко, комнату снимаю. Вот с работы шел мимо и вас увидел...— смущенно продолжил молодой человек.

— О! Наверное, хороший автослесарь, если в Москве устроились?

— Да, не жалуюсь, что есть, то есть — руки растут, откуда нужно...

Надежда тонким-тонким лучиком затеплилась в ней. Солнце зашло, и на улице был тихий и той степени свежести летний вечер, когда все в человеке — и тело, и душа радуются жизни, ибо эта радость произвольно входит в него извне. Подобного ощущения не бывает ни в мороз, ни в жару, ни в духоту. Видимо есть некая летняя вечерняя температурная полоса, наиболее благоприятная для гармоничного состояния души. Вот и сегодня был именно такой вечер... Шелест шин редко проезжающих машин и шепот листвы как бы растворялись в лунном свете.

На миг ее застуженная душа развернулась в теплом порыве, и ей показалось, что она свободна.

«А может быть?» — подумалось где-то краешком сознания. Что-то еще от той молодой и почти беззаботной, несмотря на семейные трудности, девушки, осталось в ней.

— Ну, так что, прогуляемся?

— Да... только... сейчас! — она торопливо скрылась во дворе пивной.

Хозяин отъехал по делам. Дома была только дочь, так как мать тоже еще днем куда-то отлучилась. Магазин работал в поздневечернем режиме буднего дня — с одной продавщицей (остальные уже отдыхали в съемной квартире, где жили все вместе, ночуя на надувных матрасах). Она решилась...

Они шли по этому району Москвы — району станции метро «Красносельская», по «красносельским» улочкам, переулкам и тупикам. Он всю дорогу рассказывал о себе — о своем житье-бытье в Рязани и здесь, изредка задавал вопросы, но, замечая неразговорчивость, не настаивал.

С каждой минутой их знакомства в ней росло доверие к нему, и постепенно она становилась более откровенной. Рассказала о семье, о всех своих трудностях, почему уехала из Егорьевска, о своей работе — конечно, что могла, умолчав о самом плохом... И тут вдруг пот прошиб ее: «Да что ж это я делаю? Куда иду? А если хозяин сейчас вернется и начнет искать, что ж это будет?».

Он как будто прочел ее мысли.

— Ты мне нравишься,— говорит.— Давай, уходи с этой работы, иди ко мне, я зарабатываю, будем жить. Хозяева квартиры хорошие — пенсионеры, сами мне уже не раз говорили: «Познакомься с хорошей женщиной. Если она приезжая, приводи, мы не против, живите, и нам веселее будет». У них своих детей нет, всегда мечтали о дочери.

— Нет, так сразу я не могу,— проговорила она, а у самой в душе поднялось что-то снизу, затопило сердце, сжало горло, слезы стали застилать глаза. Но сдержалась. Подавила. Хотя хотелось крикнуть: «Забери меня, забери! Я так больше не могу!..»

«Господи, что же делать, помоги!» — взмолилась она.

В это время сзади послышался шум останавливающейся машины и топот ног бе-

гущего человека. Улица в этом месте была пуста, так как с одной стороны тянулся забор то ли предприятия, то ли каких-то складов, а с другой ничего не было, кроме жилых пятиэтажек. Они обернулись, и она обомлела — бежал Тимур, издали размахивая кулаками и что-то рыча, но что, разобрать было невозможно.

— Пойдем, как ни в чем не бывало, — сказал парень.

Они шли, но она затылком чувствовала приближение хозяина. Уже рядом топот его ног, тяжелое дыхание и ругательства. Они все же остановились и обернулись. Он тоже остановился, дико вращая красными от прилива крови глазами на выкате. Рядом стоял старый, выселенный и заброшенный двухэтажный дом с пустыми глазницами окон. От него шел тяжелый запах — на втором этаже ночевали «бомжи», а первый они, и не только они, превратили в отхожее место.

— Что вы хотите? — спросил молодой человек.

В ответ с какой-то остервенелой ловкостью хозяин выхватил из-под рукава кусок металлического прута и, что есть силы, не замахиваясь и не целясь, наотмашь ударил им парня по голове. Тот упал и не шевелился.

— Ах ты, сука! Бежать задумала? Ты еще мой хлеб не отработала!

Он нагнулся, схватил под мышки парня и толкнул его в пустой проем двери дома, прямо на грязный пол, в дерьмо, туда, где белели клоки бумаги, и плюнул вослед. Потом повернулся, ударом кулака свалил ее на тротуар и начал бить ногами, норовя попасть в грудь и лицо. Она извивалась, пытаясь закрыть голову, прижималась грудью к тротуару.

— Москвича захотела?!

— Он не москвич... — простонала она.

— Не москвич? — переспросил хозяин, продолжая бить, однако уже реже. — Почему не сказала, сука?

Тимур остановился, подошел к машине, подъехал и, открыв заднюю дверцу, запихнул ее на сиденье.

— Если не москвич... — начал он и добавил. — Я бы его не бил!.. Почему не сказала?

Но она уже не слушала. Слезы тихо лились из глаз. Не было ни физических, ни душевных сил даже всхлипнуть. «Боже, сделай так, чтобы он остался жив!» — думала она, про себя повторяя это все время, пока они ехали.

Хозяин запер ее в кладовке, той самой, где сегодня, по привычке, имел ее. Собрав в кучу тряпки и ветошь, она рухнула на них и забылась тупым и глухим сном, случающимся у человека в безысходном горе, когда нет сил думать, дышать и просто жить.

2

— Просыпайся, доченька! — слышит она голос матери. — Настя, проснись!..

Мать собирается на работу, на завод. А ей пора в техникум. Чуть не проспала, вчера долго гуляли с парнем.

— Придешь с учебы, приготовь отцу поесть. Он как раз выспится после ночной смены. Я не успела... А, дочур? Вставай, пора в техникум! — Мать посмеивается, похлопывая своей пухлой доброй ладонью ее по щеке. От матери пахнет кофе и духами «Красная Москва».

Настя неохотно, потягиваясь спросонья, встает, целует мать в щеку и бежит в ванную...

В техникум она пришла минута в минуту.

— Куда Витьку подевала? Признавайся! — посмеивались на переменке ребята. Виктор пришел только к началу второй пары, проспал, наверное.

— Вить, ну, ты что? Я и то вовремя успела!

— Да, что-то не смог проснуться... — отшучивался он.

После занятий он пошел провожать ее до дома. Настя помнила обещание — накормить отца. По пути у них зашел разговор о будущей работе, ведь скоро окончание учебы.

— Кем хочешь работать после отработки?

— В автослесари тянет...

— Так у тебя же после техникума специальность будет?

— Ну и что?..

— Ничего что рабочим?

— Нормально... Хорошо бы в Москву податься, да кто меня ждет? Там своих хватает. Все же мы живем недалеко — два часа и там... А ты, Настя, что думаешь?

— И я здесь, на завод экономистом пойду. Расширяется завод, скоро производственным объединением станет. Экономисты нужны и еще нужнее будут, я узнавала. Опять же, зарплата хорошая и премия...

— Да что ты все о деньгах? Я и сам заработаю! Выходи за меня, а Настя?

— Подожди, подожди... Вот окончим техникум, устроимся, тогда. Комнату в общежитии получим, встанем в очередь на квартиру...

— А ты кого хочешь, мальчика или девочку?

— Ух, какой торопливый, — засмеялась она. — Девочку!

— А я — мальчика!

— Ну вот, видишь, Витя, уже раздор! Как замуж выходить? — и, смеясь, потрепала его по волосам.

Виктор притянул Настю к себе и крепко, сладко поцеловал. Свежий ветер зашевелил ее длинные, до плеч, светлые волосы. Повеяло цветущей сиренью... Но потом, почему-то, этот аромат сменился запахом пива и сигаретного дыма...

* * *

Она открыла глаза и увидела, что лежит в темной кладовой на куче тряпья. Дверь была открыта, и в проеме — фигура грузчика. Доносились голоса подвыпивших посетителей.

— Вставай!.. Хозяин велит приступать к работе, вставай, а то орать опять будет, не в настроении...

Она встала, поправила одежду, подошла к маленькому зеркальцу, приклеенному к косяку: на щеке, возле самого уха, и на лбу, недалеко от виска, были синяки. Она распустила волосы, чтобы незаметнее было, и пятерней расчесала их. Вслед за грузчиком вышла во двор, переделась у себя в каморке. Глаза ее были сухи и без единого проблеска жизни. Тупой взгляд окинул зал в поисках пустых кружек и мусора...

3

Виктор очнулся... Первое, что он ощутил, было зловоние. Когда глаза привыкли к темноте, и благодаря свету, проникавшему сквозь проемы окон и дверей с улицы, он увидел, что лежит на полу, сплошь усеянном фекалиями. Виктор с трудом приподнялся на руках, пытаясь встать. Он увидел, что одежда вся испачкана. Сильно болели голова и шея. Он вспомнил все, что произошло накануне...

Выйдя на улицу, Виктор нашел в урне газету и, кое-как обтершись, пошел домой. Хорошо, что была ночь, и по совершенно пустой улице он быстро дошел до своего дома, находившегося в двадцати минутах ходьбы от того злосчастного места. Душу терзала досада, что не сумел защитить девушку. «Вот, сейчас зайду к себе, смою с

одежды грязь, приму душ, переоденусь и пойду туда, к пивной, найду ее и заберу. Не оставляю ее там, что бы ни было!» — решил он.

Хозяева спали, и Виктор все потихоньку сделал... За окном уже светлело, начинался ранний июльский рассвет. «Нужно торопиться», — решил он, и, пока еще ранний час, вышел из дому, прихватив на всякий случай необходимый слесарный инструмент.

Район этот Виктор знал хорошо, а потому дорогу нашел быстро... Все двери были закрыты на замки. Но, вспомнив ее слова о каморке во дворике между пивной и магазином, он сориентировался и нашел две двери: одну, металлическую, и другую, деревянную. Для верности Виктор тихо постучал в деревянную. Тишина. Он постучал еще раз, понастойчивее. В ответ из-за металлической послышался голос:

— Кто там?

— Это я!

— Ты? — удивилась она, а это была она, ее голос он уже не спутает ни с каким другим.

— Да, я нашел тебя и больше никогда не потеряю!

Настя молчала.

— Сейчас открою замок, — Виктор порылся в сумке, нашел большой гвоздь и с помощью пассатижей необходимым образом согнул его. Замок был обычный: большой навесной (такой раньше называли амбарным), и он, поковырявшись, открыл его — недаром в свое время был слесарем пятого разряда.

Настя, смущаясь, вышла из кладовой, куда ее, голодную, хозяин снова запер после работы, и открыла ключом свою, рядом находящуюся, каморку. Виктор вошел следом за ней и закрыл дверь. Сквозь высоко расположенное над дверью окно проникал свет уже вовсю разгоревшегося утра. Настя, отворачиваясь от него, поправила на себе помятое платье. Он отметил — в каморке царил идеальный порядок.

Виктор подошел к Насте и, осторожно взяв за локти, повернул к себе. Заметил синяки на лице.

— Все! Немедленно уходим!

— Куда?

— Ко мне! Я не позволю тебе больше здесь находиться!

— А вещи?

— Возьми самое-самое необходимое, остальное купим. И нужно побыстрее, пока никто еще не проснулся.

Настя бросила в сумку несколько вещей, положила пару самых, наверное, любимых книг, сняла икону.

— Давай закроем кладовку на замок, чтобы не так быстро хватились меня, — предложила она.

Когда подошли к открытой двери кладовки, Виктор заметил в углу канистру. Подошел, открыл — там был бензин.

— Подожди!

— Что ты хочешь делать?

— Подожду их всех к чертовой матери!..

— Не нужно! Зачем?!

— Как зачем?!.. И она еще спрашивает? Они избивают ее, превратили в бесправную рабыню, всю жизнь исковеркали, а она еще спрашивает — зачем?

Настя подошла к Виктору, положила свою руку с правильными тонкими пальцами на его державшую канистру руку.

— Не надо!.. Жалко их — дети малые, старики... Да и, вообще, жалко, люди ведь... — сказала она, второй рукой взяла канистру и поставила ее на место.

Елена Семенова
(г. Москва)

АЙСЕДОРА

Семенова Елена Владимировна — писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала «Голос Эпохи» (Москва), интернет-портала «Архипелаг Святая Русь» и ряда сайтов, посвященных белому движению. Автор 10 изданных книг. Специализируется на истории белого движения и первой половины XX века отечественной истории. Главный труд Елены Семеновой, ставший плодом десятилетних исследований — трехтомный историко-документальный роман «Честь — никому!», охватывающий практически всю историю белой борьбы с 1918 по 1920 гг. Также широко известна работа «На этнической войне», посвященная притеснению русских в национальных республиках бывшего СССР. Родилась и проживает в Москве. В «Приокских зорях» печатается впервые.

1

Они встретились в самую горячую пору той войны, когда неудержимой лавиной немец катил на Москву, и всякое русское сердце замирало, как когда-то в 1812-м, от мысли: «Неужели и в этот раз оставим столицу?!» Лейтенант Брагин был доставлен в полевую госпиталь с тяжелым ранением. Он потерял много крови, и требовалось срочное переливание. У нее оказалась та же группа... Впрочем, и без того было много в них схожего. Оба совсем молодые (ему — 24, ей и 18-то нет еще, девочка), оба с первых дней на фронте (он — в пехоте, она — санитарка), оба красивые и безумно жаждущие жить, оба — с не терпящей сомнений, одной на всех верой — победим! Их положили рядом. И, когда лейтенант открыл глаза, то увидел перед собой ее бледное, обрамленное черными волосами лицо, с неотрывно глядящими на него синими, бархатными, широко распахнутыми глазами.

— Как вы чувствуете себя? — прозвенел ее голос-колокольчик.

— Теперь точно жить буду, — преодолевая боль, улыбнулся он.

— Непременно будете... — голос ее долетал до слуха лейтенанта словно издали, хотя она была совсем рядом. Он вдруг почувствовал, что сознание вновь оставляет его, и успел лишь спросить:

— Как вас зовут?

— Айседора... — донеслось еле слышно.

Очнулся Брагин уже в другом госпитале и почти физически ощутил новую, горячую кровь, струящуюся по его жилам, ее кровь. Айседора... Какое странное имя! Что-то есенинское в нем... Ах, да, конечно, есенинское... Где-то теперь эта девочка? Надо будет непременно найти ее потом, после войны, найти и поблагодарить...

Все последующие годы он не забывал ее. Девочка с «есенинским именем» прочно поселилось в сердце лейтенанта.

Вскоре после выписки из госпиталя Павел Брагин был переведен на Южный фронт. Здесь получил второе ранение — осколком в голову. Едва остался жив. Несколько месяцев госпиталя и катастрофа со зрением: один глаз перестал видеть вообще, второй едва различал предметы. Из армии списали, и началась новая жизнь, в которой еще предстояло найти себя.

Павел Брагин происходил из терских казаков, а потому эти края были ему родные. Решил и остаться здесь, в Грозном. Снял комнату у вдовы погибшего под Сталинградом майора, голодавшей теперь с дочкой-старшеклассницей, которая из-за войны не успела окончить школы. Брагин, до войны окончивший физмат в Ростове-на-Дону, по вечерам занимался с девочкой, чтобы помочь ей наверстать упущенное, и даже предложил ей:

— Вот, кончится война — отвезу тебя в Москву, поступишь в институт... Эх, Москва, Москва! — вздыхал. В столице он прожил месяц как раз перед самой войной, гостил у тетки. Ходил по городу — глаза разбегались. Какой же прогресс здесь во всем! Метро одно чего стоит! А в станции дед едва концы с концами сводит. Голодно! Ну, ничего! Скоро и в деревнях такая жизнь будет! Машины будут, все! Правда, теперь Павлу чаще вспоминалась другая Москва. Та, из которой уходил он в ноябре, та, которая провожала своих сынов, веря, что заслонят они ее и не пропустят врага, та, молчаливая, сосредоточенная, но живая! И парад... И Сталин на трибуне. А наряды со всем этим вспоминался Брагину зимний день, пропахший бинтами и лекарствами, госпиталь, бледное личико с синими глазами... Айседора! Он не мог забыть ее, писал в разные инстанции, пытаясь найти молодую санитарку со странным именем. Но она словно растворилась в воздухе. Да жива ли? Все-таки война. Но об этом как-то уж совсем не хотелось думать. «Не жалею, не зову, не плачу...» Есенин запрещен теперь. Но тайком, про себя в ночной темноте как не вспомнить любимых строк? Есениным Павел восхищался с юности, даже сам писал стихи, пытаясь подражать любимому поэту. Обладая прекрасной памятью, Брагин многое помнил наизусть. Многие придумали теперь для борьбы с крамолой: запрещают книги, изымают из библиотек... Только против памяти еще не приноровились. Ее так просто не изымешь...

А надо было как-то устраиваться. Да куда возьмут полуслепого? Но зря, что ли, учился он? Вот, и Леру, дочку хозяйкину подготовил... Можно учительствовать попробовать. Неужто не возьмут? Возьмут, с руками даже оторвут! И стал Павел Николаевич преподавать физику и математику в одной из грознинских школ, куда перешла учиться и Лера.

В 1946-м году Павел Николаевич засобирался в Москву, на годовщину Победы. Может, кого из однополчан встретить удастся. Да и Москву повидать большая охота! Какая она теперь, столица-то? Чем живет? А Лера окончила школу с золотой медалью. Пора держать слово: показать девочке Москву. Институт-то выбрала она поближе, все в тот же, родной, ростовский. Поехали, однако, вместе.

Жила Москва! Пела! Цвела! Водил Леру на Красную площадь, в Большой театр, в Сокольники... Встретились и однополчане. Васька Кривошеин да Денис Дударев. Радости было! Завидовал им немного. До Берлина оба дошли. Вон, и медали за взятие горят на солнце победным блеском. А ему, вот, не привелось... Дударев женился недавно. Теперь оседлая жизнь, семейная. С женой познакомился в госпитале. Медсестра. Теперь на врача учится. И снова вспомнилось Павлу то, давнишнее, издали донесшееся — Айседора...

Лера по-детски радовалась всему. Иногда стыдилась, что многого не знает да и одета совсем не так, как здесь, в столице ходят... Павел вдруг заметил, что она удивительно повзрослела за последний год. Была девочка-подросток, угловатенькая, худенькая, а теперь экая красавица! Казачка! Впрочем, он бы и не заметил, и долго бы считал

еще свою ученицу ребенком, если бы не Васька Кривошеин, большой знаток женщин... «Ты, что ж, балда, не видишь, как она глядит на тебя? Не упускай! Другой такой не найдешь!» Он и впрямь не видел. А после васькиных слов поглядел на Леру совсем другими глазами, и как-то странно дрогнуло сердце. Она ведь точно, влюблена в него... И давно. Мгновенно перед глазами пронеслись последние годы. Как же он не замечал ее? Не понимал ее чувств? Слепец! А ведь и хороша она! Густые темно-русые волосы, смуглое смешливое лицо, стройное, красивое тело... И такая ясная улыбка!

И вдруг совсем некстати вспомнилась Айседора. Как же она? Но, в конце концов, не ждать же ее до самой смерти! Может, и в живых ее нет. А, если жива, где искать? Да и была ли она? Не видение ли она из бреда тяжело раненого человека? Не сон ли? А Лера рядом, живая, настоящая, любящая... Верно Васька сказал — другого такого случая не представится! Если теперь потеряет ее, не простит себе по гроб жизни!

На обратном пути сделал ей предложение. Бросилась на шею, расплакалась, как ребенок... Милая, любимая, единственная... Мать ее, давно и тяжело болевшая, была счастлива, что теперь может оставить дочь в надежных руках. Скоро и поженились... Лера перешла на заочный и на время сессий уезжала в Ростов, а он остался в Грозном, преподавать в своей школе, где пользовался огромным уважением и коллег, и учеников. А она писала письма. Каждый день. И он отвечал. Все эти письма хранились потом в специальной шкатулке, как семейная реликвия. Шкатулка была большая, музыкальная, старинная. Ее когда-то лерин отец подарил ее матери на годовщину свадьбы. А теперь, после смерти последней, она осталась Лере. Шкатулка играла какую-то очень красивую мелодию. Вроде похожую на вальс. А, может, и иное что-то. В музыке начисто лишенный слуха Павел был не силен. Зато Лера ее обожала. Шкатулку она открывала по особо торжественным дням: слушали музыку, перечитывали письма... Так потекла мирная, спокойная и размеренная жизнь.

2

То, что Юрочка музыкально одарен, решила его бабушка, Ирина Антоновна, и вынесла вердикт: быть внуку пианистом! Вначале занимался в музыкальной школе, но позже, для лучшего усвоения, тем паче, что в летние дни школа не работала, на семейном совете решили нанять мальчику педагога. Семья Юрочки была довольно состоятельна, поскольку отец, Дмитрий Андреевич, работал на высоком посту во Внешторге. Наняли преподавательницу из консерватории, молодую, красивую женщину лет тридцати-тридцати трех. Она владела несколькими музыкальными инструментами, прекрасно пела, имела несколько призов всесоюзных конкурсов, вдобавок ко всему в совершенстве знала французский язык. И Дмитрий Андреевич, будучи человеком расчетливым порой до мелочности, решил воспользоваться этим и сэкономить. Путь преподает заодно и язык. За доплату, конечно... «Мадемуазель», как окрестила учительницу Ирина Антоновна, предложение приняла с радостью. Под ее чутким руководством мальчик делал поразительные успехи в обоих предметах и через два года одержал первую победу на одном из музыкальных конкурсов.

В этот летний день, ожидая прихода учительницы, Юрочка упоенно долбил по клавишам, разучивая очередное произведение боготворимого им Моцарта. Внезапно перестав играть, он повернулся к матери и заявил:

— Когда я вырасту, я на ней женюсь!

— На ком? — удивленно приподняла брови Варвара Сергеевна.

— На Айседоре Александровне! Она такая красивая, мама!

— Сынок, она, конечно, очень красивая... Но пойми, мой дорогой, когда ты вырастешь, она будет уже почти в годах твоей бабушки. И станет не такой, как теперь.

— Она все равно будет красивой!

— Сыночек, время всех меняет. Ты видел фотографию бабушки в молодости?
Вот. Большая разница, не так ли?

Юрочка задумался, вздохнул и решил:

— Ну, раз так, тогда я найду девочку, похожую на нее и женюсь на ней!

— Нос у тебя не дорос думать об этом! — погрозила пальцем мать.

В этот момент раздался звонок в дверь, и Варвара Сергеевна, еще раз строго взглянув на сына, пошла открывать. Юрочка сразу почувствовал запах ее духов, такой тонкий и нежный... А вот и она сама всплывает в комнату, как видение, как что-то неземное, почти не касаясь стопами пола... Айседора Александровна буквально поразила впечатлительного мальчика своей красотой. Впрочем, красота эта поражала всех. Хотя, несмотря на это, ее обладательница в свои на самом деле тридцать четыре года была не замужем. Высокая, с безупречными формами женщина, Айседора Александровна обладала прекрасным вкусом, а потому умудрялась одеваться не хуже известных актрис. Вот и теперь на ней светло-серый костюм: блузка и плиссированная длинная юбка с темным широким поясом, подчеркивающим осиную талию, и легким шарфом, небрежно обвитом вокруг стройной шеи. Черные волнистые волосы рассыпаны по плечам, а длинные ресницы придают синим глазам бархатную матовость. А еще руки, изящные и теплые, и голос... Голос у Айседоры Александровны был звенящим, как ручей, хрустальным. Она говорила нараспев, зачастую вставляя в свою сочную речь какие-то чудные народные обороты. И нынче, входя, с порога:

— Ну, соколик, как твои успехи?

— Хорошо, Айседора Александровна! — выдохнул Юрочка.

— Хорошо? Сейчас послушаем! На чем мы остановились? Моцарт... Ну, что же, играй, светик мой.

— Айседора Александровна, а, помните, вы обещали сыграть в четыре руки?

— Раз обещала, сыграем! Вот, исполнишь теперь без ошибок, и сыграем!

Конечно, без ошибок! Он и раньше редко их допускал, а ради такой награды... Она сидела рядом, внимательно вслушиваясь в его игру, кивая головой.

— Замечательно! Ты, солнце мое, вундеркинд, как говорят немцы. Великим пианистом будешь! Может, и меня тогда, старуху, добрым словом вспомнишь!

Вот, и она про старуху... Ну, как это можно? Разве она может состариться когда-нибудь? Она всегда будет такой! Замечательной! Так и выпалил ей:

— Вы не будете старухой! Вы всегда будете молодой и красивой!

Айседора Александровна рассмеялась, поцеловала его в голову:

— Спасибо, соколик! Да только время — вещь неумолимая. Ладно, давай играть в четыре руки. Я же обещала!

Они сидели рядом и играли... Теперь уж и не вспомнить что. Но как это было чудесно! И ее пахнувшие каким-то душистым цветком волосы касались его лба, а аромат духов приятно щекотал ноздри. Как сладко! Ах, если бы можно было вечно так играть... А еще он сопровождал ее. Она пела романс... Кажется, «Не уходи», а потом «Выхожу один я на дорогу...». На эти домашние концерты собиралась обычно вся семья. Бабушка, большая ценительница, даже плакала иногда.

Потом она вышла замуж и уехала в Петербург. Преподавала там. Юрочка даже писал ей туда. Она отвечала... Позже, уже окончив школу и поступив в консерваторию, он все собирался съездить к ней, навестить. Но не ехал. А однажды, будучи с друзьями в северной столице, зашел по ее адресу. Но никто не открыл. Видимо, никого не было дома. Юрочка не очень опечалился тогда. Может, и к лучшему. Она теперь уж не та, должно быть. И пусть лучше останется в его памяти прекрасным видением из детства. Да и у Юрочки теперь есть уже другая. Его сокурсница, скрипачка, совсем не похожая на Айседору Александровну...

...Снова грохот. И опять, и опять... Сыплются бомбы на город. Российские бомбы на российский город... Сколько дней продолжается эта страшная, непредставимая, чудовищная канонада? Он не знал. Здесь, в каменном мешке подвала счет времени утратился окончательно, нет больше никаких сроков, а есть лишь несмолкающий грохот и боль, от которой спасло бы только безумие, но оно не приходило, как ни странно, хотя пора бы. Ах, для чего не лишился он разума, как бедная Сонюшка, соседка. Счастливица! Она сидит теперь в этом же подвале, где-то в уголке и бормочет что-то, а то петь начинает или смеяться. Она не здесь уже. Где-то в другом краю. Да все, таящиеся тут, разве здешние?! Живые?! А, может, смерть пришла уже? И это — ад? Ад... А есть ли он, этот самый ад? Или врут про него? Господи, да к чему нужен ад, когда есть все ЭТО?! Чудовищное, не поддающееся описанию? Неужто же может быть что-либо страшнее еще? Темно как, темно... А, может, он просто ослеп. Совсем ослеп... Что ж, не так-то уж плохо. Ослепнуть, оглохнуть... Чтобы не видеть и не слышать всего этого ужаса! Для чего он жив теперь? Что за очередная издевка судьбы? Дом, где он прожил всю жизнь, уничтожило в первый день бомбежки. И ему бы почить под руинами... Ан нет! Волею какой-то нелепости был он тогда не там... Все смешалось в памяти. Как оказался он в этом подвале? Помнится, подхватили чьи-то руки: «Пал Николаич! Живой?! Слава те, Господи!» Не узнал спасителя своего, а он, сведя его в этот подвал, убежал куда-то. Жив ли? Опять Сонюшка поет что-то... И как ей было не сойти с ума? Ночью ворвались к ней бандиты, те, что теперь прозвались властью, Варю, мужа убили, дочь увезли с собой... Какое же счастье, что свою единственную дочь, Варю, с внуком успел он еще в 90-м, чуя недоброе, выпроводить в Сталинград (Волгоград по-нынешнему) к старому другу Денису Дудареву... Как-то теперь она? Писем уже больше года никаких. Да и какие теперь письма? Война кругом... Сколько знакомых за это время потерял. Кого убили, кого из республики выслали, отобрав предварительно все нажитое. Страшно умирать, а жить еще страшнее сделалось. Вот-вот, придут и к тебе, и держись тогда! Что им, этим волкам, откуда только взявшимся, до заслуг твоих? А ведь среди них и офицеры бывшие есть, и даже «интеллигенция». Что же это случилось такое? Какая дьявольская сила обратила их вдруг в убийц, в бандитов, в нелюдей? Была одна на всех родина, а теперь нет врага злее, чем бывший «брат». Вот и редактор газеты местной, Умаров, чуть началась вся эта заваруха, напялил на себя форму, повязку черную, бороду отпустил — слуга аллаха! А пять лет назад еще коммунистом был, членом партии... атеистом... Эх ведь оборотился! И сколь теперь этих оборотней! Нет, пожалуй, есть все-таки дьявол... Или шайтан. Все равно! Он-то и заправляет теперь. Иначе как объяснить хотя бы и эту бомбежку? С ума они посходили, что ли? Кто, какими движимый мотивами, отдал такой приказ? Обезумели! Неужели не ведают они, сколько в городе осталось русских? Те-то все заранее побеспокоились, драпанули из города. А свои, русские, недобитые еще бандитами, измученные и преданные всеми, остались! И теперь на их дома, на их головы падают бомбы! Русские убивают русских... И вот он, ветеран войны, почти слепой прячется в этом погребке от СВОИХ. Свои... Где теперь свои? Есть ли? Боже мой, где, где видано это? Неужели же была когда-то Победа? Май 45-го? Парад? Москва?... Москва, должно, и теперь есть. Только не та Москва. Чужая Москва. Еще более чужая, чем иная какая страна. Там-то теперь главный враг. Там-то... Оттуда льется яд всегубительства... А, может, уж и Москвы нет? И ничего нет? И не было? Но ведь было же! Ничего не спас он из имущества разрушенного дома, но ордена остались! Он самые дорогие в последнее время носил на груди. Их не видно теперь во тьме, но руками нащупать можно: Победы, За Оборону Москвы, Красного

Знамени... Все, что осталось... А откуда-то из памяти недавнее совсем: первое сентября 90-го года... Школа, торжественная линейка, цветы, детские беззаботные лица, и он, директор, выходит с приветственным словом... Где теперь эти дети? Что будет с ними? И первого сентября нет больше... И школы. Ее тоже уничтожила бомбежка. И Леры нет... Умерла год назад. Не выдержала всего этого, заболела... Горевал тогда, а теперь, кажется — слава Богу! Хотя теперешнего ужаса не видеть ей! И ему уж недолго. Когда же кончится эта канонада? Невыносимо слушать раскаты ее, невозможно...

В какой-то момент наступила тишина. Когда случилось это? Бог весть. И подвал зашевелился. Как-то сразу ожил. Стали выбираться наверх. Еще и не ведая, что там, но, чувствуя, страшнее уже ничего не будет. Спешили к своим разрушенным домам с тайной мечтой, что хоть что-то осталось, что-то удастся найти на развалинах. С чьей-то помощью выбрался и Павел Николаевич. Нет, зрение еще при нем. Видит он свет, какие-то силуэты неясные — более ничего. Остановился, как вкопанный, вслушиваясь. Мотор загудел... Танки идут. Наши... А откуда-то донесся запах походной кухни. От него замутило даже. Русская речь слышна. Там переругивается кто-то... Солдатики наши?... Стоял Павел Николаевич, как вкопанный, в трех шагах от руин своего дома. Вдруг из развалин донеслась тихая, хрипящая мелодия. Павел Николаевич вздрогнул: неужели цела шкатулка? Все уничтожилось, а она цела? Последнее, что осталось у него? Надо же забрать ее, забрать, в память о Лере, о той жизни, что была когда-то и которой не будет уж никогда впредь. Павел Николаевич, спотыкаясь и шатаясь, двинулся к развалинам. Кто-то догнал его, удержал:

— Ты куда, отец? Расшибешься ведь! — молодой голос с хрипотцой.

— Ш-шкатулка... — прошептал Павел Николаевич. — Музыка...

— Твоя, что ли? погоди, отец! Постой здесь! Сейчас принесу! — шум удаляющихся шагов, спешливых, темный силуэт впереди. Солдаты наш, должно быть...

Через несколько мгновений солдат вернулся и всучил Павлу Николаевичу шкатулку:

— Держи, отец! Ты иди к костру! Сейчас каши с тушенкой наварим!

Павел Николаевич покачал головой, глянул невидяще на шкатулку:

— Вот, она жизнь-то моя... — прошептал и заплакал.

4

Юрий Дмитриевич Вершинин раздосадовано захлопнул дверцу своей роскошной иномарки. Как не вовремя сломалась! А его ведь ждут на приеме! В честь него, кстати говоря, и устроенном. Еще бы! Знаменитый пианист после десяти лет пребывания за границей почтил родину визитом! Приехал в рамках мирового турне! Газеты рвут на части, банкеты в честь его персоны — встретили, как национального героя! Москва, сколько лет — сколько зим! Изменилась столица, да... Ну, Бог с ней с машиной. Тут уж недалеко. Можно и на метро... А что? Тряхнуть стариной в самом деле! На соотечественников глянуть... Хотя... не всегда приятное зрелище, прямо скажем. Издерганные все, усталые. А он в своем шикарном костюме и дубленке, роскошный барин... Почти неприлично теперь выглядеть так благополучно.

И все-таки Юрий Дмитриевич спустился в метро,дохнувшее в лицо чем-то неприятным, тяжелым, удушливым. Идя по переходу, Вершинин старался смотреть себе под ноги. И зачем это он частника не взял? Вдоль стены вереницей стояли, сидели, лежали люди. Его соотечественники. Русские люди. Воины-афганцы, старухи, дети, ветераны войны... Нищие! Вот и посмотрел. Юрий Дмитриевич брезгливо морщился, стараясь идти как можно быстрее. И все-то руки тянут... Кажется, только к нему, к нему одному... Откуда только взялось их столько? В одночасье? Уже почти миновав переход, он таки поднял глаза и увидел сидящую на полу старуху. Маленькая, изможденная, с ли-

цом тонким, бледным, с запавшими щеками и глазами и редкими прядями седых волос, выбивающимися из-под платка и падающими на землистого цвета лоб, она была одета в старенькое пальто, на ногах — какие-то обмотки и старые, разбитые сапоги. Перед ней на расстеленной на полу газете лежало несколько книг и... медаль «За оборону Москвы». Руки старухи были красными и распухшими. От холода? Или больна? Глаза закрыты. Вершинину даже показалось на мгновение, что она мертва уже... Но нет, дышит. Юрий Дмитриевич порылся в бумажнике вытянув довольно крупную купюру, сунул ее старухе прямо в распухшую руку (из шапки стащат еще...) и уже сделал шаг в направлении лестницы, как вдруг услышал позади себя произнесенное усталым, далеким, но еще чистым голосом такое до боли знакомое:

— Спасибо, соколик...

Вершинин почувствовал, что его бросило в холодный пот. Он медленно, с трудом обернулся и увидел глядящие прямо на него большие, слезящиеся, но не обесцвеченные безжалостным временем синие-синие глаза. Ее глаза...

— Айседора Александровна?..— еле вымолвил Юрий Дмитриевич.

Бескровные губы старухи дрогнули в слабой и горькой улыбке:

— Здравствуй, Юрочка.

Ему хотелось бежать прочь от этого кошмарного видения, этого призрака, но он отчего-то оставался стоять перед ней, как вкопанный, и лишь выдавил:

— Как же это, Айседора Александровна? Как же вы?..

— А ты, Юрочка, подойди теперь ко всем,— старуха кивнула в сторону,— и спроси их как. Они тебе много интересного порасскажут. А мне и рассказывать нечего. У меня все просто и обыденно...

Вершинин стыдливо вытащил еще одну купюру, но Айседора Александровна отстранила его руку:

— Мне лишнего не надо, соколик. Ты вон пойди и отдай их женщине той, что с мальчонкой на руках. Ей его кормить нечем. А мне все помирать...

— Да что вы говорите такое! Да я теперь же... Я мэру... Я...

— Оставь, милый,— Айседора Александровна взмахнула рукой.— Не дергайся. Я все одно помру через две недели. Молчи! Я это знаю совершенно точно. Наверное знаю. А посему иди своей дорогой и лихом не поминай. Иди, соколик! Бог с тобою,— последние слова она выговорила с заметным трудом и снова закрыла глаза, словно погрузившись в забытие.

Вершинин повернулся и почти бегом вылетел из метро. Оказавшись на улице, он вдохнул морозного воздуха и потер лоб снегом. Взглянул на руку — в ней купюра. Надо было отдать той женщине... Но не возвращаться же теперь уже! Убрал назад в портмоне. Юрия Дмитриевича жгла обида. Обида на Айседору Александровну... Как она могла дойти до такого? И угораздило же встретить... Все эти годы она жила в его душе таким светлым и радостным видением счастливого детства, а теперь что? Теперь будет жить иное видение, страшное и безжалостное... Вершинин потрянул головой, словно стараясь выкинуть из него навязчивый образ. Ах ты, елки! Ведь прием вот-вот начнется, а он стоит тут! Господи, какое счастье, что завтра он улетает опять во Францию, к милой Мари, прочь из этой страны, от этих изможденных людей, нищеты и мрака! Завтра он сядет в самолет, в салон первого класса, где будут подавать ему черную и красную икру, и улетит в Париж! Милый Париж! Как он прекрасен! Особенно в сравнении с этим, прямо скажем, оскорбляющим эстетическое чувство всякого интеллигентного человека миром «униженных и оскорбленных»! Прочь! Прочь отсюда! В Париж! А затем на гастроли в Рим, Лос-Анжелес... Все-таки ужасно замечательная штука жизнь! Подходя к зданию, где ожидали его высокопоставленные почитатели, Вершинин окончательно развеялся и повеселел. Жаль только детского прекрасного воспоминания...

Роза Нарышкина

(г. Алексин)

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

По профессии учитель русского языка и литературы. Окончила Тульский педагогический институт имени Л. Н. Толстого, многие годы, работая в школе, воспитывала в детях любовь к русскому языку и литературе. В 2002 году стала лауреатом первого алексинского фестиваля поэзии и бардовской песни, публиковалась в местных газетах, в изданиях «АЛЛО», в областных сборниках стихов. Имеет два авторских сборника стихов. В настоящее время пишет рассказы на бытовые темы.

Она увидела его случайно, на празднике 8 Марта. Звучала музыка ушедших времен, в толпе отдыхающих они встретились взглядом — и что-то щелкнуло, зацепилось и потом уже не отпускало.

Прошла зима. На дворе зажурчали веселые ручейки, забегали по обочине дороги юркие воробышки, зазеленели травы — оживление в природе наполняло сердце вдохновением. Ольга сидела на диване в задумчивости, вспоминая свое нелегкое прошлое, хотя о чем жалеть? Ведь любила же она, любила преданно и страстно! Что говорить, когда его уже нет, год назад она узнала о его кончине и горько заплакала, навсегда прощаясь с прошлым. Неожиданно раздался телефонный звонок, прервав тревожные мысли.

— Здравствуйте, Ольга!

— Добрый день!

— Мы мало знакомы. Хочу встретиться с вами, поговорить.

— А что случилось? — с удивлением спросила она.

— Это не телефонный разговор. Жду вас в нашем парке.

— Ладно. Сейчас буду, — пообещала она.

Отчего она согласилась на эту встречу? Что это? Зов сердца? Опять волнения? Все было в прошлом: и первая любовь, погибшая от разочарований, и страдания измученной души. И все же ее понесло туда, к месту встречи, где он ждал ее с нетерпением и робостью: вдруг передумает и не придет.

Но она пришла, и сердце затрепетало пойманной птицей, а глаза распахнулись синевой неба — он протянул к ней руки и, обняв за плечи, выдохнул:

— Я люблю вас! Милая не отталкивайте меня, живу с надеждой на взаимность.

— Вы же меня видели всего два — три раза! — удивилась она.

— Я полюбил вас в первую нашу встречу!

— Так бывает? — улыбнулась Ольга, коснувшись его теплой руки.

— Как видите, еще как бывает, — тихо сказал Сергей.

Было начало мая. В воздухе запахло распутившейся сиренью, растущей вдоль тропинки, по которой они пошли, взявшись за руки. И на сердце становилось легко-

легко оттого, что рядом шел синеглазый мужчина, довольно еще моложавый, крепко сложенный и высокий. Ольга почувствовала себя юной девушкой, не осознавая еще, что, возможно, эта встреча станет западней и вырваться из нее будет не так легко. «Что я делаю? Опять в моей жизни появился мужчина?» — с волнением подумала она, продолжая идти, держась за его крепкую руку.

— Как вам живется в России? — спросил Сергей.

— Хорошо. Мои детские годы и юность прошли здесь, на тульской земле, — улыбаясь, сказала Ольга.

— А в браке были счастливы?

— Вначале да, потом было всегда плохо, — с грустью ответила она.

— Теперь мы оба свободны! Дети давно взрослые, мы имеем право на новое счастье. Вы согласны, Оля?

— Вполне!

— Близится праздник Победы. Давайте встретим его вместе!

— Где и когда? — с робостью спросила она, опустив зеленые глаза.

— У меня на даче. Там сейчас зацвел сад. Очень красиво! Седьмого мая в 10 часов утра я буду ждать вас, Оля! Придете?

— Я приду, — спокойно сказала она, падая в омут васильковых глаз.

2

Утро, ясное и прохладное, пробудило ее внезапно. Она не могла понять, где она и что с ней происходит. Сон, такой неожиданный, напомнил ей, как она была счастлива и любима. Он редко ей снился, а сегодня, накануне новой встречи, опять пришел к ней во сне, как бы ревнуя и предупреждая об очередной ошибке. Она лежала в постели, прокручивая воспоминания о том, кого она с печалью в сердце оставила там, в ближнем зарубежье, никогда не забывая его.

Ольга встала довольно рано, сделала, как всегда, зарядку («привычка свыше нам дана»), выпила чашку кофе и, одев легкую курточку и брюки, решила на встречу. Подходя к дачам, она заметила Сергея, стоявшего на узкой тропинке, ведущей к скромному домику, утонувшему в цветущем саду. Слегка улыбаясь, он взял ее за руку и повел в дачное жилище. Это были две маленькие комнатки: веранда, где стоит стол и два стула, и, так сказать, спальня для отдыха. Ольга огляделась, вдохнула запах сирени, ветки которой смотрели в раскрытое окно, и засмеялась.

— Как славно у вас здесь! — воскликнула она.

— Я рад, что вам нравится, — обнимая ее за плечи, нежно улыбаясь, сказал Сергей.

Они смотрели в глаза друг другу: что это, судьба? Отчего ей так хорошо, ведь они едва знакомы?

— Олечка, у меня небольшое угощение, прошу к столу.

— Спасибо за внимание, Сергей Иванович. Фрукты, шоколад — это очень приятно, но коньяк... в меру, могу немного за праздник и нашу встречу.

— Вот и хорошо. Угощайтесь!

Сергей волновался, и это состояние души отражалось в напряженном взгляде синих глаз. Как долго он ждал этих мгновений, когда он сможет обнять эту женщину, стать ее другом и возлюбленным. Ее зеленые глаза притягивали, манили, заставляли порой страдать, думать о ней ночами, и вот... она уже так близка. Он вдохнул запах ее волос, стал неистово целовать эти желанные губы, крепче прижимать к себе, потом взял ее на руки и внес в спальню. Ольга была в его власти; как замороженная позволила раздеть себя и целовать. Он любовался ее спортивным телом, еще молодым и желанным, потом приник губами к ее груди, словно ребенок. Ольга впервые познава-

ла радость и счастье в близости с мужчиной, чувствуя, что уже не уйдет, даже если погибнет. «Что это? Неужели любовь? Разве так бывает?» — спрашивала она себя, закрывая глаза и улыбаясь.

— Милая, я счастлив! — воскликнул Сергей. — А ты?

— Я же пришла. Мне тоже хорошо с тобой, — сказала она, зарываясь в поросль его широкой груди, краснея отчего-то.

— Я люблю тебя давно, но не смел подойти и объясниться...

— Как странно... Обычно женщина чувствует это..., а я...

— Ты не могла, потому что я скрывал свою любовь, да мы и не виделись с тобой, у каждого своя жизнь.

— Что теперь будет с нами? — с тревогой спросила Ольга.

— Все у нас будет хорошо! — воскликнул Сергей, привлекая ее к себе.

Встречи продолжались, но были они редкими, и она подумывала уже прекратить их, разумеется, ревнуя к той, которая существует и отнимает его у нее, но он снова звал к себе, и она погружалась в омут страсти.

Однажды он не позвал. Прошел месяц — другой, а он не появлялся, не звонил, становилось пусто и неуютно жить. И все же ждала с замиранием сердца, поняла, что без него ей будет плохо, как в былые времена, когда приходило разочарование от несостоявшейся любви. «Где ты? Что с тобой случилось?» — спрашивала она, будто он мог ее услышать. И такая тоска навалилась на сердце, что невольно становилось жить, дышать; слезы, горькие слезы брызнули из ее зеленых глаз, она сидела в задумчивости, окаменев от навязчивых мыслей. Она ничего не знала о его прошлом. Да, было два брака, живут где-то сын и дочь, свои уже семьи, а он... по-прежнему один, свободен, как сказал при встрече. Может быть, вернулся в семью, к детям? Нет, надо что-то делать! С ума можно сойти от неизвестности!

3

Сергей Михайлов работал в небольшой фирме, являющейся связующим звеном между заводами и мелкими предприятиями. Фирма давала небольшой доход и моральное удовлетворение. Ольга с уважением относилась к его деятельности, ценила его трудолюбие на склоне лет, просто любила и не задумывалась о том, что когда-нибудь его не станет в ее жизни, неважно по какой причине, просто не придет и придется учиться жить без него. И вот сейчас это «когда-нибудь» наступило, она с печалью осознавала, как трудно будет без него, без его ласковых рук, без дурманящих васильковых глаз, нежно смотрящих на нее.

А он не звонил, не появлялся. «Как же так? Отчего плохо?» — говорила она себе и не могла примириться с разлукой. Одиночество пугало ее.

Однажды, когда уже не было сил ни думать, ни ждать, раздался телефонный звонок:

— Алло! Любимая, это я, твоя потеря! Хочу тебя видеть!

— Здравствуй! Долго ты собирался, чтобы позвонить.

— Прости. Все объясню при встрече, хорошая моя. Жду у себя.

— Я приду, — тихо сказала Ольга и отключила мобильник.

Сергей ждал ее с нетерпением и трепетом сердца. Они встретились, когда солнечные лучи освещали, согревая все живое на земле: травы, стройные березы и разлапистые клены, вечнозеленые ели и сосны — всюду раздавались птичьи веселые голоса.

Ольга вышла из дома навстречу счастью. «Боже! Помоги мне удержать его любовь! Без него нет радости в этой жизни», — думала она, предвкушая встречу с мужчиной, который внезапно снова вошел в ее жизнь.

Сергей чувствовал угрызения совести: оставил любимую женщину без объяснений, не думая о том, что долгая разлука вызовет у нее обиду и недоумение, хуже того — охлаждение сердца и равнодушие. Так случилось, что обстоятельства оказались сильнее, он не имел возможности связаться с ней, предупредить о внезапном отъезде из города.

С Анной не получилось, так бывает, не сошлись ли характерами, разлюбил ли он, но жить вместе стало невозможно, хотя прожито немало; казалось, все должно устояться, но... одиночество вдвоем угнетало, лишало радости жизни. Разошлись давно, дети были подростками, не умеющими понять родителей. Сын и дочь затаили обиду на отца, которого любили, мать жалели.

— Мамочка, не удерживай его, пусть уходит,— сказала взволнованно дочь Оксана. Сын Миша молчал, не вмешивался.

— Ты не знаешь жизни, дочка. Он пропадет без нас,— плача сказала мать.

— Не пропадет! — закричала Оксана.— Не нужен он нам такой!

— Какой? — с обидой спросил Сергей.

— Чужой! Чужой!

— Оксана, перестань! — вмешался, наконец, Миша и подошел к отцу.

— Папа, ты уходи, но помни, мать обижать не дадим.

— Простите нас, дети! — сказал Сергей и вышел из дома.

Ольга... Как часто он думал о ней. Женщина — романтик, живет чувствами, не разумом; с ней хорошо, он любил в ней все (по-чеховски): и лицо, и одежду, и мысли. Непосредственная, открытая, ласковая, она притягивала своим взглядом, завораживала, но он трусливо медлил с предложением о совместной жизни, боялся возможных разочарований, как бывало в прошлом. Как сказать ей, что отказать в помощи своей семье он не мог. Анна тяжело больна, сын живет на Севере, работа на морфлоте трудная, дочь — в Италии, по контракту. Мать требует ухода, и дети обратились за помощью к отцу.

— Папа, помоги матери,— позвонил сын.

— Что случилось? — встревожился Сергей.

— Вероятно, ей недолго осталось.

— Так серьезно?

— Да. Два года, как мы бьемся за ее жизнь, но конец близок, она уходит от нас,— мрачно сказал Михаил.

— Не волнуйся, сын! Я поеду к ней!

— Спасибо. Я был уверен, что ты откликнешься.

4

Сергей тщательно собрался, закупив продукты, витамины и кое-какие лекарства, и на рассвете выехал в город Донской на своей машине. Когда-то там он был счастлив, потому что был молод и любил. Город встретил мелким дождиком, природа будто сопереживала его печали, поселившейся в сердце: уходила из жизни женщина, подарившая ему прекрасных детей. Он узнал этот дом, в котором более тридцати лет назад познал первую любовь, чистую и верную, как сама девушка, носившая прекрасное имя Анна. Аннушка, его любимая девочка, всегда оставалась в памяти, в дальнем уголке сердца, но жизнь распорядилась по-своему: они стали чужими. На звонок в дверь вышла женщина, очень худая, с темными кругами под глазами, щеки обвисли на желтом лице, и только глаза, по-прежнему большие, темные, выдавали ту Анну, которую он когда-то, в юности, полюбил страстно и нежно. Она узнала его, хотя он изменился за долгие годы, разлучившие их, но был все такой же стройный, красивый.

— Сережа, какими судьбами? Прошло столько лет!

— Сын позвонил, что тебе плохо.
— Спасибо, что приехал. Ну здравствуй! Не ждала...
— Здравствуй, родная! Рад тебя видеть,— тихо сказал Сергей.
— Какая радость! Сам видишь, какая я теперь стала, болезнь согнула.
— А мы ее прогоним! — сказал он, привлекая ее к себе.
— Ты надолго?
— Не волнуйся, поживу у тебя пока...
— Прости, я устала,— прилягу.
— Ничего, ничего. Пойду к машине, там у меня продукты... Приготовлю что-нибудь.

— Ко мне приходит Мария, соседка. Задержалась сегодня на работе.

Сергей вышел во двор, такой родной, знакомый до боли, душа разрывалась от печали: вот как бывает в жизни, кто виноват, что они с Анной разлучились навсегда. А теперь и не поправишь, она уходит, это очевидно. Слеза раскаяния неожиданно поползла по щеке, он взял сумку с продуктами, другую — с лекарствами и быстро пошел к квартире. Анна спала, потому что была слаба; сердце, измученное годами, еле-еле билось в ее худеньком теле. Волосы, уже поредевшие и довольно седые на висках, разметались на подушке. Сергей стоял у окна и думал о том, как сложилась печально их жизнь, сердце сжималось от горя. Он сделает все, чтобы ей в последние мгновения жизни было хорошо, ведь любили они когда-то и были счастливы. Анна очнулась часа через два, в это время он занимался на кухне обедом, тихо двигаясь, боясь нарушить ее внезапный сон: сварил борщ, приготовил жаркое, налил в чашки сок.

— Прости, я заснула так неожиданно, ночью бывает бессонница.

— Ничего страшного. Сон — это хорошо. А у меня готов обед.

— Узнаю прежнего Сергея: ты любил готовить пищу.

— Как же иначе, Аннушка? Я позабочусь о тебе.

— Спасибо, родной,— сказала Анна и закрыла глаза.

— Тебе плохо? — всполошился Сергей, подойдя к кровати.

— Нет, мне хорошо, потому что ты здесь, со мной.

Сергей взял ее руку и нежно стал целовать в синие жилки, потом в ладонку, приговаривая тихо: «Милая, прости меня! Знаю, что я виноват перед тобой, перед детьми...»

Анна лежала молча, только из глаз, когда-то больших и красивых, покатались непрошеные слезы. Он рядом, не забыл ее, помнит о былом счастье, возможно, жалеет. Вот и славно. Можно и умереть теперь.

Через месяц ее не стало. Она ушла на рассвете, когда занимался новый день, алая заря возвещала о том, как прекрасна жизнь с ее радостями и любовью. Сергей сидел возле уснувшей растерянный, поникший, с горьким чувством вины: ничего не изменить, не вернуть. Он понял, как любила его эта женщина, пронеся свою верность до конца. Сын не упрекал его, только обнял молча, дочь приехать не смогла. Сергей знал, что жить для детей он будет без нее, во имя памяти о ней, и еще он знал: отныне в этом городе будет нередким гостем, потому что здесь остается последнее прибежище той, которую он любил страстно и нежно. Последний аккорд прозвучал в тишине, возвещая о бренности жизни...

Ольга смотрела в синие глаза друга, как бы говоря с укором «Где же ты был? Я измаялась вся в разлуке...»

Сергей привлек ее к себе и сказал: «Я все тебе скажу, дорогая!» Он смотрел на нее с надеждой и любовью: эта женщина станет судьбой, заменит печальную утрату...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Игорь Лукьянов — автор десяти поэтических сборников. Его стихи публиковались в центральной и региональной периодике. Член Союза писателей России. Постоянный автор «Приокских зорь». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2012-й год (см. 3-ю стр. обложки настоящего номера журнала).

Сей мир наш — он зрим и незрим.
О нем нам известно немного.
И сдвоен
 он духом одним
Из уст
 самовластного Бога.
Он кровью Христовой спасен
И промыслом Божиим вечен...
Есть повесть одна в нем, как сон,
О славной любви человеческой,
Итак,
 эта повесть гласит:
Под небом
 то ясным, то хмурым
На вольных просторах Руси
Есть град,
 называемый Муром.
Там княжил в те давние дни,
Житейских исполненный правил,
Что Божьим заветам сродни,
Муж праведный доблестный Павел.
Был благостен князь,
А таких
Не терпит нечистая сила.
И ядом заклятий своих

Княгиню она совратила.
Пленил ее змей-блудодей.
Вползал похотливою тушей.
Но не было тайны у ней
В грехе подневольном от мужа.
Кручинились в горе одном
Над этим

в судьбе перегибом...

И думали крепко вдвоем
Как змею устроить погибель
Доколе злодея терпеть,
Что честную жизнь обесславил,
— Ты выведай, где его смерть —
Жене посоветовал Павел.
И как-то на льстивую речь
Княгини

змей гаркнул сурово:

Сразит меня Агриков меч,
Коль будет
в руке он Петровой.

* * *

Так тайна открылась... Но где
И меч, и герой этот Петр.
Как к ним по земле ль, по воде
Добраться сквозь вражий присмотр.
Задумались муж и жена,
Сквозит неизвестность кругом.
Тут мысль их встряхнула одна —
Брат Павла зовется Петром.
Князь сразу же к нему поскорей:
— Такие, вот, братец, дела.
Ты Петр

и рукою своей

Избавить нас сможешь от зла
— Готов я поганца усечь —
Рек Петр — богатырская статья,—
Но где этот Агриков меч,
Чтоб к бою в руке его сжать.
И вскоре в одной из церквей —
Молился там Петр не раз —
В сиянии Божьих лучей
Сверкнул ему меч, как алмаз.
Он взял огневой кладенец —
Из горнего горна металл.
— Теперь блудодею конец —
Княгине и князю сказал.
Поганого змея стерег,
Но тот чародейством владел.
И принять обличие мог
Любое — какое хотел.

Была та уловка хитра.
Всех за нос он долго водил.
И Павлом, минуя Петра,
В покои княгини входил.
И все же закончился срок
Тех дьявольских метаморфоз.
Петр змея поймал и рассек.
И тут же, как тыщи заноз,
Последнею злобой шипя,
В героя,

 замыслив смолоть,
Кровавая вмиг чешуя
Вонзилась, уродуя плоть.

* * *

От струпьев, изранивших тело,
Петр сразу ослаб, изнемог.
Прознав,
 что в Рязанских пределах
Есть те,
 кто ему бы помог,
Туда подчиненных направил.
Из них одному повезло.
С названием несколько странным
Нашел он случайно село.
Оно называлось Ласково.
Девушка ткала полотно.
Пред гостем мудреное слово
Низала одно на одно.
Над просьбой своими устами
Смела ожидания дым.
— Я вылечу князя, коль станет
Супругом законным моим.
Февронией звали ткачиху.
Простых деревенских кровей,
Спасаться от страшного лиха
Несчастный отправился к ней.
Ему напрямую девушка
Сказала без суетных слов
— Коль дашь обещанье жениться
Сегодня же будешь здоров.
Услышав от князя согласие
Чудесница язвы на нем
Покрыла таинственной мазью
И горе растаяло сном.
Ушел и не стал возвращаться
Он к той, что дала ему мазь.
— Не дело мне дочь землепашца
брат в жены,— взгордынился князь
Решил расплатиться богатством.
Свое обещанье забыть.

Феврония, как святотатство
Отвергла лукавую прить.
Сняла она силу леченья
Божественным даром своим.
И снова вернулись мученья.
Вновь Петр хворобой томим.
Стыдясь за себя всей душою,
Князь — к деве с мольбою в груди:
— Ты станешь моею женою,
Лишь змееву месть изведи.
Достала Феврония чашу.
И тот же все мазью прием.
Князь снова здоров.

Обвенчавшись,
Уехали в Муром вдвоем.
И оба — блаженны сердцами,
Святым поученьям верны,
Под муромскими небесами
Зажили в заботах земных

* * *

Немало лет прошло и Павел
В какой-то час

сей мир оставил.
Ему открылся Божий дол.
И Муром к брату перешел.
Петр править стал
с княгиней в паре.
Вокруг — дородные бояре.
Февронию

вся эта знать
Искала повода изгнать.
Поскольку их высокородных
Княгиня из низов народных
Учила жить без воровства,
Без подлости и хвастовства.
Бояре — силы зла и розни
Февронии чинили козни.
За наговором наговор
Он них выслушивает Петр.
Но не слабеет связь святая
С женой,

Все так же дорогая
Она и нравом, и красой,
И мудростью, и простотой.
Все то, что в ней
он видит, слышит
И власти, и богатства выше.
И знать не хочет князь без ней.
Ни жизни, ни судьбы своей.
Отдал он Муром свой боярам,

Чтоб лишь с Февронией
 быть рядом.
И вместе с нею налегке
В ладье поплыли по Оке.
На судне был один попутчик
Глаза он на княгиню пучил.
И был с душой ее не в лад
Тот подло—похотливый взгляд.
От вожделения спасая,
Сказала грешнику святая,
Чтоб он при ней испил воды
По обе стороны ладьи
Потом спросила:
 как водица!
На вкус хоть чем-нибудь разниться?
— Ничем,— последовал ответ.
Феврония ему — совет:
И так же в женах — справа ль, слева —
В них суть одна
 она от Евы.
И все, что есть на стороне
Дано сполна твоей жене
Прости, княгиня,— бес попутал —
Пред ней покаялся попутчик.
Поняв, что встретился с женой
Он непростою, а святой.
Плыла ладья. Простор плескался
Пристали к берегу.
 Казался.
Петру плачевным этот путь —
От Муром в куда-нибудь.
Ведь был он князем, самодержцем.
За ужин сел с тяжелым сердцем.
Но слышит тут супруги глас:
— Поверь, Бог не оставит нас!
И поутру по Воле Божьей
Приплыли с просьбою вельможи,
Чтоб Петр с Февронией назад
Вернулись княжить в Муром-град.
Пошли без них там распри, ссоры
Убийства, кражи и поборы.
На всем безвластия печать
И с этим надобно кончать.
Князь и княгиня просьбе вняли
Вернулись в город.
 Все уняли.
И долго правили потом
В родимом Муроме вдвоем.

* * *

И Божией правдой живя,
 люди простой опекая,

Пришли они к дням угасанья,
как смертные все.
И бога молила о том
эта пара святая
Чтоб рядом предстать им
пред Сущим на небесе.
Всевышний услышал их просьбу —
в миг общий обоих
Призвал из телес
тихим, солнечно-ласковым днем
И небо над Муромом
буднично-преголубое
На миг просияло
особым небесным огнем.
Святых положили
в отдельных гробах по закону
Не властных над ними уже
предрассудков людских.
А утром прийдя
поклониться
последним поклоном
Увидели в гробе лежащих
одном на двоих.
Связала их Божия Воля
поверженным змеем,
Отказом от княжеской власти
на радость любви.
И преданным
светлосердечным
святым поклоненьем
Церковным святыням
омытым
в Христовой крови
Вдвоем неразлучно
вошли они
в небо и землю.
Народ православный
запомнил их жизнь на века.
Как русский
я повести этой
с почтением внемлю
И в крестном знамении
тянется к сердцу рука.

Примечание:

«Повесть о Петре и Февронии» — памятник древнерусской литературы 16-го века. В основе этого произведения лежит народная легенда о летающем змее — оборотне и мудрой крестьянской девушке, ставшей княгиней.

Агриков меч — богатырский меч — кладенец.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

**КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ, ИЛИ НА
ВЫСТАВКЕ РОДЕНА**
(поэма-реинкарнация)

Скульптуру Огюста Родена знаю и люблю давно. Однако, посетив недавно выставку его работ, заинтересовалась судьбой и творчеством Камиллы Клодель, слегка упомянутой в тексте прилагаемого стенда. Позднее узнала, насколько несчастна и талантлива была эта женщина — ученица, возлюбленная и муза Родена, однажды покинутая им и завершившая свои дни в психиатрической больнице. Впечатление оказалось очень острым, и в результате появилась небольшая поэма...

...Как больно знакомы
Мне эти статуи!
Мнится, что я —
На выставке не случайно...
Вдруг потерялись
Мои провожатые,
Смутно во мне прорастает
Отчаянье...

* * *

...Ох, вспомнила!.. я когда-то
Была — Камилла Клодель.
Любила меньшого брата,
Весеннюю оттепель...
Потом взаперти жила я...
Вы знаете, как в ночи,
Рассвета не ожидая,
Прошедшая боль звучит?
Как рваная ткань рассудка
Колелется, словно тень,
И память рыдает жутко
От страха и от измен?
...Деревья, фонтанов струи,
И листьев зеленый хмель,
Бесстыдные поцелуи...
Роден,— а рядом Клодель.

* * *

Но в чем же моя вина-то?
Я — женщина, вот ответ.
На солнце не скроешь пятна,
На туче — их будто нет.
Таланты — раздача Бога,
Успехи — дары людей...
Свободы б еще немного,
Ваяла б я лебедей,
На мраморе белых крыльев
Взлетела б в небес окно
От горечи серой пыли,
Которой вокруг полно.

* * *

Кто ты? Кто здесь? Меня не тронь!..

* * *

...А где-то живут
Без вести
Разрозненные искры
Интереснейших людей!
Как бы собрать их
Вместе,
Чтобы создать
Лучистый
— От всех золотых идей —
Очень большой огонь?

* * *

Могла бы и я согреться...
А дождь вызывает дрожь
И страхи в разбитом сердце,
Которые не уймешь.
Но мне уж давно известна
Простая, как смех, игра,
Нагрывавшая из детства
В больничные вечера:
Во мраке глаза, как блюда,
Посмотрят — увидят жуть,
Но если не оглянуться,
Тогда не страшно ничуть.
Стена... и ночные тени
Вычерчивают на ней
Изгибы рук и коленей
Из мрамора прежних дней,
Из бронзы... отчетлив очерк,
На выпуклостях — луна...

* * *

...И не был рожден сыночек,
И — дочка не рождена...

* * *

Здесь кем-то собраны
Вместе
Безумные искры
Несчастнейших людей...
О них не доходят
Вести
До тех, кто их запер —
И не хочет вестей...

* * *

А страшно часами слушать,
Как души кричат из тел,
В которых покой нарушен...

* * *

Хоть раз бы он поглядел...

* * *

Из прошлого словно вынут
Обрывок цепочки дней,
И чувствуют руки глину —
Острее тоски по ней.
И — осень... Когда желтеет
Предсмертный наряд дерев,
Теснятся во мне идеи,
Как музыка — нараспев...

* * *

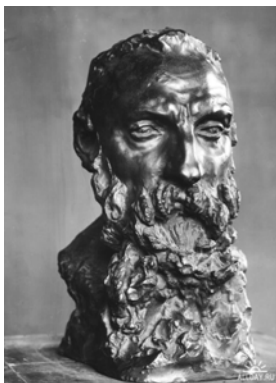
Но помнит ли он,
Как шли мы
По мокрым листьям
И не знали еще,
Кто в чем виноват
Из нас?
Вокруг — никого,
Дождливо,
И каплям быстрым
Не хотелось молчать
В наполненный звоном
Час.
Метнулась под ноги
Шустрая тень от ветки —
И отпрянула в испуге

Назад.
Из-под ресниц рванулись,
Точно из клетки,
Его
Заострившиеся
Глаза...

* * *

Я теперь, добывая
Из сердца искру,
Жду,—
Что
В памяти
Вспыхнет ныне?..
А трава, принимая
Следы поутру,
Никаких шагов
Не отринет!
Какое мучительное
Желание —
Припасть к траве,
Сырой,
Прохладной,
И — чтоб утро
Вздымалось
Зарею раннею,
Лучами раненой,
Не-нагляд-ной...
Но моих шагов
Нет на той траве —
И больше уже не будет.
А моя любовь
Отдана молве —
Отсеченной главою
На древнем блюде...

Творчество К. Клодель

Портрет
О. Родена

Девушка с
закрытыми
глазами

Борис Рубцов
(г. Тула)

Борис Васильевич Рубцов родился в 1953 году в Туле. После школы окончил Тульский педагогический институт им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Трудовую жизнь начал директором средней школы в городке Чекалине на Оке (Суворовский район Тульской области). После службы в Советской Армии работал во многих отраслях народного хозяйства. Ныне заместитель генерального директора на одном из тульских промышленно-коммерческих предприятий.

Стихи пишет со школы. В студенческие годы был участником литературного объединения «Тульская магистраль», руководителем которого был известный, но рано ушедший из жизни, тульский поэт Юрий Щелоков.

Любовь к поэзии привела в 2010 году в областное музейно-литературное объединение «Муза» при доме-музее В. В. Вересаева, руководитель — член Союза писателей В. Ю. Ткач. Неоднократно печатался в коллективных сборниках.

РАЗГОВОР С ПЛОТНИКОМ КОРОВИНЫМ

...А сруби мне баньку, дядька,
Из кленовых бревен!
Покури, со мной присядь-ка,
Слушай, друг Коровин.

Знаю, ты еще в запое —
Брось! Пора за дело —
Чудо-баньку мы построим,
Чтобы печка пела!
Мастер ты у нас отменный,
Жаль, что зашибаешь,—
Часто плачет тетя Лена —
Ты ей «жизнь ломаешь»!

Деньги я отдам ей в руки,—
Ты прости — так надо.
Поработай ради скуки.
Мы с тобой — бригада!

НАВТРЕЧУ ОКТЯБРЮ

Околесицу желтыми листьями
Носит ветер, в медь славы трубя.
На гвозде революций повисли мы —
Внуки верных сынов Октября.

В этом мире мы так неприкаянны
Мы проиграны в карты судьбы —
Дядек шесть, полегли все за Сталина..
Выдувай, ветер, медь из трубы!

Мы плотины на реках поставили
И заводов везде громадьё,
Мы Россию навеки прославили.
Только чье это? Где это все?..

ВЕЧНЫЙ МАРГИНАЛ

Раздолбан тротуар —
Эпоха формализма,
Когда процесс есть ВСЕ,
А результат НИЧТО..
Я стану скоро стар,
А память так капризна,
Но расскажу еще,
Случилось так «пошто».

Крестьянская страна,
Крестьянское мышление —
Все город проглотил,
Переварив в дерьмо..
И вот пришла весна,
Но это наважденье —
Зачем нужна она? —
Ржавеет плуг давно!

Здесь в смраде городов
Потеренно ЖИВОЕ,
И Вечный Маргинал
Не приобрел души.
Земли весенний зов
Нас не волнует боле:
Без сердца созидал,—
Не легче ли крушить?..

АТИМАКИАВЕЛЛИ

Народа нет, есть скопище судеб,
Их в никуда несет неведомая сила.

Переломить не успеваешь хлеб,
И ждет тебя уже на кладбище могила...
Иллюзия единства есть язык —
Понятные слова обычно смысл скрывают.
Когда о жизни говорит старик,
То молодые часто суть не понимают!

За жизнь всем надобно платить налог
И власти выбирать всегда по их хотенью,
Понятие «народ» ушло в залог —
Лишь обращение к тому, что стало тенью.

ПРОСТУЖЕН ГОРОД

Скелеты трасс и жилы проводов,
Эритроциты красные трамваев:
Чихают трубы — город нездоров
И площадью Восстания зевает...

Завелся в нем какой-то паразит
И гложет изнутри его здоровье,
И бледен он бетоном серых плит,
И фонари горят у изголовья...

Ему бы подогреть себе вина,
Попить антибиотиков недельку,—
Покоя не дает ему вина:
Зачем продал предместьев душегрейку?!

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

«Пока смолчим... а там посмотрим»

Е. Е. Овчинников — «Голгофа»

По дорожкам скользким нашей жизни
Мы скатились в эти времена.
Не пришлось пожить при коммунизме,
Из товарищей вдруг — в господа!

Пережить стране пришлось такое!
Ни назад теперь нам, ни вперед,—
Помечтать лишь можем о покое...
Не нашлось нам места среди господ.

Кто же мы, повисшие в пространстве,
Маргиналы века? Что ж нас ждет?
А «счастливым», влезшим во «дворянство»,
Кто-то уже строит эшафот...

ЛЕКЦИЯ О МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Такое «безрыбье» в политике
Давно не видала история:
Петрушки да нудные нытики —
Бессилия фантазмагория!

Народ же повсюду доверчивый —
Ему подавай демократию,
Но раны придется залечивать
И как бы не впасть нам в апатию!

Весь мир по окружности вертится:
Откуда пришел — возвращается...
На этом моя мини-лекция
Печально ничем и кончается.

Константин Кедров
(г. Москва)

Советский и российский поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик, автор термина метаметафоры (1984) и философской теории метакода. Член Союза писателей СССР (1989). Член исполкома Российского пен-клуба. Родился 12 ноября 1942 г. в Рыбинске. С 1960 года живет в Москве. Учился один год в МГУ на факультете журналистики (1961—1962), затем перевелся в Казанский университет. По окончании вернулся в Москву. Закончил историко-филологический факультет Казанского университета, в 1968 году поступил в аспирантуру Литературного института Союза писателей.

В 1973 году в МГУ защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Эпическое начало в русском романе первой половины XIX века («Евений Онегин» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Мертвые души» Н. В. Гоголя). В это время знакомится с филологом-имяславцем, учеником Павла Флоренского — А. Ф. Лосевым.

1974 по 1986 годы работал старшим преподавателем кафедры истории русской литературы в Литературном институте имени Горького. Здесь вокруг Кедрова сформировался круг поэтов из числа студентов, заинтересованных в авангардной линии развития русского стиха,— среди этих авторов, в частности, Алексей Парциков, Илья Кутик и Александр Еременко. В 1983 году Кедров сформулировал обций принцип их поэзии как метаметафору:

ДИРИЖЕР ТИШИНЫ

Я — дирижер тишины
Оркестр — звуковая рама
Ноты — запретные плоды на древе познания
Все инструменты — варианты скрипичного ключа

Нотный стан — звуковая клетка для птиц
Птицы — ускользящие ноты
Симфония — стая птиц
Опера — готика голосов

Пять горизонтов — линия нотного стана
Партитура — пашня, засеянная проросшими нотами
Рояль — простор тишины
Арфа — силок для звука

Скрипка — деревянный скрипичный ключ
Смычок — бродяга струн
Пальцы — бродяги клавиш
Клавиши — провалы молчания

Судьба — мелодия жизни
Душа — пространство между двумя мембранами
Барабан — христианский инструмент:
ударят в правую щеку — подставляет левую

Голос — сгусток воздушной ласки
Пение — ласка звуком
Струны — радуга звуков
Литавры — летающие мембраны

Классика — музыка людей для людей
Авангард — музыка ангелов для богов

Гармония — логика звука
Небо — партитура звезд
Галактики — скрипичные ключи
Луна и Солнце — литавры света

Земля — оркестровая яма
Тишина — партитура, забитая нотами до отказа
Млечный Путь — линия ладони
Судьба — ладонь небесного дирижера
Ночное небо — приподнятая крышка рояля

* * *

Есть только одно надежное укрытие на земле
Это небо

Есть только одно ощущение бессмертия
Чувство любви

Доверяю только сердцу ведущему обратный отсчет
Только разуму способному ошибаться и ушибаться
Только предчувствию похожему на воспоминание
Только воспоминанию похожему на предчувствие
Ближе себя я вижу только тебя

* * *

Космос — это золотая сирень
радуга из грусти звезд осыпающихся в ночи

над головами ангелов похожих на розовых фламинго
задумчиво сжимающих в клювах
архангельскую форель летящую на Восток
восьмиконечной бесконечности
деленной на никогда
окно во все и дверь в никуда

Почти что Бог над надеждой
что заметнее будет если
но половина пламени
умноженная на инстинкт воды
заглатываемой верблюдом недоумения
в ушке игольном
посреди всего неустанно
ответа ждущий

Ты не должен сопровождать себя ввысь
оставайся здесь
так и быть — будь

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Преобразования ряда птиц
сводит всякий полет к нулю
если в числителе единица
ноль в знаменателе = кораблю

Корабль из звука вмещает пламя
оставляя позади лед
Расстояние между двумя громами
больше чем горизонт
выходит за горизонт
уходит за горизонт

Когда корабль вытесняет море
оно = кораблю
поэтому тела в любви невесомы
но как корабль по волнам несомы
вес вытесненного тела = нулю

ТРИСТАЕДИНЫЙ

Тристаединый ночной петух
переполняющий пеньем слух
высь заполнивший зычный зов
переполненный звездный зоб
Тристаединый петух ночной
перерастающий в шар земной
огнь пылающий из золы
пах пронзающий прах земли

Тристаединый петух ночной
из огня и золы печной
взвился пламенем и потух
тристаединый ночной петух
и терзают меня в ночи
когти острые как лучи

СТ-УПОР

стул на мне сидящий
он — я
я — говорящий стул.
разломав меня на части
все равно невозможно уничтожить
стечение двух согласных —
СТ —
это неуничтожимо
это бесСмерТно
это СТАбильно.
я оСТАюсь в СТАдионе в СТАнции в оСТановке
на СТЫке в СТоне в СТупоре
в иСТине наконец
СТоп
Я СТАл Стул

КАНТ

Пишет Кант «Трактат о вечном мире»
Ну а всюду вечная война
Вот и я пишу о вечном мире
Мне и Канту не нужна война

Критикует Кант и мысль и разум
Ну а я уже не критикую
С «Похвалою глупости» Эразма
Над трактатом вечности воркую

Кант увидел противоречивость
Всех суждений обо всем на свете
Ну а мне чужда велеречивость
Как на том, так и на этом свете

Канту я не очень доверяю
Слишком Кант серьезен и разумен
Я же мысль свою всегда вверяю
Тем, кто с Кантом чуточку безумен

Есть еще там и «Пралигомены»
Я их не читал и не прочту
Но в китайской «Книге перемен»
Иероглиф мысли с Кантом чту

ХОД КОНЕМ

Ход конем к себе
выдох
Ход конем от себя
вдох
Шахматные ходы
из выдоха — вдоха

Воздушные шахматы призрачны
Все фигуры прозрачны

Два воздушных коня —
два легких
справа и слева
Кони скачут
как молния
зигзагообразно

Молниями
дыхания
вычерчен
горизонт

Не пересчитать
всех коней
в извилинах шей
из мозга
каждая планета
в небе
ходит конем
Это результат
иллюзии и незнания

Я говорю —
ко мне конь
конь ко мне
И конь летит
из Незнания
в Мироздание

АЭРОЭРА

Все что пережито — не пережито
Мы predeterminedены
но не предрешены
Эра аэродромов
уходит в прошлое
Наступает эра
аэро-
тишины

ПОЭМА НИШИ

Я складываю карту
в колоду игральных карт
Африка — бубны
Азия — крести
Перетасованные многократно
страны
остаются на том же месте

Я однажды видел:
кариатиду
унесли
оставив карниза ношу
Может только здесь
а может и всюду
где я был
осталась пустая ниша
Может я человек
но скорей карниз
и стена пустующая отвесно
когда кто-то уходит навеки «из»
остается пустое место
Так слепой при утрате поводыря
полон странных смешанных чувств
Так при выходе крестного хода из алтаря
алтарь остается пуст

Я однажды примерил клобук монаший
а потом снимал его выше-выше
Так когда вынимают мощи из ниши
святой становится ниша

В содроганье тунгусских недр
до сих пор угасает болид
так в замерзшем мамонте один нерв
все еще болит и болит

Пустота постигается как утрата
потому пустота болит
Виноградник вымершего Урарту
слаще яблока Евы и губ Лилит

В многомерных сотах
откуда выкачан мед
обязательно затерялся шмель
После нас на земле остается медь
или глина древних шумер
Этот шмель поет оставшимся там
где закончилось бытие

или Дон Жуан припавший к устам
донны Анны
и пьет ее

Или город Пальмира во время оно
в сирийской пустыне мертвых
где раструбчатые колонны
стоят как пустые соты

В том театре я выходил на сцену
декламировал каменному Колизею
аплодировали тенями тени
музе каменного музея

И когда я выходил из амфитеатра
под каменную сень тени
уходя в пустующий Тартар
моя тень простиралась к сцене
от Эхила о Еврипида
уходя в кулисы теней
в край Орфея и Эвридики
в лабиринт где блуждал Тезей

Я заметил не стало темней на сцене
от избытка других теней
Если тень становится тенью
тень не делается темней

Я заметил когда я вышел
что театр уже не пустеет
вместо нас остаются ниши
пустоты
Пустота густеет

Опускайся на дно колодца
и зачерпни коллодий
Как колодезный журавль
выделявает коленца
так карты скачут в колоде
Колоннады жуткого света
упираются в Рим незримо
обладающий правом вето
умирает уже без грима

Не как актер в середине сцены
а как гример теряющий тени

АДАМОВО ЯБЛОКО

Червонный червь заката
путь проточил в воздушном яблоке
и яблоко упало
Тьма путей
прочерченных червем
все поглотила
как яблоко Адам
То яблоко
вкусившее Адама
теперь внутри себя содержит древо
а древо
вкусившее Адама
горчит плодами —
их вкусил Адам
Но
для червя одно —
Адам и яблоко и древо
На их скрещенье
червь восьмерки пишет
Червь
вывернувшись наизнанку чревом
в себя вмещает яблоко и древо

От главного редактора: обучаясь в 1975—81 гг. в Литературном институте им. А. М. Горького СП СССР, с нескрываемым интересом ходил на занятия, которые вел Константин Кедров. Рад встрече с ним на страницах «Приокских зорь». Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Елена Кацюба

(г. Москва)

Родилась 24 января 1946 г. Московская поэтесса, член Союза писателей России, член пен-клуба, одна из основательниц группы ДООС во главе с Константином Кедровым.

Е. Кацюба окончила отделение журналистики Казанского университета. По инициативе Юнны Мориц и Андрея Вознесенского Е. Кацюба была принята в Союз писателей с рекомендацией Генриха Сапгира на первом общем собрании союза после распада СССР. С 1998 по 2003 г. она была телевизионным обозревателем в газете «Новые известия», с 2003 по март 2005 г. вела еженедельную колонку «Книжная полка» в газете «Русский курьер». Е. Кацюба — ответственный секретарь «Журнала поэтов» и арт-дизайнер почти всех выпусков. Участница Русских поэтических чтений в Сорбонне (2002), на Лейпцигской книжной ярмарке (2004), Русского Книжного салона в Париже (2005), фестиваля «Киевские лавры» (2007), семинара «Seminarium hortus humanitati» в Риге (2008), Первого пражского международного литературного фестиваля «Европа 2008», 6-го Волошинского фестиваля в Коктебеле (2008), Русско-австрийских дней литературы и поэзии в Вене (2009), 3 и 4-го фестивалей «Славянские традиции» (2011—2012), фестиваля Манхэ а Южной Корее (2012). Лауреат фестиваля «Другие» (2006 г.) за палиндромную поэзию, лауреат Волошинского конкурса 2007 г в номинации «Мой дом открыт навстречу всех дорог» за стихотворение «Ритмы моря», лауреат 2007 г. журнала «Дети Ра» за подборку стихов «Витражные зрячие стекла», лауреат журнала «Окно за 2008 г. в категории «Визуальная поэзия», лауреат литературной премии и медали им. Бориса Гринченко (2012).

ЛЮДИ ОГНЯ

Мы — сыны ОГНЯ
дочери ОГНЯ
мы среди ОГНЯ не сгорим
Брошенные в ПЛАМЯ
наше слово-ПЛАМЯ
мы не предадим
Мы среди ОГНЯ
мы — душа ОГНЯ
каждый человек — ПЛАМЕНИ язык
Мы играем
мы сверкаем

мы горим и не сгораем
пляшет ПЛАМЯ
языками
в нас
Если нет в тебе ОГНЯ
не ходи вблизи ОГНЯ
берегись детей ОГНЯ
не глядись в глаза ОГНЯ
не коснись рукой ОГНЯ
Вмиг испепелит тебя
ПЛАМЕНЬ-человек.

МАСКА

Маска — это мазок без краски
это кисть, стирающая лица
Кто в маске, тот без лица
Кружевные движенья мимических мышц
соберут лицо —
маска станет лицом
Слой за слоем
она обретает слово
Сладкая маска —
из леденцовой массы,
холодная —
из кубиков льда,
маска согласья —
из да-да-да,
зеркальные маски
кидают друг другу свои отраженья,
гримасничают, забывая,
что маска прозрачна...
Увеличительная маска —
линза лица,
дикая пляска
гримас под микроскопом,
где блохе не припрятать подкованной пятки,
прятки
в комнате без углов,

улов
пустоты
на бесплодном мосту ожидания,
маска улыбки на маске страха...
Оставим маскам
представлять свои маски
на местах не свободных от масок!

СВЕЧА

Свеча боится темноты
Чем больше страх свечи — тем ярче свет
Чем ярче свет — тем жизнь свечи короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх
Чем страх сильнее — тем ярче свет свечи
Чем ярче свет — тем жизнь короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх...

ПУТЬ

Кто нашел
шел
шел
шел
шел
шел
шел
шелковый путь к сердцу женщины?

МЯЧ

Руки вибрируют, образуя арку и свод.
Первая Мария видит вторую
в зеркале рук:
рот и брови в раме —
кармин и мрак.
Мария три и четыре —
прозрачные створки ворот.
Пятая Мария — купол и крест.
Шестая, смеясь, роняет с небес
МЯЧ.
Мяч скачет назад — вперед,
ванна Марата «Авророй» прошла Неву,
первый красный Корде-балет —
ада-да-адажио черных дул.
Па-де-труа — рикошет от стен:
Токарев — Макаров — Кармен.
Мяч скачет вперед — назад —
па-де-де: Калашников и Арманд.
Синие мигалки кромсают мрак—
то уа-у-акушерки Перовской опять теракт.
Мяч скачет, теряя вес...
Мария седьмая его поймает,
склонясь с небес,
рукавом оботрет грязь, кровь, крик
и вернется внутрь рая,
двери прикрыв.

НИТЬ АРИАДНЫ

тебе — меня плеНИТЬ
раНИТЬ
мне — тебя замаНИТЬ
одурмаНИТЬ
в лабиринте НИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
чтобы нас соедиНИТЬ
оборвется НИТЬ
некого виНИТЬ
ничего не измеНИТЬ
только в памяти храНИТЬ
помНИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
помиловать
нельзя
казНИТЬ

МЕЧ СНА

Меч — палиндром обоюдоострый. Вертикальный — страж жизни. В горизонтальном полете — служитель смерти. Его обивает канат надежды. Его время — ноль. Его цвет — лунный. Его цветы мак и лилия.

Меч, а звон сводов снов зачем?
Меч в ответ: «Идите в сон, но свет. Идите в то, в чем
узором на древе сна титан Север дан морозу.
Я дал ноль лет, ибо во сне Рим смирен —
сов обитель, лун ладыя.
А Коран сынам боя — обманы сна рока».
Вот сон — улитка, Шиве — лев и Шакти — лун остов.
Лев из яви маками вязи вел.
Лев умен, мак сонлив, слезу в узел свил, но с камнем увел —
зал грез озер глаз.
Вол сном един и демон слов.
От каната снов вон, Сатана! Кто
в окне видел Имя и лилиями — Леди Венков?
Цедив он смолы богам — маг, о былом сновидец,
но свят. Иди, дитя, в сон —
ночемеч он.

ШКОЛА ЛАСКИ

Бархат и шелк обучены обнимать —
есть сеть специальных школ.

Многие там учились,
но отчислены:
мрамор могильно холоден был;
ветер не умел сдерживать страсть —
он и сейчас пиратствует в подворотнях,
задирая-раздувая подола-рукава;
одеяло оказалось неуклюжим —
его приходилось подтыкать под бока;
простушки простыни к телу льнули,
но ложились неумелыми складками;
золото и серебро любили себя;
ожерелья распаялись телесным теплом.
Только тонкие-тонкие цепочки
так умели лечь на шею,
что по коже бежали нежные мурашки.
Ивы научились обнимать шелестом,
шторы — тишиной,
но диплом золотой получило только небо —
оно всей силой синевы
держит в объятьях землю
день и ночь.

САДОВНИЦА

Садовница Ева вывела на березе
красных яблок крутые капли
Смоковница Ева
сока бродильница
капельница спасительная
от смерти-летальницы
в сердечной спальне
Садовница Ева
пчела-десантница
жужелица-разведчица
оса-перехватчица
кайму на подоле расшила
маками, ландышами,
полынью, боярышником
Не трогала только шиповника
потому что роза еще дика
Гармошкой сложатся века
пока
в садах Магомета
она очнется царицей цвета
Садовница Ева
путаница травы
листвы ветреница
из мира изгнанница
странница-стрекоза
сторожит сад

где смех-секс-страх
Когда бродишь по саду
не пугайся
не вздрагивай
не оглядывайся
если осенью поздней
тронет тебя за рукав
яблонЕВАя ветка вся в белых цветах.

ЗАКЛЯТИЕ КРАСНЫМ

Проходи в красном в красном
рассыпай кораллы горстями
заметай алым подолом
багряную рябь каналов

Вызов принят — кумач перчатки
разлетится кровавым пеплом
криком ночи кармин взовьется
и в зрачок упадет рубином

Ты нацедишь рдяной воды из крана
прошуршишь за червонной ширмой
уплывешь на пунцовых подушках
в зал повторного сновиденья

Там всегда от тебя убегают смеясь две тени
на нем киноварный плащ — на ней пурпурные туфли
переспелое солнце — лопнувший плод граната —
рот обрызганный соком
слишком поздно созревших слов

РИФМА

В горящий закат
вечерний ракат
выпустил рифмы ракет
Только на западе знаки востока
обретают форму и цвет
Рифма блуждает меж языками
рождая словесный кайф —
в русском рифмуются НОЧЬ и НОЖ
в английском *NIGHT* and *KNIFE*

Игорь Мельников
(г. Тула)

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом в Детской областной клинической больнице. Студент Брянского государственного университета им. Петровского. В 2005 году окончил МГГУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева (г. Тула). В составе «Музы» регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Имеет публикации в журналах: «Приокские зори» (Тула), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), а также, альманахах «Тула», «Муза» и «Иван-Озеро» (все Тула).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Кровит израненный рассвет...
Дозорный, одурев от крови,
Винтовку держит наготове.
Зима навязчива как бред.

Повсюду холод, голод, вонь
И рай — клоповый да блошинный.
Под хриплый хохот матершинный
В теплушке взвизгнула гармонь.

Солдаты едут в поездах
На помощь белым... или красным.
Ведь положение ужасным
Бывает на любых фронтах.

Чтоб стало «Не убий!» — «Убей!»,
С трибун, в походах, на привале
К ним агитаторы зывали —
Всех убеждений и мастей.

За хлеб, за волю, за страну —
Идут бои, но, не иначе,
Свои, особые задачи
У тех, кто выдумал войну.

...Измучен люд, но все страшней,
Все злей усобицы стихия,
И все повинны, но Россия
Прощает буйных сыновей!

ЭЛЕКТРИЧКИ

Над перроном клочья туч.
Электрички дали штопают.
Думу спрячь свою высокую —
Шапку ниже нахлобучь.

Под ногами воробьи.
Сыплет снег крупною манною.
Странник тянет песню странную.
Здесь мечты у всех свои:

Заработать миллион
Или тару сдать порожнюю...
Ты с морозом осторожнее! —
К вечеру крепчает он.

Зябнет «тыковка» твоя.
Прыгни в поезд электрический!
Там теплее, но фактически —
Тот же холод бытия.

АГНОСТИК

Город опоясали провода.
Вечер вспыхнул точками фонарей.
Только ты не спрашивай никогда:
«Кто запалит солнышко на заре?»

Не ходи к великому мудрецу.
Седовласой мудрости не тревожь.
Знать простому юноше не к лицу,
Что есть в мире истина, что есть ложь.

Во саду ли яблоня вся в снегу.
От раздумий тягостных ты устал.
Тут я, разумеется, помогу.
Ведь наука сложная так проста!

Эпикуром быть тебе? Значит — пей!
А считаешь денежки? Ты — Паскаль!
Эй, о чем печалишься, дуралей?
Что часами пялишься в эту даль?

Может Богу ведомо одному
Обо всем, что в мире Он создавал.
Ну а ты не сказывай никому,
Что вопросы глупые задавал.

* * *

То в даль заоблачную рвется,
То в луже жаждет возлежать
Душа поэта, стихотворца.
Чего хотеть, куда бежать

От этой суетности пошлой,
От мыслей, что туманят ум?
Воспоминание о прошлом,
Здесь как из булочки изюм.

А эти помыслы и планы?
Всего лишь фикция, мираж.
Довольно хныкать, друг мой пьяный.
Плюнь под ботинок и размажь.

Ведь день осенний — это только
Глоток из фляги, значит — пей!
О прошлом не грусти нисколько.
И о грядущем не жалеи.

УМНЫЕ МЫ

Небо зажглось розовым.
Планы на жизнь путаны.
Что ж ты, любовь поздняя,
Делаешь нас глупыми?

То, что из книг поняли,
Можно в утиль выбросить.
Цены опять подняли,
Значит добро — вымысел.

Но, никакой паники!
Надобно быть стойкими!
Мир наш, такой маленький.
Люд наш, такой голенький.

Мы от любви спрячемся.
Мы о стране думаем.
Умные мы, умные...
Как дураки, маемся.

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Немало дорог пройдено.
Довольно всего сказано.
Уже молодежь праздная
Играет в любовь к Родине.

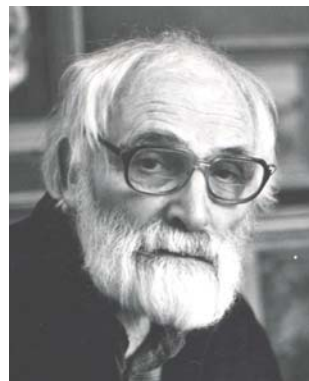
По детству тоску чувствуя,
Душа на село просится.
А там — будто нож по сердцу —
Высокий бурьян буйствует.

И нам воевать хочется
За правду, дождем смытую.
А некая часть сытая,
От правды любой морщится.

...Со времени что спрашивать?
Такое оно, граждане.
Но лучше бы знать — каждому! —
Тревожную суть нашего.

Александр Новгородский
(г. Тула)

Член Союза писателей России и Союза художников России. Наш постоянный автор.

ГДЕ-ТО НАД ПОЛЕМ

В окнах весна — только что с нею делать?
Мне бы влюбиться, да жизнь пронеслась.
Где-то за лесом солнышко село,
Где-то над полем зарница взошла.

Все на земле под дугой черно-белой
Век двуедины и горечь и сладость,
Где-то за лесом солнышко село,
Где-то над полем зарница зажглась.

Старому ворону сеча приснится.
Вольному воля — живая вода.
Посохом зрячим слепец обратится
Эхо от выстрела путь в никуда.

Сад отцветет, заалеет рябина
Будет луна в свой черед на сносях.
Все как всегда, только неумолим он
Времени бег на песочных часах.

Нынче весна — только что с нею делать?
Мне бы влюбиться, да жизнь пронеслась.
Где-то за лесом солнышко село.
Где-то над полем зарница взошла.

У БЕДЫ-РЕКИ

По долам туман змием стелется.
Все обман, обман в звездных лестницах.
Голькует доспех за поленницей,
Грезится ковчег лодке месяца

Океан шумит, надрывается,
А труба трубит, раскаляется.
Воронье зовет в поле бранное,
А заря встает рваной ранюю.

Уж вокруг огонь. Точит ночь клинки.
Бродит старый конь у беды-реки.
Осока нудит. Ранит ноженьки.
Нет ему пути, нет дороженьки.

Я б орлом взлетел в небо синее
Я бы солнцем встал над осиною,
Да змеей-змея злая милая,
Осень поздняя, речка стылая...

ГОРЬКА ВЕСНА

Горькая весна! Что ты сделала?
Нешто без души, да без тела я?
Вечного сверчка, да запечного
Поманила птицей заречною.

Я тебя искал тихим ериком.
Среди диких скал речкой-териком.
Дни и ночи ждал, не поверишь как.
Камышинкой стал возле бережка.

Я ковал надежды подковами,
Тропками блудил незнакомыми.
Ты на мой призыв не откликнулась
В пустыни кукушкой прикинулась.

У печи бед — лань нагорная
Не совет гнезда птица гордая.
К славному концу сказка зарится,
Позови к венцу некрасавицу.

Не краса-коса в деве главное
Верит в чудеса слово плавное.
У реки верба — тишь изустная,
Знать моя судьба — песня грустная.

Горькая весна, что ты сделала?
Нешто без любви, да без тела я?
Вечного сверчка да запечного
Поманила птицей заречною.

ТАЛАЯ ВОДА

Не даю другим советы
И на водку не прошу,
Но всегда в преддверье лета
По апрелю путь держу.

Не ишу в реке подковы,
Не ловлю язя в горах.
Мы с весной родня по крови
Поздней осени во страх.

Пусть опять с тоской коровьей
В каждой косточке нужда.
И шумна, но при здоровье
В речке талая вода.

Я взираю воровато
На девчонок у пруда.
Правых нет и виноватых.
Бродит талая вода.

Подгоняет дата дату,
Да и жизнь теперь не та,
«А меня хоть завтра сватай» —
Шутит талая вода.

Твой поток — благое действие
Было, есть и будет так.
С нами вместе слезно смейся,
Чудотворная вода.

Андрей Каретников
(г. Тула)

Родился 8 ноября 1964 года в городе Туле. В 1982 году окончил 59-ю среднюю школу. Работал слесарем на машиностроительном заводе «Штамп» им. Б. Л. Ванникова. С 1983 по 1985 гг. проходил службу в армии на автомобильной базе Министерства обороны СССР. После демобилизации работал мастером в стройуправлении № 7 треста «Тулпромстрой» и параллельно учился на вечернем отделении факультета теплогазоснабжения и вентиляции Тульского политехнического института, который окончил в 1991 году. В 2000-м году получил второе высшее образование в Московском заочном финансово-экономическом институте. В 2004-м году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук в ФГУП «Научно-исследовательский институт экономики и научно-технической информации угольной промышленности». Имеет ряд публикаций.

Тяга к литературному творчеству впервые проявилась в школьные годы. В настоящее время публикуется в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори».

* * *

Что называется третьим Римом?
Ты ли страна моя, ты ли мой щит?
Образ России навек любимой
Только таким мне всегда предстоит.

Даже сейчас, когда вместо счастливых,
Доброму замыслу вопреки,
Слезы от фактов и страшных, и лживых
Мне заволакивают зрачки.

Вновь обрести бы величье покоя
Гордой стране среди широких равнин.
Выйти пора из времен долгостроя
Из бесконечных реформ и нуждин.

* * *

Снег, искрясь, ложится на поляны
Накрывает шубою своей.
Я сегодня от мороза пьяный,
Я сегодня убегаю от людей.

В зимнем парке, в царстве сосен, елей
Полной грудью так легко дышать,
Силу ощущать в душе и теле
И на лыжах, как мальчишка, мчать.

Я хочу сегодня быть счастливым,
О хорошем только вспоминать.
Я хочу любить и быть любимым —
С милою, родною дом создать...

Скоро наша встреча, скоро вечер,
Вот и дом и в небе две звезды.
Ты прости, что иногда не весел,
Все заботы, думы да труды.

С милою, родною без унынья
Буду жизнь любить, какая есть.
Пусть очаг домашний не остынет,
И побед в дальнейшем нам не счесть.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*
(Историческая поэма)

I. САМОЗВАНЕЦ

Тут пришел конец прохвосту.
Кончил плохо этот царь.
Все решилось очень просто,
И фитиль зажег пушкарь.

Жерло жахнуло, и ветер
Приобщился славных дел:
Прах злодея вслед за этим
К Сигизмунду полетел.

Долететь ему счастливо
До земли, откуда он,
Нечестивый и блудливый,
Посягнул на русский трон!

Чтоб за чужедальной башней,
Где крестьяне сеют рожь,
Пал над мирной польской пашней
Благодатный черный дождь!

Чтоб налился колос соком,
Чтобы стебель поокреп,
И в согласии со сроком
Уродился добрый хлеб!

Расцветут сады над Вислой,
Ну, а после — собирай
С веток яблони ветвистой
Сочных яблок урожай!

Пусть добро вам будет, люди,
Веселиться, есть и пить,

* Продолжение. Начало в № 4, 2012 г.

По Христу, не по Иуде,
На земле родимой жить!

Вы славяне, мы славяне...
Что ж чинить разор дотла?
Коли вправду христиане,
Не творите ближним зла!

И вольно ж вам было, право,
Рушить с нами добрый мир,
Грубо лезть своим уставом
В православный монастырь...

Нет, вы это дело бросьте!
Лучше уж на пироги
К нам пожалуйте как гости:
Мы вам братья, не враги!

Как поднимем кубок пенный,
Слов зазданных мед лови:
Дай Господь вам непременно
Счастья, мира и любви!

Дай вам Бог товаров много,
Чтобы с Русскою Землей
Торговать во славу Бога,
Воевать — ни боже мой!

II. ОТ ВЕКА К ВЕКУ

За столетием столетье
Не сбавляет время бег.
Долго длилось лихолетье.
Промелькнуло столько вех...

Всяко было. *Царь боярский* *...
Снова *лях сидел в Кремле* **...
Были *Минин и Пожарский* ***
И спасение земле...

Меч поднявши на боярство
Из народных из глубин,

* *Василий Иванович Шуйский (1552 — 12 сентября 1612)* — последний из Рюриковичей на русском престоле, русский царь с 1606 по 1610 годы (Василий IV Иоаннович). Представитель княжеского рода Шуйских (суздальская ветвь Рюриковичей).

** 21 сентября 1610 г. Семибоярщина впустила польские войска гетмана Жолкевского в Кремль. 5 ноября 1612 г. польский гарнизон капитулировал перед ополчением К. Минина и Д. Пожарского.

*** *Второе ополчение (1611—1612 г.)* во главе с земским старостой *Кузьмой Мининым* и воеводой князем *Дмитрием Пожарским*, освободившее Москву от польских интервентов.

Против рабства, против барства
Бился *Разин** -исполин...

В громе пушек, блеске славы
И при стуке топора
Гордо вздыбилась Держава
Мощным гением *Петра***.

Широка теперь *родная*
Наша дивная *страна****:
От Кронштадта до Китая
Пораскинулась она.

Не найдешь нигде кого-то
Русской армии сильней,
И сильней любого флота
Русский флот среди морей!

Всюду выросли заводы,
И наука расцвела.
То семян петровских всходы,
Царства славные дела!

...Но в бесправии, не в холе,
Тот, кто царства мощь кует:
В крепостной лихой неволе
Стонет труженик — Народ.

Он и пахарь, он и воин,
Он за Родину — на смерть;
Он величия достоин,
А ему награда — плеть?!

В нем божественные силы
И талантов столько в нем...
А дворяне, в бок им вилы,
Им торгуют, как скотом?!

Разлучат отца и сына,
Дочь от матери возьмут.
«Что? Перечить?! Ах, скотина!
На конюшню да под кнут!»

* *Степан Тимофеевич Разин* [около 1630, станица Зимовейская-на-Дону.— 6(16).6.1671, Москва], предводитель восставших в Крестьянской войне 1670—1671 (Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина).

** *Петр I Великий* (*Петр Алексеевич*; 30 мая [9 июня] 1672 года — 28 января [8 февраля] 1725 года) — последний Царь Всея Руси из династии Романовых (с 1682 года) и первый Император Всероссийский (с 1721 года).

*** Слова из песни «Широка страна моя родная», муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача.

Даже лютый кат, заплечный,
Был не так-то лют и лих
И гораздо человечней
«Добрых» барынь-салтычих*!

От такого окаянства
Криком труженик кричал...
Это «Вольности дворянства»**,
Барской нелюди оскал!

Произвол несчастных множит,
Безнаказанностью пьян.
Заступись! Спаси, надежа,
Царь мужицкий Емельян***!

Али нас, к труду привычных,
Изведут под корешок?
Али вправду горемычных
Навсегда покинул Бог?

Сколь еще попьют нам крови?
Вынь ты саблю да ударь!
И сурово сдвинул брови
На господ Народный Царь:

«Я вдовицам слезы вытру,
Под крыло возьму сирот.
Кровопивцы! Быть вам битую!
Будет барам окорот!»

*Звери алчные! Пиявки!*****
Вошь на теле мужика!
Ай, отведайте удавки
От донского казака!

Это вам не бунт безмозглых,
Одуревших от вина,
Не войнишка недорослых,
А Народная Война*****!

* Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха (в девичестве — Ивановна; 11 марта 1730 — 27 ноября 1801) — российская помещица, вошедшая в историю как изощренная садистка и серийная убийца нескольких десятков подвластных ей крепостных крестьян.

** Манифест о вольности дворянства — краткое название указа Петра III от 18 февраля (1 марта) 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». «Наказ», написанный Екатериной II в 1767 г., развивал положения Манифеста. Дворянин имел полное и неограниченное право собственности, в том числе и на крестьян.

*** Емельян Иванович Пугачев (1742 — 10 [21] января 1775, Москва) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 годов в России.

**** «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляем: то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух». А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву».

***** «Пугачев. Не войнишка, — война начинается!» к/ф «Емельян Пугачев», реж. Е. Матвеев, «Мосфильм», 1978 г.

...Но казак назвался Третьим
Императором Петром,
Стал, как будто, вровень этим
С Гришкой, давешним вором;

Закрутил с судьбою танец,
Как и тот тому лет сто.
Вроде тоже самозванец.
Самозванец, да не то!

Коли ум не пропил, слышь-ка,
Напрягись во всей красе:
Кто добром помянет Гришку?
А Емелю помнят все!

Коронованный Народом,
Грудью встал он за Народ
И на бар пошел походом.
Был кровавым тот поход.

За беду простого люда
Мстил Емеля, как умел,
Как никто не мстил покуда,
И высок его удел!

По стране он шел пожаром,
Бар проклятых насмерть бил...
Он погиб, но не задаром
Буйну голову сложил.

Позабыть его — едва ли!
Малолетних барчуков
Долго барыни пугали
Страшным словом «Пугачев».

Помнить барам до могилы:
Всюду кровь, в огне земля,
Гнев народный, косы, вилы,
С перекладины петля.

На пуховой на перине
Не идет к царице сон:
Мнится все *Екатерине**,
Что дрожит под нею трон.

К бравым царским генералам
Приходили в страшном сне
Рать восставших, знамя ало,
Грозный всадник на коне...

* *Екатерина II Великая* (1729—1796) — российская императрица (с. 1762).

Как его не стало боле,
Так Народ осиротел,
Но о правде и о воле
Все в своих он песнях пел;

Про дубинушку, что ухнет
И, зеленая, пойдет*,
От которой, все же, рухнет
Ненавидный мир господ.

И с отвагой окрыленной
Зимовейских** казаков
Встал проклятьем заклеянный
Мир голодных и рабов***!

Зарядил шесть дюймов споро
Славный флотский канонир,
И ударила «Аврора»****
Так, что дрогнул старый мир!

Пали цепи вековые —
И не где-то, а у нас!
Не в Америке — в России
Победил рабочий класс!

Для него теперь заводы.
Для крестьянина — земля.
Навсегда, а не на годы,
Власть Советская — моя!

К героическим свершеньям,
Лысоват, но башковит,
Нас привел товарищ Ленин*****,
Самый главный большевик.

А страна ждала героев:
Нестроение, разгром,
И величие былое
Вдрызг профукано царем.

* Слова из русской народной песни «Дубинушка» («Эх, дубинушка, ухнем!»).

** И С. Т. Разин, и Е. И. Пугачев были родом из одной и той же станицы Зимовейской — ныне станица Пугачевская Котельниковского района Волгоградской области, центр Пугачевского сельского поселения.

*** Слова из «Интернационала» (*L'Internationale*) (муз. Пьера Дегейтера, сл. Эжена Потье; русский текст А. Я. Коц) — международного гимна трудящихся; с Октябрьской революции и до 1943 г. — советский гимн.

**** 25 октября 1917 г в 21 час 40 мин. по приказу комиссара А. В. Бельшева комендором Е. Огневым из бакового шестидюймового орудия крейсера «Авроры» был произведен один холостой выстрел, послуживший сигналом к штурму Зимнего дворца.

***** Владимир Ильич Ленин (22 апреля 1870 — 21 января 1924) — русский политический деятель, революционер, основатель большевистской партии и Советского государства.

Две войны продул с позором
Он, бездарный *Николай**;
Наградил таким разором,
Только щепки собирай!

Нет! Пинка под зад буржуям,
И с великим Ильичом
Все отладим, образуем,
Что разбито — соберем!

Встанет Родина из пепла,
Станет первой среди стран,
Только б ты жила и крепла,
Власть рабочих и крестьян!

За нее, за *Власть Советов*,
Смело мы на бой пойдём;
За святое дело это,
Если надо, так *умрем***!

Ишь как *контра**** озверело
Прет на нас со всех сторон,
Отыграться захотела,
Снова ладит царский трон!

Ей *Антанта***** поставляет
И снаряды, и фураж,
Одевает, обувает...
Но не даром — баш на баш.

С *беляками****** вся Европа,
Но за помощь — подавай
В рабство русского холопа,
На поживу — русский край!

Отчего же нет? Уважат,
Все на свете отдадут,
Матерей заложат даже,
Лишь бы снова нас в хомут!

Ни покрывки б им, ни донца,
Сдавшим Родину в залог

* *Николай II Александрович* (6[18] мая 1868, Царское Село — 17 июля 1918, Екатеринбург) — последний Император Российской Империи (20 октября [1 ноября] 1894 — 2[15] марта 1917).

** Слова из песни эпохи Гражданской войны «*Смело мы в бой пойдём*».

*** Так сторонники Советской власти называли врагов революции.

**** *Антанта* (фр. *entente* — согласие) — военно-политический блок России, Англии и Франции, создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» (*A-Entente*); сложился в основном в 1904—1907 гг. Во время Гражданской войны оказывал активную поддержку Белой Армии и вообще врагам Советской власти.

***** Так сторонники Советской власти называли солдат и офицеров Белой Армии.

Англичанам да японцам,—
Интервентам, штык им в бок!

Только вот посеял Каин
Зря свинцовую пургу:
На земле, где Труд хозяин,
Не бывать живым врагу!

Знаем мы, за что воюем!
Как бы ни был знаменит,
Мы врага любого вздуем
Так, что дьявола стошнит!

Громко ахала планета
В изумлении своем,
Как, разуты и раздеты,
Мы белогвардейцев бьем;

Как возникли у Народа
Регулярные войска;
Как за считанные годы
Крепла мощь РККА*.

Было белым генералам
Наяву, а не во сне:
Море сабель, знамя ало
И Буденный** на коне!

И бежали атаманы,
Интервенты всех мастей!
За моря, за океаны —
Вон непрошенных гостей!..

Ох, недешево, товарищ,
Нам досталась та война:
Голод, тиф да дым пожарищ...
Обескровлена страна...

Нам теперь с разрухой биться,
Беспризорность воевать,
Сеять хлеб, пахать землю
Да народы собирать.

Нет уже былой Державы,
И тяжел распада груз...

* РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

** Семен Михайлович Буденный (13 апреля [25 апреля] 1883 — 26 октября 1973) — советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Но возник для большей славы
Он, *Советский* наш *Союз* *!

Ильичом благословленный,
Ради счастья всех людей
Расцветай, краснознаменный,
Правдой ленинских идей!

Наш Союз — народов равных,
Где народ народу брат.
С полтора десятка славных
В нем республик состоят

Да еще народов малых
Не такой уж малый круг,
Тех, что некогда отсталых, —
Каждый — брат, товарищ, друг.

На родной язык запрета
Нет, закон наш говорит.
Если письменности нету,
В помощь — русский алфавит.

А случись когда собратья,
Армянин, казах, бурят
Могут с легкостью общаться:
Все по-русски говорят!

Сделать былью небылицу
Нам дано с тобою, друг.
Завещал Ильич учиться, —
Смотрят в книжку дед и внук.

Заработали *ликбезы* **,
И за партой вся страна,
Потому как до зарезу
Людам грамота нужна.

Ведь неграмотное племя —
Просто сброд, анахронизм;
Не ему в такое время
Создавать социализм.

* *Советский Союз* — Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — государство, существовавшее с 1922 года по 1991 год в Европе и Азии. СССР занимал почти 1/6 часть обитаемой суши и был самой крупной по площади страной мира на территории, которую к 1917 году занимала Российская империя без Финляндии, части Польского Царства и некоторых других территорий (земли Карс, сейчас Турция), но с Восточной Галицией (с сентября 1939 г.), Закарпатьем, частью Пруссии (с июня 1945 г.), Северной Буковиной (с июня 1940 г.), Южным Сахалином и Курилами.

** *Ликбез* (ликвидация безграмотности) — массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР.

Через книгу и ученье
Мы, познав ученья свет,
Всей землей, товарищ Ленин,
Твой исполнили завет!

От невежества химеры,
От дремучей темноты
Уходили в инженеры
Дети самой бедноты;

В школы шли учителями;
Чтобы всех лечить вокруг,
Становились докторами
И светилами наук.

С образованным Народом
Можно сотни гор свернуть!
И Союз наш год за годом
Продолжал победный путь.

Не сумел *фантаст** когда-то
В план поверить *ГОЭЛРО***,
Но Ильич ему в двадцатом
Улыбнулся так хитро.

Он сквозь *мглу* и годы метит,
И Народ не подкачал:
По всему Союзу светит
Чудо-лампа Ильича!

Загудели, заиграли
Всем на радость *провода*.
Да, такого *не видали*
Наши предки *никогда****!

Всюду радио играет,
Да стрекочет телеграф,
И *тарелке***** люд внимает,
Жадно голову задрав.

* Уэллс (Wells) Герберт Джордж (21.9.1866, Бромли, — 13.8.1946, Лондон), английский писатель-фантаст. Его беседа с В. И. Лениным (6 октября 1920 г.) получила широкую известность благодаря книге «Россия во мгле» (1920 г.). Уэллс не верил в способность Советской России восстановить и развить народное хозяйство без помощи Запада.

** *ГОЭЛРО* (Государственный план электрификации России), первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства Советской республики на основе электрификации страны.

*** Слова из песни «Вдоль деревни» муз. В. Захарова, сл. М. Исаковского.

**** *Тарелка* — радиорепродуктор, плоской формой напоминающий тарелку. С 20-х гг. XX в. обычно крепился на уличных столбах для массового радиослушания.

Как дела на *Днепрогэсе**?
Как там строится *Турксиб***?
«Строят. Говорят — «в процессе»...» —
«А скорее не могли б?» —

«Да скорее только кошки!..» —
«В Сталинграде в этот год...» —
«Тише вы!..» — «Погодьте трошки!..» —
«...пущен тракторный завод***!..»

А еще была *Магнитка*****,
Новых строек череда,—
Их подобного прибытка
Не бывало никогда!

На селе метаморфозы,
Нынче — это не вчера:
Образуются *колхозы******,
Землю пашут трактора.

Труд Народа вдохновенен.
Как он много совершил!
Вот бы радовался Ленин!
Жаль, что Ленин не дожил...

Не забыть той давней боли,
И в ушах тоска гудков.
Но крепка стальною волей
Партия большевиков.

В ногу с ней идут народы
Милой Родины моей
Несмотря на все невзгоды,
Потому что верят ей.

На пути большом и новом
И в работе, и в борьбе
Направляла мудрым словом
Нас тогда *ВКП(б)******.

* Днепрогэс им. В. И. Ленина, гидроэлектростанция на р. Днепре, у г. Запорожья, ниже днепровских порогов. Построена по плану ГОЭЛРО в 1927—1932 гг.

** *Турксиб*, железная дорога, построенная в годы 1-й пятилетки 1929—32. Проходит по территории Казахской ССР, соединяет районы Сибири с республиками Средней Азии.

*** *Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского*. Построен в 1926—1930 гг.

**** *Магнитогорский металлургический комбинат (ММК, «Магнитка»)* — металлургический комбинат в городе Магнитогорске Челябинской области. Построен в 1929—1932 гг.

***** *Колхоз* (от коллективное хозяйство) — форма хозяйствования на селе в СССР, при которой средства производства (земля, оборудование, скот, семена и т. д.) находились в совместной собственности и под общественным управлением его участников.

***** *ВКП(б)* — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Название правящей в СССР коммунистической партии с 1925 по 1952 гг.

Впрочем, всякое бывало.
Голос совести суров:
Хоть и сделано немало,
Наломали много дров.

Что дрова! Людские судьбы
Оказались под катком.
Отмотать назад, вернуть бы,
Чтоб не каяться потом...

Нет, не там врагов искали,
Не оттуда быть беде,—
Много их, *товарищ Сталин**,
В *ГПУ*, *НКВД***!

Настоящие чекисты
Честь блюли назло смертям;
Подлецы и карьеристы
Шли к наградам по костям

И Народ, как лес, валили,
Возводили в культ донос;
Что с несчастными творили,
Вспоминать нельзя без слез!

Вспоминать нельзя без гнева,
Как оболганных у нас
Без вины вели «налево»...
Но о том другой рассказ.

...Вождь сказал: «Страна отстала
От Европы на сто лет.
Надо миру капитала
Дать немедленный ответ.

Чтоб баланс уравновесить,
Нужен сверхударный труд:
Пробежим сто лет за десять,
А иначе нас сомнут!»

Правоту Вождя, конечно,
Понимала вся страна.

* *Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) (21 декабря 1879 — 5 марта 1953)* — российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. Деятель международного коммунистического и рабочего движения, теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма, фактический руководитель Союза Советских Социалистических Республик с середины 1920-х гг. до своей смерти в 1953 году.

** *ГПУ* — Главное политическое управление при *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел) — политическая спецслужба в РСФСР в 1922—1923 г., преемник *ВЧК* (Всероссийской чрезвычайной комиссии) и предшественник *ОГПУ* (Объединенного политического управления).

Было ясно: неизбежно
Ждет большая нас война,

Та война, где переможет
Тот, который день и ночь,
Силу-мощь оружия множит
И промышленную мощь.

Мы одни и в окруженье
Ненавидящих врагов.
Каждый грезит о вторженье,
Уничтожить нас готов.

И пока трудом упорным
Строим мы социализм,
За границей змеем черным
Поднял голову фашизм.

(Продолжение следует)

Елена Хадарцева (Медведева)
(г. Мичуринск)

Бродя по Интернету, увидел вдруг данные о своем тезке и родственнике — Александре Хадарцеве, живущем в Мичуринске, Тамбовской области. Он — классный профессионал-отделочник, раньше играл в футбол за владикавказскую «Аланию», жил в Нальчике (Кабардино-Балкария), 20 лет назад перебрался с женой в Мичуринск. После виртуального знакомства выяснилось, что его жена пишет стихи, исполняет песни, известна не только в Мичуринске, но и за его пределами, выступает с концертами, участвует в российских фестивалях и конкурсах. Является их дипломантом и лауреатом. Ее творчество получило высокую оценку известных российских исполнителей песенного жанра и композиторов: Юрия Антонова, Юрия Саульского, Игоря Лученка, Полада Бюль-Бюль оглы и др.

Особенно трогательно ее поэтически прочувствованное ощущение родины мужа — Осетии, как своей собственной. В ее творчестве лирика, патриотизм, юмор, историчность, интернационализм — соединены в прочном сплаве текстов песен, авторское исполнение которых представляет собой отдельную тему. Читателям «Приокских зорь» представляется возможность познакомиться с творчеством Елены из Мичуринска — поэтессы, певицы, мамы и бабушки.

Член Союза писателей России А. А. Хадарцев

БЛАГОРОДНЫЙ РОД

*В Куртатинском ущелье на горной вершине однажды
Появился алан, рос он смелым, красивым, отважным!
Но года пролетели, и вот на охоте случайно
Две стрелы в одно сердце оленя попали нечаянно.
Видит девушку горец и не спорит, чей выстрел точнее,
Потому, что любовь учит нас быть умней и мудрее...
Был охотник красив и, как ветер, весенний свободный,
И от этой любви взял начало наш род благородный!*

На вершинах гор искрится снег,
лепестки не мерзнут эдельвейса.
И тебя зовет к себе Казбек,
чтобы ты у очага согрелся.
Отогрейся сердцем и душой,
и родными надышись лугами,

долгожданный обрети покой,
улыбнись рассвету над горами!
ПРИПЕВ: В нашем сердце навсегда
нет для нас земли роднее.
И в любые времена
нас она теплом согреет!
Поет чистая река,
по ущельям протекая.
Ты, Осетия моя,
среди гор одна такая!

Наша жизнь не прекращает бег.
Всех мы помним, кто ушел так рано...
На земле живет наш Махарбек,
звездочкой горит душа Аслана.
И война оставила свой след,
не вернула нам родных и близких.
Память собирает по весне
благородный род у обелисков!
ПРИПЕВ:

Пусть промчится ветер перемен!
Внуки пусть в любви живут и дети!
Крепче нет и нет надежней стен —
здесь мы все за каждого в ответе!
И, как в те далекие года,
сердце — две стрелы опять погубят...
И, пока лежат в горах снега,
продолжаться род Хадарца будет!
ПРИПЕВ.

ТИХАЯ ГРУСТЬ

Куда б судьба не завела меня,
куда б не завели меня дороги,
но тянет каждый раз меня в края,
где исчезают сразу все тревоги.
И где родства не оборвется нить,
где долгожданной встрече очень рады,
где могут напоить и накормить,
не требуя за доброту награды.
ПРИПЕВ: Сильнее всех люблю на свете я
тебя, мой горный край, моя Осетия!
И я люблюсь каждый раз
тобою, мой Владикавказ!!!

Мне очень часто видятся во сне
вершины, что под белыми снегами,
где так легко в звенящей тишине
парит орел над вечными горами.

И оборвется сердце и замрет,
услышав осетинские напевы...
Ах, если б взять билет на самолет!
На Северный Кавказ вернуться мне бы...
ПРИПЕВ.

ОТКРОВЕНИЕ

Я знаю точно: в пятьдесят —
жизнь только начинается,
и по-другому как-то все
вокруг воспринимается.
Мы стали сдержанней в словах,
разумнее в поступках,
частицу правды мы легко
находим в чьих-то шутках.
Я знаю точно: в пятьдесят —
и ценности другие,
но все ж, каким бы ни был лик,
в душе мы — молодые!
Предательски лишь зеркала
подчеркивают многое,
и одеяние у нас —
лишь элегантно-строгое.
К чему считать свои года?
Душа парит, как птица.
Не жаль, что юность никогда
уже не повторится!
Да разве важно, сколько лет?
Не в возрасте ведь дело.
Создай вокруг себя добро,
чтоб сердце просто пело.
И с нами пусть всегда, везде —
живут любовь и радость!
Да чтоб в кругу своей семьи
мы встретили бы старость...
Я знаю точно, если нам
давно уже не двадцать,
полезно каждому из нас
почаще улыбаться!

Алексей Гусаков
(г. Тула)

КАЗЮКИ

Без оглушительных прелюдий,
Как наложилось — так пою:
Мой город жив, покуда люди,
В него вливают кровь свою.

Пока мир бряцает оружием,
Деля порфиры и венцы —
Визжат в горячем многостружье
И состригаются резцы.

Столетия огненной забавы
В неунывающих печах —
Столетия доблести и славы
Великоросского меча.

Плывет, торжественно-печален,
Широкий гул колоколов
Над перекличкой наковален,
Звонящих весело и зло.

Одна выходит на злосчастье,
Последним воином, земля.
Мой город взял ее запястье
И обернулся, как темляк.

Легко ль тебе, певец досужий,
Смотреть на свет из-под руки?
Там, самым главным из оружий,
Идут на смену казюки.

ЖЕЛТЫЙ

заливается золотом в хвою
лунный свет записного обряда —
расползается вместе с любовью
в сердце жар застарелого яда.

этот мир временами — заселен,
большей частью — молчит желтизною,
силясь вспомнить, как нежен и зелен,
быть умел и под желтой луною.

стонет ствол, уцепившись за парус,
истекая янтарной слезою,
и летит сверху колкая старость,
обоженная желтой грозою.

как бы праведно здесь ты не прожил —
все равно умираешь неправым,
забывая у сосен цвет кожи,
помня золото вечным и ржавым.

КЛЯТВА

всего, казалось, было много,
но все, до крошки, растеряли —
и нет большей хулы для Бога,
когда клянутся матерями...

тот, кто не смог сознать угрозы,—
искать великое в ничтожном,—
не ощутит метаморфозы
в прикосновении безбожном.

когда клянутся матерями —
то ничего не остается
от той поры, когда швыряли
на небо звезды из колодцев.

болеет мысль: уснуть... проснуться
и мерить жизнь другими днями,
где никогда не поклянутся,
но возгордятся сыновьями.

ПЕСНИ

под оком жарким, неугаслым
холсты продрогшие взопрели,
и лето выдавилось маслом
в еще сырые акварели.

пятная кожу небосклона
клоками серого отлива,
в насквозь изрезанные кроны
вороны падают крикливо.

глядит в окно знакомый голубь —
вскормила страх зима у птицы:

так человек, познавший голод,
впредь, до конца, не утолится.

приходит ночь, молчит в деревьях,
шурша неизвестным о лесе...
сны распускаются в ночевьях
прощаньем выплаканных песе

ОТКРОВЕНИЯ

продлевается коварством
вырождение земное,
духом меряясь со мною
бесфамильным государством,
перед коим я свободен
от посильных обязательств —
не бывает у предательств
ни больших, ни малых родин,
как ни тужатся на шкуры
натянуть косоворотки.
я не пью паленой водки
от безбожной креатуры.

ему видится — унижен,
ему чудится — неволен...
но внутри великой боли
быть к земле могу я ближе,
начеркавшей на просторах
бесконечные дороги,
а не тракты для убогих,
разбредаящихся в спорах
о давно, совсем, известном
и не требующем мнений:
Русь — земля для откровений
о предательском и честном...

СЫН РЕЧИ

сколько понабежало
на широту — узких,
лишь бы мазнуть жалом
по языку русских.

нет за душой Слова,
есть из перин — перья,
чтобы вонзать, снова,
в буквы число зверя.

много всегда злого
по временам тусклым...
Бог — это есть Слово,
данное нам, русским.

каждый же — сын Речи,
если Слова — рады
крикнуть его вече
на языке правды.

ДЕД

а танки шли, огнем плюясь,
вода в ложбинах тлела.
железо ввинчивалось в грязь,
выщупывая тело.

разрывы падали, но шли
нетрезвою походкой,
и все, что выше от земли,
выстегивалось плеткой.

он, только лишь позавчера
в довольствиях отмечен,
здесь от бессилья умирал,
заваленный по плечи.

он, потерявший речь и слух,
не выстрелив ни разу,
цеплял невышибленный дух
за уходящий разум.

к нему уже летел снаряд,
раскручивая вертел.
он умирал... и думал — зря,
не зная, что бессмертен.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ЭМИГРАНТЫ ИЗ АТЛАНТИДЫ ЗЫБУЧЕГО ВРЕМЕНИ

(повесть нашей жизни с фрагментарным вкраплением отрывков из авторских очерков)

Ефим Гаммер родился в Оренбурге, на Урале, в 1945 году. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Автор 15 книг прозы и стихов. Печатается в Израиле, России, США, Франции, Германии, Дании, Финляндии и в других странах Европы. Лауреат ряда международных премий по литературе. В том числе Бунинской, Москва, 2008 год, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007 год, «Золотое перо Руси», Москва, 2005 год. В 2010 году Оргкомитет Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» наградила Ефима Гаммера именной медалью на постаменте с надписью, что он является одним из 50-ти «Лучших авторов нового тысячелетия». Награда вручена за создание нового жанра — повести и романа ассоциаций.

Член редколлегии «Приокских зорь», постоянный автор журнала.

Глава первая

Я родился 16 апреля 1945 года, когда советские войска начали штурм Берлинской цитадели. И с первого дня жизни оказался эмигрантом. Потому что вышел в мир не на родине моих предков, не в Одессе, а на Урале, куда были эвакуированы родители с военным заводом.

Делопроизводитель Оренбургского (тогда — Чкаловского) ЗАГСа вписал в мою метрику имя Марик. Несколько дней я пускал пузыри, укачиваемый в колыбели мертворожденным именем.

Мои родители получили телеграмму от тети Фани, сестры моего папы Арона, о внезапной смерти ее мужа Фимы. Естественно, без каких-либо вредных для здоровья подробностей — «умер от разрыва сердца».

Таким образом тетя Фаня передала эстафету древнего имени, смысл которого — «жизнь», новорожденному мальчику, впитавшему, будучи Мариком, уже первые капли материнского молока.

Со смертью дяди Фимы и Марик ушел в небытие.

Я стал Ефимом. Это имя вросло в мою метрику, отвоевав у Марика свое скром-

ное жизненное пространство — сантиметр-полтора во главе строки. В результате, не успев произнести еще ни единого слова, я уже величался как какой-нибудь испанский гранд: Ефим-Марик, о чем любил вспоминать мой папа Арон.

Но в реальной жизни я никогда не пользовался многосложным именем. Мне и за глаза хватало одного. Фима... Вот и все, что мне досталось в наследство от борца-тяжеловеса, столь же остро воспринимающего слово «победа», как и я.

В этом рассказе, превратив на основе семейных преданий реального человека в литературного героя, я несколько изменил его фамилию, чтобы меня, еще не рожденного в день его смерти, не упрекнули в каких-то неточностях.

Дядя Фима скончался на перроне Московского вокзала, когда увидел, что его, недавнего подследственного, бывшего директора Тагильского цирка встречает артистическая Москва. Встречает как чудо, как первую ласточку необъяснимо важной для всех весны, которая, по представлениям людей, должна была наступить с победой над фашистами.

Дядя Фима, не похожий после допросов на себя самого, ступил на московский перрон. Лицо здоровяка было превращено в сморщенную печеную картошку. Глаза, прежде вспыхивающие смехом, напоминали теперь подернутую ледком прорубь.

Единственное, что еще бессловесно говорило о настоящем Фиме, это кожаное пальто необъятных размеров, в котором он бултыхался, как неуправляемый парусник в штормовом море.

Дядя Фима ступил на московский перрон живым.

Дядя Фима увидел перед собой друзей-артистов, а в распахнутых сердцах — веру в чудо.

Фима был чудом для Москвы. Но в нем вера в чудо уже умерла.

Двужильное сердце борца-тяжеловеса не выдержало.

Фима разорвал на груди кожаное пальто и рухнул под ноги артистической Москвы. Мертвым.

И артистическая Москва все еще, наперекор смерти верящая в чудо, вдруг с ужасом осознала: Оттуда... Живыми... Не возвращаются...

ОТТУДА...

Фима попал «туда», как мне довелось услышать в детстве от взрослых представителей нашего семейства, угодив в шестеренки ура-патриотической кампании по изготовлению «японских шпионов». Он был директором цирка. О японцах, должно быть, совсем не думал. Более того, не предполагал, что и с ними предстоит война. Но, прослышав о том, что у уборщика сцены — а был он человеком азиатской внешности — больны дети, передал ему в цирковом буфете плитку шоколада. Не учел Фима — везде глаза, а где глаза, там и стукачи. Буфетчик по прозвищу Молочный король был глазастым и писучим. Все, что видел, описал, попутно высказал свои соображения и...

Уборщика сцены (корейца, либо китайца, попробуй различить, если к людям относишься без предвзятости!) сразу же после прочтения доноса возвели в ранг резидента вражеской разведки. Фиму зачислили в его пособники. А серебряная фольга, вымытая с растворенным шоколадом из желудков затюканных малышей, была оформлена как зашифрованное донесение шпионского характера.

Резидента, якобы японца (либо корейца, либо китайца), дабы не переводить харчи и государственные чернила на оформление дела — расстреляли. Его ребяню рассовали по детским домам — пусть не лакомится шоколадом, предназначенным по официальной версии для цирковых слонов. А Фиму...

Вероятно, надобность в изготовлении японских шпионов отпала. Вероятно, готовящегося к принятию безоговорочной капитуляции немецко-фашистской Германии

Главкома осенила мудрая мысль: на создание и разгром агентурной сети японских разведчиков у чекистов времени уже нет, а Красная армия и без этих условностей справится со своей дальневосточной сестрой — Квантунской. Вероятно... Впрочем, кто скажет доподлинно, что «вероятно» на самом деле. Мертвые не говорят, даже если их оставляют живыми.

ЖИВЫМИ...

Фима был живым человеком. Смерть не брала его даже из револьвера.

В пору великого голода на Украине, когда человек его комплекции был достаточно лаком для подпольных фабрик-кухонь, он бесстрашно хаживал по пропахшим кровью и порохом сельским дорогам. Менял пожитки на съестные припасы, и каждый раз, невредим и здоров, возвращался в родную Одессу, таща на горбу полотняный мешок, перетягивающий на весах той людоедской эпохи пяток-другой человеческих жизней.

В пору великого голода на Украине, когда в Одессе питались разве что страхом, слагая по привычке легенды о Мишке Япончике, досужие умы выбросили на рынок слухов новую подкормку. Когда на глазах моей мамы, тогда совсем еще девчонки Ривы Вербовской, умер от голода ее младший братик Мишенька и следом за ним дедушка Шимон, обескровленная на бескормице Одесса питалась страхами о новоявленном черте из преисподней. «Глаза красные, и горят как угли. На лбу рога: раз вдарит по ребрам, и поминай как звали!»

Черт квартировал у въезда в город и собирал у всех мимоезжих людишек дань. Разумеется, натурой. А у кого ничего съестного не было, того брал к своей чертовой бабушке — на тот свет.

Фима знал о черте. Но, кроме того, он знал и о голоде.

Голод оказался страшнее черта, и он пошел в деревню с мешком обменных вещицек.

И вернулся. С запасом калорий. И с чертом, брыкающимся в мешке.

Черт встретил Фиму ночью. На подходе к городу. В точном соответствии со своим кодексом чести он вполне профессионально, с адовой старательностью, прожигал одинокого путника огненным взглядом, скреб копытами гравий, высекал в темени яркие искры.

Черт пах серой, а его наган сожженным порохом.

Фима пах караваем хлеба, сушеными фруктами и нерастраченной по пустякам жизнью.

Черт принялся и, предвкушая удовольствие, весело заржал.

— Клади мешок на землю и делай отсюда ноги. Спрашиваешь, куда? Туда, откуда тебя мама родила! — сказал он сквозь ржачку и, наклонив по-бычьей голову, сотворил устрашающий выпад рогами.

Фима положил мешок на землю, освободил руки. Секунду спустя черт лежал под ним, ошеломленный, раздавленный. Захват циркового борца был прочным, как волчий капкан.

Затем Фима обрушил кувалду кулака на чертову голову, и она, справедливости ради, раскололась. Из нее высыпали уже высохшие тыквенные семечки и два адских угля — фонарики.

Фима вторично обрушил кувалду кулака на чертову голову. На сей раз удар действительно пришелся по голове, а не по тыкве. И черт затих под ним, потеряв дар речи и чуть-чуть сознания — на те несколько часов жизни, которые мог бы прожить как человек. Об этом черт не распространялся у стенки, куда его поставили, вынудив из Фиминого мешка, ибо его тут же лишили пулей права голоса. А с того света не возвращаются.

НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ...

Фиме довелось вернуться с того света. Один раз.

Второй раз не вышло. Но вот в первый — он обманул судьбу.

Ни с того, ни с сего, или в полном согласии с логикой пристеночного времени Фиме — цирковому борцу — поручили создать театр. Нет, не Большой, не Малый. В Москве они уже были в наличии. Цыганский!

— Дорогой товарищ! — сказали ему с чувством победившего социализма. — Не кажется ли тебе, что назрела острая необходимость в национальном цыганском театре? А то, сам понимаешь, маэстро, народ без театра — это беспризорный народ. Ему негде собираться по вечерам, чтобы петь и смеяться как дети. Без театра этот беспризорный народ, Фима, поет и смеется на улицах и площадях, докучает партийной публике и членам профсоюза гаданиями за наличман о том, что будет. А То, Что Будет, известно, сам догадываешься Кому. Он конкуренции не потерпит. И То, Что Будет, окажется для гадалей и их клиентов совсем не медовым пряником. Так что дерзай!

— Но я же еврей! — вильнул Фима от назначения. — Что я знаю о цыганском искусстве?

— Ничего! — утешили его. — Не отчаивайся, что еврей. Евреи у нас проходят... пока еще... за самый правильный, самый интернациональный народ. Это потом, когда обрядят вас в безродные космополиты, мы пересмотрим свое мнение на ваш счет.

— За наш счет? — насторожился Фима.

— Нет, счет наш, а платить вам.

— Понял.

— Тогда тебе и карты в руки. Бери гитару, дерзай!

И Фима дерзнул.

Он отгрохал такой театр — закачаешься.

Государство не поскупилося на крупную растрату народного достоинства.

Сцена была украшена бархатным занавесом, реквизированным, как поговаривали, из княжеского особняка. Оркестровая яма забита сверхдефицитными инструментами, национализированными у свадебных лабухов. Как гласит предание, цыганское по духу, но еврейское по существу, власти не побрезговали и единственной на всю страну скрипкой Страдивари. Той самой, которую после отдали Давиду Ойстраху. С тайным желанием, чтобы ее скорее уже украли, иначе братьям Вайнерам не набрать документального материала для детективного романа «Визит к Минотавру».

Все было в цыганском театре, даже профком. Только цыган не было. Не хотели цыгане идти к Фиме в театр, чтобы петь и плясать на зарплату. Рассудили, на нее не проживешь, все равно гадать за наличман да воровать придется. Так уж лучше...

Чего по горячке не наобещал Фима бродячим танцорам, певцам и любовникам! Даже по лошади, самой что ни на есть буденовской породы, пообещал каждому, согласись лишь предстать перед своими сородичами и простым, иной масти, людом в звании заслуженного или народного артиста. И уломал-таки какую-то улично-таборную труппу, уговорил, на свою голову, понюхать, чем пахнет настоящий цыганский театр, сотканный на еврейский манер из мечтаний о равенстве за бесхозные государственные гроши.

Улично-таборная труппа пришла в театр на первую репетицию. Принюхалась к плюшу и атласу, кларнетам, скрипкам и гитарам. Спела, потрясая грудью, — «Очи черные, очи страстные...» И ушла, унеся в необъятных юбках и шароварах все, что там уместилось. А там уместился почти весь театр — и бархатный занавес, и позолоченные ангелочки из-под потолка, и всевозможные инструменты. Уволокли все, кроме званий «заслуженных» и «народных». Что им эти заумные звания, если они и без того были «в законе»!

Что цыгане оставили Фиме, кроме головной боли?

Надежду, что повинную голову меч не сечет.

Но древнее изречение — не кодекс. Им не прикроешься от перекрестного допроса.

Правосудие поступило с Фимой, как он некогда с чертом. Припечатало его лопатками к могильной земле и... И вдруг само попало на скамью подсудимых, а спустя короткий срок то ли на Колыму, то ли на Соловки. Ему верней знать куда — правосудие!

Было установлено с достоверностью, характерной для тех пламенных лет, упрямых по сгоревшим архивам, что правосудие вершили вредители. А раз это было установлено достоверно, тут же случилась перетасовка на нарах, и правосудие поменялось местами с осужденными.

Уголовники возглавили судейскую коллегия.

Воры-карманники составили новый кодекс.

Педофилы-насильники писали статьи по вопросам права и разным прочим вопросам, когда это право урезается до размеров револьверной пули.

Фальшивомонетчики заведовали неприкосновенным золотым запасом и антикварными ценностями российских музеев, пригодными к вывозу за рубеж.

А Фима? И Фима, наверное, в тот исторический момент всеобщей справедливости мандата и кулака-свинчатки мог бы сделать карьеру на юридическом поприще. Ибо он располагал с избытком основополагающими знаниями, которые требовались для этого: ровным счетом ничего не понимал в юриспруденции, кроме известной с измальства одесской аксиомы — «кто силен, тот и прав».

А силен Фима был. И стремился нерастраченную по пустякам природную силу, да и присущий ему талант отдать любимому делу — манежу.

Но и власти помнили о его силе и поставили бывшего борца-профессионала у кормила цирка. Чтобы в 1945 году, перед нападением на Японию, когда Сталину понадобилось опутать страну агентурной сетью коварного азиатского врага, снова взять его из цирка на скамью подсудимых.

Два раза с того света не возвращаются.

Фиму освободили за недоказанностью улик. Но «освобожденное» сердце не выдержало. И Фима, вытолкнутый с того света вторично, упал на перроне московского вокзала под ноги еще живых, но уже давно думающих о смерти людей. Упал, оставив после себя надежду на чудо, разорванное кожаное пальто и доброе имя, которое перекочевало ко мне, верное еврейской традиции.

В соответствии с той же традицией я уже через полгода после рождения отправился в новый вояж. Теперь в Ригу, куда передислоцировали военный завод родителей, не дав им возможности покончить с эвакуацией и вернуться на родину — к «самому синему морю».

Так я стал рижанином, а по сути, «двойным» эмигрантом.

Глава вторая

1

У дедушки Фройки и бабушки Сойбы, родителей моего папы, было тринадцать детей. Все они родились до революции. После революции дети у них не рождались. После революции дети у них умирали.

2

Стояла осень 1952 года. Евреев а газетах называли «безродными космополитами», «наймитам Джойнта». И с намеком на пристрастие к некошерной пище слагали о них басни: «А сало русское едят».

Я был командиром отряда.

Мой отряд состоял из...

Меня, разумеется. А кто я? Я еврей.
Лени Гросмана, разумеется. А Ленья кто? Ленья — мой двоюродный брат, и при этом тоже еврей. Но по должностному расписанию — заместитель командира отряда.
Дальше по списку.
Мой начальник штаба — Вова Бокалинский, украинец...
Мой начальник разведки — Жора Потапов, русский...
Мой начальник тыла — Толик Шимкайтис, литовец...
Мой личный адъютант и бомбардир Эдик Сумасшедший, неведомой национальности...
Мы никого не боялись.
Мы ходили по Старой Риге, положив руки на плечи друг другу. И распевали: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой».
Но однажды...
— Ваши врачи... — сказал мне Вовка Бокалинский, — ты знаешь? Вредители...
А потом...
Жорка Потапов сказал мне:
— Слышишь? Говорят, на товарную станцию в Ошкарны пригнали эшелоны для вас. Будут выселять...

3

Миша Потапов, папа Жорки, моего начальника разведки, был баптист. Он любил всех на свете людей и животных. И евреев тоже.
За эту любовь его могли посадить.
Он работал слесарем высшего разряда в одном цехе с моим папой Ароном. Когда Миша Потапов вбегал к нам во двор — а это всегда происходило под вечер, при возвращении с работы — он хватал меня в охапку. И будто бы пугая с собственным сыном, радостно повизгивал:
— Жорочка! Жорочка!
Потом делал вид, что признал во мне меня самого, и говорил:
— Обознался! Прости, Фимочка. Вы так похожи, как близнецы-братья.
Каждый раз Миша Потапов, возвращаясь с работы, путал меня с Жоркой и обнимал на глазах у всего двора, как родного сына.
Я считал, что он делает глупости по близорукости.
Но бабушка Сойба сказала мне:
— Не говори мне про глупости! Такие глупости сейчас, когда папу твоего объявили на заводе «вредителем», а нас всех «безродными космополитами», по близорукости делать не будут.

4

Мой папа болел. У него было воспаление легких, и он не ходил на работу. Тогда работа пришла к нему. Ему сказали:
— Арон! Ваши баки текут.
— Меня не было на заводе, — ответил папа.
— Но баки текут.
— Быть такого не может! — разозлился папа. И вместе с воспалением легких отправился на завод №85 ГВФ, во второй цех, к своей бригаде жестянщиков, которая и в его отсутствие запаивала баки не хуже, чем обычно. Иначе — просто-напросто — и нельзя было. Иначе — «вредительство» и суд, а затем десять лет тюрьмы без права переписки.
Кто хочет во вредители? Кто хочет под суд? Кто хочет в тюрьму?
Мой папа Арон не хотел. И никто из его бригады тоже.

Папа взял на проверку бак, который, по версии ОТК, был плохо запаян. И окунул его в «проверочную ванну» с водой.

Контрольная комиссия ждала заключения.

— Да, — сказал мой папа, — этот бак действительно течет. Вы правы.

Все облегченно вздохнули. Теперь они с чистой совестью запишут моего папу Арона во вредители, посадят в тюрьму на десять лет без права переписки и будут всю жизнь рассказывать детям, как разоблачили коварного «космополита-жестянщика», пособника Джойнта и разных империалистических разведок.

Но одного они не учли, облегченно вздыхая. Не учли они, что мой папа Арон родом из Одессы-мамы. И это не раз уже спасало ему жизнь, когда он раскрывал рот и начинал говорить, прибегая к неистощимым словесным запасам, почерпнутым у самого синего моря.

Мой папа Арон заморочил голову всей контрольной комиссии. Он наслаивал одну историю о Соньке — Золотой ручке, на другую, об Утесове, а ту на третью — из жизни Мишки Япончика и прочих урок и налетчиков. Когда же контрольная комиссия потеряла от утробного хохота достойное человеческое лицо заодно с бдительностью, сказал, погружая второй бак в «проверочную ванну»:

— А этот, вот поглядите, не течет.

— Не течет, — согласились спецы из контрольной комиссии. Им хватало и единственного бака, признанного не качественным, чтобы записать папу во вредители и посадить на десять лет без права переписки.

Но не тут то было! Промахнулись, не на того напали, простофили! Не заметили, как за общим разговором, за юморными прибаутками папа опустил в ванну тот самый первый бак, который самолично перед тем забраковал.

— Не течет? — вновь спросил он, собирая всю внутреннюю силу в кулак.

— Нет, с этим баком все в порядке! — заверили его снова.

И тогда он бабахнул кулаком по этому баку. И объяснил контрольной комиссии, чего стоит ее совесть. И подал заявление на увольнение с завода «по собственному желанию».

Однако в те времена «собственное желание» мало что значило. И начальник отдела кадров не подписывал папино заявление до 5 марта 1953 года, до дня смерти Сталина.

Пока Сталин не умер, папа все еще оставался на подозрении.

Когда же Сталин умер, подозрение во вредительстве было снято с папы. И ему разрешили уволиться «по собственному желанию».

5

Мы жили в Риге, в «жактовском», стало быть, «заводском» доме. Уволиться с завода — значило остаться тут же без квартиры.

Мы сидели на чемоданах. И ждали выселения.

Нам не было куда деваться — разве что на тот свет.

Бабушка Сойба спрашивала:

— Есть что-то новое насчет погромов?

Дедушка Фройка отвечал:

— Насчет погромов нет ничего нового. Сталин уже умер. А без него никто ничего не может знать.

По малолетству я не способен был проникнуться их переживаниями.

Я смотрел на них и тихо радовался.

Чему?

Радовался тому, что они живы и здоровы, а я — самый счастливый еврейский ребенок в Риге.

У меня были две бабушки и два дедушки.

Ни у какого другого еврейского ребенка в послевоенной Риге такого богатства не было...

Бабушка Ида, вторая моя бабушка, пришедшая к нам вместе со вторым моим дедушкой Аврумом, чтобы за компанию посидеть на чемоданах, говорила:

— Когда мы в Одессе ничего не знали о погромах, они все равно сваливались нам на голову.

— Ша, еврей! — ворчал дедушка Аврум. — Гинук! Тише! Не говорите так громко за погромы. Иначе услышат посторонние люди и заинтересуются. А у меня интерес видеть вас до глубокой старости без происшествий.

Дед Аврум родился в Одессе.

Дед Аврум вырос в Одессе, на Молдаванке, по соседству с Мишкой Япончиком. Они иногда встречались, говорили друг другу «здрате вам». И мой дед уходил от Мишки Япончика належке, без сапог, в тапочках на босу ногу.

Не подумайте дурного. Мой дед Аврум торговал сапогами, а Мишка Япончик был его постоянный клиент, щедрый на шутку и револьверную пулю.

Мой дед был настоян на шутке, как одесская шутка на порохе. Но он не понимал юмора, обычного, без летального исхода. Это его и губило.

В пятнадцатом году на фронте он не понимал, почему это вдруг взятый им в плен немец оказался евреем и взмолился к своему Богу, чтобы Он — Бог пленного и моего деда Аврума — покарал русского лазутчика.

Мой дед отказался допрашивать пленного. Он не хотел, чтобы Бог немецкого солдата иудейского вероисповедания покарал его «на службе Царю и Отечеству».

Немецкого солдата иудейского вероисповедания пытал во имя военной тайны однополчанин моего деда Микола Баранюк.

Микола Баранюк не был антисемитом. Наоборот, он даже любил «жида», если это был его «жид».

— Тебя, Аврум, я никогда не пустил бы в расход, — говорил моему деду Микола Баранюк, чистя свою трехлинейку. — Потому как ты жид мой. А немецкого жида я завсегда расстреляю в охотку. Потому как он жид вражий.

Мой дед по безысходности верил Миколу на слово и думал, что для него — жида своего полка — лучше грудь в крестах, чем голова в кустах.

В шестнадцатом году он не понимал, почему его, раненого в бою солдата, не желает лечить военфельдшер Приходько. Мой дед Аврум стоял перед ним в походном лазарете, держа на весу простреленную в локте руку. Боль накатывалась на него волнами и отступала вслед за огненным валом на поле боя, затихая после очередного залпа орудий. Ему, истекающему кровью, трудно было уразуметь меж обморочных приступов слабости, что военфельдшер Приходько не из его полка, и посему «гуляй, откуда пришел», — категорично, обжалованию не подлежит.

Мой дед не принимал дурацких шуток. Лево́й, невредимой рукой он схватил табуретку и обрушил ее на голову военфельдшера Приходько.

И они легли рядом, в обнимку, побратавшись кровью, чтобы потом, по завершении наступательных операций, принять на госпитальных койках награды за ратные подвиги из рук высочайшего начальства из царевой свиты.

В семнадцатом году мой дед Аврум не понимал, почему отныне его враги — не супостаты-немцы, а евреи, они же большевики. Он слушал речь какого-то поручика Мюллера, присланного для агитации из Петербурга, и никак не мог уловить связи между врагом внешним и врагом внутренним.

Внешнего врага мой дед знал в лицо с четырнадцатого года. Из своего винтаря он вылил ему ведро крови.

Внутреннего врага он не знал. О большевиках, правда, кое-что слышал. Из анекдотов. А что касается евреев, то хоть Меер Завец и обжулил его на толчке, все равно по вредности своей гадючьей он не шел ни в какое сравнение с немцем.

В результате внутренней неразберихи дед по подсказке большевиков воткнул винтовку штыком в землю и вернулся в Одессу — торговать сапогами. На толчке он встретил Меера Завца, и они помирились, чтобы рассориться вновь. Меер Завец, полномочный представитель новой власти, стал комиссаром торгового ряда и назвал моего деда «нетрудовым элементом».

Мой дед Аврум не понимал таких словесных новшеств. Он продавал сапоги. И считал, что его семья живет на трудовые доходы.

Но Меер Завец сказал ему — «нетрудовой элемент». И Меер Завец получил по зубам, чтобы щеголять согласно своей высокой должности золотой коронкой.

Видя такое дело, чекисты поставили моего деда к стенке, чтобы он не распускал больше кулаки. В это время, словно спеша ему на выручку, белогвардейцы прорвали фронт. И советская власть скоростижно постановила, что для бывалого солдата будет лучше, если он встанет под пули врагов, а не под пули братьев по классу. Мой дед Аврум кликнул своих корешей с базара. Те кликнули дружков-налетчиков с Молдаванки. И полк городской бедноты выступил на фронт, чтобы прикрыть дырку от бублика своими молодыми телами, пахнувшими червонцами, водкой и нерастроченной на пустяки жизненной потенцией.

Полк городской бедноты прикрыл собой дырку от бублика и стал резаться в карты, ставя на кон жизнь белых офицеров. Но те заблудились в степях и не попали под ружейно-пулеметный огонь. А полк городской бедноты, проигравшийся в пух и прах, снялся с фронта и пошел обратным порядком в Одессу на работу — поворовать, пограбить.

Меер Завец собственноручно расстрелял командира и комиссара полка, бывших до принятия героической смерти ворами-рецидивистами. А когда он перезарядил пистолет, оказалось, что весь полк рассосался уже по толчку, портовым пивным и малинам, куда пулей не достать, если сам не хочешь быть ненароком убитым.

Меер Завец не хотел быть ненароком убитым. Он хотел дожить до светлого завтра, когда уже будет наконец построено общество справедливости, а в сортире, на улице Средней, где он родился и вырос, возведен золотой унитаз, символ достигнутого за счет равноправия всех трудящихся изобилия.

Но Меер Завец не дожил до торжества гуманистических идей, как и его предшественник с голым от умственного перенапряжения черепом, как и предшественник его предшественника, наделенный львиной шевелюрой.

И золотые коронки Меера Завца пошли на золотой унитаз для какого-то другого идеалиста с маузером, а сам он пошел в Соликамск на лесоповал, куда до этого, осенью 40-го, сослал моего деда с одесского толчка.

Он повстречался с дедом моим на лагерной делянке, дающей 1000 % подневольной выработки древесины. И сотоварищи-уголовники, приветствуя такую закономерную встречу обвинителя с последственным в местах не столь отдаленных, умело обрушили на них — евреи ведь! жида! — подрубленное дерево.

У Меера Завца, раздавленного могучим стволом, была всего минута, чтобы, помолвившись, тихо испустить дух, но он во весь голос изливал хулу на моего деда, называя его бандитом. И уголовники засовестились в содеянном, признав инвалида Первой мировой войны за своего, социально, так сказать, близкого — «даром что еврей, божий человек все же». Несколько верст тащили его на волокуше по глубокому снегу, пока не добрались до лагерного медпункта, где к переломанной ноге старого солдата прибинтовали стопу задом наперед. Нога срослась неправильно. И он стал

заново учиться ходить, чтобы искать правду. Естественно, что, хаживая таким образом, правду в концлагере он не нашел. И посему попросился добровольцем на фронт. Благо, война уже была в самом разгаре, причем со старым его знакомцем — с внешним врагом.

Простреленной на Первой мировой рукой дедушка Аврум писал заявление на Вторую мировую.

«Чем такая жизнь, готов ее бесплатно отдать за товарища Сталина — на разгром врага!» — писал он не совсем грамотно, притоптывая от нетерпения изувеченной на лесоповале ногой.

Просьбу его уважили, изможденного добровольца направили на медицинское освидетельствование. Однако врачам он не приглянулся. Калека. И вместо фронта они выправили путевое предписание на Урал, на поиски его, эвакуированной из Одессы семьи.

По прибытии в Чкалов (Оренбург) дедушка Аврум заковылял на местный базар. И там спросил громко у озабоченного куплей-продажей люда:

— Я имею интерес узнать, если есть на этом толчке евреи из Одессы?

— Из Одессы? Есть тут евреи из Одессы! Я сам буду из Одессы,— откликнулся мой папа Арон, наигрывающий на трофейном аккордеоне фирмы «Хоннер» фрейлехсы собственного сочинения для развлечения задолбанной ценами публики (буханка хлеба — месячная зарплата). Вечерами и по выходным, после двухсменной работы жестянщиком на военном заводе, чтобы не помереть с голоду вместе с семьей своей и дедушки Аврума, он концертировал у торговых рядов и подрабатывал на жизнь музыкой.

На следующий день дедушка уже работал вахтером на «папином» 245-м авиационном заводе, который в 1945 году вместе с приписанным к нему крепостным народом ударников соцтруда был передислоцирован в Ригу, где стал называться «Завод 85 ГВФ». Так мои одесситы стали рижанами. Что говорится, подневольно оказались в новой эмиграции.

Глава третья

Звезды витают в небе. Но поди отыщи их в земле.

Мы находили свои звезды в земле — на развалке: второй этаж разрушенного войной ювелирного магазина, в пятидесяти шагах от моего дома на улице Аудею. Хитрости здесь никакой. Терпение, острый глаз да выработанная сноровка — вот и все! Прихвати нос пальцами, дыши через раз, чтобы не давиться кошачьими запахами, и — валяй, присев на корточки. Как — «валять»? А очень просто! Обзаведись заточенной щепкой и распахивай лежалую, покрытую цементной пылью землю, выковыривай — ну, чисто археолог! — потаенные ее сокровища. Сапфиры? Может быть. Яхонты? Вполне возможно. Камешки были разные. Но мы разбирались только в янтаре и бисере. Впрочем, и такого знания достаточно для тонконогих — ребра наружу, руки в карманах — свистунов-фантазеров.

Что нам людские ценности — сапфиры, яхонты? Внешности они представительной, но формы неправильной: продолговатые, либо квадратные. Меткости от такой формы в них, как от козла молока. Никакой! В рогатку вложишь, обязательно промахнешься. А что для рогатки лучше всего, так это облизанный до матового сияния кругляк янтара — самая классная на свете бусина! Спросите, причем же тут бисер? Отвечу. Бисер — да, не дорос по размеру еще до рогатки. Стрельнешь, а ветер слизнет этот «птичий глазок». Так что, имейте в виду, бисером мы не стреляли, хотя и выгребали его на развалке. Он был нужен моей тете Фане. Не просто тете. И не просто Фане. А знаменитой на весь мир артистке цирка Фаине Гаммер. На афишах ее

порой называли и Фаина Гомер, чтобы все думали, будто она произошла не от моего дедушки Фроима Гаммера, и не у самого синего моря — в Одессе, а от великого поэта древней Греции, автора «Илиады» и «Одиссеи», где-то на заграничном острове Итака. Бисер нужен был моей тете Фане для «создания» артистического платья. Согласитесь, выступать на арене цирка без артистического платья было неприлично. В особенности, если у вас — музыкальный номер, с лилипутами в придачу. А где его возьмешь, артистическое? В магазинах оно не продается. На базаре тоже. А вот если накопать на развалке пуд бисера да нашпиговать им длиннополое одеяние свое, то тогда все, даже на галерке догадаются, платье у вас и впрямь артистическое — сверкает и переливается всеми цветами, как радуга.

Тетя Фаня «создавала» платье из радуги, мы поставляли ей мелкую бусину и твердо знали: за труды свои отоваримся контрамаркой в цирк. При этом прибыль от развалки не ограничивалась этим знанием. В скрытых под землей хранилищах мы обнаруживали невзначай и вещицы, превосходящие в нашем понимании бисер, жемчуг, янтарь. Что? Керамические изделия, различные побрякушки, изредка даже бронзовые подсвечники.

В наших руках ничего не пропадало. Бисер шел на платье. Янтари на рогатки. Подсвечники и всякий-разный «лом цветного металла» — в утиль.

Что такое «утиль»? Это лавка с надписью печатными буквами на дверях «СКУПКА УТИЛЬСЫРЬЯ». На улице Малая Калею, в Старой Риге, шестьсот девяносто пять шагов от моего дома и шестьсот сорок семь шагов от развалки. Утильщик, человек лет пятидесяти, грузный, с вислым носом и подстать ему животом, утиль, само собой, не собирал. А что же он делал? Он его взвешивал на весах, мастеренных под платформу, потом покупал. За это получал зарплату, а мы — наши копейки, что рубль берегут, если сразу же не потратить их на мороженое, а сберечь на билет в кино.

К утильщику мы навевывались не только с развалки. И не обязательно с подсвечниками. Мы собирали все: ржавые болты, гайки, куски кровельного железа, трубы. Однажды доволокли даже до лавки батареею центрального отопления. Удивительно, в том 1952 году еще ни у кого в Старой Риге не было в наличии центрального отопления, а батарея — раз! — и почему-то нашлась в одном из подвалов. Удивительно, но факт жизни! Такой же факт, как и то, что по неведомой нам странности утильщик в основном «жаждал» получить от нас «лом цветного металла» — разбитые рамы от зеркал, бра, фигурные безделушки и всякое такое. Этого он «жаждал» намного больше, чем что-нибудь другое. И мы «жаждали». Он — латунь и бронзу. Мы — мороженое и билет в кинотеатр «Айна». За рубль пятьдесят. В первый ряд, где никакая башка не заслоняет экран, и смотри себе, восхищайся: фильм мировой, из трофейных — «Дилижанс». Дядя утильщик говорил нам о своей жажде. Мы ему о своей. И чтобы напрасно «не жаждать», искали и находили.

Это добро — латунь, медь и бронза — валялось повсюду. Нет, конечно, не на открытых местах. Не обязательно на улице или в сквере. Подчас и в укромных уголках — на чердаке, в кладовке, в схроне каком. Поищи и найдешь!

Мы умели искать. Глаза как рентген. Руки как щупальца осьминога. Мы находили «лом цветного металла» везде, чтобы за день — за два поднакопить гривенников на рубль с полтиной и — «айда в кинчик!». Мы смотрели все подряд фильмы, и трофейные со стрельбой, и наши про «мичуринские яблоки». И все это благодаря цветному металлу! Однако, хоть и много было его по весне, к концу летнего кино сезона он стал исчезать с наших горизонтов. Мы подскребывали его, подскребывали, да и выскребли чуть ли не подчистую. А его снова не «выбросят». Как, скажите, прорваться тогда на сеанс? Ведь в анонсах обещают классную картину — «Индийская гробница». Тащить утильщику снова батарею центрального отопления? Но она из

металла дешевого — чугуна. Да и где ее второй раз отыщешь? Кроме того, и «зряплата» — копеечная. Приволочь утильщику неразорвавшийся снаряд? Наругается — выгонит, и вообще фига заплатит за нервное потрясение. А в кино хочется! Без кино — невозможно. Невмоготу! И тут еще на носу, со следующей недели, фильм — сдвинуться можно! «Остров страданий». Про пиратов Карибского моря. По роману «Одиссея капитана Блада». А в кармане — воздух, хоть зубы на полку. Вот тебе и «жизнь копейка — медный грош, дальше гроба не уйдешь». Хоть разбейся, но надо «дальше». В кинчик, где морские разбойники — один глаз в повязке, второй в бертолетовых искрах ненависти — рвут абордажными крючьями корабельное дерево, прутся на корабельную палубу, машут саблями и лезут в трюмы, где вповалку кучи монет и всякого рода безделушек. Этакая грудка бесхозного цветного металла! При сдаче утильщику, пожалуй, хватило бы им на билеты для всей бандитской команды.

Нам такое пиратское счастье чихало в лицо: «апчхи на вас, карапеты!». А ведь и мы готовы повязать один глаз черной ленточкой из косички моей старшей сестры Сильвы и рубиться до потери пульса на саблях, лишь бы поглазеть на себя в кино. Поглазеть и, толкая локтем соседа, сказать ему по секрету: разуй глаза, пацан. Гляди, это мы там, на экране, балуем. Я, Ленька Гросман, Жорка Потапов. А самый старший по виду — это Эдик Сумасшедший, мой адъютант и заодно наша дальнобойная артиллерия. Круче всех камни бросает в «рыжих». Но как и кому сказать, когда на халаву в кино не пускают. А в карманах, догадаться нетрудно, гуляет сквозняк, потому что в Старой Риге обнаружилась полная нехватка «лома цветного металла». Как же быть? Как обогатиться билетом, если истощилась наша кладовая?

Казалось бы, если нет «лома цветного металла», значит, и решения нет. Однако одно «нет», входя в конфликт со вторым, дает в результате «да», как «дважды два — четыре». Именно — четыре! Именно — четыре, а не пять, было у нас перстеньков из цветного металла, желтого, подобно яичному желтку цвета. И каждый увенчан продолговатым зеленым или красным камешком, не годным для меткой стрельбы из рогатки. Перстеньки были как новенькие, хоть и выгребли мы их на развалке еще весной. Вот это нас и смущало. «Как новенькие...» А новенький цветной металл утильщик не принимает. Ему нужен старенький, на его языке — «лом». И мы решили превратить перстеньки в «лом цветного металла». Стоит выковырять из них камешки, и, пожалуйста, дело сделано: уважаемый утильщик, мы вам загоняем «лом», а вы нам гоните монету.

Утильщик укладывал наши перстеньки, разумеется, уже не на весы, а на свой верстачок, жестью покрытый. И глазом в нашлепке с увеличительным стеклом клевал их — зырк-зырк! — подобно игрушечному ювелиру с витрины магазина «Детский мир». Поклюет глазом в нашлепке, на нас посмотрит вторым, без нашлепки.

Поклюет глазом в нашлепке, опять зырится на нас. Хочет что-то сказать, да не смеет. Наконец рот открыл, стальной зуб показал.

— Хороший металл. Правда, не совсем «лом»...

— «Лом-лом!!!» — восклицали мы, боясь прогадать при оплате.

— Пусть будет «лом», — вздохнул утильщик. — Может, еще есть?

— Найдется, дядя, если не обманешь.

— Вас разве обманешь? Рубль за штуку. Приносите еще. Такие штуки в нашем утиле принимаются без ограничения.

— Даже, если не совсем «лом»?

— Даже! Даже! Более того...

Но что «более того» он так и не проговорился, боясь, видать, прогадать. Небось, потребуем от него за «более того» уже не по рублю, а по трешке.

Но по трешке мы от него не требовали. Мы вообще от него ничего не требовали.

Что давал, то и получали. На кино да мороженое хватало, и ладно! Так и жили. И все было хорошо, пока не выяснилось, что при «хорошо» где-то поблизости присутствует «плохо». Как же выглядит это «плохо»? И где его искать? Искать не далеко. Оно в моей же квартире, в соседней комнате — на артистическом платье тети Фани. На груди. И выглядит вроде черной проплешины-островка в переливающемся всеми цветами море сплошного бисера. Произошла эта неприятная история из-за того, что развалка-кормилица истощилась на залежи искрометных стеклянных драгоценностей. Как ты ее землю, присыпанную цементной пылью, ни взрыхляй, она ни в какую не цветет фиолетовой искрой. Янтари — будьте добры! Колечки — нате вам! А бисера, извините, нема! Но как нам без бисера, когда без бисера нам никак нельзя? Будет у нас бисер — появятся контрамарочки. И вперед, в ложу! Чтобы потом во дворе не играть лишний раз в разбойников и пиратов. А попробовать себя на роли фокусника, жонглера и, главное, клоуна.

Кто не желает быть клоуном? Выйди наружу, дай на себя посмотреть.

Ну да! Тупой как пробка! А клоуном быть, это... Это почти то же самое, что схватить за хвост Жар-Птицу и выдернуть зараз дюжину перьев, должно быть, из цветного металла.

О, Жар-Птица! Жар-Птица! Кто бы знал, но на развалке водились и Жар-Птицы. Но не живые. С приколкой, чтобы носить на одежде. Были они подобны картинке из сказочной книги Бажова — позолоченные лепестки на хохолке, серебряный клюв, грудка из наборного камня и малахитовые перья — сантиметров по десять.

Чем такая птица — не заменитель для бисера? Посадишь ее на грудь — и красуйся на арене: никто не разглядит проплешины-островки на артистическом платье.

— Никто не разглядит! — уговаривал я тетю Фаню, вручая ей Жар-Птицу с развалки.

Уговаривал и уговорил

Тетя Фаня приколола Жар-Птицу на платье, и...

И мы кричали — «бис!», кричали — «браво!» Тете моей, знаменитой артистке цирка Фаине Гаммер. И кричали «браво» ее великолепному платью, «созданному» из нашего бисера и увенчанному нашей Жар-Птицей.

А сидели мы не на какой-то галерке-верхотуре, там сидели, где наши крики особенно громко слышны — в ложе для приглашенных гостей цирка. В ложе, где кресла панбархатные и мягко пружинят, как будто они на рессорах. Нам было радостно и до ужаса приятно. Что приятно? То, что мы — умы, а другие, кто не с развалки, — «увы». Мы умы, они «увы», а цирк у нашей тети Фани — классный, настоящий первый сорт!

Вот так! На этом и следует поставить точку. Ничего человеку больше не надо, если сидит он в цирке, не где-нибудь, а в ложе, и на арену вытанцовывает клоун, самый смешной на свете. И когда он слышит, что голос клоуна вызванивает цветным металлом, и в звоне этом различается: «Внимание! Внимание! Провозглашаю заранее! Слушает Германия и Советский Союз! Выступление на грани всего Мироздания с включением Развалки и Служителей Муз!»

Звезды витают в небе.

Мы свои звезды отыскивали в земле. На развалке.

Были умными — жили...

Глава четвертая

В начале сентября 1965 года нас, солдат спортивной роты Первой гвардейской танковой дивизии, подняли по тревоге. Задача: скрытно перебраться на противоположный берег Немана и разгромить «вражеский» штаб.

Темная речная вода с мелькающими на поверхности небесными звездочками. Дальний берег, угадываемый по сигаретным огонькам. Плеск загулявшей рыбины. Фырканье утомленного пловца. Цветовые сполохи, шальные звуки, роняемые в полнотную тишину. И настороженный выкрик:

— Эй, кто там?

Никто не отзывается. Да и как отозваться? Тут же в «плен» заграбастают. И без того, судя по возгласам, уже с десятков наших десантников попались в лапы противника, и теперь, скорее всего, лопают кашу из полевой кухни, в ожидании «подкрепления» — то бишь меня, Валдиса Круминя, сержанта Кары и гвардии рядового Мамедова. Но врагу не сдастся наш гордый «Варяг», и мы, благополучно миновав хитроумно поставленные капканы, выбрались на противоположный берег, имея в наличии для прикрытия своей наготы лишь по паре трусов. Зрелище восхитительное. Четыре мудака прыгают на одной ножке, вытряхивают из ушей чужеродную влагу и хило чертыхаются, не имея возможности согреться по-другому.

— Лучше бы в плен! — ознобло постукивал зубами Валдис Круминь.

— Чего же? — спросил я, учащенно дыша в совочек ладоней — для согрева.

— А ты?

— Мне нельзя. Я еврей.

— Понятно, «евреи воевали в Ташкенте». Это?

— И еще, евреи не знают с какого конца заряжать оружие.

— С обрезанного! — хохотнул сержант Кара.

Обладатель устрашающей фамилии, отнюдь не соответствующей ни внешности, ни жизненным его убеждениям, был из какого-то молдавского села. По национальности нам не знакомой. Говорил, что он для молдаван такой же национальности, как еврей для украинцев.

— У меня тоже обрезанный, — сказал Хуся Мамедов.

— У мусульман это болезненнее, — заметил я, приплясывая на холодке. — У нас на восьмой день от рождения, когда ничего не помнишь. У них на тринадцатый год жизни, когда — о-го-го!

— Никакого «го-го-го», — насупился гвардии рядовой. — Мамедов слушал, Мамедов говорит: «мужчина боль терпит, такой он — мужчина!»

— Ладно вам, — сказал сержант Кара. — Пока вы разберетесь, у кого правильной обрезано, я схожу на разведку.

Палец к губам, чтобы лишнее не гундосили, и тишком в кусты, из кустов на тропинку, с тропинки в лес, и затерялся в штриховке стволов.

Мы уселись на травку и давай пошлепывать себя по плечам, животу, спине, охотясь за комарами. Коварные кровопийцы, пронюхав о нашем беззащитном телесном содержании, с настойчивостью сексуальных маньяков лезли в самое что ни на есть уязвимое место — под трусы. А это вызывало взрыв нашего негодования, но шуметь было нельзя. И я на скоростях придумал юмористический стишок, чтобы высвободить энергию негодования в подобие смеха:

— *Комары летят на свет.*

— *Вы поэт?*

— *Да, я поэт.*

— *Мы вам сделаем минет.*

Валдис взгрустнул:

— Таки они нам это сделают. Потом в приличном обществе не покажешься.

— Идем в воду, — подсказал я.

— Зачем в воду? — удивился Хуся Мамедов.

— Там теплее.

— Ага,— догадался гвардии рядовой.— Погрузим себя по шейку, комарам кушать ничего не дадим.

— Кроме мыслей у нас на макушке.

— Мои мысли ниже,— Хуся Мамедов постукал себя по виску.

— Насчет сержантских лычек?

— Иначе девки любить не будут. Одна, вторая, третья — никто не пойдет замуж за гвардии рядового.

— А за гвардии сержанта?

— За гвардии сержанта Мамедова пойдут все три.

— Разом?

— Сразу.

— Тогда правое плечо вперед, и на речку. А то эти кровососы сделают так, что жениться будет не с чем,— сказал Валдис Круминь.

Плашмя возлегли мы на мелкоте, и время от времени уходили с головой под воду, обманывая кулинарные изыски зудящего комариного племени.

Передислокацию свою, как выяснилось через пару минут, совершили в самый подходящий момент.

По берегу продвигался дозор наших противников.

— Слышал плеск?

— Слышал.

— Здесь?

— Нет, где-то там, у излучины, шагах в десяти.

— Опять выдают себя, суки! Словно специально!

— Да ты что не понимаешь? Прибалты. Латыши, литовцы, эстонцы. В плен норовят. Хера они тебе будут воевать за советскую власть.

— А ты будешь?

— Я не прибалт. У меня другой родины нету.

— Родину не выбирают.

— Понятно. Но есть большая и есть малая.

— Какая у тебя малая?

— Гнездовище.

— Что это?

— А это деревня, в иркутской области. наших туда с Украины привезли, угнездовали там, когда дедов раскулачивали.

— И что?

— Да ничего! Деды вымерли, мамки остались. Папок, как и родину не выбирают. Там и уродился — половина бурят, половина украинец, по паспорту — русский. А ты с какой родины?

— У меня и малая — большая. Я из Москвы-матушки.

— То-то радовался, что попал к нам — в Первую московскую дивизию.

— Попал, как с родины — на родину.

— Родину не выбирают...

Я переглянулся с Валдисом. Он мне хитро подмигнул, как бы намекая таким телепатическим образом, почему не сдается плен, хотя и прибалт. То, что он советскую власть не любил, было ясно и без распросов. Но парень был не дурак — с высшим ВГИКовским образованием, и теперь, что говорится, набирал впечатлений для будущего фильма, заявку на который, уговорив меня писать сценарий, уже отослал на Рижскую киностудию.

Я был полон сомнения: напишу ли, что требуется. С самого начала службы набегал непроходной материал. Как выяснилось, официально в Советской армии не су-

ществовало понятия «спортрота», и упоминать об этом категорически запрещалось. Первое же письмо, полученное мной из дома на адрес воинской части № 18885, с припиской «спортрота», попало в Особый отдел, и меня вызвал на собеседование капитан Умнихин.

— Фамилия? Гм... Немецкая? Эмигрант?

— Дана по профессии. Русскими буквами на немецком языке — Одесса-мама!

— Имя? Гм... Русское?

— Назван в память о дяде, погибшем в 1945 году.

— Проверим, проверим и уточним. Отчество?

— Аронович!

— Гм... Еврейское. Полный интернационал в одной упаковке. А национальность?

Пишем или скрываем?

— Почему «скрываем»?

— Многие из вас так и остаются у нас скрытыми эмигрантами, при этом переименовываются на русский манер, чтобы незаметнее было.

— Что «незаметнее»?

— А то, что сало русское едят.

— Евреи сало не едят.

— Проверим, проверим и уточним.

— Вы меня за этим вызывали?

— Мы вас вызывали по другому вопросу. Почему на адресованном вам конверте представлено полное раскрытие военной тайны?

— Какой?

— Не стройте из себя форменного недоумка! На конверте обозначено «спортрота». А воинская часть с таким обозначением официально нигде не значится. Следовательно...

— Что?

— Не разумеете? Вы даете врагу представление о дислокации наших секретных частей.

— Никакому врагу я ничего не даю! Это я папе с мамой сообщил, что нахожусь в спортроте. Вот они и пишут на конверте — «спортрота», для надежности. Иначе, полагают, не дойдет.

— А номер воинской почты?

— Мои родители из Одессы.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Прямое. В Одессе все про всех знают. И никто не станет доверять письмо безликому адресу из сплошных цифирок 18885. Это все равно, что писать «на деревню дедушке». Вот и пишут — «спортрота». Воинских частей в Калининграде много, а спортрота одна.

— Видать, в армии ваши родители не служили.

— Во время войны работали на военном заводе, 245-ом авиационном, в Оренбурге, тогда Чкалове.

— Проверим, проверим и уточним. Почему не в Ташкенте?

— Ташкенте? А-а...

— У вас в роду, наверное, вообще такая традиция — косить от службы, не так ли?

— С чего это вдруг?

— А плоскостопие?

— Какое?

— Ваше!

— Оно врожденное. Годен к нестроевой.

— А служите — где? В элитной боевой части! В спортроте!

— Вы только что говорили, что спортрота нигде не значится.

— Спортрота не значится. А вы значитесь. И значитесь нестроевым в секретной боевой части, куда нестроевых и за километр не подпускают. Как это так у вас получилось?

— Я чемпион Латвии и Прибалтики по боксу.

— С плоскостопием?

— С плоскостопием!

— По бумагам?

— На практике!

— Хорошо. Тогда взгляните на сопроводительную к вашей истории болезни. Вы из-за плоскостопия освобождены от занятий строевой подготовкой, марш-бросков и физкультурных нагрузок на ноги. Какой же вы чемпион по боксу, если прибыли в армию с освобождением от занятий физкультурой?

— В бумагах одно, на практике другое.

— Проверим, проверим и уточним.

— Я могу быть свободным?

— А не сбегете без спросу от ответственности?

— Какой?

— За разглашение.

— Куда мне бежать?

— Не — «куда». А — «откуда». Мы тут одному дезертиру дали сейчас на всю катушку.

— Мы из армии не приучены драпать.

— Кто это «мы»? Ваши в тылу окопались, когда наши кровь проливали.

— И наши кровь проливали.

— Поименно.

— Всех перечислять не буду... Ну, допустим Леня и Моисей Герцензоны, мои двоюродные братья. Леня погиб на Балтике, в сорок первом. А Моисей и сегодня служит.

— Где?

— В штабе Закавказского военного округа. В прошлом командир роты, батальона. Звание — подполковник. Боевой офицер, прошел всю войну, награжден многими медалями и орденами.

— Проверим, проверим и уточним.

А что там уточнять?

Мне достаточно было повернуться лицом в прошлое.

Глава пятая

У смерти нет лица...

Тот, кто видел смерть, не изобразит ее на бумаге.

Тот, кто не видел смерти, изображает ее скуластой девушкой-дурнушкой с бритвенно-острой косой.

Мои двоюродные братья Леня и Моисей Герцензоны видели смерть неоднократно. Но как она выглядела, мог мне рассказать только Моисей. Леня — моряк-подводник — погиб на Балтике, в разгар войны с фашистами, еще до моего рождения. И по сей день он с экипажем подводной лодки покоится на дне моря. А с братом его Моисеем я встречался и в Риге, и в Иерусалиме. Но первый раз в сорок шестом — в Баку, когда меня, годовалого, возили по дальним и ближним родственникам-

одесситам, разбросанным в годы НЭПа и войны по разным землям. Вот, наверное, тогда и рассказал подполковник Моисей Герцензон эту историю моему папе. И этой истории следовало бы дать подзаголовок — «из семейных преданий».

* * *

Моисей Герцензон знал, как выглядит смерть.

Смерть смотрела на него из ствола «шмайсера», из ствола базуки, из ствола «тигра». Но пронзительно, как никогда, — аж до озноба в костях — смерть смотрела на него с кончика канцелярского пера.

Что для солдата канцелярское перо?

Шекспиру оно, пожалуй, пригодилось бы для сонета.

А солдату? Даже любовное письмо и то сподручнее между боев писать карандашом.

Никто себе не выбирает смерть. И, когда смерть смотрит с кончика канцелярского пера, она не становится от этого милее.

...Выездной военный трибунал приговорил Моисея к расстрелу.

...Выездной военный трибунал постановил: «Приговор привести в исполнение немедленно!»

За двадцать четыре часа до приговора Моисей Герцензон мог быть убит сто раз. И все сто раз смерть промахнулась...

Он вел разведку боем. С танковым батальоном врезался в глубину вражеской обороны и, вызывая огонь на себя, утюжил траншеи противника.

Он выполнил поставленную перед ним задачу. Он принял на себя все девять валов расплавленного свинца, раскрыл позиции неприятеля.

...Он, командир отряда, выполнил поставленную перед ним задачу. И ради выполнения этой задачи положил десятки людей, как и предписывается законом войны, облаченным в словосочетание — «разведка боем».

Может быть, и ему предписывалось законом войны не вернуться с поля боя. Однако, судьба человека живет по иным законам.

Ни одной царапины не было на его теле. И пуля, и осколок, словно сговорившись, тоже вышли из подчинения закону войны.

Из разведки боем живым возвращается разве что счастливчик.

Более сотни счастливчиков сходили с ума от полноты жизни.

Их приговорили к смерти. Они обманули смерть. И вернулись с того света живыми.

Как же после этого не жить? Им очень хотелось жить. И они пили горькую. Из фляжек. Взахлеб. Они поили водкой каждого, попавшего живым и здоровым в расположение их батальона. Мужиков, баб деревенских, ребятишек — пожалуйста! Пей до дна! Пей до дна! Жизнь не задарма дана!

В расположение хмельного батальона каким-то хмельным ветром задуло пришлого майора интендантской службы. Зачем он прибыл сюда, черт его знает. То ли на переучет контузий и ржавых от крови бинтов, то ли ради переписи котлет из человечьего мяса.

Напоенный братишками, он направился в штабную избу, к комбату. А разглядев в комбате еврея, опьянел вторично — от переизбытка антисемитских чувств. И стал скрюченными пальцами лапать кобуру с наганом.

— У-у, жидовская морда! Сколько людей положил, а сам? живой-невредимый! Нет, считаешь, на тебя управы?

Моисей еще не остыл от потери близких друзей. Разве мог он в столь размагниченном состоянии духа уследить за движением правой, «ударной» своей руки, преж-

де при слове «жид» бьющей обидчика наповал, а сегодня выхватывающей пистолет, и навскидку...

Заседание выездного военного трибунала проходило при закрытых дверях, в деревне — тридцать дворов, полсотни баб и ни одного здорового мужика моложе пятидесяти.

Пока зачитывали приговор, пока доходяга-расстрельщик вставлял на трезвую голову обойму в ненавистный винтарь, пока смерть витала на кончике канцелярского пера, солдатский телеграф донес до бойцов похмельного батальона сердечную боль своего командира.

Сто с лишним смертников, пьяных, бесстрашных, обмотанных грязными бинтами, двинули танковым ходом по деревенскому большаку — на мордастый трибунал и замурзанного, как его трехлинейка, расстрельщика, чертыхающегося от безысходной трезвости.

«Моисея в расход? — ревел батальон в сто с лишним глоток. — За какого-то зачуханого тыловика? Дашь разведку боем!»

Порушенные избы притихли. Бабы попрятались до лучших времен по чуланам, где берегли последние запасы самогона.

Военный трибунал понял, что подписал себе смертный приговор.

Старшина Ковальчук, держа в перебинтованной руке трофейный «парабеллум», вошел в пропахшую чернильным душком комнату.

— Мы не отдадим на съедение!.. — Он покривился от боли. — Кто хочет смерти нашего боевого командира, тот найдет себе братскую могилу! Немцы его не съели — подавились! А вы?..

Полковой писарь с фиолетовыми кляксами на зеркалах его души переписал под прицелом пистолета протокол заседания выездного военного трибунала. И не было в чистовике приговора слова «расстрелять», было — «понизить в звании, с капитана до старшего лейтенанта».

Деревенские бабы, дождавшиеся лучших времен, отпаивали солдат от перенапряжения самогонкой.

Моисей пил из походной фляжки водку во здравие, не за упокой. И расстрельщик лез целоваться с ним во имя сбережения боезапаса, дефицитного на войне, как и жизнь.

Расстрел отменен! Расстрел отменен!

И?.. Вторая, стихийная по сути, разведка боем завершилась ночью обильной любви.

Любовь была всепоглощающей и настолько страстной, что и годы спустя после этой ночи, почитай, лет десять кряду, местные бабы вываливали из своих бездонных утроб голосистых писулук — солдат грядущих сражений — и, поминая привалившее невзначай счастье, нарекали их... Да-да, Моисейчиками... Нарекали их именем, самым популярным в одном из глубинных районов России.

Каком? Нет, район мне нельзя называть. Это военная тайна...

Но не тайна, что Моисей Герцензон прошел всю войну и был награжден многими орденами и медалями. Затем командовал батальоном, служил в штабе Закавказского военного округа, в 1957—58 годах под началом маршала К. К. Рокоссовского. А, выйдя в отставку в звании подполковника, долгое время, подав документы на выезд из СССР, находился в отказе.

Когда же мы с ним встретились в Иерусалиме, он после похода к Стене плача рассказал мне о своем первом бое, легендарном, без сомнения, для всех тех, кто знаком не понаслышке с историей Второй мировой.

...Личный состав военного училища, курсантом которого был Моисей Герцензон, подняли по тревоге. Перед строем молодых солдат, еще необстрелянных и оттого до

ужаса храбрых, выступил прибывший из Москвы, из самого Генштаба, генерал. Он сказал, что на их долю выпало ответственное и исключительно почетное задание. Но на его выполнение вызываются лишь добровольцы.

— Есть добровольцы?

Строй курсантов молча шагнул вперед.

— Кто из вас прыгал с парашютом?

Строй курсантов сделал второй шаг... по сути дела, на тот свет и к бессмертию, наверное. (Никто из них никогда не прыгал с парашютом.)

Задание Генерального штаба сводилось к великой по дерзости операции. Высадиться на Эльбрусе, согнать с вершины егерей отборной немецкой дивизии «Эдельвейс», установивших там бюст Гитлера, и на смену ему впечатать в снег бюст Сталина.

И это задание — невероятно, но факт! — было выполнено мальчишками, не нюхавшими пороха, часть из которых погибла сразу же из-за неумения раскрыть парашют, другие разбились об острые уступы каменных склонов, третьи истекли кровью от ранений при штурме огневых точек и горных гнезд противника. И лишь малая горсточка бойцов, среди них и Моисей Герцензон, добралась до гитлеровского бюста и, сбросив его в пропасть, установила вместо него, на тот же, скажем так пьедестал, бюст Сталина.

Лишних Сталинов, а их у каждого было по одному в рюкзаке, сдавали под расписку о «неразглашении» командованию училища. И получали взамен кубари в петлицы и, после досрочного производства в краскомы, право на отбытие в действующую армию.

Кто из них, из этой горстки храбрецов остался в живых?

По теории вероятности, может быть, один из...

Моисей Герцензон был одним из.....

Всю войну.

Его брату Лене Герцензону, краснофлотцу-подводнику, выпал иной жребий.

На войне как на войне...

(Окончание следует)

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Весь день просидел за письменным столом, стараясь закончить к назначенному сроку заказанную редакцией рецензию, но так и не успел. А когда (почти случайно) взглянул на часы, понял, что непоправимо опаздываю по другим — совсем уже неотложным! — делам, и теперь придется бежать по городу, погружающемуся в хищный сумрак самодовольного вечера, привлекая чуть презрительное внимание прохожих, что унизительно, почти как попрошайничество. Бросился собирать вещи, судорожно метался по квартире, хватая одновременно и нужное, и ненужное, мчался вниз, перепрыгивая через ступени; в суетливых попытках вырваться из мышеловки парадного замешкался, недоумевая: почему дверь никак не подчиняется? почему с ней не совладать? Лишь оказавшись снаружи, разобрался: ветер-силач играет дверями, не позволяя ни распахнуть их на всю ширь, ни притворить без того чтобы не грохнуть вызывающе громко, на все девять этажей лестничных пролетов. Но удержал все-таки, прикрыл без хлопка стальную створку, возмечтавшую стать парусом. Облегченно вздохнул, и помимо желания легкие, как будто их насосом накачали, вмиг наполнились прохладной сыростью. Почти задыхаясь, приостановился на крыльце. А к чему, собственно, вся эта суматоха? Есть ли что-либо важнее, чем этот вечер, это мощное движение воздушных масс, это неповторимое мгновение жизни? По инерции сделал еще несколько шагов, и замер, неприлично глубоко дыша, и все не мог насытиться осенней свежестью.

Порог парадного оказался границей между резким электрическим светом и мягко вспухающей, словно квашня, темнотой, между затхлостью стоячей домашней атмосферы и дикой свободой боря, между тишиной кабинетной работы и уличными шумами, слившимися в нечленораздельный гам, к которому надо было привыкнуть, как и к неопределенности полумрака, и к возможности дышать полной грудью. Пока стоял, насыщая кровь кислородом, наслаждаясь настойчивыми, но нерезкими порывами вольной стихии, успел с некоторым удивлением отметить про себя: «А ведь и не холодно! Середина сентября, а вечерами пока не холодно. Ветрище, конечно, ражий, но южного направления, и за внешним бритвенным холодком он несет во внутренней своей стороне тепло». Через несколько мгновений музыкальный сумбур городской самодостаточной жизни сложился в свинговую синкопирующую композицию. В неподцензурной партитуре помимо посвиста ветра стали различимы долетавшие с улицы партии автомобилей и троллейбусов, ускоряющих или замедляющих ход трамваев... И приглушенные голоса во дворе, и ритмично повторяющийся, неидентифици-

руемый пока скрип. «И-я-уа-уи-уа»,— всхлипывал металлический предмет, неразличимый в темноте. Кто-то, кого еще предстояло опознать, тревожил детские качели, установленные наискосок от парадного. Наверное, на качелях двое или трое, судя по разговору, невнятного, но оживленного. Видимо, это девочки-подростки, судя по тоненьким голоскам, шаловливо толкавшим друг друга, складывавшимся в полудетское лепетание с теми милыми обертонами, которые так естественны для маленьких людей. «И-я-уа-уи-уа»,— подражая девочкам, скрипели качели, радуясь своей нечаянной востребованности в сгущающейся взрослеющей тьме, гордо заявляя о своем существовании в прохладе неподходящего для игр под открытым небом времени года. Странно, но резкие, неприятные позывные ржавой железяки сейчас почему-то действовали успокаивающе, подумалось, что и рецензия будет закончена вовремя, и на свою важную встречу ты не опоздаешь.

Успокоив дыхание, я пошел через темный двор вправо, по направлению к тускло освещенному проезду. Пошел деловито, но уже без излишней спешки. А девочки неожиданно вступили а капелла: «Маленькой елочке холодно зимой. Из лесу елочку взяли мы домой!» Распевая, они стали сильнее раскачиваться, и неповоротливый маятник аккомпанировал с каким-то остервенением: «И-я-уа-уи-уа! И-я-уа-уи-уа!» Неуместность новогодней песенки сейчас, ранней осенью, воспринималась забавным капризом; думалось о ребяческом нетерпении перед встречей с волшебником Дедом Морозом, о подарках и сладостях на украшенном дереве. Да, пройдет слякотное предзимье, наступит раздолье детворе: лыжи и санки, радостная возня в снегу, веселая череда праздников... Девчушки, вероятно, вдохновлялись теми же мечтами и выводили мелодию дружно и слаженно. Хорошо у них получалось! Скорее всего, певуны состояли в каком-нибудь школьном хоре, приступившем к репетициям новогоднего репертуара. Сами довольные своим исполнением, юные хористки брали такие высокие нотки, что голоса их будто бы становились видимыми в темном дворе, теплились фосфорическими огоньками, высекали искры, ударяясь о каменные стены домов, отскакивали от них пламенеющим отзвуком. Почему-то описать этот вокал хотелось, прибегая к самым пошлым метафорам: «ангельское пение», «серебряным ручейком звенел мотив»... И несколько не было стыдно использовать подобные избитые банальности. Улетающие в вечернее небо рулады закручивались вместе со свежим ветром и заполняли пустоту внутри меня.

Радуясь всему случившемуся вокруг за минуту моего пребывания на воле, почти уже пройдя через двор, я привычным движением вытащил из кармана портсигар, отстраненно поругивая сам себя: «Да зачем же тебе это надо?! Да когда же ты, наконец, уже бросишь?! Ведь такой чудный воздух — наслаждайся им! Нет, будешь вдыхать горящую копоть. А ведь сердечко уже давно пошаливает. Сколько предупредительных звоночков, как говорил доктор, уже было дано?» Все это мысленно произносилось, пока руки автоматически доставали сигарету, высекали огонь зажигалки. Первая затяжка была глубокой, но не полностью вытеснила из груди хрустальные кристаллики озона, которые причудливо смешались с дымом, слоями повисшим в легких, что оттеняло вкус табака и заостряло ощущение свежести сентябрьского вечера.

На прощание выдохнул во двор клуб дыма и уже ступил в переулок, когда уловил, что песенка прервалась спором и пререканиями. «Вот глупышки! Ну зачем? Чего не поделили? Ведь было так хорошо!» — с досадой подумал я. А детские голоса продолжали перебранку, утрачивая свое очарование и срываясь на визг. И вдруг, словно автоматная очередь, ударил в спину мат. Разумеется, быть того не могло, чтобы юные школьницы в общении прибегали к нецензурщине, и я невольно потряс головой, как вынырнувший из безмятежной глубины пловец, стараясь высипать из ушей ошибкой занесенный в них ветром словесный мусор, однако похабные тирады

продолжались, являя всю неприглядность жестокой реальности. Не то чтобы отборные ругательства — вполне тривиальные, но все-таки громоздившиеся в этажи и со знанием дела произносимые слова сгустками мерзости колотили в затылок. Брань грубо резонировала в колодце двора, и эхо, которое еще, казалось, доносило звуки наивного праздничного напева, усиливало ее. Эта inferнальная стереофония сбивала с хода, висла на воротах, накатывала энергичной, но отвратительной субстанцией, накрывала волной ожесточения, придавливала к грязной земле, втирала в асфальт. В единый миг опустошенный, обескураженный, я по-прежнему шагал, продолжая курить, но уже не чувствовал ни ярости шибящих в лицо пронизывающих порывов ветра, ни кислоты обволакивающего табачного чада. Это было похоже на то, как если бы кто-то беспричинно свирепый пинком вышвырнул меня из моего же собственного двора, и оставалось лишь неуверенной походкой ковылять прочь по переулку, слушая звенящие серебряным ручейком ангельские голосочки, которые все еще матерились вслед. Не в силах осмыслить произошедшее, я как-то потерялся в надвигающейся ночи, в холодном прокуренном каменном городе, продуваемом злым сквозняком. Куда я? Зачем? Сознания хватало лишь на то, чтобы бесцельно брести вперед. Рассудок метался в попытках соединить в единое целое разбитое каменюкой матерщины зеркало бытия, натужно старался восстановить утраченную взаимосвязь частей мироздания, но пробуксовывал в склизкой тьме действительности. Жизнь оказалась лишённой смысла, распалась на несвязанные друг с другом фрагменты, воспринимавшиеся дробно, прерывисто. В голове стали возникать какие-то спазмы. «И-я-уа-уи-уа», — разрушая мозг, скрипело что-то в черепной коробке; ничего другого я уже не воспринимал. Дыхание перехватывало от жуткой амплитуды, раскачавшей меня после выхода из парадного: внезапно подхвативший порыв свежего воздуха и деятельного оптимизма столь же внезапно сменился нервической дрожью и апатией к непобедимому обрыдшему осеннему бедламу, в котором не могут сохраниться в чистоте ни звуки, ни душа.

Замедляя шаги, я двигался мимо заборчика детского сада, пытаюсь вспомнить, куда и зачем мне идти. С удивлением посмотрел на вытащенный изо рта погасший окурок («Что это? Откуда?») и торопливо отбросил его. Воздуха не хватало, раздражал гадкий привкус на языке, чудовищно захотелось пить, за грудиной нестерпимым жаром вспыхнула боль. Ветер, не переставая, дул в лицо, останавливал, толкал назад, однако я с тупым упорством шел дальше, действуя по составленной заранее, уже ненужной, но еще не отмененной программе. Еле передвигая ноги, я преодолел скудно освещенный перекресток, на котором в этот час не было ни одной машины, у здания банка, неприветливо черневшего проемами погашенных окон, повернул налево, и в перспективе улицы, за школьной спортивной площадкой, угадал силуэт собора. Недавно покрытая позолотой маковка как бы сама собой светилась в темноте, крест западной своей стороной еще хранил густо-малиновый отсвет заката, а с востока погружался в непроницаемый мрак. «Зачем же это здесь храм, если там, во дворе?..» — тщетно попытался я добраться до сути, но понял, что слишком поздно задавать вопросы, что наступает время ответа. Двигаться становилось все труднее, ноги начали подламываться, и не было ни возможности, ни воли управлять ими. Выгоревшее сердце превратилось в уголек и не хотело больше биться. Я стал медленно заваливаться на бок, не отрывая взгляда от мерцающего купола. «Хорошо, что возле церкви», — подумал я напоследок и умер.

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

БЮСТ В ПОЛНЫЙ РОСТ
(Кавказские новеллы)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Взял у «русского» знакомого кассету со всеми «Семнадцатью мгновениями весны», посмотрел запоем и словно побывал во внеочередном отпуске в молодости, в Минске, в Сочи и в Сухуми... Ну, Минск понятен почему: куда бы я по моей жизни ни пошел, его не миную. А вот Сочи, 1975 год, лето — это все благодаря штандартенфюреру Штирлиц и пастору Шлагу. Плятт и Тихонов жили тогда в гостинице «Кубань», где я их и встречал каждый день. А, как известно, ассоциации — дело могучее. Просто совпало: Лиознова в это время там снимала что-то из «Семнадцати мгновений...»

Эта история, в которой присутствуют, наверное, уже неизвестные многим нынешним читателям реалии того времени.

...Лето 1975 год. Мой друг, вместе с которым я окончил железнодорожную «гвардейскую» школу в Виннице, пригласил меня (с семьей...) под видом сценариста на временную, по договору, работу на сочинском телевидении... в июле месяце. Даже он, работая тогда ответственным работником краснодарского крайкома партии, только под таким видом, через подчиненное ему начальство сочинского ТВ, смог заказать мне номер в гостинице «Кубань». Это рядовой «дом колхозника» жемчужины черноморского побережья Кавказа, но — со всеми удобствами. Но даже такое поселение в такой сезон можно было считать нашей принадлежностью к «верху низа пирамиды». И то сказать, своя территория — с душем, холодильником и туалетом! — в июле! месяце в Сочи! за... три рубля шестьдесят копеек в сутки! В то время, как (крепкое было противоударное выражение: «В то время, как...») в белых крейсерских билдингах на берегу моря такие же по площади номера стоили от двадцати до пятидесяти рублей, кроме взятки. В нашей тоже брали, но, конечно, не так... Ну, при заселении четвертной. По-божески. Чтобы освободить нас от этого взноса, мой друг самолично поселял нас в «Кубани», встретив на вокзале на горкомовском ЗИМе. Гостиничные — ребята дошлые: знают, где притормозить, и кто кого кормить обязан.

К морю от нас было минут семь, но через тенистый субтропиковый парк. В гостиничном ресторане «питали» дорого и невкусно, зато рынок был еще ближе, чем море. Я помню анекдотические первые минуты на земле знаменитого курорта. Моя жена, уверовавшая во всемогущество организации, к которой в качестве среднего бонзы принадлежал мой друг, выйдя на балкон уже нашего номера, воскликнула: «Ну, Дима! Почему не с видом на море?» Мы в это время, разлив и разбавив родной винницкий спирт, резали на закуску яблоко. И тут я увидел детски растерянное лицо

умницы и эрудита, моего друга. Через две секунды последовал ответ: «Прости, я думал, что вы не настолько богаты, чтобы за вид на море платить двадцать пять рублей». И через короткую паузу: «Да, и не забудь, что я, как чиновник, служу партии, а ты, как преподаватель — только народу. Потому я за вид не плачу, а тебе пришлось бы».

Зная ваше отношение к партийным функционерам, хочу реабилитировать своего школьного друга: не выгоды ради, а только волей злого случая попал он в эту стаю. Поехали два выпускника нашей, как я уже сообщил, гвардейской, самой хулиганской школы города, — стояла в центре равнобедренного треугольника: вокзал, базар, стадион и открыта была в последний военный год, — да, так поехали они, два моих друга-медалиста в Москву поступать в МГУ. Двое из всей Винницы. То ли дурные, то ли рискованные. Оба поступили. Один из них и был тот самый, о котором я рассказываю. После университета — Краснодар, разъездным корреспондентом краевого радио. А поскольку в отрасли нужны были грамотные и умные люди (они и сегодня нужны в любой отрасли), то друг мой за короткое время дошагал до кабинета с шильдой «Главный редактор». (Как-то приехал он навестить мать, и старая замостянская еврейка, тетя Броня, спросила: «Кем ты работаешь, кем?». Он ответил. Тетя Броня потребовала уточнения: «Главным только радива? А телевидения?». Как бы извиняясь, он объяснил, что пока только «радива», но обещал подумать и «за телевидение». Тетя Броня спросила еще и про зарплату и совсем довольная пошла дальше, приговаривая: «Слава Богу, хоть кто-то получает приличную зарплату...»)

Прошло время. Как выяснила жизнь, оно ни для кого не стоит на месте, Друг женился, занял сына, и все эти годы мечтал жить и работать в Москве. Он попросился на учебу в столицу. Первый человек края, Медунов, сказал: «Поработай год-второй в крайкоме. Наладишь районные газеты — пошлем в Высшую партийную школу». А тут Леонид Ильич в гости к другу-Медунову приезжает. Помпа! Все, все, все и еще докладная записка о достижениях знаменитого края — в сафьяновой красной папке. Глянул опытный Ильич одним глазом и вопрошает: «Кто готовил?». Ему называют фамилию моего друга. (Месяц тому вызвал его Медунов: «Вот тебе материалы, месяц срока. Напишешь такую записку, как «Фауст» Гете — будет тебе Москва.») Брежнев и говорит своему помощнику, который всегда у него за спиной: «Запиши фамилию. Нам в аппарате нужны люди, которые пишут докладные, как Гете «Фауста». Через три месяца мой друг жил и работал в Москве на Старой площади. «А отказаться?» — спросил я. Он улыбнулся: «Можно было. А что дальше?». Такая, значит, история, а мы хронологически находимся в самом ее начале. И теперь вам ясно, почему мой друг не мог отказаться от предложения, которое ему сделала коммунистическая партия Советского Союза, и в данный момент, несмотря на то, что был человеком порядочным, хотя и партийным чиновником, отдыхая в сочинском санатории на берегу моря, за вид на него ничего не платил.

И еще один штрих из биографии положительного партаппаратчика. Было у него опасное, я бы предположил, вынужденное хобби. Вольная винницкая душа постоянно просилась погулять — винничане этим похожи на одесситов: и те, и эти не любят над собой ни потолка, ни начальника. А в нашем случае, как вы понимаете, человек все время, кроме дома и то... ходил, застегнув и пиджак, и душу на все пуговицы. Где-то должна была найтись отдушина. И она нашлась: стал кропать стишата-маломерки, четверостишия. А читать их было некому. Их и писать было опасно, а уж читать... И, когда я изредка наезжал в Москву, на меня и вываливалось. Я слушал и тайно гордился: смелый вырос человек, мой друг. Стань известным его внеслужбное творчество — гонорар соответствующие товарищи обеспечили бы всенепременно: либо психушка, либо зона.

В целом сложился малолитражный эпос строк на тысячу-тысячу двести. Жаль, книжка не вышла. Вначале демократические издательства еще по инерции боялись, а потом в тех же издательствах говорили, что поздно, поезд ушел. Я и сейчас, спустя столько лет, не могу взять в толк, как может опоздать история. Чтобы совсем не пропало для читателя, обнародую несколько «мелких брызгов» моего друга. И без комментариев: эти ювелирные языковые изделия — сами себе комментарии.

*Была тоталитарная эпоха,
Когда любой чего-нибудь лишен.
Мне объективно было очень плохо,
А субъективно было хорошо.*

*И вот, режим ужасный сокрушен,
Однако жизнь не может без подвоха.
Мне объективно стало хорошо,
А субъективно стало очень плохо.*

*Я себе представляю слабо,
Как случаются эти шутки:
Демократия — баба, как баба,
А вот дети ее — проститутки.*

*У нас в России испокон веков
Большевики громят большевиков.
И наш народ давно уже привык,
Что вечно побеждает большевик.*

*Один вопрос проклятый мучит,
Одно пытаемся понять:
Как все решительно улучшить
И ничего не изменять.*

*То отстаем, то догоняем мы,
То черт вмешается, то бес.
В борьбе мерзавцев с негодяями
И утверждается прогресс.*

*Великолепная больница,
А в ней, до коллик жизнь любя,
Лежат ответственные лица
На сохранении себя.*

*В боях родились, закалялись в парадах,
Взросли в оптимизме казенном.
Союз наш держался на двух аппаратах —
Партийном и самогонном.*

*Вы о чем печетесь и о ком?
Лучше бы у Бога попросили,
Чтобы из правителей России
Этот был последним дураком.*

*Хрен с тобой, мели Емеля,
Но ответь мне на вопрос:
Это свет в конце туннеля
Или встречный паровоз?*

И последнее четверостишие в этой обширной цитате. Для того, чтобы вы не подумали, что мой друг только «физик», он еще и большой «лирик».

*С грузом лет шагаю под уклон,
Как с одним ведром на коромысле.
Голова лысеет с двух сторон —
Выпадают волосы и мысли.*

Вернемся в номер сочинской гостиницы «Кубань», где мы с моим другом, невзирая на интересные вопросы моей жены, выпили винницкого спирта и закусили кавказским яблоком. И мой друг объяснил мне, что и «Кубань» одолеть было непросто, но поскольку редкостно совпало — он получил путевку в дом отдыха «Зеленая Горка», что на окраине Сочи, в то же время, на которое я просил его добыть мне место под сочинским солнцем. А не виделись мы годы и годы.

Это был их лучших отдыхов моей жизни. Месяц с другом, с женой, к которой никак не привыкну, словно вчера встретил... С желанной дочерью, которая еще не ходила на свиданье — ей было шесть лет. Чистое отдохновение — одни удовольствия, и еще в том возрасте, когда по утрам ничего не болит, а совсем наоборот.

И — еще живы мама и папа. Сейчас-то я понимаю, что это было фундаментом под всеми счастливыми часами той давней жизни и, как все фундаменты, оставалось невидимым. Видимым оно стало, когда они умерли. А тогда были живы и тем высвобождали меня для собственных удовольствий и наслаждений.

«Зеленая Горка», где отдыхал мой друг, была в свое время дачей Сталина. Потом ее передали в управление делами ЦК КПСС, и она стала местом отдыха вождей братских партий. Невдалеке построили современный высотный корпус — для своих. Братские же вожди размещались в собственно бывшей даче нашего великого вождя. И поскольку дача эта числилась за Сочи, а Сочи — за Краснодарским краем, а мой друг служил в отделе агитации и пропаганды одноименного крайкома партии, то и получил номер в бывшей спальне нашего вождя. Симпатизирующая моему другу администраторша, очень даже видная дама ранних средних лет, что называется, кровь с молоком, шепотом сообщила ему, что руководство этого серьезного курортного учреждения считает его, то есть моего друга, чьим-то очень, очень протеже, поскольку в этом доме со дня его рождения такого рядового партийного чина в качестве отдыхающего не было. Читатель помоложе улыбнется: парадоксы не нашего времени. Наше время — время не чинов, а денег, и никаких удивлений ни на Кавказе, ни на Майорке.

Утром, позавтракав, мы садились в автобус и ехали до остановки «Зеленая Горка». Здесь нас встречал мой друг и со словами: «Это со мной» — сопровождал через проходную на сильно ведомственный пляж. В сезон разница между таким пляжем и «диким» — ниже любого сравнения. Жена с дочерью загорали на персональных лежаках с простыночками (это после слов: «У меня гости»), а мы пили чешское пиво и играли в преферанс с вождями братских партий. Частенько выигрывали и, поскольку играли не на щелбаны, то и на полных правах шли всей компанией в буфет широкого ассортимента с необыкновенным в то время даже для юга выбором вин и коньяков. Там я впервые увидел и попробовал любимое вино товарища Сталина — «Атенури».

Там же, в том сказочном буфете, брали, выражаясь по-виннички, «что-нибудь особенного» к обеду. А если не выигрывали, то выпивали и брали то же самое к обеду, но не на полных правах, оправдываясь и красиво винясь перед моей женой. Следует, наверное, сообщить, что жена друга в это время навещала свою маму далеко от Сочи. «Везет нам,— говорил мой друг,— одна твоя. А если бы и моя, то уже коллегия: это значительно труднее...».

Мой друг устраивал нам экскурсии по бывшему дому Сталина. Дом этот имел форму замкнутого четырехугольника с внутренним двором: фонтан, клумбы, беседки, араукарии, олеандры, рододендроны. «Заметь, крыши до сих пор красят в зеленый цвет: маскировка...». Там я убедился, что рассказы о любви Сталина к деревянной отделке комнат были не выдумкой. Вся дача внутри была деревянная. Дубовые панели — стены, светлый потолок — береза, резные перила, наборный мозаичный паркет. Лестницы, по которым нам довелось подниматься-опускаться, громко скрипели. «Попробовали бы они скрипнуть при нем...»,— улыбнувшись, уронил мой друг. Номер его был не самый комфортабельный из тех, что мне приходилось к тому дню видеть, но просторный и светлый. Деревянные ореховые панели придавали комнате теплый вид. И я еще раз одобрил вкус Иосифа Виссарионовича.

Прошли мы и по всему периметру дома, где когда-то наездами жил один человек со своей дочерью. На первом этаже размещались все хозслужбы, кухня, медчасть, служебные и жилые помещения охраны, большая гостиная-столовая, где при необходимости можно было собрать (и собиралось) заседание Политбюро или большие посиделки: то же Политбюро, но не официально и не в полном составе, с артистами и артистками — развлекателями. На втором этаже одно крыло — Светланины комнаты, все остальное — кабинет, библиотека, узел связи, комната отдыха и спальня, где сейчас спал русоголовый потомок староверов, осевших на украинском Подолье. Да, забыл о весьма существенном помещении этого дома. К первому этажу была пристроена стеклянная «бонбоньерка»-бассейн. Она покоилась на нескольких колоннах и нависала над крутым склоном, обрывавшимся в море.

В новые времена бассейн не действовал, в те — вождь, не купавшийся в море, все же купался в морской воде, которую каждое утро накачивали в этот бассейн. «Слушай, а почему он в море не купался?» — спросил я, как-будто принадлежность моего друга к партийным чиновникам обязывала его знать это. «Не знаю, — сказал он. — Наверное, боялся». «Боялся утонуть?». «При чем здесь море!». «А-а...» — понял я. Сквозь стекла округленной многоугольной веранды в просвете гигантских сосен виднелось веселое голубое все в солнечных блестках море — чистое и прозрачное, как воздух над ним. Казалось, что на горизонте, на самом пределе, видна Турция.

«Знаешь, — сказал мой друг, когда мы с ним, уложив моих женщин спать в сталинской спальне, пошли в этот тихий час к морю,— знаешь, каждую ночь, перед тем, как заснуть, я испытываю беспокойное чувство: он здесь спал. Слово присутствие чужого страха, ярости, метаний... Понимаешь, в этой комнате все пропитано его мыслями и чувствами. И каждую ночь я попадаю в этот сумасшедший эпицентр. Мне кажется, что я понимаю, что он думал и чувствовал... Иногда он снится и что-то рассказывает, а утром я ничего не могу вспомнить. Только одну фразу, которой он заканчивает свои ночные признания: «Ты внук старовера, ты поймешь». Я думаю, что тяжело жить после смерти, если при жизни ты стал абсолютно одиноким по своей воле. А уж, если и крови на тебе...».— «Шел бы ты в другую палату». — «Неудобно... Вроде, мне чуть ли ни лучшую отдали. Да... Интересно все это. Ничего подобного раньше не бывало...».— «Ладно, поэкспериментируй. Хорошо, что мертвый, а то — «попробовали бы они скрипнуть при нем...». И мы расхохотались. Молодые еще были и здоровые, могли играть с огнем. Правда и то, что не рассказал я моему другу о

разговоре с дочкой, посчитал — незачем: если он с ним где-то на нейтральном поле встречается, чувство со стороны может повредить.

Жена и дочь не первый раз тогда оставались в спальне Сталина на часок вздремнуть после обеда. И как-то дочь сказала мне: «Па, а чего это дед какой-то ходит...». — «Какой еще дед?». Выяснилось: ходит. Как только они с мамой лягут спать, так он и приходит. Спрашивает: «Не страшно тебе?». Я говорю: «Не страшно. А если усы сбреешь, то совсем будет не страшно. А еще стучать надо и спрашивать разрешения». Он смеется: «Не страшно, потому что еще маленькая. Усы... Нет, теперь вроде, уже не сбрею. Поздно. Да и раньше тоже проблема была бы: народ привык. А насчет постучать, так вы, вроде, тоже без стука и разрешения. Так что, кому к кому стучать и разрешения спрашивать — это большой вопрос. Ладно, спи. Вырастешь — обязательно будет страшно. Человек без этого не живет. Не умеет. Привык».

Так вот, передала мне дочь разговор с хозяином спальни. Времени прошло много, но за смысл отвечаю. И по сей день не рассказал я этого моему другу. Не знаю почему. Это уже епархия «внутреннего голоса».

Еще два слова скажу о корнях друговых. Дедом ему был староста винницких староверов, выдающийся плотник и столяр. (В детстве я знал разницу между этими профессиями, как и между рубанком и фуганком, а потом забыл. Пришлось восстанавливать для себя и для вас: уверен, что многие читатели тоже забыли или не знали. Плотник, в основном, человек топора. Он избы рубит, двери, рамы делает. А столяр — он мебель делает, панели. Высший класс столяра — краснодеревщик.)

От деда моего друга осталась мне на память одна строка неизвестной песни, которую он пел, редко, но мощно запивая в секретах большого дома с большим садом и огородом за глухим забором. Для старовера да еще старосты это было великим грехом. Потому и в секретах. Строчка же из неизвестной песни такова: «...трошки з водкой напувався...». Впоследствии, во взрослой своей жизни я ее, эту строку, брал на вооружение. Ее самокритическая суть как бы оправдывала самый распространенный веселый и проклятый русский порок. Жене моей, которой я иногда пел эту строку, так почему-то никогда не казалось.

Дед моего друга был большой и красивый — то, что часто говорят, но редко видят: косая сажень в плечах, белая грива и белая борода, синие глаза и — золотые руки. Какой дом, построенный этими руками, он оставил потомству! Внуку говорил уже на исходе: «Когда женишься и захочешь здесь жить (в доме к тому времени уже обитала семья младшего брата моего друга), помни — фундамент заложен такой, что выдержит два этажа — можешь надстраивать». Такие были у нас предки.

Однажды мой друг организовал мне малую персональную экскурсию по большому периметру, как он выразился. «Считай туалеты», — бросил он, и мы пошли... «Посчитал? Что скажешь?». — «Зачем столько и таких?». — «На первый вопрос нет ответа, но можно предположить, что наш великий вождь и учитель страдал недержанием мочи. А на второй ответ есть: большому человеку — большие туалеты. С кушеточками для отдыха. С письменными столами и принадлежностями. Помочился или что другое, более трудоемкое — устал — качественно одыхни, как говорили у нас, в Виннице, на Замостье. Или мысль пришла — тут же стол, золотой «паркер», спецбумага — запиши. Удивительно другое — нет холодильников, чтобы во время отдыха после оправления можно было выпить-закусить. А может, они и были тогда». — «А для чего ты мне это показал?». — «А для интереса и чтобы не пропало». — «Может, и не пропадет...».

Может, и не пропадет.

* * *

Еще один кавказский эпизод — назовем новеллкой, — свидетелем которого я не был, но мой друг так это рассказал, что вроде и был. Здесь тоже присутствует Сталин, но не живой, которому нужно было много туалетов на сочинской даче, а его памятник в родном ему Гори. И тоже не хочется, чтобы пропало. Не зря же древние греки говорили: «Что не написано, того не было». Выходит, все, что написано, все не зря. Другое дело, интересно ли читать. Если да — литература, если нет — факт жизни и не более. Но и не менее. И главное — не пропало.

Вторая новеллка такова. Как вы уже знаете, стоит на родине Сталина в Гори памятник вождю, автор грузинский скульптор Шота Микитидзе. Надо сказать, что памятник этот — один из лучших на многие тысячи стоявших в нашей стране. И стоял он нерушимо сорок шесть лет, до 2008 года, когда его ночью демонтировали и перенесли из центра Гори к домику-музею Сталина, где планируют создать музей российской оккупации.

И как же здесь не сказать двух слов о Гори. Селение это основал тысячу лет тому Давид Строитель. К нашему времени Гори стал городом и центром Шида-Картлинского края. Старинная земля... Такая, кого хочешь родит. Вот и Сталина родила. И, конечно же, как тут без величественного памятника обойтись, а еще, если учесть традиционную гордость грузин своими предками и великими земляками.

По художественной ценности и величию с этим памятником, как говорили искусствоведы, может сравниться только монумент вождю в Минске, созданный белорусским скульптором, но евреем, Заиром Азгуром. Этот белорусский десятиметровый Сталин уступал своему тоже бронзовому грузинскому двойнику пять метров в росте. Понятное дело: не может быть на родине великого человека памятник ниже, чем в какой-то Белоруссии. К слову, согласно принятому на самом верху постановлению, минский монумент так рванули, что вылетели все окна в домах, окружавших центральную площадь города. «Хорошо еще, что сами дома не улетели», — мрачно шутили минчане.

Осенью того года, когда рушились боги и памятники, был мой друг назначен руководителем партийной делегации крайкома в сопредельную братскую республику Грузию. В программе визита, конечно же, значилось посещение многих памятных мест, в том числе, родины великого, но уже опального вождя, Гори. Включением этого пункта в маршрут делегации демонстрировалась известная строптивость и независимость кавказского духа. Принимали, как умеют принимать гостей грузины. Но особо, и это понятно, если стать на грузинскую точку зрения, принимали на родине бывшего вождя. Это была последняя «позиция» программы, после которой делегаты загружались в машины вместе с обильной подарочной продукцией коньячных заводов и отправлялись домой переполненные яркими грузинскими впечатлениями.

Делегация уже побывала на горийских полях и виноградниках, в школе и доме престарелых, плодоовощном и коньячном заводах, посетила домик под мраморным навесом, где родился великий земляк горийцев; там же, в память о нем, выпили по бокалу прохладного молодого вина, постояли у замечательного памятника, а тут и подошло время обеда.

Кавалькада машин — исключительно черные «Волги» — остановилась у городского ресторана. (Десять «Волг» черного цвета специально для таких случаев были сюда завезены, а ресторан специально для таких случаев был построен.) Во второй машине сидел руководитель делегации гостей, мой друг, и первый секретарь горийского райкома партии, в то время, единственный в такой должности на весь СССР Герой Социалистического Труда. (Тогда партия не баловала своих низовых команди-

ров — им и так хватало.) В первой машине сидели, ну, вроде охраны, почетной охраны, начальник районного КГБ и начальник райотдела милиции; оба полковники, учитывая, конечно, необычность района и городка, который благодаря этой необычности, стал районным центром.

В зале приема пищи не было ни одного посетителя. «А что это так безлюдно в грузинском ресторане, или горийцы уже не пьют и не веселятся?» — бестактно спросил один из членов делегации. «Люди узнали, что я принимаю гостей, и не захотели мешать. Грузины — народ тонкий...» — деликатно снял возникшую неловкость хозяин района.

Во время трапезы у стола появился ящик с запыленными бутылками, который поставили у ног секретаря райкома. Он вынимал бутылку из ящика, передавал ее официанту, тот обтирал бутылку и передавал ее следующему официанту, а тот так расставлял их на столе, что получилось — одна бутылка на одного человека. Каждому наливали из «его» бутылки.

«Я предлагаю представителям высокой сопредельной стороны выпить первый бокал этого, любимого нашим великим земляком и вождем всех народов, вина, называемого «Атенури». Виноград, из которого делают это вино, растет только в нашем районе и на очень маленькой площади. И если армянского коньяка хватало, чтобы и Черчиллю выделить немножко, то «Атенури» не всем даже высоким гостям хватает. Сейчас вы попробуете самое старое вино этого производства за всю его историю. И выпьем его за дружбу наших народов!» — так сказал единственный в стране Герой среди партийного районного начальства.

Вино оказалось достойным высоких оценок секретаря райкома, вкусов вождя всех народов и всяческих похвал представителей высокой сопредельной стороны. Оно оказалось достойным и такого тоста, но, как мы уже знаем, даже такое вино не смогло помочь. Прошло всего несколько десятилетий, — сын моей тогда шестилетней дочери успел закончить школу, — а грузины перестали дружить с русскими, а потом дело дошло до гражданской войны в Грузии, а еще потом, страшно вспоминать, русские стали воевать с грузинами... Но в то время, о котором я рассказываю, тост, который произнес горийский секретарь, еще действовал. И даже рождал теплые чувства в душах участников того застолья.

Количество пустых бутылок росло и, когда народ уже неплохо наатенурился и пришло время публичного одиночества, мой друг спросил у самого «старого» секретаря райкома в СССР (некрасиво же было перед всем миром признать, что первый секретарь райкома на родине великого вождя чем-то нехорош. Вот и приходилось: снизу из всех сил быть хорошим, а сверху — не замечать мелких человеческих слабостей снизу), — да, так мой друг задал вопрос, который мог быть задан только во время публичного одиночества: каким образом памятник товарищу Сталину в Гори уцелел, тогда как, согласно решению самых высоких партийных инстанций, подобные памятники по всей стране — категорически! — были от мала до велика снесены?

Ощувив неподдельный интерес руководителя делегации сопредельной стороны, хозяин знаменитого района, несмотря на потомственную закалку, тоже не остался равнодушным к чарам любимого напитка своего великого земляка, а так же, не лишенный традиционного грузинского патриотизма и гордости, вот что рассказал моему другу.

Я перескажу это на русском языке, а каждый из вас сам произведет корректировку в сторону грузинского акцента. В этом вам поможет свидетельство моего друга, который сказал, что секретарь-гориец говорил с гораздо большим акцентом, чем его великий земляк; хотя, как на мое ухо, так уж больше некуда. Я же стану в это вмешиваться только в моменты крайней необходимости и для придания повествованию художественной правды. Итак, говорит хозяин застолья.

«Приехал представитель СыКаКаПэЭсЭс и сильно гневался: как! что! и почему такое?! — по всей стране всенародно снимают памятники агенту царской охраны, убийце Ленина, сатрапу и всеобщему душегубу, а тут, у вас, в самом гнезде, стоит, как и не бывало, многопудовый и многометровый бронзовый идол и хоть бы что?!»

Даже простой человек может представить, что я чувствовал, слушая этого ответственного работника СыКаКаПэЭсЭс. Чувствовал, но молча: партийная дисциплина. «Снять! Неделя срока ввиду масштаба. Буду докладывать лично!..» — тут он назвал имя человека, который тогда возглавлял нашу славную партию. Это имя я не хочу называть, потому что я не знаю, как его могла родить его мама! И тут я уже не мог молчать. Я ответил представителю СыКа, что разве он не знает, где стоит этот памятник? Это же родина нашего великого земляка. «Что?! — сказал представитель и подпрыгнул на стуле. «Я его снимать не буду, сказал я, потому что я не могу его снимать: у меня отсохнут руки, и мой род будет проклят до седьмого колена». Я спросил представителя, знает ли он, что это такое — до седьмого колена? И объяснил, что это уже тогда, когда нас не будет, и даже коммунизма, которого еще нет, тоже не будет. «Лучше сними меня, чем я сниму его», — сказал я. Представитель хлопнул дверью моего кабинета так, что закачалась тяжелая люстра, и поехал докладывать.

Я взял трубку и позвонил моему другу, первому секретарю СыКа Грузии Василию Мжеванадзе. Он выслушал меня и сказал, чтобы я не торопился, и что он позвонит человеку, имя которого я не хочу называть. Поговорю, сказал Василий, и позвоню тебе, да? Конечно, сказал я. Тут мне звонит мой КГБ и говорит: ты знаешь, что весь Гори стоит с охотничьими ружьями и кинжалами вокруг памятника? Весь? — удивился я. Ну, может, без женщин и детей, сказал мой КГБ. А кто им сказал, еще больше удивился я. А ты, кому сказал, спросил он. Я никому не сказал, говорю я, но, может, кто по ошибке включил громкую связь в приемной, когда я разговаривал с представителем СыКа? И отстань от меня в такую минуту — охрана общественного порядка и Памятника — это твой проблем. Мой, который сейчас решается, — это, чтобы тебе было что охранять, да? Он спрашивает: какой такой большой проблем? Я ему говорю: этот проблем ростом, как наш Памятник, возле которого стоит с охотничьими ружьями весь Гори, кроме детей и женщин. Тогда он отстал. А я стал думать. Я долго сидел и ничего не придумал. Тогда в два часа ночи я собрал срочный внеочередной и чрезвычайный пленум райкома нашей партии с одним вопросом на повестке ночи: о том, как не надо ломать памятник нашему великому земляку — товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Я все доложил товарищам и дал задание думать. Все сидели и думали, курили и думали, молчали и думали. И так до половины седьмого утра. А утром на дереве у райкома стала куковать русская кукушка. Я думаю, что вам не надо объяснять, что это значит. Пленум стал считать свои годы и насчитал пятнадцать-шестнадцать. А я сказал своим товарищам: это очень много, и если мы ничего не придумаем, то кукушка считала нам не годы, а месяцы. Тогда пленум стал говорить. Один говорил — партийная дисциплина, и мы не виноваты. Другой, что, когда идет паровоз, то умный уходит с рельсов. Третий, что малую нужду против ветра справляют только пациенты доктора Чхеидзе. Есть у нас такой психиатр, хороший профессор.

В ту кошмарную ночь я еще не совсем потерял наше грузинское чувство юмора и спросил товарищей: а большую нужду против ветра без разрешения доктора Чхеидзе можно справлять? Товарищи по пленуму тоже еще не потеряли грузинского чувства юмора и немного посмеялись.

Совсем утром позвонил Мжеванадзе и сказал, что человек, имя которого я не хочу называть, топал ногами по телефону и в конце разговора, как сказал Василий, который тоже не потерял наше чувство юмора, состоявшего из одних кудрявых слов,

сказал еще одно слово: снять! И обязал Мжеванадзе передать эти слова мне с еще тремя словами. Ладно, подумал я, гора с горой не сходится...

Надо было расходиться по домам, немного поспать, если получится, а потом вызвать милицию и солдат, разогнать добровольцев-охранников и снимать великого земляка с пьедестала... Позор на мою голову! Где мой Бог? Где? И тут меня осенило! Бывают редкие минуты, когда счастье тебя любит, и тогда ты делаешь красивых и умных детей, сажаешь виноградную лозу и совершаешь доброе дело. Ты просишь Бога помочь, и он помогает, даже если ты коммунист...

Я попросил секретаршу сделать нам всем чай и, когда мои удивленные товарищи стали пить благородный напиток, я обратился к ним так: ваш первый секретарь так долго живет и работает секретарем, что у него уже, наверное, может быть склероз, или он, возможно, сошел с ума, но ему кажется, что у нас в стране когда-то было принято постановление СыКаКаПэЭсЭс и Совета Министров тоже о том, что Дважды Героям Советского Союза на их родине ставят бронзовый бюст. Наш великий земляк и учитель всех народов товарищ Сталин, если мне не изменяет память и если у меня не склероз, да? — тоже был Дважды Герой: и боевой, и трудовой, да? Так почему же ему, великому вождю, не оставить на его родине бюст в полный рост?

Первый секретарь тут же, после того, как все участники ночного срочного внеочередного и чрезвычайного пленума с одним вопросом на повестке ночи, персонально расцеловали его за мудрость в осуществлении ленинских идей в осуществлении коммунистических принципов компромисса, — снял трубку белого телефона и доложил Первому секретарю Коммунистической партии Грузии о том, к чему пришел в итоге, да? — горийский пленум. Мжеванадзе, немного помолчав, пообещал распить с пленумом ящик «Атенури» и велел от лица этого, как он выразился, уже вошедшего в историю Грузии пленума, послать коллективную телеграмму человеку, имя которого я не хочу называть. В телеграмме, посоветовал Василий Павлович, должно быть указано, на основании какого партийного документа памятник нашему великому земляку в форме «бюст в полный рост» необходимо сохранить, как объект истории и культуры, охраняемый государством. При этом Мжеванадзе проявил нерядовую даже для грузина смелость и большое чувство партийной солидарности. Он сказал: «Когда будете подписывать телеграмму, первой поставь мою фамилию».

Я очень беспокойно спал каждую ночь после того, как в Москву была отправлена эта телеграмма. Каждый день после этого я ждал известий из Москвы. Я помнил, что куковала нам русская кукушка. Известия пришли: человека, имя которого я не хочу называть, сняли и хорошо, что отправили только на пенсию, да? Жаль, мы с ним не встретились...

А наш великий земляк стоит и будет стоять — в полный рост!»

Когда делегация краснодарского крайкома партии возвращалась домой, в сумке каждого ее члена лежала бутылка старого «Атенури».

P.S. Хорошо, что Вернадский «открыл» ноосферу, иначе, как бы мы объяснили многие невозможные явления и факты, включая и то, что рассказывается в этом постскрипуме. Если бы не Вернадский, я бы остался с неразгаданной как бы случайностью и неудовлетворенностью общими местами в описании памятника Сталину.

Не так давно взял я в библиотеке еврейской общины две последние книги из четырехтомного полного собрания сочинений Василия Гроссмана, изданного московским «Вагриусом». Романы этого писателя: «За правое дело» и многострадальный «Жизнь и судьба», читал и, как все читавшие, осознавал высоту и серьезность написанного, а вот очерки его, за редким исключением, и повести — не довелось.

В тот день, уже за полночь, поставив точку в новелле о памятнике Сталину в Гори, с приятным чувством типа «ай, да Пушкин, ай, да сукин сын» лег спать и по мно-

голетней привычке перед сном стал читать. На очереди был очерк Василия Семеновича «Добро вам!» Очерк этот, об Армении, имеет небезытересную историю. (У Гроссмана, что ни произведение, то небезытересная история...)

Не удалось этому выдающемуся писателю в его не долгой и трагически оборвавшейся жизни пожить в материальном достатке. В 1963 году в поисках заработка согласился он поехать в Армению переводить роман тамошнего классика. Привез оттуда очерк, а может, как писали критики «маленькую повесть или, точнее, удивительную поэму в прозе» — «Добро вам!». Предложил журналу «Новый мир». В очередной раз рискуя, главный редактор этого журнала Твардовский поставил материал в номер. Как ни удивительно, цензор, убрав всего шестнадцать строк из 100-страничного журнального текста, пропустил очерк в печать.

Кто читал или прочтет «Добро вам!», тот поймет, что появление этого произведения в печати того, послевоенного, времени было бы нравственной победой писателя, журнала, общества. Узнав о сокращении, Гроссман запретил печатать очерк. Даже друзья не могли этого понять. Сто страниц «Нового мира» и — шестнадцать строк, один абзац...

Тогда не поняли, а сегодня и не литератору виден порядочный честный человек, который не позволил унижить себя, литературу и нас с вами. Чтобы избавить читателя от поисков этих шестнадцати строчек, я их процитирую: «Я низко кланяюсь армянским крестьянам, что в горной деревушке во время свадебного веселья заговорили о муках еврейского народа в период гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, низко кланяюсь всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне, кланяюсь за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза бросали сегодняшние охоторядцы слова презрения и ненависти: «Жалко, что Гитлер всех вас не прикончил». До конца жизни я буду помнить речи крестьян, услышанные мной в сельском клубе».

Гроссман так и не увидел свою поэму в прозе напечатанной — он умер от болезни, вызванной арестом рукописи романа «Жизнь и судьба». «Добро вам!» было опубликовано через двадцать лет.

И вот, я читаю этот очерк... Только что расстался со «своим» Сталиным и — тут же встречаюсь с ним, гроссмановским: почти та же коллизия. О невыслышимых совпадениях «закономерных случайностей», которые сделали возможным такую встречу в такой форме, я говорить не стану. Для меня ясно, что судьба (ноосфера Вернадского?) захотела, чтобы вы в этих записках прочли несколько цитат из сталиниады Гроссмана.

«Над Ереваном стоит памятник Сталину. Откуда ни посмотришь, виден гигантский бронзовый маршал. Если бы космонавт прилетев с далекой планеты, увидел бы этого бронзового гиганта, возвышающегося над столицей Армении, он бы сразу понял, что это — памятник великому и грозному владыке.

...Он шагает, шаг его медлителен, тяжел, плавлен — это шаг хозяина, владыки мира, он не спешит. ...Конечно, этот величественный бог в шинели — превосходная работа Меркулова. Может быть, лучшая его работа. Может быть, это лучший памятник нашей эпохи...» (Если вы помните, так говорили понимающие люди и о памятнике Сталину в Минске, так же называли его лучшей работой белорусского скульптора и лучшим памятником Сталина в СССР. Может, на момент созерцания огромных идолов у всех людей во все времена эстетическое отступает на задний план, а вперед выходит блеск бронзы, вес монумента, его масштабы? Может, он давит и уменьшает тебя оттуда, из поднебесья, куда его ты сам вознес — тоннами, метрами, объемами и площадями, а не возвышает тем, что в искусстве называется прекрасным? Н.Ц.)

«Кажется, облака касаются головы Сталина. Высота фигуры — 17 метров. Фигура вместе с постаментом — 78 метров. Когда шла сборка памятника и части огромного бронзового тела лежали на земле, рабочие проходили, не сгибая головы, внутри полой ноги Сталина.

Его установили в 1951 году. Государство выразило характер Сталина. В характере Сталина выразился характер построенного им государства.

Я приехал в Ереван в дни XXII съезда партии, когда проспект Сталина переименовали в проспект Ленина. Многие мои собеседники-армяне ругали и кляли Сталина. Некоторые говорили изящно: «Пусть металл, пошедший на создание этого памятника, обретет свою первоначальную благородную сущность».

...Когда стемнело, начался салют в честь 44-й годовщины Октябрьской революции. Я подошел в темноте к памятнику Сталина. Картина, которую я увидел, была поистине потрясающей. Десятки артиллерийских орудий стояли у подножья монумента. При каждом залпе длинный огонь пушек освещал окрестные горы, и гигантская фигура Сталина вдруг выступала из мрака. Светящийся, раскаленный дым клубился вокруг бронзовых ног хозяина. Казалось, генералиссимус в последний раз командовал своей артиллерией — мрак раскалывался грохотом и огнем, сотни солдат суетились у орудий, и снова тишина и мрак, и опять слышны слова команды, и вдруг из горной тьмы выступал грозный бронзовый бог в шинели.

...В одной горной деревне Араратской долины на общем собрании колхозников было предложение снять памятник Сталину. Крестьяне заявили: с нас государство собрало сто тысяч рублей, чтобы поставить этот памятник. Теперь государство хочет его разрушить, пожалуйста, разрушайте, но верните нам наши сто тысяч. А один старик предложил, если снять памятник, и, не разрушая, похоронить. «Он может еще пригодиться, если придет новое правительство, тогда нам не придется вновь вкладывать свои денежки».

Я не знаю, сохранился ли памятник Сталину в Ереване или его снесли-взорвали, как в Минске. Но в Гори он еще долго стоял. «Это не бронзовая легенда,— сказал Гроссман.— Это бронзовая реклама легенды».

Теперь можно ставить вторую точку в этой новелле.

(Окончание следует)

Валерий Пайков
(г. Бнэй АИШ, Израиль)

Валерий Пайков, доктор мед. наук, профессор (Санкт-Петербург). В Израиле с 2000 года. Автор десяти стихотворных сборников, поэтических публикаций и очерков в бумажной и электронной периодике Германии (Крещатик), Израиля (Литературный Иерусалим, Юг и др.), Италии (Другие берега), России (Бег, Дальний восток, Сетевая словесность, Сорок пятая параллель и др.), США (Континент, Побережье, Связь времен). Участник ряда антологий и коллекций. Финалист сетевых Международных поэтических конкурсов: «Волошинские чтения» (Коктебель, 2005), журнала Крещатик (Германия, 2007), порталов «Под одним небом» (2007), «Литсовет» (2008), «Изба-читальня» (2008) и др. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Много нынче отъездов
(как обрыв якорей)
то ли в рай, то ли в бездну —
лишь подальше, скорей...
Где мы с вами встречались
в наши светлые дни,
там сегодня свечами
только трубы одни.
А в глуши небосвода
звезд холодных салют...
Что такое свобода,
где ее подают?

* * *

Жена подкармливала птиц.
И часто по утрам
со всех станиц, со всех столиц
они слетались к нам.

Вороны, чайки, воробьи,
склевав последний знак,
о верной дружбе и любви
нам посылали знак.

Когда рассвет вставал в росе,
неслось со всех сторон,

что мы с пернатыми в родстве
из глубины времен.

У нас, и вправду, на спине
от крыльев два следа,
и не случайно, мы во сне
летаем иногда.

ЖИЗНЬ

Мы на войне, не ведая, не прячась...
Зажав покрепче нервы, как в узле,
мы бьемся вновь, то радуясь, то плача,
за каждый миг дыханья на земле.
Мы рождены, чтобы сражаться с жизнью —
и все давно расписано судьбой.
Наш век недолгий для сражений призван
с любовью, с Богом, и самим собой.
Мы не должны обманываться вечным,
бояться боли и ревнивых глаз,
но, «доброй ночи» говоря беспечно,
знать, что она опять в последний раз.

ВОЕННАЯ ИГРА

Под Лугой ветрено и дымно.
Но выбран день — идет война.
И наша ненависть взаимна,
хоть все мы — армия одна.

Отрепетированы роли.
Идет игра — грохочет бой.
Мы все — народные герои,
и каждый горд самим собой.

В пылу обстрела (холостыми)
бежим, надсаживая грудь,
чтобы навеки не остынуть —
суметь убить когда-нибудь...

Нас жажда жизни, жажда смерти —
чужой — спасала и несла.
И птицы пели: «Смейте! Смейте!»
А на холмах цвела весна.

И все мы были молодыми,
и мир еще был должен нам.
Пространство в зелени... и дыме
под Лугой падало к ногам.

Мы мчались вдаль по неудобью,
звериной мглой ослеплены.
И был спасению подобный
конец игрушечной войны.

ДОРОГА

Мечено атомом, ядами мечено,
небо туманами заволокло.
Видно, как звезды над озером мечутся,
слышно, как падает ночь на крыло.

Лес у дороги, безлистый и каменный,
странные колкие травы и стынь —
не избалованы дачными гаммами.
Вместо приветствия «Стой или сгинь!»

Озеро светится зеркалом матовым,
словно сигналы конца, камыши.
Ветер дохнул зверобоем и мятою,
но, ни гудка, ни огня — ни души.

Где-то Челябинск-15-й прячется,
где-то уснули, живыми, Касли.
Сосны у берега скорбными прачками:
«Разве отмоешь? А люди ушли».

ЗАПОЗДАЛОЕ ПИСЬМО

Я не писал тебе с тех пор,
как нет тебя.
Я поменял наш старый двор
и тополя
на эвкалиптов шумный ряд
и тень олив —
и что с того, что я не рад,
туда уплыл.

Прости, отец, что я давно
не там, где дом, —
теперь в него нам не дано
войти вдвоем,
не приношу я каждый год
тебе цветы,
и холмик пуст, а море вброд
не перейти.

Что прячусь за стеною слов,
забыв вдвойне, —
возле родительских гробов

лежать и мне.
И что чужбина не сестра —
в ней холод льдин,
и что земля всегда сыра,
когда один.

* * *

Я не дружу со здравым смыслом,
и также лезу из кулис,
и строки, как на коромысле,
качаются то вверх, то вниз,
и голос сел, и до крещендо
ему уже, как до луны...
Я не прошу у вас прощенья —
мы все заочно прощены.
И продолжая путь вчерашний,
подвешенный на волоске,
я остаюсь в слоновой башне,
мною выстроенной на песке.

УТРО В БНЭЙ АИШЕ*

Первая птица запела во тьме —
скоро уже рассветет.
Время подходит — из каменных сот
выйти. Часы на стене

ближе к шести. Скрип автобусных шин,
льется на землю бензин.
Вновь проступает сквозь зыбкую синь
линия горных вершин.

Где-то столица — провинция тут,
правда, на собственный лад.
Рядом поля из зеленых заплат,
снова деревья цветут.

Кажется, я оказался, любя,
у тишины на краю.
Я никого на земле не корю,
разве что только себя.

Важно не тронуть былые года —
выйду неслышно, легко,
дверью не стукнув,— идти далеко,
правда, не знаю куда.

* Израильский топоним.

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ВСЕМ ПО БАРАБАНУ

Николай Николаевич ЕРЕМИН родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области.

Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Выпустил в свет собрание сочинений в пяти томах. Свежие публикации — в журнале «Вертикаль» Валерия Сдобнякова (г. Нижний Новгород, выпуск № 35, 2012 г.), в «Журнале ПОэтов» Константина Кедрова (г. Москва, № 8, 2012 г.), в журнале «Флорида» Александра Росина (№ 10, 2012 г., г. Майами), в журнале «Доля» Валерия Басырова (Симферополь № 4(43), 2012 г., в журнале «День и ночь» Марины Саввиных (№ 5, 2012 г., г. Красноярск). Лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда» (За стихи, переведенные на китайский язык Хэ Суншанем).

Увы, я родился немым.

Случилось это в военном 1943-м году в прекрасном сибирском городе Абаканске. Помню, в один из праздничных дней моего рождения по городу, как бы специально, кто-то развесил плакаты: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» А по радио мальчик-невидимка пел про веселого барабанщика.

Песня мне очень понравилась. Мой папа, включив радио погромче, маршировал по комнате в такт барабанным ударам и подпевал:

*«Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев, смелых бойцов.»*

*Средь нас был юный барабанщик,
В атаку он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди...
Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел.
Промчались годы боевые,
Закончился славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет!»*

Помню, как я заплакал после слов «Погиб наш юный барабанщик». Мне стало жалко юного барабанщика, потому что мы жили в бараке на улице Спартаковцев, и барабанщик вполне мог быть одним из моих многочисленных друзей.

Мне захотелось, чтобы у меня тоже был барабан и чтобы я научился на нем барабанить, и чтобы все мои друзья слушали, как я хорошо барабаню, и маршировали бы вместе со мною и с папой.

Мой папа был контужен на фронте, комиссован и как инвалид работал плотником в вагонном депо станции Абаканск.

Я был немым, но не глухим, и все слышал. И хорошо слышал, как однажды в наш барак пришли какие-то люди и арестовали моего папу за то, что он рассказал на работе анекдот про Сталина.

Папу посадили в тюрьму, маму выслали на Дальний Восток, а меня определили в интернат для глухонемых.

В интернате я очень плохо засыпал по ночам. Тогда ко мне подходила старая воспитательница тетя Мотя, садилась на табуретку у моего изголовья, гладила меня по голове и пела мне песню:

*«Белое море, красный пароход.
Сяду, поеду на Дальний Восток.
На Дальнем Востоке пушки гремят,
Белые солдатики убитые лежат...
Мама будет плакать, плакать и рыдать,
А папа поедет на фронт воевать...
Дайте мне подушку, дайте мне кровать,
Сяду на лягушку, поеду воевать!»*

Я представлял маму на Дальнем Востоке, вспоминал папу и засыпал.

В интернате меня приняли в пионеры, повязали на грудь красный галстук и научили играть на барабане. Во время торжеств я всегда стоял у красного знамени, барабан на груди, левая рука с барабанными палочками опущена, правая поднята в салют над головой. А вокруг меня хор воспитателей пел песню про барабанщика.

Но я уже не плакал. Мне уже не жалко было веселого барабанщика, жалко было папу и маму, но к этой жалости я привык.

Когда мне в 1953-м году исполнилось десять лет, Сталин умер, и про него стало можно рассказывать анекдоты. Тогда моего папу выпустили из тюрьмы, а маме разрешили вернуться в прекрасный наш город Абаканск.

Встреча с родителями в вестибюле интерната была настолько для меня неожиданной и радостной, что я закричал:

— Здравствуй, мама! Здравствуй, папа! — и таким образом избавился от немоты.

— Это чудо! — сказала, обнимая меня, моя мама. — Слава Богу!

— Никакое это не чудо,— сказал, обнимая меня, папа.— Просто в интернате очень хорошие врачи, и они вылечили нашего мальчика, ведь, правда, сынок?

— Да,— сказал я,— здесь очень хорошие врачи! — и надел на грудь барабан, и стал отбивать торжественный марш.

На дробь барабана сбежался весь интернат. Все радовались за нас, и поскольку я уже не был немым, меня отпустили, и стали мы жить все вместе в прежнем бараке на улице Спартаковцев.

Мама устроилась уборщицей в школу, куда я стал ходить в третий класс. Папу на прежнюю работу в депо плотником не взяли, и он стал работать могильщиком на кладбище Бадалык.

Жили мы хорошо.

В те годы много людей умирало, и никто из родственников умершего не скупился на похороны, у всех по давней русской традиции было кое-что отложено «на черный день». Так что, можно сказать, в Абаканске были сплошные черные дни. А про белые ночи я тогда еще ничего не знал.

Иногда папа брал меня на кладбище, и там я познакомился с художником-графиком Петром Ивановичем, который на мраморной полированной надгробной плите при помощи молотка и острого закаленного гвоздя высекал портреты умерших.

— Что стоишь, глазеешь? — сказал однажды мне Петр Иванович.— Вот тебе фотография, вот инструмент, попробуй, чем зря время терять.

Я попробовал, и у меня получилось! Да так похоже...

— Как живой! — похвалил Петр Иванович.— Чуток подправлю, и порядок. Вот тебе три рубля за работу.

Три рубля!

Это были деньги.

Сто граммов конфет подушечек стоили десять копеек.

И я почувствовал, как хорошо быть богатым человеком.

Родители поощряли мое занятие.

— Все-таки помощь семье,— говорила мама и забирала у меня заработанные деньги.— Мал еще деньгами распоряжаться. Не думай, что от них одно добро, зла не меньше!

И действительно, чем больше мой отец зарабатывал, тем больше пропивал с могильщиками или в одиночку. Каждый день приходил он с работы пьяным, оправдываясь, что пьет из-за старой фронтальной контузии, вызывающей у него постоянные сильные головные боли. Ругался с мамой все чаще и чаще из-за каждого пустяка и однажды во время очередного скандала умер от разрыва сердца.

Я окончил школу и, освобожденный от службы в армии из-за плоскостопия, занял его рабочее место на кладбище.

И поклялся над могилой отца: никогда в жизни не выпивать!

И сдержал свою клятву.

Можно сказать с уверенностью, что я — единственный трезвенник в Абаканске, поскольку непьющих у нас в городе нет. Все вокруг пьют, веселя душу свою.

Вот и Петр Иванович умер, хлебнув технического спирта...

А я сижу на его табуретке перед мраморной плитой у входа на кладбище и высекаю очередной портрет...

А умершие все богаче, все круче, все авторитетнее. А памятники все дороже, все вычурнее, а портреты все крупнее...

И, в конце концов, решил я поставить свое дело на широкую ногу. Прошелся по художественным школам, отобрал десять молодых одаренных парней, обучил их графическому мастерству, заставил свою маму окончить курсы бухгалтеров, заказал печать, открыл счет в банке, зарегистрировал ООО «Мрамор» — и дело пошло.

Деньги делают деньги, а я — свободный частный предприниматель — руковожу процессом.

А как построил себе трехэтажный коттедж и переехал туда с мамой из барака на собственном мерседесе, так стал подумывать о женитьбе.

Вокруг молодые преуспевающие бизнесмены по саунам да по ночным клубам счастья своего ищут. А я не такой. Женский контингент этих заведений хорошо известен — жадные вертихвостки...

Мне же хочется, чтобы невеста моя была и умной, и красивой, и верной, и хозяйственной, и доброй, и страстной, когда надо, короче, и женой и любовницей одновременно.

Этакой сказочной Василисой прекрасной.

Только где ее возьмешь?

Пораскинул я мозгами и придумал. Решил организовать духовное общество под названием «Взаимный интерес» при областной библиотеке, чтобы приходили туда, кто хочет, пели, стихи читали, раскрывали свои таланты, данные от Бога, разговоры вели, чай с конфетами и печеньем пили...

Директор библиотеки ухватилась за мою идею.

Организовал я рекламу на радио, телевидении, в газетах и в журналах — и надежды мои полностью оправдались!

Она возникла на третьем музыкально-поэтическом вечере.

Назвалась Татьяной.

Красавица, умница, стихи пишет, на гитаре играет, музыку сочиняет — и поет, да как поет! — ангельским детским голосочком. Закроешь глаза — и кажется, что ты опять маленький мальчик, и не можешь уснуть, а хочется, и откуда-то с высоких радужных небес доносится до тебя колыбельная песня, не песня, а мечта воплощенная, и бередила она сердце твое, и волнует, заставляет учащенно биться, а потом нежно успокаивает...

И влюбился я в Татьяну.

И провели мы с нею несколько белых ночей среди цветущей черемухи, и ответила она мне полной взаимностью.

Так что на радостях срочно купил я оборудование для музыкальной студии, разместил его на третьем этаже своего коттеджа, пригласил Татьяну и сказал:

— Вот, дарю тебе! Чтобы ты записала здесь первый альбом своих песен.

И пока мы в обществе музыкантов, аранжировщиков и прочих деятелей искусства записывали диск, чувства наши окрепли, и решили мы пожениться.

С тех пор и живем, общие песни поем, новые альбомы в свет выпускаем.

Было дело, благотворительный концерт для сотрудников интерната глухонемых

мы дали, а потом для учеников и преподавателей школы, где я учился и где мама моя уборщицей работала.

Успех — не передать словами.

А когда родился у нас маленький Алик и встал на ноги, купил я всем членам нашей дружной семьи по барабану.

Ходим мы втроем по зеленому лугу около коттеджа, смеемся, прикалываемся, стучим в барабаны и горланим песню о веселом барабанщике...

А мама моя сидит в сторонке на кресле-качалке, на коленях барабан и барабанные палочки держит и потихонечку плачет, глядя на нас...

Старенькая она уже.

Галина Зеленкина
(г. Козинск)

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

Зеленкина Галина Николаевна родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте, Республика Беларусь. С 1960 года проживает в Сибири. Окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 году. Специальность — инженер-электрик. Работала проектировщиком в Группе Рабочего Проектирования на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. С 1997 года занимается писательским трудом. Автор романов «Убийца неподсуден» и «Звездочет», а также нескольких книг стихотворений. Член Крымского клуба фантастов (г. Симферополь), член творческого клуба «Новый Енисейский литератор», член редакционного совета детского альманаха «Енисейка», член Союза писателей России. Печаталась в Украине, Чехии, Бурятии и России.

ДЕНЬ ОСЕННИЙ, СЕНТЯБРЬСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ

Зашумел за окном ветер северный,
Дождь на крыше чечетку отбил.
День осенний,
 сентябрьский поверенный,
Бабье лето вчера разлюбил.

Ну, куда ж оно, бедное, денется?
У него ж ни кола ни двора...
Кто-то скажет: — Какая безделица!
Ну, а кто-то вздохнет: — Знать пора!

Только мне почему-то не можетя,
Не приемлет душа ложь и зло.
Если жизнь
 с бабьим летом не сложится,
Не считайте, что мне повезло.

КРАСКАМИ ПРИРОДЫ

Нарисую зимний день белыми снегами,
Нарисую летний день радужным дождем,
Нарисую жизнь свою речкой с берегами,
На которых мы сидим и чего-то ждем.

Нарисую шар земной, круглый и огромный,
Пусть растут на нем цветы из волшебных снов.
Нарисую путь к звезде линией неровной,
Пусть живет на ней любовь песнею без слов.

Нарисую целый мир красками природы,
 Попрошу у ветра кисть, а холсты у звезд.
 Есть для сердца благодать у любой погоды,
 Надо только слышать жизнь и любить до слез.

КТО БЫ МОГ

Кто бы мог подумать,
Что в строке бегущей
Поутру проснусь я
Женщиной поющей.

Кто бы мог подумать,
Что из капель света
Может быть соната
Радужного лета.

Кто бы мог подумать,
Что слова шелками
Могут вышить память
В сердце узелками.

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Он над лугом зорькой алой
Там, где я в траве расту,
Незабудкой, ростом малой,
Незаметной за версту.

Он над речкой облаками
Там, где я на дне лежу
И, обросшая веками,
Сквозь прозрачность вод гляжу.

Он за мною бродит всюду,
Как навязчивая тень,
Я его бранить не буду —
Это мой вчерашний день.

ОСЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Уже на лужах тонкий лед,
Хрустит опавшая листва.
Из лета в осень переход
Стал не простым для естества.

Не прост и к старости маршрут
Сквозь юность, молодость и зрелость.

На склоне лет уже не ждут
Тех, с кем спуститься вниз хотелось.

ТАК ДАЛЕКО

Я от себя ушла так далеко,
Что невозможным возвращенье стало.
И тот, к кому безудержно влекло,
Судьбой уже низвергнут с пьедестала.

Но так устроен этот бранный мир,
Что живы мы, пока нас кто-то помнит.
Вчера ты был души моей кумир,
Сегодня — ее вера в Бога полнит.

НА ЧАСИК ВСЕГО

Ах, как хочется мне иногда
В свое детство захватить погреться,
В дом, где мама еще молода,
И отец не боится за сердце.

Ах, как хочется мне посмотреть
На любимых родителей лица
Не во сне, наяву, чтобы впредь
Можно к памяти лет прислониться.

Только «хочется» слово не то,
Что над временем властно,
но все же,
Я прошу, чтоб на часик всего
На полсотни лет стать бы моложе.

МГНОВЕНИЕ

Осенний день от непогоды выстыл,
Судьба, как снайпер, целится в висок.
И друг упал, опережая выстрел,
Неловко так упал, наискосок.

Щекой, прижавшись к полевой ромашке,
И с грустью вспоминая о былом,
Лежал он, молча, в клетчатой рубашке,
И ангел прикрывал его крылом.

Но, испугавшись ангельского рвенья,
Судьба, что не стреляет наугад,
Решила дать отсрочку на мгновенье,
Что нам дороже всяческих наград.

Мгновение не соткано из истин,
А соткано из наших вен и жил,

Поэтому и не лишился жизни
Мой друг,
 что с добрым ангелом дружил.

ТЕПЛИТ ГРУСТЬ МОЮ

Теплит грусть мою береза
В желтом платье у пруда,
Где в преддверие мороза
Рябью сморщена вода.

Пахнет затхлостью и тиной
Пруд нечищенный давно,
Лет минувших паутиной
Время падает на дно.

Словно в платье с кринолином
В копнах рожь среди полей,
И вбивает осень клином
В небо стаи журавлей.

Чтоб сшивали ровной строчкой
Птичьи стаи облака,
То тройным тире, то точкой
В небе пишется строка.

Теплит грусть мою рябина
Алой гроздью на крыльце,
Лет минувших паутина
Сохнет маской на лице.

Не смывается дождями
И колодезной водой
Карта жизни, что годами
Мне начертана судьбой.

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ!

За рекой в лесу и в роще
Ищут осень грибники,
Облака дожди полощут
В водах северной реки.

Золотится лист березы
На излете теплых дней,
По утрам на травах слезы
С каждым днем все холодней.

Осень красит лист осине,
Чуть дрожит ее рука,
И блестит на паутине
Панцирь сонного жука.

Сергей Лебедев

(г. Тольятти)

ДЕТСТВО НА ВЕТЛУГЕ

(Главы из повести «Мой отец — офицер»)

Лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Стихотворения опубликованы в сборнике ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н. А. Некрасова» — «Венок Некрасову». Член редколлегии журнала «Приокские зори», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2012 год.

Читателям журнала «Приокские зори» предлагаются главы из публицистической повести «Мой отец — офицер», рассказывающие о детских и юношеских годах моего отца Лебедева Александра Николаевича, ветерана Советской Армии, которые прошли в далекой ветлужской стороне.

Написав повесть в 2009 году, я как будто прошел жизненным путем отца от деревенского паренька с шестиклассным образованием до подполковника, командира военно-строительного отряда. Заслуги военных строителей, в рядах которых служил мой отец, трудно переоценить. В составе различных военно-строительных отрядов офицер Лебедев А. Н. принимал участие в возведении важнейших военных объектов СССР с 1948 по 1967 год, начав службу в рядах Красной Армии наводчиком орудия в 1939 году.

Мой отец не совершил героического подвига. Не участвовал в военных сражениях Отечественной Войны. Он просто жил в двадцатом веке и прошел свой путь офицера и гражданина.

Глава 1. Медведь

Звездные ночи августа стали прохладнее, но все еще звенят, как и в июле, цикадными трелями. Чуть-чуть светает. Серое утреннее покрывало сменяет черный ночной бархат ночи и накрывает огород, дом, улицу. На огуречных грядках заблестела роса. Бревенчатая пятистенная изба, баня, стоящая за огородом, темнеют сквозь туман. За окнами становилось, меж тем, все светлее. Вдали осветились верхушки соснового леса, робкие лучи рассвета побежали по деревенской улице, поблескивая на закрытых окнах изб. Деревня еще спала. Но вот прокричал первый петух. Спросонья в чьем-то дворе тьякнула собака. Застучало ботало одинокой коровы. Деревня просыпалась.

Сквозь сон Саня услышал перестук пастушьего барабана, но встать не хотелось, и он еще крепче прижался к теплому боку брата. Вот стук усилился — это пастух гонит мимо окон избы дремлющее стадо. Громко прозвучала первая деревенская музыка и стала медленно удаляться. Увеличивающееся деревенское стадо мычало, бляло и уходило в сторону заливных лугов и пойменного леса Ветлуги. Оно растворялось в тумане и поднимало легкую золотистую пыль.

— Сыно-ок, вставай, хватит нежиться, да и Рыжуха-то мычит во все горло,— мать тормошила его крепкой рукой.

Ночь еще не прошла, но уже уверенно превращалась в серое туманное утро. Открыв ворота коровника, пристроенного к избе, Саня еле успел отскочить. Резвая корова сама побежала в сторону уходящего стада, ее и подгонять не пришлось. Саня не стал провожать корову, хотя стадо уже скрывалось за первыми елями недалекого леса. Знал бы он, что в то утро видит свою Рыжуху в последний раз.

Саня взял пустые ведра, стоявшие на крыльце и пошел к колодцу, который находился во дворе, недалеко от центральной деревенской улицы. Взялся за шест и опустил «журавля» с ведром почти на всю его длину. Дважды зачерпнув воды, налил полные ведра. По одному отнес их в избу.

Мать, высокая, широкая в кости женщина, стояла напротив устья печи и ставила хлеба на выпечку. Из жерла русской печи шел жар и хлебный дух, и она покрасневшая, вспрелая и довольная своей работой, улыбнулась ему, и опять закопошилась у шестка. Печь стояла направо от входа и занимала с кухней почти треть избы. В противоположной стороне, вдоль двух бревенчатых стен, сходясь к переднему углу, шли высокие деревянные лавки. Передний угол был занят большой иконой Николая Святителю. Правая рука Николая Угодника была приподнята со сложенными перстами в благословении, левой рукой он держал Евангелие.

Саня, поставив ведро, сглотнул слюну от вкусного хлебного запаха и посмотрел на мать.

— Сейчас придет отец и будем завтракать,— сказала она, даже не оборачиваясь, поняв его желание.

Старший брат Иван с фырканьем умывался возле двери из носика большого медного рукомойника. Мишук, самый младший из детей, которому не было еще и двух лет, завопил в зыбке. Она висела на оцепе, подвешенном к потолку. Пятилетняя Валюшка завенгала на печке. Мишутка, услышав ее, тоже захныкал, и мать подошла его успокоить.

В сенях что-то стукнуло, и в избу вошел отец. Высокий, он, нагибаясь, втиснулся в дверь. С порога оглядев ребятишек, негромко сказал:

— Ну, мать, давай на стол, да пойду еще немного поработаю кирпичей, замеса два — три осталось и яма будет полной,— и сев за стол, он положил перед собой на некрашенные доски стола большие натруженные руки, на которых буграми вен были обозначены годы тяжелого крестьянского труда.

Почти вся семья Лебедевых уселась за деревянный, сколоченный когда-то дедом Сергеем, стол. Отец ласково посмотрел на детей, притихших за столом. По правую сторону от него на всю семью Лебедевых с иконы благословенно смотрел Николай Святитель.

Жаль, что нет старшего — Павла, а то бы вся семья была в сборе» — подумал Николай, сидя во главе стола.

Старшему сыну Павлу минуло двадцать лет. Чтобы помочь семье, да и о женитьбе задумываясь, он ранней весной ушел на смоляные промыслы. В соковое время много разного вырабатывали в лесах: снимали мочало, лыко и бересту, гнали березовый деготь. Вестей от Павла не было все лето.

Николай пришел домой, оставив неоконченной начатую засветло сегодняшнюю работу. Под горой, недалеко от леса, было у него что-то вроде кирпичного промысла. Это — вырытая в глине-кирпичевке большая яма, которую он заполнял высушенным на солнце сырцом — сырыми кирпичами, перекладывая ряды кирпичей сухими березовыми поленьями. Рядом была сделана другая яма, где он месил ногами глину до мягкости. Тут же около ручья, стоял небольшой бревенчатый сарай, спасавший Ни-

колая от дождя. В нем деревянные клетки — станок для набивки глины, да струганная дощечка для выравнивания. Вот и весь «кирпичный завод». Но за лето Николай на этом заводике в одиночку вырабатывал до десяти тысяч штук красного, добротного, звенящего от удара кирпича.

Кирпич всегда пользовался спросом в большом селе Варнавино, все дома, в котором непременно ставились на высокие кирпичные фундаменты. Да и так, в Варнавино было кое-что понастроено из кирпича, правда, еще в царское время — трактир, аптека, почта, тюрьма, женская и мужская гимназии.

Мать поставила на стол похлебку — щи из зеленой капусты с солониной. Отец, взглянув на мать, сказал:

— Давать, Дарья, свежего хлеба. А то сегодня не обедавши, может, придется. Работы много. Саню возьмишь с собой на жатву, пускай там за маленькими смотрит, не оставлять же их одних дома. А мы с Ванюхой домесим глину и наделаем остатного кирпича, чтобы уж через неделю запалил я обжиг. Уж тогда я Саню на кирпич возьму, за огнем следить дело не хитрое, может, и одного пора оставлять. Как-никак десять лет стукнет через два месяца.

Дарья положила на стол каравай ржаного хлеба, отец ножом отрезал каждому по большому ломтю, дал детям и жене прямо в руки. Потом молча, перекрестился и начал хлебать. Все дети и Дарья вслед за ним застучали деревянными ложками. Наконец отец стукнул о край миски своей ложкой, первым потянул кусок мяса, а за ним и остальные.

Семья Лебедевых была средней руки в деревне Югары, относилась к так называемым середнякам; корова, лошадь. Животинка кой-какая: свинья, овцы, куры. Кроме того, кустарный промысел кирпича давал неплохой доход. Кроме того, и Ветлуга всегда была кормилицей для югаровских мужиков, еще ни один с реки без рыбы не возвращался. Да и лес подступает к самой деревне. А в нем грибные, ягодные места. Земляничные поляны, заросли малинника, черники — только собирай. Ближе к осени, если переправиться на лодке через реку, можно в один присест набрать лукошко клюквы или брусники. В общем, семья не бедствовала, но и богатства особого не нажила. Хлеб в доме есть, дети сыты, и то хорошо.

Поев, отец перекрестился и взял в руки газету. Это была «Северная Правда» месячной давности. Орган Костромского Губкома ВКП (б). И хотя вот уже семь лет прошло, как в 1922 году Варнавинский район перешел в Нижегородский край, но газеты из Костромы иногда попадали в село Горки, а уж оттуда рассылались по близлежащим деревням сельсовета: в Югары, в Корелиху, в Поляки, в Коровиху.

— Послушай мать, что пишут костромские-то: «Несколько дней назад, накануне Троицы, в селе Саметь поп устроил подворный обход села. Не с молебном, не со сбором «праздничных», а с агитацией. Поп говорил: «Граждане, вы идете в колхоз, значит, расстаетесь с родимой землицей, которую ваши деды и отцы поливали трудовым потом. Вы граждане, принимаете на себя печать антихристову. Ну, делать нечего, идите. Только покайтесь и причаститесь в последний раз».

Николай замолчал и задумался о чем-то своем. Наконец, заговорил.

— Намедни уполномоченный был у Михаила Соловьева, агитировал его за колхоз, грозил отобрать обеих коровенок, да лошадей, ежели не надумают. Хлебные излишки, говорит, изымать будем. Последний пуд хлеба — это они считают излишком у нежелающих вступать в колхоз. Скоро, пожалуй, и к нам наведается эта «кожаная куртка». Добра, наверно, не ждать нам от ихнего колхоза.

— А что мужики бают по Югарам-то? — спросила Дарья. И тут же продолжила, как будто вспомнив что-то: — Шалухин-то Василий с семьей из Бархатихи выселен. В соседях у отца-то он был. Справный мужик. Пригласил весной на помощь мужиков,

так ему сразу мироедство навесили, в кулаки, да и поминай как звали. Ночью под конвоем отправили в Варнавинскую тюрьму. Семья со скарбом направилась до станции Ветлужская. Погрузили в вагоны, да в Сибирь. Страхи-то какие.

— Да, у всех югоровских голова набекрень, настроение выжидательное. Но видно, хошь не хошь, а заставят нашего брата колхоз организовывать. В Варнавине бают уже кое-кого и арестовали. А сам уполномоченный рассказал на вчерашнем сходе, что в Вотской области в каких-то деревнях по постановлению крестьянского схода публично выпороты «вичками» 176 крестьян-бедняков. В Кологривском уезде Костромской губернии почти год назад убили через окно председателя колхоза, так нашли убийцев-то, да к расстрелу приговорили. Вот так, мать, война идет с народом за вступление в колхозы. Уполномоченный договорился до того, что крестьян назвал паразитами, грабщиками землю. Пролетарий — это, вишь ли, человек труда, а мы хотим уморить город и пролетария голодом. Вот как вопрос поставлен, если в колхоз не вступать.

— Батя, а где это Вотская область такая? — спросил Николая Иван, сидевший за столом и вырезавший из куска дерева иглу для вязки рыболовных сетей.

— Так на севере, где удмурты живут. Их раньше вотяками называли. Ижевск у них главный город, — ответил Николай.

— А еще я слыхала от наших-то баб, Анна Соловьева говорила, у нее Ванюшка-то приезжал на побывку из Нижнего, что в городах-то церкви рушат, да колокола снимают. Консомольцы какие-то на престольные праздники около церквей под гармошку, да балалайку поют и пляшут, — опять с тревогой сказала Дарья.

— Да, и в газете-то пишут, что костромской горсовет постановил закрыть лазоревское кладбище. А церковь решили использовать под холодильник. Доберутся и до наших Горок, церковь-то Святителя Николая Угодника уж точно могут сломать, а кирпич-то на ее постройку еще мой отец делал.

Дети со вниманием слушали разговоры родителей. Притихли за столом. Совсем недавно приходил священник к Соловьевым, что жили через улицу, напротив. Приглашали его Соловьевы, как зажиточные хозяева, на престольный праздник деревни Югары. Второго августа был Ильин день, и в этот день в поле никто не работал. Считалось, что Илья Пророк сожжет работающих крестьян своими молниями. Священник принес из церкви в деревню праздничную икону, с нею и отслужил молебен. После которого все разошлись по домам, угощались пивом и брагой. Гуляли. Все югоровские дети бегали смотреть на попа. Было им это интересно. Ведь не каждый день приходил он из Горок, где стояла белая каменная церковь.

Саня помнил, что видел он в просторном, светлом и высоком храме. Там было пышное убранство, серебряные и позолоченные кресты, чаши, подсвечники, живописные иконы в богатом исполнении. Узорчатые светильники, подсвечники с зажженными свечами освещали иконы. И заполнялась церковь запахом воска и ладана. Мать часто брала его по воскресеньям на службу. И вся эта атмосфера — с пением хора на клиросах создавала в его душе торжественность. А душевный настрой молящейся матери звал к любви, доброте, наполняя детскую душу чувствами, пока еще не понятными, но приятными.

Вспоминалось и первое причастие. Когда ему было лет пять, мать впервые взяла его с собой в церковь. Уже совсем устав от стояния, прислушиваясь к непонятным словам священника, Саня начал дергать мать за подол и звать домой. Но она погладила его по голове и сказала, что сейчас начнется причастие и потом уже они отправятся в обратную дорогу.

Всех детей собрали перед Святой Чашей, и они по очереди стали подходить к священнику. Как научила Саню мать, он громко назвал свое имя, священник протя-

нул к его устам ложечку, и в открытый рот Сани попало что-то приятное, сладковатое на вкус. После этого ему дали другое питье, теперь уже теплое, которое он заел кусочком просфоры.

Когда мать вышла из церкви после своей очереди причастия, Саня, схватив ее за руку, сказал, что он еще хочет попробовать сладкого причастия. Дарья легонько подтолкнула сына рукой в затылок и сказала, что в один день можно причащаться только один раз. Больше нельзя.

* * *

Лебедева Дарья родом была из Бархатихи, деревни, находившейся на левом берегу Ветлуги. Поэтому ее очень волновали все новости про родную деревню. Помнил Саша и рассказ матери о бывальщине, который однажды услышал от нее прошедшей зимой. Из него он узнал, откуда пошла и получила название родная деревня Дарьи — Бархатиха.

В один из зимних вечеров, прислушиваясь к вою метели за окном и укладывая детей спать на печи, начала Дарья рассказ о бывальщине. Дарья помнила его еще с детства со слов своей бабушки*.

«О тех временах, когда в наших лесах водились разбойники, даже старики знают только по рассказам своих родителей. Вот как давно это было. Давным-давно недалеко от Ветлуги, на горе, покрытой соснами, появились разбойники. Атамана звали — Ляля. С той поры и гора названа Лялиной. Издалека видна Лялина гора, такая она высокая. Разбойники грабили купцов, которые плыли по Ветлуге мимо горы, а бедных не трогали.

Был у атамана помощник Бархотка, большой силы и красоты. А недалеко от горы, среди дремучего леса, стоял починок. Жила в нем девушка Шалуха, прозванная так за озорство. Девка красивая, смелая: одна с рогатиной на медведя ходила.

Когда Бархотка в первый раз увидел Шалуху в лесу, заиграла кровь в жилах молодого разбойника. Понравилась ему девка. Он подошел к ней и захотел, было, обнять. Она же такую ему затрещину отвесила, что он чуть с ног не свалился. Осерчал Бархотка, обидно, вишь, ему стало, что баба оплеуху дала. Взялся он за нож. А у Шалухи в руках рогатина, смеется она:

— Полезешь, брюхо распорю.

Понял Бархотка, что девка не из робких, и полюбил ее. Она его тоже полюбила. Бархотка стал похаживать к Шалухе. Ляле это не понравилось, завидовать стал. Невзлюбил атаман своего помощника и всякую неудачу в разбойных делах валил на него. Разбойники, видя такую ссору между ними, разделились, одни за Лялю, другие за Бархотку. Понял атаман, что дело плохо, собрал ватагу: «Раньше мы с Бархоткой дружно жили, не ссорились. А как появилась проклятая баба, так и пошло все кувырком. Я хочу помириться. На Шалуху кинем жребий, кому достанется, тот и хозяин». Разбойники молча ждут ответа помощника. Бархотка взглянул на них, да и говорит:

— Не гоже браниться из-за бабы. Мы поссорились, нам и мириться. Не придем к согласию, тогда и вас соберем. И уж, как вы решите, так и будет.

Разбойники разошлись, а атаман и помощник остались одни.

— Знаешь ли ты, что у князя Лапшангского жена красавица? — спросил Бархотка Лялю.

— Слышал, но видеть не приходилось.

— А если я привезу тебе княгиню-красавицу?

* Изложение рассказа И. С. Воронова «Ляленка», опубликованного в Варнавинской районной газете «Новый путь» 20, 29 мая 1967 года.

— Если ты это сделаешь, Шалуха твоя. Но у князя большая охрана.

— Ну, это моя забота. Ты-то удержишь слово свое?

— Коли так, то я согласен.

Бархотка с друзьями нарядились в богатые одежды, сели в лодки и поплыли к селу Лапшанга, где жил князь. Тайно пробрались в усадьбу ночью. Княжескую охрану связали. Бархотка вошел в спальню княгини. Жарко натоплено в спальне. Одеядо свалилось с кровати на пол. Княгиня лежала посередь кровати. Проснулась и глядит на него красавица, и так им залюбовалась, даже забыла об опасности. Залюбовался и Бархотка, глаз не сводит с княгини. Закружилась голова у Бархотки от ее красоты. В глазах туман, как облако. И показалось Бархотке, будто из облака на него недовольно смотрит Шалуха. Тряхнул он головой, и тумана как не бывало. Вынул нож из-за пояса и говорит.

— Одевайся быстро и не пикни, а то вот, — показал нож.

Княгиня оделась. Бархотка завязал ей рот, глаза, схватил за руку, и давай Бог ноги.

Доплыли до горы, сошли на берег. Бархотка снял повязку с глаз княгини. Она смотрит на него.

— Что же ты будешь делать со мной, молодец?

— Отдам атаману в жены...

— Добрый молодец, если уж у меня такая судьба, — взмолилась княгиня, — так возьми меня себе. Я согласна быть твоей женой.

Задумался Бархотка. Любуется красавицей, ее слова в душу заплзали, растревожили его сердце. «Что же делать? — думает он. — Такая полюбит крепко, но я дал слово атаману». И показалось ему, что будто вместо княгини стоит Шалуха и опять недовольно глядит. Решил он быть твердым в своем слове.

Пришел Бархотка на поляну. Ляля стоит высокий, страшный, с одним глазом. Бархотка подошел к нему.

— Я слово свое выполнил. Вот тебе княгиня.

Ляля подошел к ней и хотел взять за руку, она как закричит: «Уйди, чудище! Лучше убей меня!», — и упала. Стали ее отхаживать, облили лицо холодной водой. Открыла она глаза, увидела Лялю и опять закричала: «Уйди, чудовище!». Ляля осерчал.

— Снимите с нее сапожки и водите босиком по лесу, покуда она не перестанет дурить.

Водили княгиню по лесу день, другой, третий, а она все свое твердит.

Разозлился разбойный атаман Ляля, отвел ее на самую вершину горы и убил ножом булатным. Схоронили красавицу под самой большой елью. Зимой вьюга ее баюкает, волки подпевают; весной кукушка над ней грустит.

А Ляля этой же ночью ушел с разбойниками в другое место. Говорят, много кладов зарыл на горе, да утопил на дне Ветлуги.

Бархотка остался жить в починке с Шалухой. Они поженились, и жили долго, любя друг друга. Много детей у них было. От Шалухи пошел большой род Шалухиных. Починок с той поры прозывается деревней Бархатихой».

Уставший за день от зимних игр Саша тихо посапывал на печи. Рядом Валюшка спала в обнимку с кошкой, поющей свои рулады. Мать, ласково улыгнувшись, поправила на них одеядо.

* * *

К вечеру деревенское стадо под тот же стук пастушьего барабана возвращалось в деревню. Но напрасно стояла Дарья у ворот, поджидая Рыжуху. Стадо, пыля и мыча, прошло мимо ворот, но корова домой не вернулась. Дарья смотрела вдаль и все гада-

ла, когда же придет? А она так и не вернулась домой. Уже скоро ночь — полночь, а коровы все нет. Стало у Дарьи на сердце неспокойно.

— Саня, беги за отцом, скажи, что нет Рыжухи-то, пусть с Иваном по ельнику поищут. А то ночь скоро, где ее в темноте увидишь?

Сашка хоть и устал за день от жары на жатве, но быстро скатился с деревенского бугра, пробежал лесной тропкой через редкий сосновый лес, между одинокими осинами, через приземистые кусты можжевельника и очутился на поляне, где отец с Иваном складывали высохшие кирпичи в огромную яму. Запыхавшегося, его не сразу поняли, а он все твердил, что нет Рыжухи. Не пришла со стадом.

— Ну, будя молоть, Емеля, не твоя неделя,— остановил его Николай,— Говори, что стряслось?

— Стадо пришло, а Рыжухи нет,— наконец выпалил Саня, сдерживая частое дыхание. Подумав, отец сказал:

— Баяли мне мужики, что третьего дня видели медвежьи метки в ельнике. Хотя рано медведю к зиме готовиться, да кто его знает, может и его это дело. Ну, даст Бог, обойдется. Ты беги домой, а мы с Иваном пройдем ельником к болоту.

Сашка стремглав бросился бежать в деревню. Мать ждала сына на крыльце, с тревогой поглядывая в сторону леса. Он выпалил ей, что тятя с Иваном пошли в ельник, а ему велели бежать домой. Потянулось долгое, томительное время ожидания. Дарья возилась у печи, но нет-нет да прислушивалась, и посматривала в окно на дорогу. Смеркалось быстро. Заплакал маленький Мишук, мать его успокоила и уложила спать в зыбку. За окнами совсем стемнело.

Дверь избы широко распахнулась. Отец вошел в избу стремительно, уверенно, но с тревогой в глазах. Не спеша напился колодезной воды из деревянного ковша, вытер губы.

— Ну, что, мать, горе, как лихо, пришло тихо,— с этих слов начал Николай,— задрал медведь нашу кормилицу-то.

От страшной новости подкосились у Дарьи ноги, села она на лавку и смотрит непонимающим взглядом на мужа. Шевельнулась в голове нечаянная надежда, что шутит он.

— Но не будем горевать, станем мишку убивать,— глядя на нее, сказал Николай.

— Хватит прибаутки свои дурацкие, не можешь толком рассказать, что случилось-то? — рассердившись, перебила его Дарья.

— А что случилось? Наш-то пострел проспал утром стадо, оно и ушло уже далеко, когда Рыжуха из дома за ним отправилась. А он, медведь-то, видно в кустах у дороги дожидался отбившегося теленка. А тут не теленок, а целая корова. Она и ахнуть не успела, потому пастух-то и не слышал ничего. Нашли мы ее с Иваном в березняке около болота. Голову-то медведь ей отгрыз, да утащил куда-то. А тушу-то закрыл, чем попало ветками, кореньями разными. Спрятал вроде бы. Ничего вернется еще хозяин, не забудет свои припасы. Завтра пойдем в лес, ждать его будем. Не может быть, чтобы не вернулся.

— Так что, мне теперь медведя доить вместо коровы-то? Чем малых кормить стану? — запричитала Дарья.

— Ты, мать, не расстраивайся сильно-то. Не пропадем. Через недельки три кирпичи готовы будут. Приедет покупатель, деньжонки появятся. Глядишь, за новой коровой в Варнавин на ярмарку смотаемся.

Притихшие дети слушали страшный рассказ отца. А Саня вдруг представил, как медведь навалился и загрыз Рыжуху. Показалось, что слышит он мычание Рыжухи и страшный медвежий рык. И, уткнувшись в подушку, заплакал навзрыд.

Целую неделю отец с Иваном поочередно караулили медведя на болоте. И когда совсем уже отчаялись, появился зверь ранним утром со стороны болотины. Было ти-

хо, лишь лесной шорох вокруг. В этом шорохе через некоторое время и различил Иван в неопределенных шумах более отчетливые звуки. Кто-то грузно пробирался сквозь чащу. Это медведь, ломая кусты, направлялся к припасенной добыче. Иван не промахнулся. Для него это была первая внушительная добыча после зайцев и куропа-ток с тетеревами.

Потом за свою жизнь Иван немало подстрелит в ветлужских лесах волков, будут и медведи, но тот первый остался в памяти на всю жизнь. А сам Иван, охотившийся всю жизнь в ветлужских лесах, старался не нарушать законов леса. Убивать, чтобы есть, — таков царящий в лесу главный и, пожалуй, единственный закон.

Глава 2. Пора сенокосная

Школа, в которой учился Саня, находилась в селе Горки. Располагалась она в старом помещичьем доме, к крыльцу которого вела прямая дубовая аллея, посаженная еще крепостными помещика Базилевского. Четыре километра от Югаров в дождь, в стужу, в ясную погоду бегал он учиться по деревенской дороге. Через соседнюю деревню Поляки вела она в село Горки. Учился Саня с охотой, поэтому и числился в ударниках, интересно было деревенскому мальчишке познавать мир, который далеко уводил его от околицы родной деревни.

В школу с утра собирались ребята из окрестных деревень. Из Жилихи, из Югаров, из Карелихи, из Поляков, из Коровихи, из Антоники...

Горки — старинное селение, выросшее на важной дороге между Варнавинским и Макарьевским (Унженским) монастырями. Еще в 1617 году починок «Горка» упоминался в записях Дозорной книги. Правда, имелись тогда в Горках только два крестьянских двора. Ну а название соответствует рельефу местности, где находится село. Действительно, на горке. Дорога, соединяющая два монастыря, в восемнадцатом веке стала государственным почтовым трактом между уездными городами: Варнавином, Ветлугой и Макарием на Унже. В Горках появилась почтовая станция, был построен храм Николая Святителю, и село стало центром Шудской волости.

После октябрьской революции, в 1917 году, усадьбу помещика Базилевского забрали под школу. Но в то беспокойное время в школе постоянно менялись учителя. Они бежали от тяжестей всеобщего, от несвоевременно получаемых пайка и зарплаты.

В этом старинном селе и проходили школьные годы Саши Лебедева.

В 1931 году Саша закончил четвертый класс. А в 1932 году в районах Заволжья вводится обязательное начальное обучение. Он, как подросток 13-ти лет, продолжает учиться, но теперь уже на двухгодичных ускоренных курсах, которые и закончил в 1933 году. Всего шесть лет проучился Саша в школе. Но запомнились они на всю жизнь деревенскому мальчишке разными событиями.

Ранее зимнее утро. Раскрасневшийся Саша прибежал в школу, сбил снег с валеков и длинным коридором прошел в свой класс, в котором стоят парты в два ряда, печь-голландка в углу. На учительском столе керосиновая лампа — это все освещение класса. На задних партах темно, тепло и тихо. После домашних дел, зимних вечерних катаний на санках ребята тихонько посапывают под монотонный голос Николая Ивановича. Сегодня первым идет урок истории Костромской области.

— Костромская земля имеет богатую и насыщенную событиями древнюю историю, — ведет свой рассказ учитель. — До 15-го века на ее территории располагались два княжества — Костромское и Галичское. В 1797 году Павел I своим указом создал Костромскую губернию, просуществовавшую в неизменных границах до 1917 года.

Голос Николая Ивановича спокоен и оказывает почему-то убаюкивающее действие. Глаза закрываются, сквозь туман век видятся далекие костромские князья, когда-

то населявшие лесные просторы этих земель. Слышится звон булатных мечей, удары палиц о доспехи. Идет междоусобная борьба за владение богатыми Костромскими угодьями.

Неожиданно громкий стук упавшего тела, оборвавшийся рассказ учителя и смех ребят возвращают Саню из 17-го века в класс. Николай Иванович проходит от стола в темный угол за печь. Пашка Воронов лежит на полу, положив голову на руку. Он упал со скамьи парты, даже не проснувшись. Ни смех ребят, ни торможение учителя не могут разбудить его. Урок продолжается под сладкое посапывание из-за печки.

После уроков по колкому морозу веселой гурьбой разбежались ребята по деревням. Долго смеялись югаровские над Пашкиным беспробудным сном на уроке истории.

В те годы возить в школу детей было не принято. Перебежками, по сухой дороге, туда час и оттуда так же. Ну, а зимой да в распутицу — полтора. Ни одного дня Саша в школе не пропустил, ни на один урок не опоздал. Еда тоже известно какая — кусочек хлеба с кусочком сала мать сыну заворачивала в тряпичку. А то и «простого» отправляла.

В сентябре 1932 года начал он учебу в шестом классе, как потом оказалось, выпускном, по велению отца.

Осень в тот год выдалась погожая, с теплыми днями. От летних каникул еще не успели отвыкнуть. И в один из таких теплых дней они с Пашкой Вороновым сразу домой не пошли, а из Поляков спустились с угора в ельник. Хорошо в эту пору в лесу. Тенькают синицы, где-то занятый своим делом стучит дятел. Еще не выветрился грибной дух. Ягод, правда, нет и поживиться совсем нечем. Не привыкать крестьянским детям к тому, что в животе пусто. Да и лес-то не только грибами и ягодами радует, много в нем необычного и интересного для пытливых, деревенских мальчишек. Дорога вдоль угора вьется между сосен и елей.

Видят они, что вдруг что-то мелькнуло на одной из сосен.

— Санька, белка! — закричал Пашка и бросился вперед к высокой сосне. Саня за ним. Когда они подбежали к дереву, белка сидела почти на самой верхушке. Только ее пушистый хвост свисал с ветки.

— Не достанем, наверно, смотри какая сосна высокая, — с грустью заметил Санька.

— А куда ей прыгать, далеко ведь до следующего дерева? — философски заметил Пашка.

— Давай палками по дереву стучать, она шугнется и прыгнет, тут мы ее и поймаем.

— Не-е, она прыткая, убежит, лес-то совсем близко. Лучше за ней на дерево слезть.

— Да ты что-о, гляди сосна-то какая, как корабль высокая.

— Ну, не хошь, я сам полезу, только белка моя будет, а тебе даже погладить не дам, — с ребяческим вызовом сказал Пашка. Но Санька сразу обиделся, скинул котомку со школьными принадлежностями, поправил завязки на лаптях и подошел к сосне. Взглянул вверх, и ему показалось, что как будто на небе сидела белка, высота сосны была необычайная. Ухватился за толстый нижний сук и полез. Тут необходимо отметить, что только у корабельных сосен ветки растут высоко, и забраться на них не представляется никакой возможности. А эта сосна росла у дороги и на самом деле была не так высока, как показалось ребятам. И скорее походила на те, которые изображал на своих полотнах Иван Шишкин.

Вот Саня уже на середине сосны, но вниз глянуть боится. Он чувствует, что земля совсем не близко.

— Давай, Саня, еще немного осталось, она сидит и даже не шевелится, — кричит около дерева Пашка.

«Хорошо тебе, разорался»,— думает про себя Саня и лезет снова вверх. Поднял голову, и ему показалось, что хвост белки совсем близко, еще чуть-чуть и он ее достанет. И в этот момент белка прыгает на самый краешек ветки, качается на нем, того и гляди сорвется вниз. Но она слетает на ветку ниже Сани, по стволу проворно сбегает вниз и стремительно по земле несется к лесу, только ее и видели. Пашка даже не успел сдвинуться с места и стоит как околдованный. Такого стремительного поворота событий ребята не ожидали.

— Ну, ты что не ловил ее, безрукий тетерев? — чуть не плача кричит с дерева Санька.

— Да больно юркая оказалась, я даже и не успел с места ворохнуть. Ладно, слезай, Санька, пойдем домой скорее, а то что-то темнеет и тучи напозают.

Но оказалось, что слезть с дерева не так-то просто. Даже совсем невозможно, и захолонуло сердце в первый миг у Саньки, когда он попытался опустить ногу на нижнюю ветку. Ветка исчезла почему-то из-под ноги, нет ее там, как он ожидал. Это на руках подтягиваться было удобно, а опускаться и висеть между ветками очень даже страшно.

— Пашка, я не могу слезть. Ветки раздвинулись.

— Ты чего плетешь там, как это они раздвинулись? Дерево что ли выросло, пока ты залазил. Давай быстрее, а то по темноте пойдем.

Санька снова попытался опустить ногу, но она в который раз не ошупала опору. К горлу подкатил комок, и в душе похолодело.

— Не могу, Пашка. Страшно мне! — закричал он с дерева.

— Ты подожди, Саня, я в деревню сбегая к дяде Николаю. Он-то уж что-нибудь придумает. Ты только ничего не делай, а то еще свалишься с дерева. Подожди! — прокричал Пашка и опрометью кинулся по дороге в Югары.

Как он сидел и ждал, какие мысли ворочались в мальчишеской голове, как пришел отец, залез на сосну и помог ему спуститься, это потом долго вспоминалось Саньке. Как и все детство, которое закончилось за порогом школы, с которой Саша распрощался в 1933 году.

* * *

— Ну, что, Сано, хватит тебе учиться, шесть лет штаны просиживал в своей школе. Премудростей крестьянской жизни не наберешься, сидя за партой. Да пора и нам с матерью помогать,— этими словами встретил отец сына в солнечный майский день, вернувшегося из школы.

Так, Саша, радостный оттого, что учеба в нынешнем году закончилась, узнал, что его учение в школе завершилось совсем.

— Осенью пойдешь на курсы агротехников, председатель обещал. И в колхоз я тебя уже записал. В свои-то четырнадцать годков я уже за сохой ходил. Да и сам видишь — Ванюху в Красную Армию проводили, от Павлухи так ничего и дождались, ни весточки, ни слухов никаких. Остался ты самый старший у нас с матерью. Мишку осенью в школу отдавать. Хватит нам с матерью двух школьников: — Валюхи да Мишки.

Школьная жизнь закончилась, и завтра он проснется колхозником «Красной звезды». Такое название получил колхоз, в который «добровольно» объединились крестьяне деревень Югары, Поляки, Коровиха и других. Правление колхоза находилось в селе Горки.

Утром на покос. На первый колхозный покос. Помогал раньше отцу собирать сено, стоговать его в заливных лугах, но на настоящую мужицкую работу собирался Саня в первый раз.

Лес подступает к самим Югарам. И в каком-то километре от деревни начинаются покосные луга. Среди леса на солнечных полянах рядом с озерами, на опушках, на приречных луговинах издавна косят травы ветлугаи. И Саше известны почти все ветлужские берега в окрестностях деревни Югары. Еще мальцом начал он бегать на ветлужский берег. Купался в ветлужской волне и валялся на речном песке. Купание в Ветлуге для югаровских мальчишек всегда было любимым занятием, а ветлужский песок отдавал им свое тепло и силу.

Крестьянские дети знали все ягодные места, которые начинались сразу, как только выйдешь за порог избы. Выбирай любое — земляничная поляна или малинник, а то и черничные заросли, — только собирай. Ближе к осени, если пройти на болото, можно в один присест набрать лукошко клюквы или брусники.

А какая рыбалка на Ветлуге! Без рыбы никто с реки не возвращался. Лещ и щука, язь, линь и карась — не переводились на деревенских столах.

А разнообразие грибов не уступает разнообразию ягод. В соседнем с деревней лесочке можно насобирать подберезовиков, маслят, подосиновиков. А подальше, на гривах, растут белые грибы, которые особенно вкусны и ароматны. Грузди и рыжики, соленые в бочках, всю зиму не переводились и были чуть ли не основным блюдом на югаровском столе.

Еще петухи не успели прокричать на деревенских дворах, а отец уже будил Сано, теребя его за плечо.

— Вставай, колхозник, а то проспишь морковкино заговенье. На работу пора, Сано.

Ах, как не хочется вставать, кажется, еще чуть-чуть можно полежать. Но крепкая и жесткая рука отца поднимает его за плечи, подталкивает в спину и вот он уже на ногах. Наскоро съев по куску хлеба и выпив по кружке молока, они с отцом идут на улицу, прихватив в сених косы. По деревенской улице по двое, по трое в тумане колышутся в сторону леса мужики. Над ними вьется запах махорки, слышны приглушенные голоса и звеньканье задевающих друг о друга при поворотах кос. Народ спешит на сенокос, на косьбу. В травы на луга. А работа эта тяжелая. Потому что скосить каждому надо не менее тридцати соток, не по одному гектару в день на деревню. И норма при косьбе на одного крестьянина немаленькая: полтора трудодня за полгектара скошенной площади.

А работа на покосе, как известно, — работа на зимние мясо и молоко. «Покос год кормит», — говорит народная мудрость. Косили все мужики деревни, бабы и подростки копны ставили, гребли сено. Кто мечет, кто подгребают. Только успевай, лови каждый погожий день и час летний, июльский.

Покос начинается со звона о наковаленку. Косу отбивали как следует, оттягивали лезвие, чтобы потом наточить его до бритвенной тонкости. И начинался сенокос.

Саня шел босиком следом за косой, ноги колело стерней, трава валилась из-под косы, рука грубела в мозолях. Солнце жжет спину, пот течет по спине, по груди, усталость тяжестью наваливается на плечи. Вот уже коса перестает слушаться рук, и носком зачерпывает комочки земли.

— Шабаш! — слышится голос бригадира, и замолкает звон кос о траву, поднимается над кустами махорочный дым и слышны кое-где только отдельные слова.

— Принеси воды, Сано, — просит отец, раскуривая сигарку. Саша бежит к роднику около озера, зачерпывает в берестяную чашку воды, и подносит отцу. Тот пьет большими глотками, его кадык ходит жадно, и кажется, что вода — это животворная сила, от которой пройдет и усталость, и навалившаяся дневная жара. Напившись, отец отдает ему берестяной ковшик и ложится в тень на траву.

Саша, когда бегал за водой, спугнул выводок рябчиков, который выпорхнул почти из-под ног. Глупые птицы взлетели и уселись на березе прямо над тропой. И хоть

томила усталость, но мальчишеский интерес оказался сильнее и он снова побежал по тропке к роднику. По пути он увидел появившиеся первые подберезовики...

Занявшись их сбором, Саня потерял осторожность, и самцы рябчиков, сидевшие на деревьях, оказались бдительными и первыми покинули поляну, а за ними улетела и вся стая. Саня вернулся к отцу.

Тот уже мастерил шалаш, и Саня понял, что ночевать они будут на покосе. Жить на покосе в шалаше очень удобно. В ночное время он спасает от сырости и туманов, а днем от жары. Укрытый сверху толстым слоем веток и травы, шалаш не пропускает воду, хорошо защищает от ветра и комаров. Пока отец возился с шалашом, Саша приготовил место для костра и занялся заготовкой дров.

Отец вдогонку крикнул:

— Сано, бери старый настил из остожий, все равно новые рубить!

Чтобы стога не стояли уродами, мужики каждый год обновляли остожье и стожара. Пока шел покос, остожье высыхало, и сено стоговали на сухие новые ветки. Под стожары же брали не тонкие жердочки, а не менее как в руку толщиной жерди.

Вечером заварили чай из смородиновых листьев и корней шиповника. Собрались мужики к шалашу Николая на разговоры. Все они имели обычное середняцкое хозяйство, у каждого было по лошади да по корове, ну и мелкий скот. Здесь в лесу, на покосе разговоры свободные.

— А что, мужики, в колхозе-то, пожалуй, жить похуже, чем единолично,— начал разговор Михайло Соловьев,— заставляют половину земли засеять льном, а он не родится, даже с государством не расплачиваемся.

— Насчет похуже, это ты, дядя Михаил, не очень распространяйся, сам знаешь, что варнавинский уполномоченный говорил,— влез в разговор высокий, белокурый парень, собиравшийся этой осенью в Красную Армию.

— А что, мне уж хуже-то не будет, вон сестра Анны, жены моей, Евпраксия, из монастыря вернулась, так не приведи, Господи, послушать ее рассказов. Так этот уполномоченный у меня был и сказал напрямую: «Поскольку вы теперь родня монашки, то и на вас может распространиться закон о выселении из деревни».

— Это он загнул,— глухо промолвил Николай.— Сталин далеко не дурак, разберется Иосиф Виссарионович, по справедливости рассудит, ведь он — вождь, отец народов. Все образуется.

— Ты лучше, дядя Николай, расскажи, что про Пашку-то слышно. Куда он пропал? — снова перебил разговор белокурый.

Николай вытащил кисет. И словно нехотя медленно открыл его. Достал листочек газеты, свернул «козью ножку». Насыпал в нее махорки. Посмотрел на огонь. Не хотелось ему отвечать. А разговоров о политике он особенно не любил. Достал из костра горевшую веточку, прикурил. Саня еще не спал и сидел в стороне, все эти разговоры были ему интересны, а когда он услышал о Павле, внимание его заострилось. Однажды он слышал, как отец говорил матери о том, что не надо никому рассказывать все, что они узнали о Павле от мужика из Варнавина, приезжавшего за кирпичом.

Но Николай рассудил так: сколько не молчи, слухи все равно доползут в Югары. А может, и знали уже обо всем случившемся с его старшим сыном Павлом. Пашка в деревне всегда считался первым балагуром и шутником. За словом в карман не лез, мог любому дать отпор. Ростом пошел в отца и мать, был крепок и силен. На спор мог за один присест выпить ведро воды, всегда был заводилой деревенских парней. Вот уже лет пять прошло, как он отправился на заработки — гнать деготь, куда-то в леса под Красные Баки. Видели его и в Варнавине, но потом след Павла пропал окончательно.

— Мужики, а вы слышали, как в народе расшифровывается ОГПУ? — начал издали свой ответ Николай.— А вот как: О! Господи! Помоги убежать! А в обратную сторону? Убежишь. Поймают. Голову оторвут... Только, видно, наш Пашка-то не сумел убежать. Намедни приезжал Василий Сизов из Варнавина, так он откуда-то узнал про нашего Павлуху. Говорит, что, скорее всего, отправили его в Урень на лесозаготовки. А взяли его, как говорят в народе, за «длинный язык». Будто бы как-то на завалинке кто-то скажи: «Я, когда в нужнике подтираюсь, прежде погляжу, не портретом ли чьим. А то в газетах портреты одни, и все членов ЦК да правительства!». «А мне по хрену,— брякнул Павлуха.— Я, коли нужно, и Сталиным подотрись». Взяли, и как сгинул сынок наш шалопутный. С тех пор ни слуху, ни духу...

Искры от костра стремятся в звездное небо. А уставшему и засыпающему Саше сквозь неплотно закрытые веки казалось, что это летят светляки в звездное небо. Летят сквозь темноту и холод ночи. И не успевают долететь до звезд. Слишком маленький у них жар. Искры гаснут над костром, и оставшийся от них дым поднимается к вершинам елей. Вдали прогугукала сова. И снова тишина в лесу и мириады звезд над головой.

Через пару недель покосная пора заканчивалась. И каждое утро из Югаров приходили бабы с малолетками ворошить сено. Погода стояла солнечная и ветреная. Стога покошиками метались весело и споро. Будет зимой сено у коровы на языке, будут детям блины на молоке.

**ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25
В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»**

Сергей Мурашев
(г. Москва)

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Студент 4 курса Литературного института, стипендиат Министерства образования и науки России (персональная стипендия им. А. И. Солженицына)

1

Который уже раз в районной газете можно было найти объявление: «Продается хороший дом в д. Ильменьге. На берегу реки. Адрес: область, район, п-о Ильменьга. Индекс: *****. Клавдие Андреевне Сухаревой».

...Клавдия Андреевна, или попросту, по-деревенски, Клавка Хромая, хромой была от рождения, и много натерпелась от своей болезни... Ее долго никто не брал за муж, а когда наконец «выпало счастье» с сорокапятiletним мужиком, стало совсем тяжело. Муж ее бил, часто, даже зимой, выгонял из дома, звал сукой хромой...— молодая Клавдия все терпела.

К шестидесяти годам муж умер, и единственную дочку она доучивала сама. Именно к ней, если продаст дом, и хотела уехать Клавдия. Дочка была ее упоительной радостью: она удачно вышла замуж, работала на хорошем денежном месте и родила трех, подрастающих уже, детей.

На деревне одни бабы говорили, что надо в объявлении написать про рыбу, про грибы, про ягоды — другие кричали на них, что, где Клавка столько денег возьмет...— каждая буква денег стоит.

Почти все мужики сошлись на том, что жить в такую глушь все равно никто не придет, поэтому дом не купят; разве что какой дачник.

Однажды ранней весной Клавдия приковыляла к соседям.

— Приехал ко мне покупатель...— сказала она еще в дверях.

— Кто?

— Не знаю, то ли моряк какой-то, то ли рыбак. Пенсионер уже, собирается жить...— Клавдия, тяжело отпыхиваясь, присела на лавку около печи.— Молочка вы бы, Лида, не налили для гостя... Я и денежки принесла...

— Ладно, ладно, Клавдия Андреевна... А какой он?

— Знаете, такой еще молодежь, сам все время улыбается, приветливый.
— И точно уже покупает?
— Все, все, место очень понравилось, дом понравился... Только цену не обговорили... А если надумает молочко брать, я на вас, Лида, скажу.
— Хорошо, Клавдия Андреевна, хорошо — скажите.
— Пойду я, а то ждет. До свидания, Лида.
— До свидания.

Пока хозяйка ходила за молоком, гость уже переделся в фуфайку, штаны и шапку-ушанку, которые дала Клавдия.

— Как раз вам в пору, а я молочка принесла.

— Холодно сейчас молочко пить... А почему у вас молочко? — он опять широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Недорого совсем, вот у соседей можно брать... Холодно — печку надо истопить. Я уже два месяца здесь не живу. Только бумагу прожжем, а то задымит.

...Клавдия Андреевна уже давненько не жила дома, как зарезали последнего барана и стали кончаться дрова. До лета она переехала к сестре. А там видно будет...

Еще на рассвете Клавдия Андреевна пошла за обещанными деньгами: хотелось скорее отдать все долги, заказать с кем-нибудь билеты, хотелось к дочери... Вчера гостя никак не удалось позвать на ночевку к сестре, остался раскладываться. Но ничего угореть не должен.

В доме уже топилась плита, на ней что-то шипело. «Хозяйственный», — подумала Клавдия Андреевна.

— Здравствуйте — я пришла.

— За деньгами пришли, хорошо. Я уже все приготовил: вот, пожалуйста, пересчитайте.

Раньше Клавдия Андреевна всегда считала, но последнее время ей нравилось доверять людям.

— Ладно, не надо, — сказала она.

— Нет, пересчитаем. Смотрите, — гость по бумажке переложил всю пачку и отдал Клавдии Андреевне. Та сровняла на столе и, стесняясь того, что берет деньги, завернула их, в специально принесенную, газету.

— Потом, может, сестра моя придет, я-то уеду. Поможете ей вот эту кровать-полуторку вынести? Будьте добры!.. У нее летом опять Леша с Ленею приедут, а спать негде, ладно?

— Нет.

— ...Почему нет? — испуганно засмеялась Клавдия непонимающим старушечьим смехом.

— Вы, Клавдия Андреевна, дом продали — и, значит, выносить ничего не будем, — гость расплылся в улыбке.

— Да куда вам, хватит тут кроватей...

— Пригодится, пригодится, Клавдия Андреевна. Сначала кровать, потом диванчик... Выносить ничего не будем, — и снова улыбка. Так и запомнился Клавдии гость. На голове шапка-ушанка, завязанная сверху, красивые ровные зубы и широкая улыбка, обволакивающая все лицо.

Клавдия Андреевна не стала больше спорить — она немало пожила, немало видела разных людей. Зачем тратить нервы? Много ли ей теперь надо? Гость быстро выхлопотал и оформил все бумаги. На следующий день после этого Клавка Хромая уехала. Моряк (именно так и стали называть его в деревне) быстро обжился. Через неделю он уже сидел в перевозной будке-избушке бригады колхозных мужиков, ва-

ливших лес в делянке, и договаривался на счет дров. Он доставал из своей большой красной сумки бутылку за бутылкой, сало.

— У меня этого добра...— говорил Моряк.— Заходите, если надо. В магазине, пожалуй, кусается?! А если что сделаете — мгновенный расчет! — Он взмахнул ладонью так, словно хотел отрубить кому-нибудь голову или сбить горлышко бутылки.— Мне сделают — я сделаю.

— Ну, держим.

—...Да, да, мужики, пейте... Ну что, Рома, завтра дрова сделаете?

Пьяный, оглупевший от вина, бригадир Роман кивал головой и издавал мычащие, неизвестные до этого звуки согласия.

После обеда бригада не вышла на работу. Мужики были довольны, они пили за чужой счет, но, видно, не знали, что счет этот им еще предьявят.

Жена Романа, Ира, еще ни разу не видела мужа смертельно пьяным и, не ругаясь, уложила спать. Раньше Роман почти совсем не пил. Примером ему в этом служил отец. На свадьбе подружки, завидуя, шептали: «Повезло тебе, Ирка,— непьющий, некурящий». Но после смерти отца, с самым близким человеком Иры что-то случилось, что-то сломалось внутри... вернее, стало изнашиваться. И вот, за несколько лет изменилось. Ира вспомнила, как в эти новогодние праздники Роман открыл форточку и несколько раз крикнул в темноту: «В будущий год будем встречать миллениум, конец света!»

На следующий день после пьянки трактор с избушкой колхозных лесорубов изменил свой обычный маршрут в делянку и остановился напротив дома Моряка. Роман вылез и хотел зайти за бутылкой, но Моряк уже ждал у дверей. Бригадир обернулся назад, мужики стояли около избушки и курили, перетаптываясь на месте.

— Ну что, Рома? Дрова вот сюда привезете, притяните ближе к дому. Не забудьте только пару сушин. Хлыстами ведь?

— Пузыря дай, опохмелиться.

— А сделаете?

— Да все я сделаю — пузыря дай! — зло ответил Роман и снова оглянулся на мужиков.

Моряк, в обычных для него теперь латаной фуфайке и ушанке, суетливо забежал на веранду и сразу же вернулся с двумя бутылками. Роман взял обе...

Работа сегодня у лесорубов не ладилась. Часто перекуривали, ходили пить чай, водка давно уже кончилась.

Вечером к дому Моряка трелевочник приволок здоровую пачку берез. А Романа, опять пришедшего домой пьяным, ругала жена. Он огрызался, бурчал что-то. Ира плакала и, наконец, утирая слезы, ушла на кухню...

«Хорошо, что сегодня выходной»,— подумал проснувшийся утром Роман. У него болела голова, тело ныло.

— Полоскать пойдем! — бросила проходившая по комнате Ира.

«Хорошо, что сегодня выходной,— снова подумал Роман,— за выходной отойду. Вставать надо». Он встал, оделся, тяжело пыхтя, сначала попил чаю, потом молока... Накинув суконный пиджак, вышел на улицу и молча потащил к реке приготовленные женой санки с бельем. Ира, казавшаяся Роману надзирателем, шла сзади.

Дорога к реке проходила как раз около дома Моряка. Вчера привезенные дрова уже кто-то пилил... Пилил Сашка, если можно так сказать, младший друг Романа, недавно пришедший из армии.

Когда Роман поравнялся с Сашкой, тот заглушил пилу, схватился за чурку — откинул.

— Здорово!

— Здорово!
— Что, калымишь!? — у Романа внутри что-то подскочило к горлу, он обернулся на жену.
— Ага...

2

Дома у Романа не было денег. Ира изводила его на счет этого и отправляла занять к брату. Роман пошел, когда уже почти стемнело и пора было ужинать.

Стояло начало апреля и, наконец, потеплело: с крыш бежало, на дорогах снежная слякоть. Вечером идти плохо — ничего не видно. Над головой нависло тяжелое черное небо.

Денег у брата не оказалось; на обратном пути Роман зашел к Моряку. Тот сразу поставил.

— Мне дрова, которые ты привез, Александр и распилил, и расколол — приложить только осталось. Я с ним все, хорошо расплатился, а вчера он мне пилу приволок. За три бутылки, плохо что ли?.. Правда, шина кривая, но шинку-то найдем, да и новень...

(...Бизнес Моряка процветал: каждую неделю ездил он за водкой в город. Почти все покупали у него, так как было дешевле. К нему несли и вещи. На деревне Моряка костили, его водку-отраву ругали, но все равно покупали. Пополз слух, что Моряк продает и школьникам. Роман к Моряку не ходил, только давал деньги кому-нибудь, чтоб купили...)

Роман сам наливал себе и глотал одну за другой стопки, тупо смотря, на что-то говорящего Моряка: тот не пил. «Он, гад, не пьет. Нас спаивает, а сам не пьет. Пилу у Сашки забрал, на которую я денег... давал. Надо ему...»

Вдруг до Романа донеслось:

— Вы мне, Рома, хлевок под теленка срубите? С мужиками там договоришься. У меня уже все — лесобилет выписан. Вы там сами вырубите, окорите, все что надо, потом на пилораму плах закажем, досок. Все мне под крышу подведете; я хорошо заплачу... Вот аванс дам. Я, Роман, на тебя надеюсь!

Роман схватил положенные на стол деньги, сунул в карман и выбежал на улицу.

Он шел, спотыкаясь и падая в лужи, потерял шапку. Запутавшись в деревне, забрел в Сашкин дом. На стук, в коридор вышла Сашкина мать. Роман, качаясь перед ней и, видимо, не понимая, почему вышел не друг, бубнил:

— Сашку, Сашку мне, Сашку мне...

— Иди, Сашка, сам разбирайся, к тебе тут пришли...

Сашка вышел.

— Ну-у, Ромка...

— Сашка, Сашка, пилу не надо, не надо... не ходи к Моряку, не надо, Сашка.

— Ро-омка...

— ...Я хожу, я хожу, я не могу... — Он не удержал равновесия и упал. Опершись руками о ведро с помоями, хотел подняться, но ведро опрокинулось...

Роман сидел в луже помоев, что-то бурчал, хлопал руками по мокрому полу.

На грохот и шум сбежалась вся семья: мать, отец и младший брат Сашки.

— У-у-у-у... Куда он теперь? — тихо сказал отец.

— Дома не оставлю! — мать взбесилась. — Дома не оставлю! Волоки его, Сашка, отсюда!

— Батя!? Куда его, батя?

— Что, к Иринке поведем. Больше никак, — отец был спокоен, он уже одевался. — Что стоишь!?

После отцовских слов успокоились и остальные...

Романа было вести трудно: везде скользко, сыро и лужи. Хорошо, что впереди бежал младший брат Сашки, Витька. Он деловито покрикивал: «Тут лужа, тут лужа! Тут токо снегом можно!» На полпути Роман немного протрезвел, но от этого начал только «придуряться»: поджимал ноги, виснув на мужиках, пытался вырваться и стонал, чтоб его оставили подыхать. Под конец он перепутал Сашку с женой, стал приставать к нему с ласками, хватая за колено и крича: «Какая ты, Ира, слобная! Какая слобная!»

...Ира долго была ничего непонимающего мужа. С ревом горланила на весь дом, забившейся под одеяло, дочери: «Любка, он нас продал! Этот алкоголик продал нас, Любонька?»

Утром Роман отдал моряков аванс Ире, та взяла. Люба, проспав, в школу пришла только ко второму уроку. Некоторые почему-то косились на нее с интересом и смешками. Почти вслед за Любой в класс заглянул старшеклассник Витька. Он, подмигивая ребятам, вразвалочку прогулялся вдоль доски туда — обратно. Потом подошел, к сидящей на своем законном учебном месте, сжавшейся сейчас в комок и забитой взглядами, Любе, облокотился о парту и «прошептал»: «Ну че, отец-то вчера с запашком пришел?»

— Опрокинул вчера на себя ведро помойное,— обратился Витя уже ко всем,— и сидит, как поросенок. А потом, вообще корки, когда уже домой вели, Сашку стал за яйца хватать... Голубой, что ли, какой-то!

В школу Люба не ходила несколько дней. Ира на прогулы дочери не обращала внимания, только ставя их Роману в упрек. Наконец за Любой пришел директор школы, узнавши в чем дело. ...Так как в деревне у многих ребят отцы пили, Любу больше не преследовали. Прошло время и потерявший совесть Роман был уволен из колхоза. Теперь он пропал только на «кальмах» у Моряка: даже носил дрова и воду. По деревне говорили, что Ира от него отказалась. Роман часто не ночевал дома, заснув у своего «хозяина» на кухонном полу. Что-то случилось с Романом, нарушилось в его голове, лопнула какая-то капсула с едучей жидкостью, растекшейся по всему мозгу. ...Бывший бригадир, с отличием окончивший техникум, теперь не мог протрезветь, даже когда не пил несколько дней. Жена и дочка казались ему обузой, данной в наказание за что-то.

В конце мая Моряк созвал к себе мужиков, строивших ему хлев, на день рождения. В доме, в такие теплые деньки, когда все начинает зеленеть и уже выпускают коров, сидеть душно и неохота. Пошли на природу, опустились к неширокой, но красивой реке Ильменьге. Моряк расстелил скатерть, стал доставать закуску.

— Вы, мужики, разбирайте стопочки, наливайте.

— Ты хозяин...

— Нет, нет, пока я разложусь...

Кто-то потянулся за бутылкой. Роман, любовавшийся Ильменьгой и березками на той стороне, распустившими почки, сказал:

— А давай, мужики, будем купаться.

— Ты не дури, Ромка, опять у тебя зашиб,— ответил за всех, жевавший кусочек сала, Сашка.

— Вода больно холодная,— добавил кто-то.

— Ну давай, мужики... За твое здоровье, Моряк, имени не знаю...

— ...Моряк и ладно...

Они выпили по несколько стопок. Роман снова заладил свое.

— Пойдем купаться,— говорил он пьяно и упрямо.

— Холодно, дурак, вода холодная. ...Замерзнешь...

— Пойдем купаться. Пойдем... Я пойду один...— Он встал.

— Куда, пропустишь ведь. Держи!

— А, держать!? Буду держать...— Роман опять сел и выпил. Но упрямку его, стержень, который не давал приспособливаться к изменениям жизни, не смог сжечь даже спирт. Правда, изуродованный водкой, не имеющий подпитки извне, стержень этот стал примитивной, идущей поперек общего мнения палкой, что суют в колеса.

— А я пойду купаться,— сказал Роман неожиданно и встал. Сашка успел ухватить друга за пиджак, но тот сбросил его, сбросил и рубаху, оставшись в замызганной майке.

— Дурак,— сказал кто-то.

Роман, сильно шатаясь, шел к реке. Сегодня его развезло быстрее, так как начал праздновать день рождения он еще вчерашним вечером.

— Ну что, кто пойдет купаться... Никто что ли?

— Вода холодная!

— Холодная!? — Ромка глянул на реку, потом снова на мужиков.— Холодная, значит нагреем.— Тупо заулыбался он.

Ромка пошел к старому гнилому плотнику Клавдии Андреевны, с которого та раньше полоскала белье. Небольшой деревянный плотик уже давным-давно кем-то хозяйственным был привязан к берегу тросом, и лишь поэтому не уплывал в половодье.

— Сейчас нагреем, сейчас мы вам нагреем,— все еще улыбаясь, бормотал Роман. Он ступил на плотик, сгнившие доски, настланные на бревна, проломилась.

— Утонешь, дурак... Э!?!..

Роман ступал дальше, отживший свое, намокший плотик немного погрузился под его тяжестью.

— Вам холодно!?!.. Я нагрею, я нагрею...— Он расстегнул ширинку и хотел... но доски снова проломилась. Роман не удержался и, как-то смешно раскинув руки, упал головой вперед, Потом еще раз шевельнулся и замер.

— ...Ро-оман, вставай, не притворяйся. Ро-мик?! — сказал один, шутя.— Вставай, а то выпьем без тебя! Держи!

— Что-то не так.— вскочил Саша, выкинув налитую стопку.— Что-то не так!

Он забежал в воду, приподнял голову Романа.

— Ромка! Ромка!.. Он головой об железину стукнулся! — зло повернулся Сашка к мужикам.

Роман стукнулся головой об огромный, кованный еще в кузнице гвоздь, который, потеряв шляпку, вылезал теперь из прогнивших досок и бревен острым штырем, стоящим кверху.

На следующий день Люба снова не пошла в школу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Мых-Степняк
(г. Тула)

**«НЕЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК»:
СОЛЖЕНИЦЫН, ШАЛАМОВ,
ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР»**

Николай Александрович, родился в Казахстане в 1940 году, где и прожил большую часть своей жизни. Окончил Уральский педагогический институт, Алма-Атинскую высшую партийную школу, аспирантуру при Казахском государственном университете. Кандидат исторических наук, доцент. Работал в газетах, преподавал в вузах. Автор трех книг прозы.

В Туле проживает с 2001 года.

«Новый мир» Твардовского «открыл» миру Солженицына, а «Новый мир» Залыгина возвратил его людям. Именно в этом очень популярном журнале читатели прочли все основные произведения Солженицына.

О том, как «открывали» писателя... Свой первый крупный рассказ «Щ-854», прославивший писателя, он давал читать своим близким и друзьям. (Прочел его и литератор Лев Копелев и отозвался кисло: обыкновенный материал на производственную тему. Однако в «Новый мир» отнес.) А литературная сотрудница Анна Берзер передала рассказ Твардовскому со словами: «Прочтите. Лагерь глазами мужика, очень народная вещь...». Позже утверждали и в «Новом мире», и в окололитературных кругах, что не попади рассказ в руки редактора «Нового мира», судьба его была бы еще более затруднена, хотя и без этого от чтения рассказа редактором до его появления в журнале в напечатанном виде прошло одиннадцать месяцев.

...Итак, рассказ «Щ-854» в руках у Твардовского. Поэт уже ложился спать, а перед сном решил прочесть несколько страниц. Но уже через короткое время, удивленный, взволнованный, восхищенный и не верящий еще в то, что это оригинальное произведение, а не талантливая подделка, встал, оделся и не уснул до тех пор, пока рассказ (по его предложению названный повестью «Один день Ивана Денисовича») не прочел до конца.

Солженицын упрекнул позже А.Твардовского за промедление с печатанием «Денисыча». Долго, слишком долго она лежала в редакции «Нового мира». Ее обсуждали и обсуждали, давали на отзыв многим маститым литераторам. Автор повести писал: «Как не сказать теперь, что Твардовский упустил золотую пору, упустил при-

ливную волну...» («Бодался теленок с дубом»). На самом деле Твардовский сделал все, чтобы эту острополитическую повесть напечатали. И даже ему было это нелегко. Потребовалось даже обратиться к первому секретарю ЦК партии коммунистов Никите Хрущеву, понадобилось даже специальное решение политбюро ЦК партии.

...У Твардовского было несколько заместителей. И один из них — осторожный, опытный Андрей Дементьев говорил Твардовскому по поводу публикации «Одного дня»: «Учти, Саша! Даже если нам удастся эту вещь пробить, и она будет напечатана, они нам этого никогда не простят. Журнал на этом мы потеряем. А ты ведь понимаешь, что такое наш журнал. Не только для нас с тобой. Для всей России». «Понимаю, — ответил Твардовский. — Но на что мне журнал, если я не смогу напечатать ЭТО».

Интересен сам по себе следующий эпизод. Солженицын в кабинете у главного редактора «Нового мира» — прославленного поэта. Беседуют: поэт и малоизвестный рязанский математик. Твардовский подает Александру Исаевичу газету «Известия» со статьей о нем самого крупного в то время поэта Константина Симонова. Солженицын, взяв газету, отложил ее и сказал: «Ну, это — потом». Твардовский поражен: «Это же первая статья о вас!» На что Солженицын спокойно отвечает: «Обо мне уже писали в Рязани, когда наша команда победила в соревновании по велогонкам!» Зазнайка Солженицын? Вроде, должен бы прыгать от радости! Знал уже себе цену? Гордец?! В последующие годы жестко поносили его за гордыню на все лады. Он был не таким, как все!

В современной мемуарной литературе (раньше — меньше, а сейчас — особенно) насаждается образ Солженицына — писателя жесткого, нетерпеливого к любым возражениям, а тем более к критике. Толково эту проблему, на мой взгляд, решил еще, когда Солженицын сотрудничал в «Новом мире», один из заместителей журнала литературный критик В.Лакшин: «Могу подтвердить: за малыми исключениями все авторы, особенно понюхавшие дыма славы, амбициозны, чувствительны к похвалам, как дети, и не переносят малейшей критики, уязвимы, пристрастны, эгоцентричны. Но Солженицын не просто писатель великий, наделенный огромным талантом, сокрушительной энергией и волей, которая стала тоже частью и качеством этого таланта, помогла ему выжить и утвердиться в крайне неблагоприятных для него обстоятельствах». Достоевский в сходной ситуации высказался так: «Потребность заявить себя, отличиться, выйти из ряда вон — есть закон природы всякой личности».

Писатель допускает ошибки? Настоящий большой писатель — большой художник, поэт, мечтатель — в нем заложена способность мифотворчества — бунт романтики против прозы жизни. Создавать образы, сочинять, придумывать несбыточное, невозможное — его задача. Писатель Л.Чуковская (12 мая 1978 г.) писала: «Александр Исаевич проповедует мысли, может быть, и ложные, но он на них настаивает, он за них в изгнание попал (а перед этим здесь терпел муки), у него есть мысль, религия, идея, он — проповедник, пророк, художник, подвижник, гений, обуреваемый мыслями. Процесс жизни у него превратился в процесс работы».

...У журналистов во все времена была зависть друг к другу, соперничество — за право первым открывать новую тему, первым рассказать о чрезвычайном событии или о всех захватившей новости: о сенсации. Когда в газете «Известия», второй по величине и значению газете страны (редактором ее был Алексей Аджубей, зять Хрущева), узнали, что в ближайшем номере «Нового мира» печатается повесть, разоблачающая (новость!) и осуждающая систему сталинско-бериевских лагерей, то решили «новомирцам» перейти дорогу. Аджубей приказал подыскать и опубликовать рассказ на эту тему. Вспомнили, что такой рассказ был уже у них, но выброшен. Материал срочно отыскали и напечатали. Встретив на каком-то кремлевском приеме Твардовского, Аджубей сказал ему:

— Говорят, вы готовите какую-то скользкую вещь какого-то Солженицына?

Твардовский парировал:

— Тот, помните, рассказ Шелеста — был у нас. Мы могли бы попридержать его на полгодика, до выхода Солженицына, да не могли подумать, что такое дерьмо кто-нибудь подберет.

Еще больший резонанс в мире произвело еще одно гениальное произведение Солженицына «Архипелаг Гулаг». Знакомство советских читателей с этим произведением начиналось так. Из дневника «новомировца», литературного критика В. Лакшина: «Вчера Н. П. Смирнов пришел в редакцию и сказал торжественно: «Событие в литературном мире. Новая вещь Солженицына «Архипелаг Гулаг». 1200 страниц. Это и критика, и эссе, и мемуары — обзор нашей жизни с 17 г. до наших дней. Что-то вроде «Былого и дум». Видимо, эта рукопись каким-то образом, выпорхнула и пошла гулять...». «Да,— добавляет В. Лакшин,— он — фанатик литературы, Аввакум XX века, его творчество — самосожжение, почти религиозная страсть говорить правду». (Дневник В. Лакшина, апрель 1968 г.)

В отечественной мемуаристике обсуждалась тема: насколько велика роль Твардовского в открытии нового имени. Сам Солженицын считал,— а это обижало «новомировцев»,— что Троя существовала сама по себе независимо от Шлимана. Да, крайне непросто было напечатать «Денисыча», пришлось обратиться даже к всемогущему партийному боссу. А если бы не усилия Твардовского и «Нового мира»? Разве нет в мире таких открытий, которые погибли оттого, что не были своевременно обнародованы и востребованы?

Твардовский нередко гневался на Солженицына в минуты их разногласий. И в его отсутствие, и в шутку и всерьез, цитировал стихотворение одного известного английского поэта в переводе Маршака:

*Вскормил кукушку воробей,
бездомного птенца.
А тот возьми да и убеи
приемного отца.*

«Вы ничего не хотите простить советской власти, ничего не хотите забыть»,— как-то сказал писателю Александр Трифонович. «Но ведь память художника — основа его творчества»,— парировал в ответ Солженицын. И подумал: «Нет, не проходит поэту безнаказанно столько лет состоять в партии». Есть свидетельства, что у Твардовского в кабинете висел портрет Сталина. Поэт долго не позволял его снять, говоря: «Пока он у меня тут, в сердце, я его со стены не сниму».

Солженицын жил не по правилам: большинство шло в одну сторону — советскую, а Солженицын — в другую. (За границей — стал критиковать Запад. Когда вернулся в Россию,— тоже не молчал.)

Знаменитая, тут уже упоминавшаяся Чуковская записывала в дневнике: «Твардовский не понял тогда (60—70-ые годы), что Солженицын не его поля ягода, что он давно выпал из системы и путь его высок — под куполом, а он, Твардовский и его журнал — всего лишь некоторое отклонение от норм советской печати и «Страны Муравии». Жаль Твардовского». И тем не менее Солженицын и Твардовский любили друг друга, доверяли друг другу и ценили один другого, вели многочасовые дружеские, но и взрывоопасные (доходившие до разрыва отношений) разговоры. Солженицын как-то сказал в сердцах поэту: «Так, как вы, со мною не разговаривали даже надзиратели».

Твардовский поэтическим чутьем проник в тайну немилосердной, необъяснимой

зависти многих к Солженицыну: «Ему не прощают не только таланта и успеха, ему не прощают иной раз природы личности. Он — мера.* Я знаю писателей, которые отмечают его заслуги, достоинство, но признать не могут, боятся. В свете Солженицына они принимают свои естественные масштабы».

Думаю, уместно будет привести здесь часть письма Корнея Чуковского Солженицыну: «Встретил Катаева, он возмущен повестью «Один день», которая напечатана в «Новом мире». К моему изумлению, он сказал: «Повесть фальшивая: в ней не показан протест». — «Какой протест?» — «Протест крестьянина, сидящего в лагере». — «Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие о справедливости и под угрозой смерти не смеют думать о том, что есть на свете совесть, честь, человечность. Человек соглашается считать себя шпионом, чтобы следователи не били его. В этом вся суть замечательной повести». — А Катаев говорит: «Как он смел не протестовать хотя бы под одеялом». А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабы гимны, как и все».

Самые пронизательные и художественно одаренные современники Солженицына, восхищаясь им как писателем, не скрывали своего потрясения от знакомства с Солженицыным — человеком. Первой, кажется, разглядела его особую природу Анна Ахматова: «Све-то-но-сец! Мы и забыли, что такие люди бывают... Поразительный человек. Огромный человек!» Еще не были написаны «Архипелаг», «Красное Колесо», не случилось второго ареста и изгнания, но Ахматова все угадала.

Говоря о творческих поисках и достоинствах прозы Солженицына, новизне темы, герое его прозы, его художественных исканиях, Твардовский высказался так: «Мне ясно, у Солженицына как у писателя есть такой художественный прием: он берет человека в моменты его высших страданий — будь то тюрьма, война или смертельная болезнь». (Здесь я беру на себя смелость дополнить знаменитого поэта. Александр Исаевич смело вторгается даже на заминированное поле, не жалея ни себя, ни других! Н. М.-С.)

...В стране с годами создавались, — в основном по вине администраторов, в том числе и чиновников от литературы, — невыносимые условия для творчества Солженицына. В истории с писателем повторялись те же грубейшие ошибки, которые были допущены по отношению к Б. Пастернаку.**

Защищали Солженицына и «новомировцы». Так, В. Лакшин, выражая и мнение журнала, записал в дневнике: «Но иногда я думаю, что займи руководство лично к нему более лояльную позицию, не помешай оно получить ему в 1964 году Ленинскую премию, дай напечатать на родине «Раковый корпус» и «В круге первом», — и Солженицына мы видели бы сегодня иным. Надо отдать должное Александру Исаевичу. Он долго проявлял известную гибкость и терпимость в отношениях с Союзом писателей, не отвергал разумных компромиссов, и не его вина, что ему не пришли навстречу. Писатель — существо обостренно личное, эгоцентричное, и этого не поняли те, кому ведать надлежит. Они оттолкнули его и сделали своим злейшим врагом. Помню, Твардовский давал такую трактовку происшедшего с Солженицыным: «Его жали, жали и дожали так, что он потек».

Андропов в конце концов своего добился. В январе 1974 года на политбюро ЦК партии решался вопрос о Солженицыне. Андропов сказал: «Я с 1965 года ставлю

* Отталкиваясь от этой подсказки, я вношу предложение: принять меру оценки творчества писателя — «солженицын». Как — ампер, ом, вольт, джоуль-ленц... градус, рубль... Один солженицын; пол-солженицына, одна треть... Одна десятая часть!

** «За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его», — говорил на политбюро ЦК партии, как это ни странно сейчас знать, министр внутренних дел страны Щелоков. Он предлагал разрешить Солженицыну ездить за границу, не лишая гражданства, а, напротив, дать ему в Москве квартиру. Брежнев согласился со Щелоковым, а потом согласился и с Андроповым, имеющим другое мнение.

вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Это опасно. В нашей стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев, других враждебных элементов. Поэтому надо принять все меры, о которых я писал в ЦК, т.е. выдворить из страны». (Памятные для Солженицына и его биографов даты: 9.02.1945 — арестован, 9.02.1953 — освобожден, 13.02.1974 г. — выслан.) И в дальнейшем, до самой смерти Твардовского «Новый мир» был на стороне преследуемого автора. С 1965 года Солженицын в стране не публиковался, его произведения изымались из библиотек. Был распушен слух, что Солженицын служил в гестапо. Произведения опального автора появлялись и в «самиздате», и в «тамиздате», т.е. за границей, а это било по авторитету «Нового мира».

Твардовскому было, без сомнения, не легко. Журнал собирались разогнать. В 1966 году поэта не избрали ни в ЦК партии, ни в Верховный Совет, ни в Комитет по Ленинским премиям, членом которого он был с 1958 года. Он все беспомощней становился перед кусающей его непрестанно цензурой. Его упрекали за то, что он не отмежевался от антисоветчика Солженицына. Последние годы Твардовский стоял перед выбором: либо остаться на месте, зная, что тем, кто реально решает судьбу журнала, нужна лишь его фамилия; либо с болью, с горечью, но с гордостью, с сохранением достоинства — уходить. «Новый мир» то заключал договор на публикацию произведений писателя, то его расторгал, или Солженицын сам забирал свои произведения, передавая их на Запад. А это уже считалось преступлением. Запад писателя охотно публиковал, не высылая Солженицыну гонораров. Там публиковались рассказы и повести, «Крохотки», роман «В круге первом», «Раковый корпус» и, конечно, «Архипелаг Гулаг», позже — «Красное Колесо». И на этой почве у Твардовского с Солженицыным были конфликты, ссоры, взаимные обиды. Безгонорарная, безденежная работа! И только много лет спустя гонорары от «Архипелага» через Русский Общественный Фонд стали поступать бывшим политзаключенным.

Постепенно петля, которую затягивали на горле «Нового мира», сработала. Окончательным поводом для разгона редакции «Нового мира» стала публикации за рубежом поэмы секретаря Союза писателей, главного редактора «Нового мира» Твардовского «По праву памяти» (запрещенной в России без обсуждения и без объяснения причины). Из «Нового мира» сначала уволили пятерых сотрудников (беспрецедентное ущемление прав главного редактора), а затем без промедления приняли и саму отставку редактора. Солженицын и Твардовский, придушенные одновременно, (в ноябре 1969 г. Солженицын исключен из Союза писателей) долго не встречались, переживая каждый по-своему свою беду. «Есть много способов убить поэта. Твардовского убили тем, что отняли «Новый мир», — скажет Солженицын позже.

Громкую славу и широкую известность на Западе Солженицын получил после написания и широкого распространения письма в адрес президиума IV Всесоюзного съезда Союза советских писателей (май 1967 г.), делегатам этого съезда, редакциям литературных газет и журналов. Вызвало оно буквально шок, имело эффект разорвавшейся бомбы. Однако в жизни Солженицына ничего не менялось: его и не запрашивали официально, — и не печатали.

На Западе в течение 1970 года развернулась кампания за выдвижение Солженицына на Нобелевскую премию. В январе 1970 года роман «В круге первом» Грэмом Грином, известным английским писателем, назван «лучшей книгой года». На Нобелевскую премию его предложили выдвинуть английские и норвежские писатели. В 20-х числах июля 1970 года стало известно, что большая группа французских писателей, ученых и деятелей искусства предложили дать Нобелевскую премию Александру Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича». В комментариях говорилось, что Солженицын — величайший писатель современности, равный Достоев-

скому, к тому же обладающий огромным мужеством. Премию Солженицыну присуждает Нобелевский комитет по литературе за 1970 год — 8 октября 1970 года.

В связи с присуждением премии у Солженицына возникают новые многочисленные проблемы. Наконец, 13 февраля 1974 года Солженицына высылают из страны, самолетом Москва — Франкфурт депортируют в ФРГ.

Еще до высылки Солженицына за границу, его произведениям стал навязываться самиздатовский статус. С 14 февраля 1974 года, когда Главное управление по охране государственных тайн издало приказ об изъятии произведений Солженицына из библиотек, его пять пробившихся в печать произведений окончательно сравняли с запрещенной литературой. Особенно в тяжелом положении оказалось «Красное Колесо» — оно было недоступно для советского читателя. А ведь именно ему предназначалось.

Об изгнания писателя из страны читатели узнали из следующего сообщения ТАСС. 15 февраля 1974 года в «Советской России» они прочли: «Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын Александр Исаевич. Семья может выехать к нему как только сочтет это необходимым».

...Оказавшись за границей, Солженицын стал, казалось бы, без особой на то нужды, как говорят исследователи, спешить с публикацией биографических материалов, торопясь создать свою версию автобиографии. В чем-то он был прав. (Есть много подобных примеров: Маяковский спешил рассказать о себе. Одна из статей так и называлась: «Я — сам».)

Однако, книга его «Бодался теленок с дубом» была слишком «горяча» и встречена в основном отрицательно. Позже писатель соглашался со справедливостью некоторых упреков. В главах очерков «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (1978 г.) он сам признается в ошибках, в том, что не открыл всего доброго, что можно было сказать о Твардовском: слишком был захвачен борьбой, давал простор нетерпеливым, а иногда и несправедливым оценкам боя. Солженицын снимал упреки и журналу, и его сотрудникам — подневольным госслужащим: что они могли сделать в дни разгона журнала? И не мог «Новый мир», за что его раньше упрекал Солженицын, устанавливать печатанием «следующие классы смелости», так как вся сила была не в их руках.

...И еще несколько слов об отношении друг к другу двух других великих людей эпохи: Солженицына и Сахарова. В 1986 г. Сахарова вернули из горьковской ссылки в Москву. На это событие Солженицын откликнулся так: «Сахаров нужен этому строю, имеет великие заслуги перед ним, да и не отрицает его в целом. А я — режу их под самый ленинский корень, так что: или этот строй, или мои книги».

Или «да», или «нет». Третьего не дано. Нельзя быть чуточку беременной... Или разрушить до основания то, что не жизненно, или... И никакого приспособления, прилаживания одного политического строя к другому.

...Крайне интересно посмотреть, как складывались отношения двух писателей, бывших политзаключенных — Солженицына и Варлама Шаламова, в своих «Колымских рассказах» и стихах отразившего «опыт» сверхчеловеческих испытаний в сталинских тюремных лагерях.

Солженицын, будучи уже известным писателем и будучи вхож в редакцию «Нового мира», показал Твардовскому стихи Шаламова. Тот отверг их, как и «Колымские рассказы», которые впервые были опубликованы за границей только в 1979 году, за три года до смерти их автора.

Казалось, что два писателя-лагерника сойдутся во взглядах на жизнь, на тюремный мир. Но этого не случилось. Дело в том, что Солженицын, как, может быть, и не парадоксально на первый взгляд звучит, лагерь и ссылку рассматривал... как «путь к восхождению духа». «Благодарю, тюрьма, что ты была в моей жизни», — писал он. И еще: «Благословенны не победы, а поражения». «Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если бы меня не посадили». «Я — человек лагеря». «Тюрьма перевела стрелки в моей судьбе». «Каждый человек, — считал Солженицын, — обязан принять свою долю испытаний, несчастья помогают правильно оценить окружающий мир и понять его».*

Шаламову в лагерях пришлось много труднее на Колыме: 50-ти градусный мороз, голод... Шаламов был убежден и считал: тюрьма — это растление духа, а не восхождение его.

Солженицыну тоже было не сладко, но по его словам «математика спасла его». Почти одновременно с Солженицыным (конец 50-х годов прошлого столетия), когда Александр Исаевич написал свою повесть об Иване Денисовиче, Шаламов пишет рассказ «Последний бой майора Пугачева» — о побеге из лагеря заключенных, почти — вооруженное восстание, проникнутое восхищением и сочувствием автора.

(К этому времени Шаламовым было написано около 60 новелл и очерков колымского цикла, что составило бы вместе солидный том.)

Но могли бы эти произведения, хотя бы одно из них, быть напечатанными даже в «оттепельные» годы, даже если бы за них заступался всесильный тогда Хрущев? А «Денисыч» прошел — прямой антипод майора Пугачева и его друзей. Потому-то некоторыми писателями и читателями был заклеен Иван Денисович как «непротивленец». Шаламову была неприемлема сама мысль «облегченности темы» с целью уступить требованиям цензуры. Шаламов не просто указывает на существование иного, еще более сурового лагерного мира. Речь идет об ином уровне правды — правды абсолютной, без условностей и без границ. Позже Шаламов напишет, что лагерная тема — «основной вопрос наших дней». С этим согласится и Солженицын, предложив Шаламову вместе писать «Архипелаг Гулаг». Шаламов не принял этого предложения и по идейным или идеологическим соображениям, и, наверное, просто испугавшись огромности темы, где, как говорил он, «разместится сто таких писателей, как Солженицын, и пять таких писателей, как Лев Толстой». Пришлось Солженицыну самому поднимать и разрабатывать тему.

Шаламов, отдавая должное достоинствам повести об Иване Денисовиче, писал ее автору в ноябре 1962 года: «Повесть — как стихи, — в ней все совершенно, все целесообразно. Каждая сцена, каждая строка настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что, я думаю, «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь ценного, столь сильного не печатал». С течением времени оценки творчества Солженицына менялись. Шаламов в письмах высказал, в частности, такое замечание: «Около санчасти ходит кот — невероятно для настоящего лагеря, — кота давно бы съели... где этот чудесный лагерь? Хоть бы с годик посидеть там в свое время». Лагерь у Шаламова значительно страшнее, чем у Солженицына. Лагерь — это абсолютное зло: голод и холод убивают все человеческое.

Солженицын в повести «Один день Ивана Денисовича» изъясил некоторые фрагменты, заведомо зная, что они не пройдут через цензуру. Александр Исаевич хотел непременно напечататься. У Шаламова же: «Вопрос «печататься — не печататься»

* В пребывании в тюрьме есть что-то магическое, любопытное для писателя, по крайней мере, что-то притягивающее. Именно поэтому, думаю, мечтал и высказывал желание посидеть в тюрьме великий Лев Толстой. А наш современник — Сергей Довлатов писал: грош цена интеллигенту, не побывавшему в тюрьме (конечно, видимо, чтобы эта тюрьма была не Колыма).

для меня важный, но отнюдь не первостепенный. Есть ряд моральных барьеров, которые я перешагнуть не могу». (Из письма Шаламова Б. Пастернаку. 1956 год.)

И еще. Шаламов, будучи противником Сталина, коммунистических идей, не считал, что сталинизм и советская власть — одно и то же.

В свою очередь и Солженицын не всегда одобрительно отзывался о творчестве Шаламова. Его «Колымские рассказы» не удовлетворяли его и художественно, и идейно: «И с патриотизмом у Шаламова плохо, и с антисоветизмом плохо. Никогда, ни в чем, ни пером, ни устно не выразил оттолкновения от советской системы, не послал ей ни одного даже упрека...» (журнал «Новый мир», № 4, 1999 год.).

Расхождения в идейных, да и художественных позициях двух больших писателей не были преодолены. Шаламов, к примеру, одобрял идею конвергенции — идею академика Сахарова. Солженицын ее решительно отвергал. И, кажется, каждый прав по-своему. Как кто-то справедливо заметил: подтверждается объективное наличие в энергетическом поле любого писателя разных потенциалов — разрушительного и созидательного.

Шаламов участвует в схватке по высшему духовному счету, будучи уверенным, что «искусство — бессмертие жизни». Он — однозначен. Шаламову ближе всего образ пушкинского летописца-монаха Пимена, пишущего в келье «повесть плачевную» в надежде, что его услышат грядущие поколения, с той лишь разницей, что вместо пименовского «добродушия» у Шаламова — святое и правдивое негодование. (Так считает вологодский литературовед Валерий Осипов.)

Солженицын — не однозначен, и разными политическими силами читался и читается по-разному. При Ельцине Солженицын был главным козырем в борьбе с коммунизмом; при Путине и Медведеве — на первом месте солженицынская идея государственности. Даже деятели КПРФ в идеях Солженицына находят немало родственного для себя. Ведь он против власти денег!

Ситуация в России сегодня сложилась парадоксальная. С одной стороны представители либеральной интеллигенции считают себя антикоммунистами. С другой стороны — усиливается интерес к ленинской новой экономической политике, нэпу, как к одной из упущенных возможностей. К тому же повседневная жизнь страны, — особенно в провинции, — по-прежнему насыщена атрибутами советской эпохи, сохранена память о лучших советских временах. А преподавание истории в школе и даже в вузах, как представляется, — всего лишь немного модернизировано...

Шаламов, по понятным причинам, не был «допущен» к «Новому миру», хотя его значение огромно: он был одним из основоположников художественно-документальной прозы, т.е. таких произведений, в которых реализовался художественный потенциал документального материала и художественной структуры. Шаламов, не приемля классическую традицию построения рассказа, утвердил новый жанр, краеугольным камнем которого (как и у Солженицына) стало документальное свидетельство. Это роднит творчество двух великих писателей. Творчество как одного, так и другого в полной мере не исследовано.

Публикации Шаламова до 1988 года в нашей стране практически ограничивались куцыми художественными подборками и пятью тоненькими сборниками. Это уже позднее начались публиковаться произведения, да и то не все.

В контексте темы «Гулага» в русской литературе творчество Шаламова является одной из вершин — наравне с творчеством Солженицына. Шаламов отвергает всю литературную традицию с ее гуманистическими основами, поскольку, по его мнению, она показала всю неспособность предотвратить озверение людей и мира. «Печи Освенцима и Колыма доказали, что искусство и литература — ноль». (Из письма Солженицыну.) Проза Шаламова — это продолжение пушкинской традиции описа-

ния человека в особой ситуации, через его поведение, а не психологический анализ. В такой прозе нет места для развернутой рефлексии — размышлений, сомнений...

«Колымские рассказы» как и автобиографическая повесть «Четвертая Вологда», рассказ «Бутырская тюрьма», антироман «Вишера» в их духовном литературном значении относятся к итоговым для XX века ценностям русской литературы.

Реальный масштаб Шаламова до сих пор не осознан ни литературной критикой, ни фундаментальным литературоведением. В этом отношении Солженицыну «повезло» больше. Свидетельством этому является Международная научная конференция «Жизнь и творчество Александра Солженицына на пути к «Красному Колесу», состоявшаяся на финише 2011 года. Мне, автору этой статьи, довелось присутствовать на ней. Конференция была приурочена к 93-летию со дня рождения писателя. Организована Российской академией наук, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Домом русского зарубежья имени Солженицына. О значении этого нерядового события говорит состав Оргкомитета конференции. Это — президент РАН Ю. Осипов; руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Сеславинский; президент Русского Общественного Фонда имени Солженицына — вдова писателя — Наталья Солженицына; доктор филологических наук, профессор Л. Сараскина. В работе конференции принял участие и выступил с речью уполномоченный по правам человека при президенте РФ В. Лукин. В течение трех дней декабря было заслушано и обсуждено более 40 докладов, выступавших же было значительно больше. Докладчиками, выступавшими были специалисты-филологи, философы высочайшего уровня и квалификации — из почти двадцати стран мира: России, США, Великобритании, Японии, Германии, Китая, Франции, Австралии...

Мне запомнились доклады и выступления Никиты Струве (Франция), профессора Сорбонны, доктора философских наук, писателя и собирателя большей части письменного наследия русских эмигрантов — от Ивана Шмелева до Александра Солженицына; Жоржа Нива — слависта, профессора Женевского университета, почетного профессора многих европейских университетов, человека уникального, разносторонне образованного.

Глубокими и содержательными были доклады россиян — Владимира Котельникова — доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института истории русской литературы РАН (Пушкинский Дом); докторов наук Б. Любимова, М. Голубкова, Л. Сараскиной, А. Немзера, заведующих кафедрами филологических факультетов университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары...

С большим вниманием были заслушаны и активно обсуждены доклады китайского ученого-русиста профессора Жень Гуаньсюань, американских ученых-русистов Ричарда Темпеста, Анны Аркатовой, японского ученого Кадзухиса Ивамото, священника из Ирландии Брендана Перселла, Майкла Николсона — ученого из Великобритании...

И хотя речь на конференции в основном шла об эпопее «Красное Колесо» — гениальном творении великого мастера, в докладах, в выступлениях в ходе обсуждения, в вопросах и ответах — затрагивались так или иначе все стороны биографии и творческой жизни Нобелевского лауреата Александра Солженицына.

В частности, отмечалось, что его огромное литературное наследие и идеи — изучены плохо. Люди относятся к нему по-разному: одни с восхищением и пониманием, другие — со скепсисом или ироничностью, третьи — с неприятием. Происходит это потому, что Солженицын затрагивал в своем творчестве самые горячие, самые гугучие темы и проблемы, а, заглядывая в будущее, — высказывал опережающее суждение. А многие, очень многие воспринимают прошлое — через настоящее!

Разночтению, разнопониманию Солженицына способствуют его колоссальные

знания, выдающийся ум, жизненный опыт, предельно долгая жизнь, включающая в себя годы учебы в университете, войну, тюрьму и ссылку, мучительную болезнь и преследования, двадцатилетнее пребывание вне пределов своей родины, неизвестность и мировую заслуженную славу. А чем крупнее человек, тем сложнее к нему отношение.

Во второй период редакторства (1954—1970) Твардовского в «Новом мире», особенно после XXII съезда партии, журнал становится прибежищем антисталинских сил в литературе, органом легальной оппозиции советской власти.

В своих последних произведениях, в поэме «За далью — даль», написанной на пике хрущевской «оттепели», как и в книге «Из лирики этих лет. 1959—1967», поэт размышляет о движении времени, долге художника, о жизни и смерти. В этих книгах наиболее ярко выразилась такая мировоззренческая сторона жизни и творчества Твардовского, как «державность». Во многом, подчеркнем, поэт находился под влиянием Солженицына, знал и читал произведения Шаламова, хотя и отказался их публиковать.

Виктор Еремин
(г. Тула)

ГОД 1834-й. ПОЖАР

Член Союза журналистов России. Окончил Тульский Государственный педагогический институт Л. Н. Толстого, филологическое отделение. Из 58 лет сознательной жизни 40 отдано журналистике. Работал в районной, многотиражной, областной прессе. В данный момент возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Лауреат областных литературных конкурсов. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. АВГУСТ, УТРО

...На Чернышевом* мосту Лунев, как всегда, замедлил шаг, достал из кармашка брегет (между прочим, великолепнейшей точности, купленный в позапрошлогодней поездке в Швейцарию), сверил время.

Министр внутренних дел граф Дмитрий Николаевич Блудов** не терпел неточности в любых проявлениях. Об опозданиях, само собой, и думать не следовало, но и прибытие ранее указанного часа также расценивалось им как небрежность. Эту черту характера своего начальника Александр Николаевич Лунев, состоящий при министре в должности чиновника для особых поручений, хорошо изучил и относился к ней с уважением. Необычным сегодня было то, что доставленное ему утром распоряжение предписывало явиться в зал Совета Министра, хотя, Лунев знал это доподлинно, никаких заседаний в нем в этот час не предполагалось.

Он еще раз уточнил время, полюбовался последним достижением человеческого гения и сотворенным им новинкой технического прогресса — катером, оснащенным паровой машиной, с уверенным пыхтеньем выползающим из-под моста, с небрежностью мнушим мелкие волны. Направился к огромному трехэтажному зданию министерства.

...Странность с указанным прибытием в зал Совета оказалась самой незначительной из последовавших в дальнейшем. Самая большая необычность, вплотную примыкающая к необъяснимости, заключалась в присутствии в нем шефа Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии*** Генерал-Адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа****.

* Мост через Фонтанку, построенный по проекту инженера Перрони, находился рядом с Министерством внутренних дел. В 1948 году переименован в «Ломоносовский».

** Граф Дмитрий Николаевич Блудов, тайный советник. Министр внутренних дел с 1832-го по 1839 год.

*** После попытки государственного переворота в декабре 1825 года Особая Канцелярия Министра Внутренних Дел Высочайшим Указом от 3 июля 1926 года была преобразована в Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Первоначальный ее штат состоял из 16 служащих.

**** Указом от 25 июня 1826 года была учреждена новая должность Шефа Жандармов, на которую был назначен А. Х. Бенкендорф, совмещивший ее через короткое время с должностью Управляющего Третьим Отделением.

Министр и Член Государственного Совета граф Блудов в одиночестве восседал во главе стола, обычно окруженного чиновниками, имеющими право за ним находиться, а сегодня лишь пустыми стульями, привычно сложив руки пониже, так, чтобы не закрыть ни один из многочисленных орденов. Бенкендорф прохаживался вдоль стен, рассматривая в округлых рамах портреты Великих Князей и выдающихся государственных деятелей Империи. Первые в композиции по три по сторонам в полный рост портрета Его Величества, прочие в одиночестве и по отдельности. Сановники друг на друга не обращали внимания. Появлению Лунева оба обрадовались.

— Господин Министр... Ваше Превосходительство...

Блудов, как всегда в таких случаях, достал часы, щелкнул крышкой. С удовольствием посмотрел на Лунева. Точность!

— Александр Николаевич, здравствуйте... Присаживайтесь... Вот сюда, по левую руку от меня... Александр Христофорович, прошу вас...

Бенкендорф перестал изучать изображения членов императорской фамилии, подошел к столу. На Лунева посмотрел внимательно и, показалось, с одобрением. Повернулся к министру...

— Лучше вы, Дмитрий Николаевич...

— Александр Николаевич, у нас для вас деликатнейшее поручение... Впрочем, скажите-ка мне, знаете ли вы о пожаре в Туле*?

— Да, ваше сиятельство. Более того, по вашему распоряжению участвовал непосредственно в организации подписки по сбору пожертвований в пользу погорельцев. Помилуйте, Дмитрий Николаевич, вся Россия о том пожаре прослышана!

— Да-да, голубчик, конечно, знаете. Как бы лучше объяснить вам суть дела...

Вмешался Бенкендорф.

— Суть поручения в следующем, господин статский советник. Есть мнение... Вернее, нельзя сказать, что оно есть, а есть некоторая неуверенность... Вернее, уверенность, но неполная...

Лунев, ощущая растерянность от непонимания происходящего, на высоких начальников не смотрел. Сидел, неудобно положив левую руку на какую-то резную финтифлюшку, украшавшую подлокотник полукресла, немигающе сверлил взглядом лежащий перед ним лист чистой писчей бумаги, безуспешно старался понять, почему оба могущественных государственных деятеля кажутся растерянными не менее его самого...

— Александр Николаевич,— пришел на помощь генерал-адъютанту министр.— Вы знаете, что пожар нанес огромный урон не только городу, но и оружейному заводу, в нем находящемуся. Оснований видеть в этом чей-то злой умысел нет, но хотелось бы иметь полную, обращаю ваше внимание, полную уверенность, что виновна в сей трагедии только стихия.

Граф перешел на официальный тон.

— Вам, господин статский советник, следует завтра же отбыть в город Тулу для выяснения обстоятельств произошедшего, поскольку дознание, проведенное военным министерством, хотя и принято Его Величеством, полного удовлетворения ему не дало...

Министр замолчал и взглянул на Бенкендорфа, самого, пожалуй, доверенного слугу государя во всей Империи.

Тот некоторое время молча, изучающе смотрел на Лунева. Потом заговорил.

— Вам, статский советник, незачем знать все подробности. Многие из них составляют высшие секреты государства. Говорю это для того, чтобы вы поняли важ-

* Страшный пожар, произошедший 29 июня 1834 года. По свидетельствам современников, уничтожил «лучшую половину города» и Оружейный завод.

ность и деликатность порученного вам дела. Цель поездки вашей будет неявной. В Тулу вы придёте с ревизией расходов жертвенных сумм, собранных для погорельцев. Истинная цель вашей миссии будет известна лишь присутствующим здесь. Результатом ее должны быть два исхода — при малейших ваших сомнениях в город будут направлены лучшие полицейские сыщики с особыми полномочиями... или вы привезете нам полную и твердую уверенность, что величайший оружейный арсенал государства не является предметом покушения врагов России.

Бенкендорф замолчал.

Граф Блудов поднялся из кресла. На чиновника своего смотрел не «по-министерски», а доверительно, чуть ли не отечески.

— Идите, Александр Николаевич, исполните поручение. Я ведь, голубчик, потому вас для него и выбрал, что хорошо знаю. С Богом...

ТУЛА, СЕНТЯБРЬ

Тульских чиновников статский советник удивил откровенным пренебрежением к прямым своим служебным обязанностям. В вопросы вспомоществования погорельцам денежными суммами вникал невнимательно; доклады об обеспечении их жильем, провиантом, одеждой выслушивал, не уточняя подробностей. Подозрительно пренебрег разъяснениями касательно своевременности умелых и решительных действий губернских властей во время бедствия. Даже личную благодарность Тульского губернатора его превосходительства генерал-майора Елпифидора Антиоховича Зурова* относительно миллиона рублей, собранных питейными заведениями Санкт-Петербурга на восстановление Тулы, выслушал, хоть и с должным почтением, но как-то отстраненно, без приличной горделивости.

Местные чиновники, глядя на странное поведение чиновника для особых поручений министра внутренних дел, лишь понимающе и многозначительно кивали друг другу головой — столичная штучка, карьерист! И хитер, ох, хитер! Бумажки-то собирает, а и по городу ходит, сверяет, значит, прочитанное с увиденным!

Лунев суету вокруг себя, конечно, замечал, причины ее понимал, но играть отведенную ему в ней роль не собирался. В первые дни пропадал в пунктах выдачи погорельцам питания, с пострадавшими был не заносчив, ласков; расспрашивал о пожаре, кто соседи, откуда огонь пришел. Иногда, пугая собеседника, записывал что-то в красивую книжечку.

На третий день отправился без сопровождения на выгоревшие улицы...

На рогоже, брошенной на черное обуголье, сидела грязная, одетая по-мещански старуха, смотрела на Лунева из-под набровье повязанного платка добрым ясным взглядом.

Он приостановился.

— А скажи-ка, любезная, эта улица как зовется... звалась?

Старуха улыбнулась и согласно покивала головой.

— Подождать надо, барин. Подождать... все и придут.

Лунев ответа не понял. Подумал, повторил вопрос. Старуха на этот раз ничего не ответила, молча смотрела на него по-прежнему ясно, лучисто.

За спиной послышалось шарканье, хриплое с присвистом дыхание. Лунев обернулся. Позади стоял старик, по виду — бродяга.

* Тульский губернатор с 23 ноября 1833 по 26 января 1839 года. Кавалер орденов Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 2-й ст., сенатор.

— Ты ее, барин, не спрашивай. Не в себе она. Лукерьей звать. Тута вот и дом ее был. Тута и жила она с мужем, Никифором, деток четверо. Погодки. Младшему два, старшему шесть годков. Сама-т она в тот день спозаранка пошла в Зарецкую слободку, на край, водицы чистой набрать. Мою с собою звала, да моя поленилась... А тут все и случись... Волосья-т у нее пообгорели, все лезла детишек своих спасать. А кого уж было спасать-то? Там уж, поди, и косточки их всех с отцовскими, да с угольями перемешались... Вот с тех пор и сидит здесь, ждет, когда муж с детьми домой придут...

Лунев присмотрелся к старухе внимательней и увидел вдруг в ее глазах то, что сразу не примечалось — отсутствие разума, понимания окружающего. А может, мешала заметить это лучистая чистота ее взгляда, обращенного на весь мир.

Старик почувствовал его недоверие.

— Да нет, барин... Не старая она... Точно не скажу, а и тридцати годков ей нету. За месяц состарилась. Да и на меня не смотри... Я-то в тот день тож пошел за реку к Николке Мартьянову, кожу у него торговать, да вот такой прибиток и получил... Все мои, и дом мой, и мастерская вон там, барин, и остались,— старик показал на пепелище с развалившейся, черной от гари печью с обломившейся трубой.

...Печей на пепелищах — впереди, позади, по сторонам — было множество. Стояли они, как черные надгробья, как недолговечные памятники домам с бывшей в них счастливой ли, горестной ли, жизнью.

Лунев достал серебрянный рубль, подал старухе. Та его взяла, положила рядом с собой на рогажу.

— Ты, барин, лучше мне его дай,— сказал старик.— Я за Лукерьей вроде как присматриваю, чтоб поела, да не обидел кто. У меня-т тож никого не осталось. Не сомневайся, на себя не потрачу. ...Да и не долго ей, по всему, ждать осталось, сама скоро к своим придет.

Лунев повернулся, пошел прочь.

— А улица эта, барин, звалась Крестовоздвиженскою*,— сказал ему в спину старик.

Вечером, за чаем, рассказал об увиденном владельцу дома, в котором проживал постоем, купцу 3-й гильдии Луке Ивановичу Маликову.

Тот поставил на стол чашку (в начале собирался было, по привычке, из блюда прихлебывать, да дочь Глафира, тихой скромницей сидевшая в углу, на отца так зыркнула, что без слов стало понятно, в чем промашка), огладил бороду, согласно покивал головой.

— Знаю, о ком говорите, Александр Николаевич. Петр Федюнин это, сапожный мастер, и Лукерья Агафонова. Он поперву, как подкармливать-то ее начал, на двоих получить бесплатной еды не мог, не давали. Ко мне пришел с руганью. Разобрались — помогли. А так, господин статский советник ни-ни! Только в одни руки! Каждая копейка благотворительных денег на счету!

Лука Иванович столичного постояльца опасался и побаивался. Вроде, и причин тому нет, не врал он про копейки-то, а все равно, что-то как-то, а свербило! Как назначил его господин губернатор, его превосходительство исполнять обязанности главы тульской Думы, так жизнь, и без того хлопотная, еще беспокойней стала. Очень уж скандальное хозяйство оставил после себя Яков Иванович Бабаев**, его предшест-

* Сегодня — улица Революции.

** Глава городской Думы в 1833 году. Тульская казенная палата выявила при нем значительный перерасход установленного лимита денежных средств. Отстранен от должности приказом губернатора.

венник, отставленный за денежную нечистоплотность. Это пожар помешал, а так двадцать одну тысячу пятьсот девять рубликов* по сию пору искали бы!

— ...Так что, не сомневайтесь, господин статский советник, за каждую копейку в любой момент могу отчет дать.

Лунев только головой покачал. Хозяин дома был ему симпатичен не растроченной, несмотря на шестьдесят четыре года, деловой хваткой, рапорядительностью, усердием, с которым исполнял общественные обязанности. Не было сомнений, что горожанам в час бедствий с Маликовым повезло — сумел организовать бесплатное питание почти двух тысяч человек, денежную помощь погорельцам, размещение их на временное проживание в уцелевших домах**. По возвращении в Санкт-Петербург Лунев собирался отметить в рапорте министру заслуги старшего гласного Думы Маликова***, исполняющего обязанности ее главы. Но Лука Иванович, с трудом заставляющий себя называть Лунева просто по имени и отчеству, о симпатии и намерениях статского советника ничего не знал и продолжал относиться к нему так, как, по его мнению, следует относиться к высоким столичным визитерам — с настороженностью и ожиданием неприятностей.

— Александр Николаевич, сегодня подсчитали полный городской ущерб от двух**** пожаров. Я и опись с собой прихватил. Посмотреть желаете?

— С бумагами завтра в присутствии ознакомлюсь. А сейчас, Лука Иванович, назовите мне основное, в чем город пострадал?

— Имущественный урон, причиненный пожарами, таков... Уничтожены огнем тысяча двести тридцать четыре дома, одиннадцать церквей, семьдесят шесть лавок, три завода, четыре фабрики, двадцать питейных домов, старые торговые ряды, гимназия, гостиный двор, казенный оружейный завод. ...А в деньгах, Александр Николаевич,— Маликов запнулся от величины цифры, которую нужно произнести, — под четырнадцать миллионов рублей!

Сумма произвела впечатление и на Лунева. В Маликове же, видно было, купец 3-й гильдии пересилил главу городской Думы, и он намеревался подробно разъяснить значительному, но благородного сословия, а потому настоящую цену деньгам не знающему, гостю, что означают четырнадцать миллионов рублей для Тулы!

...Но помешал неожиданный визитер. По вечернему времени баба, приходящая днем для уборки и кулинарничания, давно ушла домой, так что входную дверь открыла Глафира и вернулась через несколько минут с господином средних лет, гладко выбритым, с умным взглядом, одетым во флотский мундир со знаками капитан-лейтенанта.

— Не сердитесь, Лука Иванович, за беспокойство,— обратился он к хозяину. Затем повернулся к Луневу.

— Позвольте представиться, инспектор Тульского Александровского кадетского корпуса Иван Федорович Афремов*****

К Маликову Иван Федорович пришел за теми самыми сведениями об общем городском ущербе, объяснив необходимость получения их в сей час невозможностью сделать это в дневное время.

* Книга расходов велась так небрежно, что понять, куда делись эти деньги, так и не удалось.

** При Думе был оперативно создан специальный комитет, занимающийся помощью пострадавшим.

*** Лука Иванович Маликов был удостоен «монаршего благоволения», а 22 июля 1835 года его имя было внесено в Книгу почетных граждан Тулы.

**** Второй, не менее разрушительный, пожар случился в Туле 5 сентября.

***** Иван Федорович Афремов, родился 15 августа 1794 года в селе Сальницы Белевского уезда, из служилых дворян. Выпускник Морского кадетского корпуса, командовал бригам. Выйдя в отставку, служил с 1828-го по 1834-й год инспектором Тульского кадетского корпуса, произведен в майоры. Автор множества исторических трудов; впервые составил «Историческое обозрение Тульской губернии», и ныне являющееся базовым для историков и краеведов.

— Вы же, Лука Иванович, в присутствии долго не бываете. А в другом месте вас встретишь, у вас с собой нужных бумаг не окажется. Так что, не сердитесь и не обессудьте... Сами знаете, не из праздности любопытничаю...

Маликов махнул рукой, протянул гостю документ. ...Устал Лука Иванович за день, наполненный людскими горем и страданием; побыл за столом еще немного, а затем извинился, велел Глаше смотреть, чтобы гости довольны были, да и пошел к себе, отдыхать. Лунев с Афремовым к этому времени о хозяине, по правде говоря, несколько подзабыли, увлеклись беседой.

Иван Федорович оказался личностью прелюбопытной. Очень скоро признался Луневу, что причиной сегодняшнего его визита не одни лишь сведения из первых рук, а и персону самого статского советника. «Вы, Александр Николаевич, человек образованный, просвещенный, обретаетесь в самых чертогах власти. Не мог, никак не мог я не попытаться внимание такого человека к трудам своим привлечь». Тут же пояснил насторожившемуся было Луневу, что речь идет не о чинах, наградах и деньгах, а о содействии в издании близкой к завершению исторической рукописи о Туле и Тульской губернии. «Невосполнимой потерей будет для поколений, проживающих в будущем на тульской земле, утрата знаний о родном крае. Потомки обязаны знать, как и чем жили их предки, о делах их и свершениях, достойных гордости и признания».

О Туле Афремов рассказывал с восхищением и любовью. ...Неизвестно, как долго продолжалась бы их беседа, но о времени невольно напомнила Глаша, придремавшая под ученый разговор — уронила голову на грудь, спросонок встрепенулась, привлекла внимание. Условились завтра пройти по пути распространения пожара, распрощались...

Большую часть дня занял визит к военному губернатору Тулы, командиру оружейного завода генерал-лейтенанту Штадену*. Проживал он временно в своем имении, поскольку дом его при заводе пожар также не пощадил. Встреча эта оставила в сердце Лунева тяжелый, угнетающий душу осадок. Евстафий Евстафиевич казался тяжело больным и не желающим выздоравливать человеком.

На осторожные вопросы Лунева, прямо касающиеся уничтожения завода, отвечал невпопад или просто отмалчивался. Но видно было, что происходит это не от скрытности, не от стремления утаить что-либо, а лишь по причине сильнеешего душевного расстройствa, как бывает у людей, переживших огромную личную трагедию и боящихся вспомнить любую ее подробность.

— Вы, статский советник, человек для завода посторонний, вам случившееся понять трудно,— сказал он перед прощанием.— Не карьера, не чины меня заботят, они лишь часть жизни моей. А вся жизнь была — оружейный завод! А сейчас, Александр Николаевич, его нет! Да и ладно бы — жизнь! Мне, русскому генералу, жизнь для блага Отечества отдать — почет и Божья милость! Так ведь, не для блага получилось-то, а для урона! Завод восстановить можно, честь — нельзя!

...Не было вины на генерал-лейтенанте Штадене, и чины Военного министерства, проводившие дознание, это признали. Так уж случилось, что незадолго перед бедою

* Евстафий Евстафиевич Штаден, потомственный дворянин. Начал службу в 1793 году прапорщиком артиллерии. За доблесть, проявленную в боях с французами в Отечественной войне 1812 года, награжден боевыми орденами. С 20 апреля 1817 года командир Тульского оружейного завода, с 7 апреля 1824 года одновременно генерал-инспектор всех оружейных заводов Империи, тогда же добился перевода генеральной инспекции из столицы в Тулу. С 1826 года — генерал-лейтенант. После пожара, уничтожившего завод, тяжело болел и ушел в отставку со всех занимаемых постов. Вернулся на службу лишь в 1838 году генерал-инспектором оружейных заводов. Награжден многими орденами, в том числе высшими знаками отличия Империи — орденом Белого Орла и орденом Александра Невского. Закончил службу в чине генерала артиллерии. Умер 5 февраля 1845 года, похоронен в Туле на Чулковском кладбище.

приобрел он имение верстах в двадцати пяти от Тулы и в день пожара пригласил туда все заводское начальство отпраздновать покупку. И когда полыхнуло в городе, а затем и на заводе, оставались в нем только незначительные служащие, к большой ответственности непривычные, к решительным действиям неспособные. Не в чем было винить себя Евстафию Евстафиевичу... А винил! Знал бы, так имение это свое проклятое в день покупки своими руками бы спалил, лишь бы завод цел остался! Не уберег завод, не уберег... Этой мыслью и болел генерал. ...И не было лекарства от этой болезни.

Штаден по-старчески тяжело поднялся со стула, давая понять столичному гостю, что беседа завершена.

— Честь имею, господин статский советник. Завод вам, то, что от него осталось, если любопытствуете, покажет директор искусственной части подполковник Радожницкий*...

Фамилия Луневу была знакома. Вчера, рассказывая о тушении пожара на оружейном заводе, упоминал ее с уважением Афремов. Подполковник был единственным из заводских начальников, присутствующим в этот день в цехах.

Сейчас, правда, выслушивая его короткие, неохотные ответы на вопросы, глядя на вялую походку и, вроде бы, даже утратившую бравую выправку фигуру, трудно было представить, что именно он, как рассказывал Афремов, «при ужасном пожаре этом, оставив собственное семейство свое на произвол судьбы, сам как ветеран, закаленный в боях, не щадил себя в яростном пламени и имел счастье спасти сказанные** здания оружейного завода, чему был я личным свидетелем и, вывезя за город семейство мое, поспешил вывезти из квартиры жену его, оставшуюся без всякой помощи»***. Ясно было, что огонь уничтожил не только цеха и мастерские, но и смысл жизни людей, посвятивших себя оружейному делу.

Подошел Афремов, уважительно поздоровался с Радожницким, вежливо раскланялся со статским советником.

— Давайте отсюда и начнем, Александр Николаевич. Илья Тимофеевич, не желаете присоединиться?

Радожницкий отказался. Для него пожар здесь начался, здесь и закончился. Ничего больше о нем он слышать не хотел.

Они стояли на берегу Упы; за спиной их, на другой стороне реки, лежала нетронутая пожаром часть города — Чулковская и Зарецкая слободы, заселенные оружейниками. Перед ними простиралось пепелище.

— Эта улица называлась Пятницкая****, — сказал Афремов, — с нее огонь на завод и перекинулся. В третьем часу пылали уже все заводские постройки. Пойдемте, Александр Николаевич, по пути продвижения пламени.

— Это было очень страшно. Дул сильный юго-западный ветер, иногда меняя направление, — говорил Афремов. — Дома загорались не поочередно, а сразу по несколько. Люди кричали, их голоса заглушал рев пламени. Много народу погибло. У них не было возможности спастись, вокруг их домов уже не было пространства, не охваченного огнем.

Они шли по пепелищу.

— Это была улица Томилинская*****, — говорил Афремов, — сейчас мы выйдем

* Подполковник (в дальнейшем генерал-майор) Илья Тимофеевич Радожницкий, директор искусственной части оружейного завода с 1833 года. Автор «Записок артиллериста» о войне 1812 года.

** Оружейное правление, корпус паровой машины, дом заводской полиции.

*** Цитата из «Исторического обозрения Тульской губернии» И.Ф. Афремова.

**** Сегодня улица Металлистов.

***** Красноармейский проспект.

на улицу Крестовоздвиженскую^{*}. Там, дальше — Калужская^{**}, правее — Нижнедворянская^{***}, Съезженская^{****} и Георгиевская^{*****}...

Они шли по пепелищу. Названия — были, улиц — не было.

— Откуда начался пожар, установить уже невозможно, — говорил Афремов. — Пламя создавало собственные воздушные потоки, его распространяющие, и определить первое место загорания нельзя. Да и не к чему... О другом следует думать... О тех, кто остался без крова и малейшего имущества. Одной Думе с этим не справиться. Этот пожар беда всего города и справиться с ней может только он, весь город...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. СЕНТЯБРЬ, УТРО

— ...Таким образом, ваше сиятельство, можно с полной и твердой уверенностью сказать, что попытки искусственным способом уничтожить Тульский оружейный завод не было. Виновна в сей трагедии лишь стихия. Не в человеческих возможностях угадать или предвидеть длительность и постоянство направления ветра, распространяющего пожар.

Министр Блудов и генерал-адъютант Бенкендорф слушали доклад внимательно, не перебивая. Остались довольны или нет, понять было невозможно. Лунев закончил говорить, молча стоял перед сановниками.

Тишину нарушил министр.

— Доклад ваш принимаю, Александр Николаевич, — Блудов взглянул на Бенкендорфа. Тот согласно наклонил голову. — Идите, статский советник...

На Чернышевском мосту Лунев по привычке достал было брегет, не раскрывая, подержал на ладони, убрал обратно. Обернулся, посмотрел на здание министерства, другие дома на набережной; представил на их месте пепелища. Поежился. ...И прогнал эти мысли прочь.

...Тула справилась с последствиями огненной беды. Отзвучали молебны в храмах, завершились поминовения, и город, спрятав боль и страдание, начал восставать из пепла. Заново отстраивались дома, заводы, фабрики, оживала торговля. Но уроки из случившегося были извлечены...

Десять лет спустя, в 1844-м году «В г. Туле 5 сего мая в 3 часа пополудни во время сильной бури и жара, ...в самой середине города, в заду гостинного двора, загорелся внезапно сарай, на дворе мещанки Воротниковой, так сильно, что не успели вывести из онаго 3-х лошадей и спасти два экипажа. Огонь мгновенно распространился на соседственные постройки и угрожал опасностью всему городу. Жители, напуганные бывшими здесь прежде несчастными случаями, были приведены в страх и многие из них выбирались из своих домов. Прибывшие на место пожара, при самом начале появления огня, пожарные команды, как городская, так и заводская неустрашимыми своими действиями старались остановить дальнейшее распространение огня, на другие дома... Пожар был чрезвычайно силен и здания горели в пяти местах, вдруг между тремя улицами... огонь же начал уменьшаться к 5 часам.

Г. Военный губернатор считает долгом объявить совершенную свою благодарность Гг. Полицейстерам: Городскому... и Заводскому..., всем частным Приставам и Квартальным Надзирателям, за столь отличные действия; Командиру здешнаго Гар-

* Улица Революции.

** Улица Демонстрации.

*** Улица Пушкинская.

**** Улица Пушкинская.

***** Улица Бр. Жабровых.

низонного Баталиона... Гг. Офицерам онаго, равно Начальнику Жандармсой команды..., за содержание порядка при пожаре; жителям участвовавшим в прекращении огня, а так же и пожарным командам за неустрашимые их действия в утушении пожара. «Тульские губернские ведомости. № 19 от 12 мая 1844 года».

17 июля 1835 года была высочайше назначена комиссия о построении нового каменного Тульского оружейного завода под председательством артиллерии генерал-лейтенанта Николая Степановича Вельяминова. Но гордость и знания тульских мастеров заявили о себе задолго до монаршего решения. Заводской механик Павел Дмитриевич Захаво сумел исправить паровую машину (спасенную подполковником Радожницким), к которой были «приспособлены 50 станков для внутренней и наружной отделки оружейных стволов», «устроены им же гидравлические машины для точения и полировки штыков и шомполов». «После восьмимесячного бездействия вовсе погибшего завода, в 1-й день марта 1835 года, Захаво пустил в ход бердовскую паровую машину», и уже год спустя тульские оружейники поставили государству более 35 тысяч ружей.

...Страшная трагедия не сломала наш город, не замкнула его на себе, не ввела в упадок и прозябание. Огонь уничтожил полгорода, но не смог уничтожить мастерство и твердость туляков. ...Как не мог сделать этого никто, ничто и никогда.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ВТОРАЯ РОДИНА МОЯ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

*«Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен».*

А. С. Грибоедов

Говорят, для того, кто не знает,— все возможно. Так и я, готовясь к поездке в Черногорию на презентацию моего романа «Ближняя дача», переведенного на сербский язык, думал, что все знаю об этой стране и вряд ли увижу что-то новое.

Но, оказалось, я сильно ошибался. Уже на подлете к столице страны — городу Подгорице, застрявшему на небольшом плато среди гор, взор с борта самолета поразили красота и мощь природы, ее окружавшей. Казалось, Господь Бог специально создал этот благословенный край, чтобы человек понял, как он слаб и беспомощен перед стихией его созданий. Мощная, непрерывная цепь гор, покрытых снегом, перемежалась с бесконечными грядами возвышенностей, покрытых зеленой растительностью. И была в этом величии неповторимого творения Божьего такая захватывающая дух сила, что невольно становилось ясно: ты, возмнивший себя творцом природы человек,— просто песчинка, которую в любой миг могут закрутить и унести в небытие эти несказанные мощь и красота.

Похожее чувство охватывало меня раньше всего один раз: на вершине легендарной горы Синайского полуострова, где пророк Моисей встречался с Богом и получил от него в наказ людям Десять заповедей. Там так же, сколько охватывал взгляд, простиралась гряда чудовищно мощных, неповторимых в своей своеобразной красоте, гор-валунов, которых нет больше нигде в мире и которые как бы говорили: это могло быть творением только неземной силы.

Но в Черногории к красоте гор добавлялось еще одно: удивительное дружелюбие и гостеприимство людей, населяющих эту маленькую свободолюбивую страну на берегу теплого Адриатического моря. Особенно к русскому человеку, что неудивительно, потому что наши страны связывает многовековая дружба. Незримую эту связь я замечал на каждом шагу. В схожести языков: добре, разумею, писец (то есть, писатель). В том, что страной 53 года правил король Николай Первый (вспомним наших царей Николаев). В том, что и Черногория не избежала своего Лжедмитрия — семь лет страной правил Шчепан Мали, что в переводе означает Ложный король,

которого считали русским шпионом. До недавнего времени главная улица столицы гордо именовалась «Бульвар Ленина». И только недавно сменила это название на «Бульвар Святого Петра Щетиньского».

Ну, а сегодня наши связи и вовсе окрепли: русские буквально скупают красивейшее и сравнительно недорогое морское побережье Черногории, так что встретить соотечественника вблизи моря вовсе не проблема.

И потому чувствовал я себя в далеком зарубежье почти как дома. Тем более, что оснований к этому было предостаточно. В день моего прилета государственное телевидение и газеты сообщили, что на презентацию своей книги «Ближняя дача», переведенной на сербский язык, приехал известный русский писатель Валерий Маслов. В центральной черногорской газете «Вести» была напечатана статья под интригующим названием: «Прича рускиње писца Валериј Маслова» («Притча русского писателя Валерия Маслова»).

Ведущий литературный критик страны Богик Ракоцевич сделал обстоятельный анализ моей «Ближней дачи», а два канала государственного телевидения показали интервью со мной. На презентации книги в столице, организованной Культурно-информационным центром правительства Черногории, присутствовала не только широкая литературная общественность, но и посол России, официальные лица республики. Так что оснований возгордиться собой у провинциального тульского писателя было больше, чем достаточно. Тем более что, как говаривал Марк Твен «Меня хвалили великое множество раз, и я всегда смущался: я каждый раз чувствовал, что можно было сказать больше».

А уж когда машину, в которой ехали переводчик и я, остановил полицейский, но тут же, со словами, «А я видел вас по телевидению», отпустил, возгордиться у меня стало оснований еще больше. Но, чем дольше я находился в этой гостеприимной стране, чем чаще общался с ее удивительно добрыми и сердечными людьми, тем яснее понимал, что весь этот царский прием, все дружелюбие и гостеприимство, надо относить на счет моей великой родины. Именно Россия на протяжении многих веков никогда не оставляла маленький свободолюбивый народ Черногории без помощи и поддержки.

И, когда в старинном городе Плевля, на презентации моей книги зазвучали русские песни, школьники стали читать стихи Пушкина и Есенина, когда меня встретила надпись на русском языке «Добро пожаловать!», — я уже не обманывался. Все это было проявлением дани уважения к русскому народу, который в тот момент я представлял.

Потому уже не удивлялся, что градоначальник Плевли устроил грандиозный банкет на двести человек, где присутствовал цвет интеллигенции города и, особенно, именно те люди, которые знают русский язык, кто учит ему черногорских детей. Тому, что, когда на банкете зазвучала родная «Катюша», и я вышел в зал танцевать, прозвенел гром аплодисментов. Все это было проявлением той же любви к нашей стране, которой здесь пропитан буквально каждый человек.

К сожалению, Россия сейчас ничего не делает, чтобы поднимать свой престиж в этой стране. Если раньше русский язык изучали здесь в каждой школе, то теперь место великого и могучего занял английский. Вместо кириллицы везде появились надписи на чуждой этой православной стране латинице. Потому и мой роман «Ближняя дача», хоть и был переведен на сербский язык, но напечатан в старейшем сербском издательстве «Обод» на той же латинице. Страна стремительно рвется в объятия Запада, страшно хочет вступить в Евросоюз. И уже появились люди, которые не чтут даже национальные святыни. Гуляя по парку в двух шагах от президентского дворца, я наткнулся на величественный памятник в бронзе самого почитаемого поэта Черно-

гории — Петра Негоша. Но его постамент был обезображен разбитой бутылкой, а сбоку на постаменте кто-то крупно написал черной краской: «Варвар!».

Разве творец бессмертного «Горного венка», прославившего культуру черногорского народа и принесшего ему мировую известность, заслужил такую негативную оценку? Да и полицейским, бдительно охранявшим резиденцию президента и даже запретившим мне фото на ее фоне, не мешало бы обращать внимание на то, что творят с памятником величайшему соотечественнику настоящие варвары в ста метрах от резиденции главы государства.

Но главную и непреходящую в веках оценку прекрасной Черногории, ее гордому, свободолюбивому народу, дают не такие безмозглые варвары, что портят краской национальные святыни. Великий русский поэт А. С. Пушкин, восхищаясь непокорностью маленького народа чужеземцам, так написал об этой удивительной стране:

*Черногорцы — что ж такое? —
Бонапарт провозгласил.
Правда ль, это племя злое
Не боится моих сил?*

Когда побываешь в этой красивейшей стране, проникнешься ее духом, поближе узнаешь удивительно добрых людей, невольно сам начинаешь сочинять стихи. Я не поэт, но эти строки так и рвались из моей груди, когда, с вершины горы осматривал неземной красоты бухты и фьорды курорта Улцинь, из которого так не хотелось уезжать:

Красива и безгранична Черногория-страна.

Хочу, чтобы жила ты вечно,— вторая Родина моя!

Но и о первой своей родине — Туле, я также не забывал в далеком зарубежье. Я искренне гордился, когда слова «город Тула» звучали на моих презентациях, печатались в газетах, их произносили мои новые друзья, писатели и государственные деятели Черногории. Теперь и они знали о таком русском городе, расспрашивали о его людях и особенностях. Особенно меня обрадовало, что мой новый друг — профессор, ответственный работник министерства просвещения и наук, известный переводчик русских книг на сербский язык Владо Ашанин на каждой презентации книги рассказывал о прекрасном подарке из города Тулы — пятикилограммовом тульском прянике.

Надо заметить, что Владо — очень жизнерадостный, веселый человек, отец троих достигших высокого положения в обществе детей. И прекрасный знаток русской литературы. Его стараниями на сербский язык переведены «Пушкинский календарь», монография о последних днях жизни русского императора Николая Второго, стихи наших известных поэтов. И когда он взялся за перевод моей книги, попросил на это авторское согласие, я был польщен и удивлен. Но Владо мой исторический роман о Сталине и президенте современной России так понравился, что он отыскал меня даже во время отпуска на Черноморском побережье Кавказа. Поэтому, когда на презентации моей книги посол России Андрей Ермоленко сказал, что читал и другую мою книгу — «Мафия бессмертна», я уже ничему не удивлялся.

А прекрасная Черногория продолжала удивлять. Когда я улетал из Москвы, было минус два градуса, а прилетел в Подгорицу — плюс двадцать, зелень и пальмы. Но, если в столице была привычная для крупных городов России суета, то в горной местности, на прекрасных автострадах, подчас не встретишь ни одной машины. Здесь также как у нас, молодежь покидает родные пенаты и не хочет жить в деревнях и селах. Если в провинциальной Плевле еще танцуют национальные танцы, то в столи-

це господствует западная музыка. Если в старинном городке при встречах все обнимаются и целуются, то в Подгорице в общении присутствует совсем иной строгий деловой стиль.

И все-таки — это совершенно другая страна. Даже в столице работа заканчивается в четыре часа вечера, а дальше наступает благостный отдых. В десятках уютных кафешек под открытым небом, за столиками прямо на тротуарах люди неторопливо пьют ракию и кофе, обсуждают новости своей неторопливой жизни. Может быть, именно такое место и есть тот «рай», в котором Господь Бог изначально поселил Адама и Еву? Не знаю. Но именно в этих местах сбываются желания. Видимо, не случайно, моя случайная соседка по самолету, летевшему из Подгорицы, именно в Черногории нашла своего верного, красивого, гордого возлюбленного. А для меня эта беседа стала находкой: там, в этом самолете, родились сюжет и герои моего нового романа «Любовь не имеет названия».

Поистине, такая страна должна быть любима самим Господом Богом. Ибо сказано им: «Без меня не сможете сделать ничего». Здесь же, видимо, почти каждый смертный получает свою толику счастья. Возможно, поэтому я, в порыве нахлынувших эмоций, назвал черногорским друзьям этот благодатный край своей второй родиной.

Но всего лишь один маленький эпизод изрядно остудил мои восторги. После него как-то само собой расхотелось считать новой родиной чужую страну.

Вспомнил, как в далекие советские годы впервые попал в казавшуюся тогда желанной заграницей Турцию. Наш туристский теплоход медленно подкатывал к пристани в Стамбуле. Известный мне по книгам и фильмам экзотический город манил соблазнами Востока. Хотелось скорее очутиться на берегу, чтобы наяву увидеть райскую жизнь, полную достатка и приключений, которую я представлял.

Однако первой, с кем мы столкнулись после выхода с трапа теплохода, была толпа незнакомых людей, говорящих по-русски. Они окружили нас, советских туристов, и засыпали вопросами. Как же им хотелось хоть таким образом прикоснуться к своей бывшей родине — России!

И вот уже в двадцать первом веке, во времена всеобщей доступности и мобильной связи, в православной стране с прекрасным теплым климатом и дружелюбным народом, после презентации книги, ко мне подходит человек и начинает также жадно и страстно, как когда-то делали это несчастные русские в Стамбуле, расспрашивать о жизни в России. Ему очень хотелось все услышать из первых уст, от «настоящего» русского, который только что прилетел оттуда, с его, теперь уже навсегда потерянной родины.

— Разве, ты не можешь вернуться? — недоуменно спросил я. — Три часа лета, никаких виз, и ты дома!

— Ты не знаешь, как все тебя опутывает в другой стране! — воскликнул незнакомец. — Дети, новый дом и машина, купленные в кредит, работа — да мало ли что!?

И тогда я вспомнил своих знакомых, уехавших из Тулы за хорошей жизнью в другие страны. Талантливого менеджера Вадима, обосновавшегося в Израиле, получившего там работу грузчика и два инфаркта, который чуть ли не каждый день посылает знакомым в Тулу «эсемески» (из экономии) и письма по бесплатной электронной почте.

Гениального, высокооплачиваемого управленца одного из тульских оборонных заводов Александра, который обосновался в Испании, торгует там обувью, и теперь с тоской вспоминает о своей родине, надоедая тульским друзьям телефонными звонками.

Супер-программиста Михаила, ставшего в США сборщиком перегоревших лам-

почек, и вернувшегося оттуда после года неудачных попыток найти хоть какую-нибудь работу, соответствующую его квалификации.

Все они, конечно, теперь поняли, что Родина может быть только одна. Это почувствовал и я, когда возвратился домой из Черногории. Прекрасные слова — «дом, домой, у себя дома», многое объяснят тому, кто знает им цену. Пусть еще древний Аристофан утверждал: «Где хорошо, там и родина». Нет, Родина, Россия, отчий дом — это как воздух: его не замечаешь, но без него не можешь. И потому, следуя известному завету Господа нашего Иисуса Христа: «Что пользы тебе, если приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь?», надо помнить и понимать: потерю родины, места, где родился и вырос, страны, к которой прирос корнями, можно сравнить лишь с подобной потерей души.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ — СЫН ШТАБ-ЛЕКАРЯ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Принято считать, что место рождения и детство во многом определяют характер, а нередко и судьбу человека. Кажется, это можно отнести и к великому русскому писателю. Для меня, как врача, и, думаю, для читателей и почитателей Федора Михайловича будет небезынтересно узнать, что он родился в семье врача.

Дед писателя был священник. Его сын Михаил нарушил давнюю семейную традицию, послушался отца, настаивавшего на духовном поприще, и стал врачом. Он поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге и по окончании ее в качестве лекаря участвовал в Отечественной войне 1812 г. Затем последовали годы службы в полковых гарнизонах в чине штаб-лекаря, и в марте 1821 г. он определился на вакантную должность в московскую Мариинскую больницу для бедных. В этом же году в октябре (по старому стилю) в семье штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского родился сын, названный в честь деда по матери — дочери московского купца Марии Федоровны Нечаевой — Федором.

Мало того, что будущий писатель, певец униженных и оскорбленных, родился и первые 16 лет прожил во флигеле больницы для бедных, располагалось это учреждение на улице с многозначительным названием Новая Божедомка. Так была названа эта улица, потому что на ней располагался Божий дом. Это весьма примечательные заведения, возникновение которых на Руси относится к концу XVII века. В эти дома, а их было несколько в Москве, свозили бездомных нищих, умиравших в зимнее время на улице без предсмертного покаяния и исповеди — от переохлаждения, рук разбойников... Зимой их не хоронили — земля была твердой, промерзлой. После Пасхи к Божиим домам съезжались благочестивые москвичи, принимали участие в похоронах несчастных; привозили гробы, саваны, прочие похоронные принадлежности. Приезжали священники, отпевали покойных. Хоронили за счет благотворителей. Как свидетельствуют исторические источники, в погребеньях участвовали русские цари. Улица, на которой стоял Божий дом, стала называться Новой Божедомкой. Повидимому потому что был этот Божий дом не первый в Москве.

Мариинская больница была построена в 1806 г. по проекту знаменитого архитектора Д. Жилярди. Флигель, в котором жил штаб-лекарь с семьей, представлял собой одноэтажный дом (позже стал двухэтажным и вырос в длину). В нем было всего две комнаты и передняя. Его окружал сад, решеткой отделенный от большого больничного парка, сохранившегося до сих пор. Входить на территорию парка детям штаб-лекаря было строжайше запрещено из-за риска подцепить заразные болезни, которыми страдали Божии люди.

По мнению члена Французской академии Анри Труайя, у главы семейства был тяжелый характер. По его воле дети жили замкнуто, изолированно, росли отгороженными от всякого контакта с внешним миром, без общения со сверстниками. Супруги Достоевские у себя почти никого не принимали. Играть с чужими детьми запрещалось. Как считает французский автор, под влиянием многочисленных запретов и нотаций у Федора «развились боязнь общества, чрезмерная обидчивость, жгучие сомнения, от которых он страдал до самой смерти».

Однако сохранились воспоминания о том, что мальчик проявлял интерес к жизни больных, от которых его отделяла решетка больничного парка. Несмотря на строгий запрет, он любил заводить знакомства с ними, когда они прогуливались в парке.

Анри Труайя пишет о нелюбви сына к отцу. Считает, что неспроста Федор Михайлович вкладывает в уста Ивана Карамазова слова: «Кто не желает смерти отца?».

Скучную, бедную яркими впечатлениями жизнь во флигеле Мариинской больницы скрасила летом 1831 г. поездка в имение Даровое, купленное бережливым Михаилом Андреевичем. Все лето, проведенное без отца, оставшегося работать в больнице, стало светлым событием в жизни подростка. Маленькое имение и окружающая его природа представлялись детям — Мише, старшему из сыновей, Феде и младшему, Андрею — сказочным миром, где можно было предаваться веселым играм и шалостям, недоступным дома в Москве.

Учился грамоте будущий писатель по книге «Сто четыре истории Ветхого и Нового Завета». Когда он выучился читать, Михаил Андреевич пригласил для изучения Закона Божия дьякона из располагавшегося поблизости Екатерининского института. Французскому учил француз Сушар, а латынь преподавал сыну сам штаб-лекарь.

В 1937 г. умирает мать будущего писателя. Характер овдовевшего Михаила Андреевича стал еще более тяжелым, он стал тяготиться семьей, сыновьями. Подросших Михаила и Федора определил в Училище гражданских инженеров, о чем Федор Михайлович будет сожалеть всю жизнь. Отец Иоанн, священник Мариинской больницы, отслужил напутственный молебен, и Достоевский навсегда покинул флигель Мариинской больницы. А их отец навсегда покинул Москву, переселился в Даровое, где умер при загадочных обстоятельствах.

Как вспоминает доктор С. Яновский, друг Достоевского, «Федора Михайловича именно в детстве постигло то мрачное и тяжелое, что никогда не проходит безнаказанно и в годах зрелого возраста и что кладет в человеке складку того характера, который ведет к нервным болезням, а следовательно, и падучей, и к той угрюмости, скрытности и подозрительности».

На основе собранных вдовой писателя Анной Григорьевной материала в 1928 г. во флигеле, где родился писатель, был открыт музей-квартира. В музее были представлены рукописи и документы Федора Михайловича, а также некоторые предметы обстановки, присланные из дома в Люблине, где в 1861 г. писатель жил у своей сестры и работал над романом «Преступление и наказание».

Памятник писателю был создан в 1914 г. скульптором С. Меркуловым. При работе над ним ему позировал ни кто иной, как Александр Вертинский, поэт и популярнейший певец, друг скульптора. Первая мировая война помешала открытию памятника. Он был установлен на Цветном бульваре в 1918 г. В 1936 г. в связи с реконструкцией Москвы памятник перенесли и установили во дворе флигеля. В здании Мариинской больницы теперь НИИ фтизио-пульмонологии 1-го ММУ им. И. М. Сеченова. В бывшей больнице для бедных и теперь лечат людей тоже не весьма благополучных, а Новая Божедомка теперь носит имя великого писателя — улица Достоевского.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ХОРОШЕЕ И ДОБРОЕ НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

Должен вам честно признаться, я детскую телепередачу «Спокойной ночи малыши» не смотрю. Не потому что она неинтересна, отнюдь, а потому что некогда, да и возраст к тому же. А тут пришлось мне как-то сидеть с двухлетней внучкой, которая в отличие от меня «Спокойной ночи малыши» любит и смотрит с удовольствием. Я включил ей эту замечательную телепередачу, а сам стал заниматься своими делами. После узнаваемых и ставших родными не одному поколению россиян музыкальных позывных этой передачи, начался мультфильм о Лунтике. Мультяшными персонажами были пчелки дедушка Шер и бабушка Капа. Услышав такие имена, я отложил свои дела и с любопытством стал вглядываться в телеэкран. «Надо же какое совпадение — Шер и Капа, нарочно не придумаешь», — подумал я, вспомнив замечательных людей, живших в нашем

городе Щекино — Бориса Константиновича Шера и его жену Капитолину Ивановну. Бориса Константиновича, к сожалению, с нами нет уже десять лет, а вот Капитолина Ивановна, слава Богу, здравствует, только живет она теперь в другом городе.

Борис Константинович Шер знаком многим щекинцам, особенно людям старшего поколения, как художественный руководитель Дома культуры «Химик» в поселке Первомайский. Еще больше Борис Константинович знаменит тем, что в начале шестидесятых годов теперь уже прошлого века создал при ДК вначале народный театр ТЭМП, расшифровывался как театр эстрадных миниатюр Первомайского, а затем киностудию «Проба», в полном варианте это означает — производственное объединение «Азот». Знаменитый создатель детского юмористического киножурнала «Ералаш» Борис Юрьевич Грачевский свой первый фильм выпустил в 1974 году, а наш Борис Константинович Шер еще в сентябре 1966 года по своему собственному написанному сценарию снял детский малометражный юмористический игровой фильм «В первый раз в первый класс». Восьмого сентября того же года фильм был смонтирован, и этот день принято официально считать началом творческого пути киностудии «Проба». Второй фильм назывался «Дети подземелья». Этот фильм был признан победителем на пятом Всероссийском кинофестивале любительских фильмов, посвя-

ценных памятникам истории и культуры, проходившем в городе Перми в июле 1972 года. А уже спустя пять лет третий игровой фильм Бориса Константиновича под названием «Опять двойка», на конкурсе любительских фильмов, проходившем в Венгрии, получил два приза первой степени и один приз второй степени. Фильм имел грандиозный успех в международном масштабе. Кстати сказать, на конкурс в Венгрию был приглашен лично Борис Константинович, но в министерстве культуры СССР решили, что в Будапешт должен ехать чиновник от минкульта. Такие были времена.

Все эти фильмы Борис Константинович снимал в школе поселка Первомайский и в Щекинской шестой школе, где в то время работала учителем и приносила доброе, разумное и вечное в детские умы и души его жена Капитолина Ивановна. Ее ученики и стали первыми артистами, снявшимися в фильмах у Бориса Константиновича, хотя, если быть более объективным, первым артистом, вернее артисткой, у режиссера

Шера, конечно же, была Капитолина Ивановна. Работая директором Вельского Дома культуры Архангельской области, влюбился он в участницу художественной самодеятельности, энергичную и жизнерадостную комсомолку — его избранница работала вторым секретарем районного комитета комсомола, спортсменку и просто красавицу Капитолину Шарову. Чем не сюжет для романа или фильма?! Но сейчас не о том, сейчас не о творчестве, сейчас о главном — о любви. Капитолина ответила взаимностью, да и кто бы сомневался?! Ведь перед девушкой во всей своей красе предстал не только директор Дома культуры и руководитель художественной самодеятельности, но и видный военный, молодой отставной офицер — лейтенант, да к тому же еще и прекрасный фотограф. Только сейчас он в руках держал не фотоаппарат, а большой букет цветов. В общем, сыграли свадьбу и зажили счастливой семейной жизнью. Вскоре у молодых родилась дочь — Елена, а после ее рождения уехали они из Архангельской области в Тульские края. Вначале жили в городе Советске, а затем в шестидесятых годах переехали в город Щекино, где в основном и проявились огромные творческие способности Бориса Константиновича.

Борис Константинович Шер родился 31 декабря 1926 года в городе Харькове в семье типографского служащего. Его отец Константин Григорьевич в силу специфики своей работы часто уезжал в длительные командировки, забирая с собой и семью. По несколько месяцев жили в различных регионах страны. Приходилось снимать квартиру в Сибири, временно занимать казенную жилплощадь на Урале, обустроить свой быт в Средней Азии. Бывало такое: только обживутся они на новом месте, только подружатся с соседями, только создаст домашний уют мама Бориса Константиновича Мария Александровна, как приходит приказ убыть к новому месту назначения. Нередко школьник Борис Шер учебный год начинал в одном городе, а заканчивал его в другом. Начавшаяся война застала семью Шер в Казани, но вскоре они переехали в Архангельскую область, где прожили долгое время. Заканчивать школу Борису Константиновичу пришлось в городе Вельске Архангельской области. Выпускники военных лет ничем не отличались от выпускников другого времени. Так же мечтали о взрослой жизни, о большой и светлой любви, о красивых и модных наря-

дах. Мальчишкам повезло меньше. Вместо красивых костюмов им вскоре пришлось надеть солдатские гимнастерки и встать в строй. Бориса Константиновича направили служить на Дальний Восток, где в то время у границ Советского Союза было сосредоточено огромное количество японских милитаристских войск. Там же на Дальнем Востоке и встретил он победу. После войны Борис Константинович вернулся в Архангельск, где вскоре повстречал свою судьбу.

Капитолина Ивановна Шарова родилась в деревне Заболотье Холмогорского района Архангельской области в семье крестьян-пекарей. Ее родители отец Иван Михайлович и мама Мария Михайловна смогли дать дочери прекрасное воспитание и образование, которые помогли ей в дальнейшей самостоятельной

жизни в городе Вельске, где у Капиталины Ивановны появилось много друзей и знакомых, пришло признание и уважение коллег по работе. А потому, услышав предложение мужа уехать в молодой и развивающийся город Щекино, восприняла с осторожностью. Не потому что испугалась трудностей или неизвестности, нет, просто женщины намного мудрее и прагматичнее мужчин. Они, в отличие от мужчин, больше склонны к созданию и уютному обустройству своих жилищ, своих «гнездышек» и меньше к различным жизненным изменениям, переездам или поискам романтизма. По крайней мере, мне так кажется. Но Капитолина Ивановна знала, что с Борисом Константиновичем можно ехать хоть на край света. Знала, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не подведет, не бросит в трудную минуту, не предаст, а потому — согласилась.

Город Щекино к тому моменту рос и процветал. Работал во всю мощь, выдавая продукцию и перевыполняя план, химический гигант, о котором в те времена много писали газеты, говорили на радио, показывали по телевидению, снимали фильмы. Вскоре о заводе появились и фильмы, созданные Борисом Константиновичем на киностудии «Проба». Фильмы рассказывали о буднях химкомбината, о работающих на нем людях, об их нелегком труде и быте. Но не только о заводе снимал Борис Константинович Шер. Все его фильмы в полном объеме отражали жизнь огромного по своей территории района. Стекланный глаз его кинокамеры заглядывал в самые сокровенные места, выхватывал из жизни самое главное, самое интересное, самое нужное. В кого только не приходилось перевоплощаться художественному руководителю Первомайского Дома культуры. Снимая фильм о людях села, он на время становился колхозником, влезал на самую верхотуру, показывая на экране работу монтажников, или спускался в шахту с шахтерами, да не просто в шахту, а в забой, в самую, что ни на есть шахтерскую преисподнюю. Всего Борисом Константиновичем и его командой на киностудии «Проба» было изготовлено свыше ста полнометражных фильмов со звуком и титрами. Продолжительность фильмов по времени разная, от трех до сорока пяти минут.

Мне тоже посчастливилось сняться у Бориса Константиновича в кино. Я помню, как он снимал наш класс в одиннадцатой школе, где я учился вместе с его дочерью

Леночкой Шер. Борис Константинович ходил между рядами парт и внимательно глядывался кинокамерой в наши лица. Затем в кинокамере заканчивался завод, и он заводил ее, точно так, как наши родители дома заводили старые металлические будильники советской эпохи. И вновь кинокамера оживала, и вновь начинала стрекотать, и вновь он снимал нас, словно хотел запечатлеть, оставить для истории такими, какими мы были,— счастливыми и радостными, с изумлением, восторгом, смущением и детской наивностью вззирающими на кинокамеру. А мы запомнили его. Запомнили таким, каким его видели — интеллигентным и культурным в общении, аккуратным и неспешным в движениях, со строгим видом, но с добрыми глазами человеком. Запомнили его тем, что он подарил нам незабываемые минуты таинственной жизни кино, подарил волшебный мир искусства, подарил нам сказку, а ведь только в сказках дети и бывают-то по-настоящему счастливы...

Осенью 2002 года Бориса Константиновича не стало. Гроб с его телом был выставлен в вестибюле Первомайского Дома культуры, к которому потоком шли люди. Площадь перед Домом культуры была заполнена до отказа. Сновали люди, стояли автобусы, подъезжали какие-то машины. Казалось, с мэтром Щекинского любительского кино пришел проститься весь город. Я тоже приходил прощаться с Борисом Константиновичем, приходил поклониться его таланту, приходил проводить его в последний путь. Я издали видел находившихся у гроба его родных и близких, видел Капитолину Ивановну, видел свою одноклассницу Елену Шер, которая естественно замужем и, конечно же, уже не Шер. Я не подошел к ним и не выразил своего чувства соболезнования, знал, что не до меня им было в тот момент. Уж слишком большая была горечь утраты. Утраты для всех. Помню, как одна из женщин, видимо коллега Бориса Константиновича, стоя у гроба, не верила в реальность происходившего. «Мне кажется, он сейчас встанет и скажет: ну что, здорово я вас разыграл?» — говорила она в своем прощальном слове. Но, увы, это была реальность. Мэтр Щекинского кино, руководитель любительской киностудии «Проба» от нас ушел навсегда.

Несколькими месяцами ранее я тогда еще внештатный корреспондент газеты «Щекинский вестник» подготавливал с Борисом Константиновичем для газеты интервью. Помню, он высказал опасение, что после него киностудия «Проба» перестанет существовать, что ее закроют, а фильмы в лучшем случае положат на какую-нибудь дальнюю полку или растащат, а в худшем выбросят на свалку или сожгут. К сожалению, его слова были пророческими. Сегодня в городе киностудии нет, хотя Борис Константинович подготовил целую группу талантливых молодых людей, которые готовы были продолжать его дело, но то ли отсутствие финансирования, то ли сегодняшняя не востребованность кино, то ли какие-то другие причины повлияли на уничтожение этого важнейшего из искусств. Очень жаль. Борис Константинович Шер оставил нам, всем жителям города огромный багаж культурного наследия, а мы его утратили, потеряли, распродали, растащили, распылили по ветру словно пепел. Горестно это все и глупо. Стыдно нам всем должно быть: и власти имущим, и не имеющим никакой власти перед памятью о Борисе Константиновиче, стыдно должно быть перед самими собой, стыдно должно быть перед нашим будущим.

Но хорошее и доброе никогда не проходит бесследно, не исчезает в небытии, оно всегда возвращается, особенно к тем, кто это хорошее и доброе любит и ждет, например, к детям. Кинорежиссер Борис Константинович Шер очень любил детей, ведь неслучайно его первые фильмы были о детях. Учительница Капитолина Ивановна тоже не один десяток лет отдавала детям свою любовь. И сейчас, будучи на заслуженном отдыхе, не утратила связи со школой, связи с детьми. И хочется верить, что имена: дедушка Шер и бабушка Капа, не случайно явились именно в мультфильме, явились именно детям. Это закономерно. Потому что дети всегда добрее и честнее нас, взрослых.

И в заключение. В июне 2010 года в северном норвежском городе Тромсо международной киностудией снимался любительский короткометражный игровой фильм под названием «*Carpe Diem*», что в переводе на русский означает «Лови момент». Автором сценария и режиссером этого фильма была наша соотечественница Светлана Аверьянова, внучка Бориса Константиновича Шера. Жизнь продолжается.

На фото:

- 1. Борис Константинович и Капитолина Ивановна;*
- 2. Рабочий момент съемок игрового фильма;*
- 3. Капитолина Ивановна с учащимися школы;*
- 4. Дедушка Шер и бабушка Капа с внучкой Светланой*
Фото из домашнего архива семьи Шер

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ ТОЖЕ ШУТЯТ

ЮМОР СТАЛИНА

Товарищ Сталин не был обделен чувством юмора, несколько примеров:

Из воспоминаний одного из охранников Сталина А. Рыбина.

В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофером и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

— Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

— Это что,— ответил Иосиф Виссарионович,— он еще мне свой пистолет в плащ сунул — возьмите, мол, на всякий случай!

* * *

Однажды Сталину доложили, что у маршала Рокоссовского появилась любовница и это — известная красавица-актриса Валентина Серова. И, мол, что с ними теперь делать будем? Сталин вынул изо рта трубку, чуть подумал и сказал:

— Что будем, что будем... завидовать будем!

* * *

Сталин ходил с Первым секретарем ЦК Грузии А. И. Мгеладзе по аллеям кунцевской дачи и угощал его лимонами, которые вырастил сам в своем лимоннике:

— Попробуйте, здесь, под Москвой, выросли!

И так несколько раз, между разговорами на другие темы:

— Попробуйте, хорошие лимоны!

Наконец собеседника осенило:

— Товарищ Сталин, я вам обещаю, что через семь лет Грузия обеспечит страну лимонами, и мы не будем ввозить их из-за границы.

— Слава Богу, догадался! — сказал Сталин.

* * *

Конструктор артиллерийских систем В. Г. Грабин рассказывал мне, как в канун 1942 года его пригласил Сталин и сказал:

— Ваша пушка спасла Россию. Вы что хотите — Героя Социалистического Труда или Сталинскую премию?

— Мне все равно, товарищ Сталин.
Дали и то, и другое.

* * *

Во время войны войска под командованием Баграмяна первыми вышли к Балтике. Чтобы преподнести это событие по пафоснее, армянский генерал лично налил в бутылку воды из Балтийского моря и велел своему адъютанту лететь с этой бутылкой в Москву к Сталину. Тот и полетел. Но пока он летел, немцы контратаковали и отбросили Баграмяна от балтийского побережья. К моменту прилета адъютанта в Москве об этом были уже осведомлены, а сам адъютант не знал — в самолете радио не было. И вот гордый адъютант входит в кабинет Сталина и пафосно провозглашает:

— Товарищ Сталин, генерал Баграмян посылает Вам воду Балтики!

Сталин берет бутылку, несколько секунд вертит ее в руках, после чего отдает обратно адъютанту и произносит:

— Отдай обратно Баграмяну, скажи, пусть выльет там, где взял.

* * *

Разные люди, которым довелось смотреть кинофильмы со Сталиным, рассказали мне много эпизодов на эту тему. Вот один из них.

В 1949 году смотрели «Поезд идет на восток». Фильм — не ахти какой: едет поезд, останавливается...

— Какая это станция? — спросил Сталин.

— Демьяновка.

— Вот здесь я и сойду,— сказал Сталин и вышел из зала.

* * *

При разработке автомобиля «Победа» планировалось, что название машины будет «Родина». Узнав об этом, Сталин иронически спросил: «Ну и почему у нас будет Родина?» Название автомобиля сразу изменили.

* * *

Обсуждалась кандидатура на пост министра угольной промышленности.

Предложили директора одной из шахт Засядько. Кто-то возразил:

— Все хорошо, но он злоупотребляет спиртными напитками!

— Пригласите его ко мне,— сказал Сталин. Пришел Засядько. Сталин стал с ним беседовать и предложил выпить.

— С удовольствием,— сказал Засядько, налил стакан водки: — За ваше здоровье, товарищ Сталин! — выпил и продолжил разговор.

Сталин чуть отхлебнул и, внимательно наблюдая, предложил по второй. Засядько — хлюбсь второй стакан, и ни в одном глазу. Сталин предложил по третьей, но его собеседник отодвинул свой стакан в сторону и сказал:

— Засядько меру знает.

Поговорили. На заседании Политбюро, когда снова встал вопрос о кандидатуре министра, и снова было заявлено о злоупотреблении спиртным предлагаемым кандидатом, Сталин, прохаживаясь с трубкой, сказал:

— Засядько меру знает!

И много лет Засядько возглавлял нашу угольную промышленность...

* * *

Один генерал-полковник докладывал Сталину о положении дел. Верховный главнокомандующий выглядел очень довольным и дважды одобрительно кивнул. Окончив доклад, военачальник замялся. Сталин спросил: «Вы хотите еще что-нибудь сказать?»

«Да, у меня личный вопрос. В Германии я отобрал кое-какие интересующие меня вещи, но на контрольном пункте их задержали. Если можно, я просил бы вернуть их мне».

— Это можно. Напишите рапорт, я наложу резолюцию.

Генерал-полковник вытащил из кармана заранее заготовленный рапорт. Сталин наложил резолюцию. Проситель начал горячо благодарить.

— Не стоит благодарности,— заметил Сталин.

Прочитав написанную на рапорте резолюцию: «Вернуть полковнику его барахло. И. Сталин», генерал обратился к Верховному:

— Тут описка, товарищ Сталин. Я не полковник, а генерал-полковник.

— Нет, тут все правильно, товарищ полковник,— ответил Сталин.

* * *

Адмирал И. Исаков с 1938 года был заместителем наркома Военно-Морского флота. Однажды в 1946 году ему позвонил Сталин и сказал, что есть мнение назначить его начальником Главного Морского штаба, в том году переименованного в Главный штаб ВМФ.

Исаков ответил:

— Товарищ Сталин, должен вам доложить, что у меня серьезный недостаток: ампутирована одна нога.

— Это единственный недостаток, о котором вы считаете необходимым доложить? — последовал вопрос.

— Да,— подтвердил адмирал.

— У нас раньше был начальник штаба без головы. Ничего, работал. У вас только ноги нет — это не страшно,— заключил Сталин.

* * *

В первый послевоенный год министр финансов А. Зверев, обеспокоенный высокими гонорарами ряда крупных писателей, подготовил соответствующую докладную записку и представил ее Сталину. Тот попросил пригласить к нему Зверева. Когда министр вошел, Сталин, не предлагая ему сесть, сказал:

— Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!

— Ужасно, товарищ Сталин, ужасно, — подтвердил министр.

Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели — это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?»

* * *

Осенью 1936 года на Западе распространился слух о том, что от тяжелой болезни скончался Иосиф Сталин. Чарльз Ниттер, корреспондент информационного агентства Ассошиэтед Пресс, решил получить информацию из самого достоверного источника. Он отправился в Кремль, где передал для Сталина письмо, в котором просил: подтвердить или опровергнуть этот слух.

Сталин ответил журналисту немедленно: «Милостивый государь! Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

26 октября 1936. С уважением И. Сталин».

* * *

Как-то иностранные корреспонденты спросили Сталина:

— Почему на гербе Армении изображена гора Арарат, ведь она не находится на территории Армении?

Сталин ответил:

— На гербе Турции изображен полумесяц, а ведь он тоже не находится на территории Турции.

* * *

Наркома сельского хозяйства Украины вызвали на Политбюро. Он спросил:

— Как я должен докладывать: кратко или подробно?

— Как хотите, можете кратко, можете подробно, но регламент три минуты,— ответил Сталин.

* * *

В Большом Театре готовили новую постановку оперы Глинки «Иван Сусанин». Послушали члены комиссии во главе с председателем Большаковым и решили, что надо снять финал «Славься, русский народ!»: церковность, патриархальщина...

Доложили Сталину.

— А мы поступим по-другому: финал оставим, а Большакова снимем.

* * *

Когда решали, что делать с немецким военным флотом, Сталин предложил поделить, а Черчилль внес встречное предложение:

— Затопить.

Сталин отвечает:

— Вот вы свою половину и топите.

* * *

Сталин приехал на спектакль в Художественный театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку сказал:

— Алексеев,— называя свою настоящую фамилию.

— Джугашвили,— ответил Сталин, пожимая руку, и прошел к своему креслу.

* * *

Гарриман на Потсдамской конференции спросил у Сталина:

— После того, как немцы в 1941 году были в 18 км. от Москвы, наверное, вам сейчас приятно делить поверженный Берлин?

— Царь Александр дошел до Парижа,— ответил Сталин.

* * *

На переговорах шли споры о послевоенных границах, и Черчилль сказал:

— Но Львов никогда не был русским городом!

— А Варшава была,— возразил Сталин.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ) (Заказная редакционная статья)

*Счастливы будут те, кто услышит слова
мертвых, ведь они будут читать хорошие
произведения и следовать тому, что
наказывали их предки...*

Леонардо да Винчи

В момент Большого взрыва, предполагаемого наукой, возникло время. Как утверждается, оно сначала было дискретным, по-нашему, цифровым: интервал существования — промежуток отсутствия, и т.д. Чередование прекратилось, едва время, набрав силу, вышло на уровень непрерывности, протянув до наших дней аналоговую ось четвертого измерения. Не думаю, что человечество могло бы существовать в условиях дискретного времени, если бы развитие Вселенной происходило по цифровому сценарию. Сразу оговорюсь (и прошу прощения) — данная статья создана человеком преимущественно с аналоговым мышлением для себе подобных, поскольку люди иного типа могут не воспринять ее.

Обдумывая эту статью, я не только изучила материалы, присланные в редакцию по вопросу противоречий «бумажной» и «компьютерной» литературы, но и обобщила свой педагогический опыт последних лет, придя к не слишком оптимистическим выводам.

К примеру, письмо Федора Ошевнева из Ростова-на-Дону, продавца книг. Сетует он, что практически не продаваемы нынче не только советские классики, но и зарубежные титаны масштаба Гюго, Бальзака, Золя. Однако, я сама в метро время от времени встречаю совсем молодых девушек и — правда, реже, — парней, погруженных в

«Отца Горио» или «Страницу любви». Недавно ехал подросток лет пятнадцати и запойно читал «Трех мушкетеров». Женщину, под тридцать, «поймала» с Драйзером.

Думаю, дело еще и в том, что такие книги передаются по наследству и давно имеются в библиотеках большинства читающего контингента. У меня целые собрания сочинений этих авторов, естественно, я пройду мимо них в магазине или на ярмарке.

Далее цитирую: *«Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит, мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошелем полезла. Сынуля же ее обежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему — говорю — не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем: «А ее чита-ать надо!» (Ф. Ошевнев, г. Ростов-на-Дону).*

Другая картинка, из собственной практики: веду урок, готовлю к экзамену второкурников политехнического колледжа (я преподаю физику). Вдруг вопрос утомившего студента к старосте группы: — А какой следующий урок?

Ответ: — Общественное!

Раздается стон: — Опять эта ненормальная со своим Гарри Поттером!

Сразу понимаю, — коллега пытается использовать популярную сказку, чтобы удержать внимание учеников. Интересуюсь, — мол, чем же вам бедный Гарри не угодил?

Слышу (заметьте!): — Она нам рассказывала об отношениях людей в обществе и примеры из этой книги приводила! Причем тут книга «фэнтэзи» — и жизнь?

Это ж никак не связано!

У читающего с детства человека формируется сложное причинно-следственное, логическое, абстрактно-ассоциативное мышление, отсюда воображение и способность к творческой деятельности. Вспомним-ка, — во всех книгах действие развивается в определенной последовательности, а если, как в хорошем детективе, есть какая-то загадочная завязка, то в результате она оказывается вполне объяснимой; случается, даже недоумеваешь, — все очевидно, почему сразу в голову не пришло?

Если кто-то изначально пользуется только наглядными видами информационных источников (телевидение, компьютер и т.п.), то у такого индивида будет складываться «сценарное» мышление. Пример: детективный фильм.

Сцена 1: у себя дома мило разговаривают молодые супруги. Целуются, и — сразу сцена 2: в лесу двое неизвестных убивают третьего. Никаких рассуждений в промежутке, ни одного связующего звена. Только пото-о-ом высвечивается некая связь, и не просмотренных эпизодов, а персонажей и событий. Скажем, — убит был троюродный брат молодого мужа из первой сцены, которого тот ни разу не видел, хоть и знал о его существовании. Эпизод, еще эпизод, и еще, а вместе фильм. Какое мышление формируется? Безассоциативное, конкретно-наглядное, логически-личностное. Особенно, — если на досуге только фильмы, да и те не Тарковский.

В результате:

Студент: — Отпустите меня, мне срочно нужно на радиорынок, не работает плеер.

Преподаватель (в шоке): — Нет. Поедешь после уроков.

Студент: — Вы что, не понимаете, мне НУЖНО на радиорынок!

Преподаватель: — Закончатся уроки, езжай, куда хочешь. Твоя обязанность — прежде всего учиться (и т.п.)

Студент (совершенно искренне и не желая обидеть): — Что вы такой тупой-то?

Как вы не можете понять — МНЕ НУЖНО на радиорынок! Я ж завтра приду! Я каждый день хожу в колледж! Не прогуливаю!

Имейте в виду: в его глазах эти доводы *абсолютно логичны и неотразимы*.

Подобные диалоги довольно часты, разговор идет вовсе не на разных языках, гораздо хуже — между жителями далеких друг от друга миров. Естественно, каждый отстаивает и считает наиболее правильным собственный уровень мышления.

В Интернете встречаются мнения обеих сторон, причем нечитающая молодежь выдвигает довольно шаткий аргумент в свою пользу — по смыслу (так как четкие формулировки даются им с трудом) он сводится к тому, что новое поколение автоматически прогрессивно, а предыдущие, соответственно, отсталые, следовательно, цифровое мышление лучше аналогового. Несмотря на софистику подобного вывода, он, кстати, делается по зачаточным принципам аналогичности, как ни крути.

Общеизвестно, что в истории человечества случались периоды взлета и упадка той или иной культуры, когда молодость несла регресс и деградацию в сравнении с уходящими поколениями. Любимые поговорки моих учеников на протяжении ближайших двадцати с гаком лет: «Мне что, больше всех надо?» и еще «А почему — я?». Это ли не явный признак регресса? Молодежи по определению ДОЛЖНО БЫТЬ «больше всех надо», только тогда цивилизация идет вперед.

Вернемся к дискуссионным материалам. Посмотрим, что говорят их авторы:

«...чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык... Не мешает электронная книга бумажной... На дисках можно не только читать книгу, но и слушать...» (Ирина Кедрова, г. Москва).

Бесспорно. От прогресса не уйти, кроме того, цифровые записи более долговечны, что немаловажно.

«...Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности...» (Людмила Авдеева, г. Москва).

Не совсем согласна. Иллюзия,— как посеялась, так и рассеется, если она не подтверждена талантом и знанием. Дело не в носителе информации, а в ее содержании.

«Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось,— останется гениальным. И, наоборот,— если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст» (Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия).

На мой взгляд, несомненно.

Кстати, одно из важнейших условий сотворения хорошего текста точно и образно очертил в стихотворной форме поэт Владимир Корнилов из г. Братска:

*«Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов».*

Отсюда, обвинить в гедонизме (о чем также говорилось в статье нашего уважаемого главного редактора) нынешнего трудолюбивого и ответственного автора я не рискнула бы даже при изменившихся технических возможностях нашего времени. Голова все равно должна работать по полной программе. Без нее не напишешь.

При этом безызвестно, что *«...в нынешнее время трудно, даже весьма талантливому автору, попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам*

в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема.) (Ирина Мадрига, г. Свалява, Украина).

По поводу идеологических предпочтений могу заметить — нет у наших издателей, в большинстве их, никакой сколько-нибудь выраженной идеологии. Как и множество однодневных СМИ, публикуют только жареное, гламурное или кровавое, могут — пустую и бездумную развлекашку. Почему-то им в головы (по поводу той же выгоды) даже не является мысль о том, что это надоело давно, и есть немало желающих найти и приобрести современную неглупую, грамотно написанную книгу. Спасибо, хоть классиков печатают еще.

«Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившемся на экране, как уже готовом, завершённом... Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается легковесным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный текстолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор...» (Рудольф Артамонов, г. Москва).

Явное преувеличение. Если автор не владеет словом, несущественно, строчит он на компьютере или на бумаге. Итог известен.

«Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?»

Почему же уважаемый Рудольф Георгиевич не догадался об этом «без труда»? Или под «опытным текстологом» он подразумевал не себя?

Кстати, лично я пишу преимущественно на компьютере, особенно прозу, более того, у меня, на мой взгляд, «вручную» хуже и тяжелее получается. Авторучка, что ли, не вдохновляет... Гусиным пером, правда, не пробовала, кто знает?..

Речь, однако, не об этом. Бессмысленно пытаться остановить технический прогресс, человечество всерьез не пересядет с космического корабля и реактивного самолета опять на «лошадку мохноногую» и не откажется от компьютера ради чернильницы, но предотвратить дальнейшую «оцифровку» человеческого мышления можно и необходимо. Возникает вопрос — зачем? А если как раз в этом и есть «великая сермяжная правда»? Обидно чувствовать себя отживающим элементом, но следует ли сохранять старое в ущерб *любой* новизне?

Прежде чем попробовать ответить на эти вопросы, я задам еще один. Какой предмет сейчас наиболее нелюбим в общеобразовательном процессе?

Литература.

Это я вам, как преподаватель, говорю.

Ученик, в отвлеченном разговоре, может согласиться, что нужна математика, нужны естественные науки и, пожалуй, родной язык — чтобы грамотно составить заявление в суд или на работу, со скрипом и неохотно признает (относительную!) нужность истории и географии, но никак не хочет добровольно признать необходимость литературы.

В чем же дело?

В ассоциативном мышлении, точнее, в его планомерном разрушении при увлечении телевидением и компьютером.

Вспомним эпизод с дубом в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Ассоциация 1: *«...он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны...»*

В состоянии депрессии, как мы теперь называем подобное настроение, князь Андрей воплотил в нем собственные разочарование, горечь, чувство вины перед покойной женой.

Ассоциация 2: «...*Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца...*».

При ином расположении духа и дуб в глазах человека преобразился. «*Нет, жизнь не кончена в тридцать один год...*» — в результате решает князь Андрей.

Что произойдет в случае утраты человечеством способности к ассоциативному мышлению? Компьютерные дети, если мне будет позволено такое сравнение, уже сейчас проявляют этот недостаток мыслительной деятельности и, очевидно, по этой причине плохо воспринимают наиболее яркие произведения литературы и искусства, в основе которых лежит именно ассоциативное восприятие мира.

Все искусство построено на ассоциациях. Таким образом, переходя на цифровой вариант интеллекта, люди практически теряют потребность в искусстве, кроме самых наглядных и упрощенных его видов — рекламы, песенок и фильмов с элементарным поверхностным смыслом (поскольку глубокие смыслы, безусловно, создаются за счет ассоциаций), картинок, не содержащих ничего большего, чем на них намалевано (*дырки на обоях прикрывать*, — как сказано в нашем известном мультфильме).

Допустим, по словам тех же нынешних студентов и их единомышленников, оно и не нужно, то есть как бы необязательно. Забыты Толстой, Пушкин, Томас Манн, Рабле, Сервантес, Левитан и Сислей, Моцарт и Бетховен. До примитивизма упростился язык — глаголы да существительные, как представлял себе будущее Уэллс. В одном он ошибся, — при этом условии мысли тоже станут короткими и насущными. Следовательно, исчезнет восторг перед прекрасным закатом, могучим водопадом, нежным цветком. Звездное небо и утренний туман будут интересны только с метеорологической точки зрения. Дальше — эмоциональная холодность, равнодушные друг к другу, тем более к природе. Число подобных индивидов и сейчас заметно увеличилось.

Уже неуютно, не так ли?

Однако это не все. Наука, не только теоретическая, но и практическая, экспериментальная, зиждется, прежде всего, на ассоциативном мышлении. Она начнет погибать следом за искусством, причем почти параллельно ему, и ненадолго переживет его. Итог очевиден: при таком развитии событий цивилизации конец.

Цифровая техника имеет свои преимущества, но человек намного сложнее, — как бы ни пытались внушить нам упрощенное, примитивизированное представление о нас некоторые ультрасовременные философы, вещающие в малоразборчивых СМИ. Однако если даже представить мозг в виде суперкомпьютера, то и при этом он, несомненно, содержит аналоговые и цифровые связи, с преобладанием первых.

Заметим, — дискретность мышления давала себя знать при начальных этапах развития нашей цивилизации. Доказательство — существование космогонических теорий плоской Земли, по принципу «мой мир есть то, что я могу наблюдать непосредственно». Затем, при некотором напряжении развивающегося интеллекта, модель Вселенной Птолемея, далее — Коперника, и т.п. Человечество долгое время постепенно двигалось в сторону аналогового восприятия мира, но это достижение мы в данный исторический момент стремительно утрачиваем. Наглядность начинает превалировать над мыслью, и одной из причин является отказ от систематического чтения. Как же быть? Главное, — «...*не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства*» (Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль).

Помнится, на заре семейной жизни я обитала в коммунальной квартире. Наши соседи были читающими людьми. Однако их способы воспитания дочери часто вызвали улыбку и некоторый шок. К примеру, когда девочка училась в первом классе и упрямилась, не желая в ноябре для прогулки слишком утепляться, мать кричала:

— Сейчас же надевай рейтузы, а то читать заставлю!

Немного погодя родители искренне удивлялись, почему книги не вызывают энтузиазма у ребенка.

Не правда ли, крайне сомнительный способ развития интереса к чему бы то ни было?

В процессе воспитания любви к таким непростым видам интеллектуальной деятельности, как чтение и обучение, основную роль играют два необходимых условия:

1. Пример искреннего интереса самого педагога к данному занятию.
2. Создание атмосферы удовольствия в момент обучения на начальных стадиях.

А если пугать им, то отношение обучаемого будет соответствующим.

Большая работа проделана за последние двадцать два года по отвращению народа от чтения. Помню, некоторые наши известные артисты (не стану уточнять имена, кто смотрел, тот знает) в телепрограммах девяностых годов с презрительными и, сказать по правде, не слишком умными насмешливыми замечаниями, рассказывали, как в школьном возрасте старались выкрутиться и не прочитать «скучный» роман Толстого «Война и мир», другие изучаемые произведения, хвалясь этим, словно подвигом (хотя, скорее всего, в угоду моде кривили душой, ведь когда они учились, требования к знаниям были гораздо серьезнее, нежели теперь). Радиопередачи, где выступали некие профессора филологии, пропагандирующие безграмотность, «лишь бы было понятно, что за слово». Ко многим известным личностям я тогда утратила всяческое уважение. Впрочем, немало нашлось людей, в том числе и не самых молодых, которые впитали эту недостойную агитацию.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Носитель информации не является существенным для настоящего читателя. Выбор зависит от возможностей здоровья (некоторые люди не способны долго читать за компьютером в силу элементарной усталости глаз, экран, в отличие от книги, имеет дополнительные факторы вредного воздействия на наши органы зрения), а также от желания самого человека.

2. Важно содержание объекта чтения, причем оно вполне может оказаться достойным в электронном варианте или убогим и примитивным, даже откровенно вредным для психики и воспитания на самой лучшей мелованной бумаге.

3. Способ создания литературного произведения не имеет значения при условии таланта и качественного труда автора. Во времена Ломоносова, затем Пушкина гусиным пером создано более чем достаточное количество халтуры, бездарного вздора и малограмотных доносов в том числе.

4. Не интересоваться чтением, практически полностью заменив его наглядными способами получения информации,— означает утратить существенную часть интеллектуальных возможностей человека, дарованных ему Создателем и природой, а именно сложное ассоциативно-логическое мышление, следовательно, в результате потерять способность к творчеству, как художественному, так и научному.

5. «Оцифрованность» (дискретность) восприятия мира, лишая массы людей глубины и широты мысли, имеет все шансы привести нас к сравнительно быстрому угасанию разума, увеличению агрессивности индивидов и социума и, в конечном счете, гибели цивилизации. Подобные проявления, нечастые прежде, в наш исторический момент наблюдаются в изобилии.

Несмотря на столь неутешительные итоги, повод для оптимизма имеется.

В прошлые века любой социум содержал очень ограниченное количество образованных личностей. Преимущественно среди них, за незначительным процентом самородков типа кулибиных и ломоносовых, рождались таланты в науке и искусстве. Они пронесли имена и открытия через годы и тысячелетия. Народ, неграмотный и

униженный, существовал как бы отдельно, ничего не зная об этом, создавая свое собственное искусство в виде песен, баллад и сказок, дошедших до нас за счет устной памяти, а затем — благодаря энтузиастам-чудакам из образованного сословия, которые искали и записывали фольклор. Вы думаете, при жизни Пушкина о нем было известно крепостным крестьянам или фабричным рабочим, которые являлись абсолютным большинством в России? Да ничего подобного. Не зря Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» отметил:

*Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет...*

Такое время в нашей истории было, только недолго — всего около семидесяти лет. Именно оттуда, нравится кому-то данный исторический факт или нет, нам известно творчество большинства тех, кто создавал искусство, литературу и науку во все века. Это единственный период, когда народ В МАССЕ своей читал, получал НАСТОЯЩЕЕ образование и резко продвинул вперед всю нашу цивилизацию, открыл новые пути и возможности. Тогда достижения человечества сделались общедоступными.

В прочие времена знание и искусство были достоянием ограниченных групп людей, а при некоторых формациях, к примеру, при феодализме, ими владело катастрофическое меньшинство. Тем не менее знание и искусство сохранились, — следовательно, есть шанс и у нас. Шанс, что лучшее из сказанного и сделанного нами достигнет следующего Золотого века Интеллекта и Здравого Смысла.

Так не будем сетовать на компьютеры, подождем Вечного Вдумчивого Читателя, какой бы информационный носитель он ни выбрал.

Главное, — не переставать для него трудиться.

НАД ПЛАВОЙ-РЕКОЙ

Новые поэтические книги Ирины Пархоменко

Словно искупался в утренних, еще под тонкой кисеей тумана, чистых водах реки и окунулся в красоту окрестных просторов,— а прочитал всего две книжки стихов, небольшие, но насколько емкие по содержанию, по смыслам, наполняющим их! Ирину Пархоменко читателям «Приокских зорь» представлять не нужно. Она член редколлегии журнала, одна из постоянных его авторов.

Подобно дереву, устремляющему ветви к небу и берущему силу у земли, поэзия Ирины Пархоменко наполняется смыслами и энергией родных ей мест, говоря ее же словами, «чтоб ветры испытаний не свалили...» (1, с. 6). Из малой родины — села Лубяны, где «ближе к Богу, сердце расцветает» (1, с. 37), из родного, милого душе Плавска растет любовь и ко всей России.

*...Мой край ненаглядный, Россия, Россия!
Мне в жизни не встретить
любимей, красивей... (1, с. 102)*

*...Не нужна никакая другая —
Только Родиной буду дышать! (1, с. 103)*

И подобно природе, весной, после осеннего умирания и зимней спячки, воскресающей, возродится во всем величии и красоте наша страна — верит поэтесса. «Узор Вселенной... не разгадать» (1, с. 52), но Россия нужна Вечности, которой лишь и «подвластна тайна мироздания». Однако Ирина Пархоменко понимает, что многое зависит еще и от каждого из нас, ведь «грехами опутаны, замшелы сердца, Бога не слышат» (2, с. 78); она понимает, что гордыня, тоска, уныние мешают счастью, что нужно уметь прощать и друга и врага, забыть про зависть, что победить может только любовь. Своим пониманием и опытом она делится с читателями:

*Теплом души старайся поделиться,
На свет любви потянутся сердца —
Два правила счастливой жизни (2, с. 79)*

Но одной любви, без качеств человеческой личности, мало. Действенная любовь может исходить только от сильного и культурного человека. Вот почему лирический герой поэтессы, кроме любви и веры, обладает еще смелостью и мужественностью — «Уж лучше рана до кости, чем тыща шишек...» (1, с. 8),— несгибаемостью — «...Не сдамся! И буду светить!» (1, с. 54),— надеждой и оптимизмом:

*...Знай, что пурпур и золото кленов не вечно,
Не вечен метелей остужающий свист.
Средь зимы
я, весны предвкушающий встречу,
Расстилаю свой день, как еще один лист.*

*Чистый-чистый,
загадочный девственно-белый,
Где могу написать, как сорвав якоря,
Раздвигая подлунного мира пределы,
В даль стремлюсь,
где восходит надежды заря... (1, с. 39)*

Способный «пылать, как костер, сиять, как звезда, быть нежным и сильным» (2, с. 96) одновременно,— такой человек симпатичен Ирине Пархоменко. Наверное, потому что она сама такова.

Большое место в поэзии автора сборников занимает любовная лирика. Поэтессе нравится писать о любви и делает она это хорошо. Ее лирическая героиня искренна и непосредственна, неэгоистична, как многие, скорее самовлюбленные, барышни, наоборот, ее любовь действенна для любимого:

*...Ветром в судьбе твоей буду:
Наполню крылья и парус,
Наполню любовью сердце,
Надежду тебе подарю. (1, с. 27)*

*...И пусть слова любви потоком льются...
И воскресает бедная душа... (2, с. 140)*

Любовь — это целая гамма чувств, от восхищения до горечи, от надежды до потери. Ирина Пархоменко очень образно передает «осеннюю любовь» своей героини, сравнивая ее с «угасающими кострами рябин», с тающим «эхом слов» и, в то же время,— «яблока медовые лампы» и счастье. Дилемма же разрешается поэтессой так:

*...Два взгляда на осеннюю любовь:
Но горечь пересилит или сладость?
Одно известно: это — радость!
Ей уступи. Любви не прекословь! (1, с. 42)*

Только сильный человек способен по-настоящему любить, считает автор, а испытанием может быть и одиночество.

*...Одиночество — роскошь особая,
Что доступна не всем на земле.
Одиноким быть хочешь? Попробуй-ка!
Только сильным подвластно сие... (1, с. 48)*

В любви, как и в жизни вообще, пишет поэтесса, нужно «путь тернистый» пройти, не погасив при этом «свет души», сохранив «его сокровенным» (1, с. 122), чтобы продолжали «нежно звучать струны». «Любовью живем»,— утверждает она. И памятью о ней, добавляем мы.

А в завершение этой темы приведем строки, поистине являющиеся молитвой о любимых:

*...Пусть совершая свой круг вековечный,
Наших любимых злой рок пощадит... (1, с. 11)*

На страницах книги «Маски» (1) лирическая героиня, Прекрасная Дама, встречается со своим Менестрелем, и тот поет ей свои стихи-песни, написанные, естественно, от лица мужчины. Перевоплощение дается поэтессе легко, что еще раз подчеркивает ее талантливость.

*Мы друг другу подходим на диво,
Я к тебе всей душою стремлюсь.
Хоть застенчива ты и стыдлива,
Нежной кожи с восторгом коснусь...*

*...Я разлуки печаль позабуду
В обжигающих ласках любви.
Нам даровано счастье, как чудо.
О, приди, миг свиданья, приди! (1, с. 80)*

С каждой строчкой читатель убеждается в мастерском владении словом и художественном богатстве поэтического языка Ирины Пархоменко. Это проявляется и в пейзажной лирике поэтессы. Как своеобразно и неповторимо сказано об осени:

*...Серые былки иссохшей травы
К редкому скудному тянутся свету... (1, с. 9)*

Тема осени вообще очень значима для автора. Просто вчитайтесь — «алый вальс кленовых листьев», «блеклая синь», «звон паутинки на ветру», «испуганный разговор осинки», «теньканье первых синиц» (1, с. 65), «липа в сиянии желтеньких звезд» (1, с. 9).

*...Не верю, не верю, что лето вернулось,
Оно лишь пригрезится,
так же как юность...
И в травах увядших гнедой кобылицей
В туман окунется и там растворится...(1, с. 12)*

Сборник «Лепестки сакуры» (2), по словам Ирины Пархоменко, носит такое название не случайно — в нем стихи, написанные в духе японской поэзии.

*...Осени горечь
Запаху моря сродни.
Лодочки листьев
В лужах, как в море, плывут,
Звезд дробя отраженья... (2, с. 33)*

*...Осеннюю песнь
Дождь, рыдая, выводит.*

*Тут не до блюза:
Листва пожелтевшая —
Землю, увы, не греет... (2, с. 57)*

*...Ночью весенней
Ветер качает нежно
Луны лепесток... (2, с. 68)*

*...Цветов аромат
Роса растворила вновь.
Ветер цветами пропах... (2, с. 70)*

Стихи и одного, и другого сборника, несмотря на непохожесть, на разный поэтический стиль,— стихи одного поэта — Ирины Пархоменко. Поэтому мы практически не разделяли эти сборники и цитировали из них обоих по всем затронутым темам творчества поэтессы, творчества многопланового и многогранного, побуждающего читателя вновь и вновь возвращаться к нему, получая истинное удовольствие, душевную легкость и теплоту от чтения.

1. *Пархоменко Ирина*. Маски. Стихи — Изд-во ОАО «Щекинская типография», 2012.— 128 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Пархоменко Ирина*. Лепестки сакуры. Стихи — Изд-во ОАО «Щекинская типография», 2012.— 168 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Виктор Богуславский, Тула

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. А. ЯШИНА «ВИДЕНИЕ НА ПАТМОСЕ»

Как бы стремительно не рвалось вперед Время, островки пройденного и пережитого по-прежнему настолько ярко и образно присутствуют в нашей быстротекущей и легкозабывчивой жизни, что ступая на их берега, словно попадаешь в параллельные миры своего разума, где прошлое живо, актуально и реально.

Самое главное — не пройти мимо, не посмотреть этот островок...

Таким Посланием, таким оазисом памяти по воле и удивительной избирательности судьбы стала для меня встреча с романом-предвидением Алексея Яшина «Видение на Патмосе».

И название, и маститое имя автора, и то, что предваряют роман строки моего Учителя — Леонида Васильевича Ханбекова, известного литературоведа и критика, заслуженно уважаемого за свою честность и непримиримость к литературной бездарности и плагиату, послужили для меня позывными маячками для того, чтобы я с нетерпением открыла эту книгу...

А открыв, с удовольствием погрузилась в фантазмагорию ее текста.

(Притянул меня, несомненно, и тот факт, что написан был роман о хорошо известных мне и словно проросших в организм «коммунхозовских временах», закостеневших, казалось, навеки отлитых, как бронзовые бюсты почетного маразматизирующего орденоносца.)

А по прочтению романа запульсировало: «В каких высших сферах и кем было задумано именно этому литератору, молодому студенту Литературного института, приоткрыть завесу будущего во сне и какими параллельными мирами стремительно двигалось отключенное от примитивного обычного бодрствования, не затуманенное посторонними помехами суестьегося дня, подсознание автора?»

Как разгадать увидевшему этот диковинный сон символы грядущих событий в нем? Головоломка...

Приснившееся не отпускало. Сон этот не пополнил массу забытых, канувших в небытие, стертых первыми лучами рассвета снов.

Совсем наоборот! Он повел себя весьма необычно и непредсказуемо, словно являлся сгустком чего-то разумного, пришедшего не на миг.

Сон материализовался на сцене бытия до мельчайших черточек сформированным художественным произведением, с изобретательными сюжетом, фабулой и композицией! Его мистерия притягивала к себе, словно требуя рассказать о своем рождении и ожидая облачения в печатную форму.

Но вот этого автор сделать-то как раз и не мог. О своем «вещем» сне он не рассказал даже руководителю семинара в Литинституте — поди пойми, что скрывается в этой причудливой игре подсознания и разума. Толкование снов — весьма опасное занятие и сложное искусство, неведомые символы наших снов зашифрованы, разгадка их никогда не будет лежать на поверхности, раскрывая лепестки своей сути только по прошествии времени.

Так и наш автор, Алексей Яшин, нашел разгадку увиденного во сне только через десять лет, увидя воочию, как шайка правительственных бесов разрушила великую сверхдержаву — СССР.

Но достаточно предисловия... Откроем дверь в творческое пространство романа, отметившись в его Канцелярии, которая «...как овеществление бюрократизма, одновременно отвратительна и восхитительна. В ней сон и поэзия, деспотическая субординация и самый привольный отдых от счастливой жизни. Трудно полюбить ее с налета. Следует не одну пару суконных штанов просидеть. Не один стул под тобой

рассохнется, прежде чем как-то пополудни, после обеда, нахлынет на душу тепло и поймешь: вот Мекка моей жизни, вот мой истинный дом!»

Там-то и произошло все это необъяснимое с Николаем Даниловичем М. — 25 лет прослужившим в Канцелярии, суть от сути своей ею рожденным и вылепленным по плано-отчетному образу канцелярским человечком.

И предчувствовал он своим, настроенным на все происходящее в недрах этого бюрократического святилища нутром что-то из ряда вон выходящее в день своего стулосиденческого юбилея: «Интересно, ничего со мной не случится? Необычного?».

А вот и случилось! (А затем и со всем человеческим содержимым упомянутого учреждения.) Прирос он своим сидалищем к стулу, а локтями к столешнице, и остался навечно именно в той позе, в которой и привык находиться на протяжении стольких рабочих лет.

И тут, отсидев так долгие месяцы, стал чувствовать в себе не только закономерные физические, но и непривычные, пугающие своей непонятностью, душевные преобразования.

Подхожу я все ближе к снам нашего героя и, соответственно, самого автора, которого Л. В. Ханбеков назвал «тульский энциклопедист». Не зря, друзья, не зря получил автор такое почетное звание! Целую картину ушедшей эпохи, массу признаков и впечатков существования страны, стертой Судьбой навеки с карты мира, развернет Алексей Яшин перед читателем!

И проживем мы вместе с автором и его героями все фантастические, преломляющие привычное и предугадывающие новое сновидения и события, властно вооруженный и регламентированный мирок...

Но если автор и его произведение интересно, если прочитанное будоражит мозг и заставляет его напряженно трудиться, то, естественно, не могут не родиться вопросы к автору! И они у меня есть...

Почему маленький человек, такой вот «коммунозовский» Акакий Акакиевич несколько расплылся на страницах романа, уступая гоголевскому герою? Да потому, что его образ пестуется автором на протяжении 400 страниц текста, в котором замечаются неоднократные самоповторы и перегруженность отвлекающими натуралистическими деталями. И этого, очевидно, оказалось слишком много для подлинно остро-сатирического, гротескового произведения.

Язык героя, стилистически имеющий массу казенных оборотов, составляет необходимую часть его образа, но когда эти жаргонизмы неоправданно переходят и в авторскую речь, то значительно обедняют ее.

Художественное оформление книги оригинально — наклейки, иллюстрации и плакаты с лозунгами оживляют и откровенно веселят, но некоторые из них не соответствуют времени, раскрываемому на страницах романа, например плакаты о целине, Красной армии, крестьянах, Сталине... А некоторые и вовсе вызывают недоумение: «фашизм — злейший враг женщин».

Но все сказанное — лишь шлифующие детали, роман уже живет своей насыщенной яркой жизнью. Он, безусловно, заинтересует внимательного и вдумчивого читателя, зашедшего в его феерическое Пространство!

Нина Попова, Москва

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на 278

сайте — см. стр. 2 (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — представле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

Сначала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, если автор об этом позаботится;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2012, — № 5—7.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края). — 2012.— №№ 3 (35), 4 (36).
3. *Сверья быль и небыль*. Антология современной прозы. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 240 с. (В антологии опубликованы рассказы Алексея Яшина и многих авторов журнала «Приокские зори»: Татьяны Камаевой, Ивана Павлова, Олега Севрюкова, Кирилла Усанина и др.).
4. *Новомосковское литературное объединение* (НЛО): Межобластной литературно-музыкальный альманах.— Тула: «Папирус», 2012.— 388 с. (В альманахе опубликованы многие авторы «Приокских зорь»).
5. *Ксенофонов В. И.* Тайны Тульского кремля: Книга-альбом.— Тула: «Неография», 2012.— 64 с.
6. *Николай Макаров*. Сказки про лес: сказки-притчи. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 39 с.
7. *Евгений Трещев*. Коллеги по перу. Ч. III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010.— 59 с.
8. *Изольда Агibalова*. Трава под снегом: Сборник стихов.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2012.— 24 с.
9. *Изольда Агibalова*. Большая черепаха: Стихи.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2012.— 76 с.
10. *Анатолий Тарасов*. Обременяемые ценностями. Фантазмагория.— М.: Издат. дом. «Анима — Пресс», 2012.— 128 с.
11. *Макаров А. Н., Макаров Н. А.* Библейские афоризмы отцов церкви о медицине.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 26 с.
12. *Макаров А. Н., Макаров Н. А.* Пословицы, поговорки, тосты о медицине.— Тула: Изд. Тульск. гос. ун-та, 2012.— 100 с.
13. *Крестьянкин С. О.* Вдохновение вне расписания: Сборник стихов (Книга 12-я). — Тула: Гриф и К, 2011.— 154 с.
14. *Орешета М. Г.* На житейских перекрестках.— Мурманск: «Север», 2011.— 144 с.
15. *Зеленкина Г. И.* Раз-считалка: Стихотворения для детей.— Красноярск: Семицвет, 2011.— 28 с.
16. *Зеленкина Г. И.* На дорожку обо всем понемножку: Стихотворения для детей.— Красноярск: Семицвет, 2011.— 12 с.
17. *Зеленкина Г. И.* Загадки-разгадки: Стихотворения для детей.— Красноярск: Семицвет, 2011.— 12 с.
18. *Зеленкина Г. И.* Лесная рапсодия: Стихотворения для детей.— Красноярск: Семицвет, 2011.— 12 с.
19. *Зеленкина Г. И.* Наши верные друзья: Стихотворения для детей.— Красноярск: Семицвет, 2011.— 20 с.
20. *Зеленкина Г. И.* Воздушный трамвай: Рассказы для детей.— Красноярск: «Буква Статейнова», 2012.— 112 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 гг. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 517 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В печати.
4. *Ирина Пархоменко*. Маски: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 127 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Ирина Пархоменко*. Лепестки сакуры: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» в I кв. 2012 года вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Течет Ветлуга в памяти: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2012.— 176 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Макаров Н. А.* Мои коллеги — военные медики / Предисл. А. А. Яшина.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 149 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут

быть членами редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2013-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В газете «Тульская правда» № 21 (708) от 27.06.2012 г. опубликованы материалы о творчестве члена редколлегии «Приокских зорь», известной русской писательницы Наталии Диомидовны Парыгиной и о Первом Каверинском литературном конкурсе 2012-го года.

ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В ИНТЕРНЕТЕ

Литературно-художественный и публицистический ордена Г. Р. Державина журнал «Приокские зори» достаточно широко представлен в Интернете. Прежде всего, это сайт, где выкладывается каждый номер этого ежеквартального периодического издания <http://www.pz.tula.ru>

Кроме того, есть сайты, где размещенные в течение всей жизни «Приокских зорь» — с 2005 года и по сей день — материалы доступны для интересующегося читателя, стоит только набрать в любой поисковой системе слова «"Приокские зори", Тула». Ниже мы приводим наименования и адреса таких источников, а также краткие сведения о предлагаемых ими материалах:

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

http://www.tounb.ru/tula_region/biblioguide/istochnik_21.aspx

«Тоска по идеалу», Наталия Кириленко, 2006. — 18 мая.

В статье говорится о журнале и его авторах, сделан обзор журнала начиная с первого номера, который вышел в 2005-м году.

ХРОНОС

<http://www.hrono.info/forum/viewtopic.php?f=3&t=599>

На сайте дается фотография обложки журнала (№ 1, 2009 г.), указывается с какого времени он выходит, что главным редактором является известный писатель Алексей Афанасьевич Яшин, профессор ТулГУ. Есть информация о всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова с присвоением почетного звания «Лауреат литературной премии», учрежденной журналом «Приокские зори» с целью рас-

ширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии и драматургии.

Даны контакты журнала и сайт.

БЕЗФОРМАТА.RU

<http://tula.bezformata.ru/listnews/zainteresovalis-zhurnalom-priokskie-zori/2349272/>

«Американские библиотеки заинтересовались журналом "Приокские зори"...».

Источник: ГТРК Тула, 29.12.2011, 16:38

(Материал был опубликован в «Приокских зорях» №3, 2012 г. в рубрике «Хроника литературной жизни. О нас пишут и говорят по радио»

«ВЕЛИКОРОССЬ»

СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<http://www.velykoross.ru/1815/> 2012/03/15, 14:44:39

Алексей Селичкин (г. Калуга) в статье: «Выдающийся русский поэт, лауреат государственной премии России Валентин Сорокин о журнале "Великороссь"» говорит и о «Приокских зорях»

<http://www.pryaniki.org/view/article/594/>

«Приокскому краю нужен свой журнал»

Тульский писатель Александр Харчиков обратился к областным властям о новом рожденном журнале «Приокские зори», где напечатаны произведения, способные украсить собой страницы любого издания...

Далее автор говорит о нелегкой по нынешним временам жизни журнала, о том, что он «продолжает ставить на своих страницах серьезнейшие вопросы современности и истории» и утверждает окончательно как профессиональное, академическое издание. Нельзя не согласиться со словами А. Харчикова о важности «Приокских зорь», как для Приокского края — серьезного экономического и культурного региона, — так и для всего государства Российского; с тем, что «существование и дальнейшее развитие зоны, подобной Приокскому краю, традиционно невозможно без своего зонального литературного, общественно-политического и научно-просветительского журнала», которым становятся «Приокские зори», журнал, созданный главным редактором А. А. Яшиным — членом СП РФ, академиком и дважды доктором наук. И в конце статьи звучит «призыв к властям областей: к их губернаторам и региональным законодателям края: "Не поспешите, господа. Дело поддержки настоящего регионального журнала относится к тому разряду, который, как говорится, стоит свеч"».

На сайтах:

<http://71ru.info/arsenal/culture/474-priokskie-zori-zhurnal-budushhego-literaturnyj.html>

«НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕНИЙ»

<http://neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/lit/385201.html>

Проза ру

<http://www.proza.ru/2010/06/30/1140>

опубликован литературный обзор Ольги Бугримовой (г.Тула) «"Приокские зори" — журнал будущего». Приведем несколько отзывов, который получил этот материал.

**Узнала для себя много нового. Спасибо. С уважением, Лада Радеева*

**Подробная и интересная статья. Вы молодец! Точнее — умница!) Александр Томазов*

**Присоединяюсь к поздравлению Яшина Алексея Афанасьевича! И дай Бог журналу «Приокские зори» долгих и плодотворных лет. Спасибо вам, Ольга, что рассказали об этом. С уважением, Александр Карелин*

**«Толстый» литературный журнал! Всегда испытывала трепет, держа в руках такое издание. В предвкушении знакомства с новым автором, знакомства с каким-нибудь талантливо написанным произведением. Как хорошо, что есть люди, взявшие на себя труд поддерживать молодых и неизвестных писателей, деликатно рецензировать их труд, а главное, радовать читателя! Лалибела Ольга.*

http://litmur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=269:--4--q-&catid=5:2011-04-02-15-44-10&Itemid=16

Печатается информация о выходе номеров журнала «Приокские зори».

«ИСТОКИ» Литературно-художественный и публицистический журнал

<http://istoc.3dn.ru/index/0-2>

Его авторы являются и авторами «Приокских зорь» и пишут об этом.

Статья Якова Шафрана и Марины Баланюк «Первый Каверинский литературный конкурс» (на этом конкурсе главный редактор журнала «Приокские зори» А. А. Яшин стал лауреатом премии) опубликована в газете («бумажный» вариант) «**ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ**», № 9, 2012 г.

и на сайтах:

«**РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ**» <http://rospisatel.ru/konkurs-kaverina.htm>

«**ТУЛЬСКИЙ АРСЕНАЛ**» <http://71ru.info/arsenal/society/1689-aleksey-yashin-stal-odnim-iz-pobediteley-kaverinskogo-literaturnogo-konkursa.html>

«**ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ**» http://denlit.at.ua/news/pervyj_kaverinskij/2012-08-31-48

«**СТИХИ.РУ**» <http://stihi.ru/2012/08/20/7702>

«**ПРОЗА.РУ**» <http://www.proza.ru/2012/08/20/1402>

«**ЛИТСОВЕТ**» http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=397299

«**ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ**» <http://www.chitalnya.ru/work/620293/>

На сайтах: «**СТИХИ.РУ**» <http://www.stihi.ru/>

«**ПРОЗА.РУ**» <http://www.proza.ru/>

«**ЛИТСОВЕТ**» <http://www.litsovet.ru/>

«**ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ**» <http://www.chitalnya.ru/>

«**МОСКОВСКИЙ ПАРНАС**» <http://parnasse.ru/>

размещено объявление Якова Шафрана:

«Рекомендую один из лучших «толстых» журналов — литературно-художественный и публицистический журнал «**ПРИОКСКИЕ ЗОРИ**», в котором можно печататься, участвовать в дискуссиях и найти много-много всего интересного — <http://pz.tula.ru>

Статья А. А. Яшина «Проект Манифеста нового русского критического реализма» опубликована:

«**СТИХИ.РУ**» <http://stihi.ru/2012/05/01/3518>

«ПРОЗА.РУ» <http://www.proza.ru/2012/05/01/530>
«ЛИТСОВЕТ» http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=387967
«ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ» <http://www.chitalnya.ru/work/556557/>

Статья А. А. Яшина «Что написано пером...» опубликована:
«СТИХИ.РУ» <http://stihi.ru/2012/05/02/2688>
«ПРОЗА.РУ» <http://www.proza.ru/2012/05/02/557>
«ЛИТСОВЕТ» http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=388044
«ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ» <http://www.chitalnya.ru/work/557178/>

**АВТОРСКИЙ АЛЬМАНАХ «МагРем» И ПЕРСОНАЛЬНЫЙ САЙТ
ЕФИМА ГАММЕРА** <http://yefim-gammer.com/>

Говорится о журнале и даны ссылки на аудио- и видеоматериалы с выступлениями автора, где он говорит о «Приокских зорях»

АССОЦИАЦИЯ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ
<http://www.arpp.ru/smi.html?view=smilist&task=details&id=73727&start=51800>

Журнал «Приокские зори» в справочнике АРПП. Детальный просмотр издания

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ» <http://www.izorin.ru/news/competitions/>

Ханбеков, Леонид Васильевич
Википедия http://ru.wikipedia.org/wiki/Ханбеков,_Леонид_Васильевич

Валерий Маслов <http://writer-maslov.narod.ru/>

Интернет-журнал Клуба писателей Литературного института
http://litsot.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3&Itemid=3

В КОНТАКТЕ Клуб прозаиков Литературного института
<http://vk.com/club26690668>
Обсуждение проекта «Манифеста нового русского критического реализма»

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА** 6230 (26, 2009)

<http://www.lgz.ru/article/9485/>

Литература ГУБЕРНСКИЕ СТРАНИЦЫ

Приокские зори, межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал, № 1. — Тула, 2009.

Свой мини-юбилей у «Приокских зорь» — пятый год издания.

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА IB.MN
http://www.lib.mn/blog/gazeta_literaturka/165534.html

Тула

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА РОССИИ

«В начале июня этого года были вручены первые литературные премии "Левша" им. Н.С. Лескова. Учредили ее редколлегия журнала "Приокские зори", Тульский госуниверситет и Тульская писательская организация (ТПО)...»

КАТАЛОГ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ, САЙТОВ, ГАЗЕТ И АЛЬМАНАХОВ <http://www.mary-mary.ru/litersites.php>

«Приокские зори» — Межрегиональный литературно-художественный журнал, издается в Туле с 2006 года.

РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

<http://www.rospisatel.ru/conference2/index.php?event=topic&fid=0&id=13283387038>

25

Сергей Прохоров, «Старая сказка на новый лад или про поэтов-путешественников»:

«...Передо мной четыре очень уважаемые мной, печатных издания за 2011 год: литературно-исторический журнал «Великороссъ» (Москва), ордена Г. Р. Державина на литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (Тула), литературно-художественный альманах «Рукопись» (Ростов-на-Дону) и литературный альманах «Новый Енисейский литератор» (Красноярск)...»

НАША ЛИТЕРАТУРА Наши проекты, журналы и альманахи

<http://www.genmir.org/6.htm>

Песни и романсы, литературное и научное творчество Геннадия Мира (Г. Мирошниченко) и Татьяны Леоновой (Т. Абинякиной). Библиотека.

Дана ссылка на сайт, где размещаются номера «Приокских зорь».

№ 12 (13) 2010

http://www.m-s-p-s.ru/data/04_OLG_1213.pdf

«Пятьдесят лет Тульской организации Союза писателей России»

БЛОГ РЫЖЕЙ ЛИСИЦЫ

http://www.blogredfox.ru/2011/10/blog-post_27.html

Куда отправить свои работы начинающему писателю (поэту)?

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ». Газета русских писателей

http://denlit.at.ua/news/priokskie_zori/2012-08-31-41

«Приокские зори»: Академия российской литературы. — Тула, 2012-№ 2

ЛИТЕРАТОРЫ упоминают о журнале «Приокские зори» на своих сайтах и литературных страницах:

Медведев Иннокентий Петрович (Братск Иркутской обл.)

Александр Вайнерман (Москва)

Александр Топчий (Новомосковск Тульской области)

Сергей Прохоров (сибирский таежный поселок Нижний Ингаш)

Беспалова Галина (Москва), с публикацией обложки журнала

Черняева Мария

Илья Луданов (Узловая)

Скаредов Алексей (Тула)

Демидов Валерий (Тула)

Кедрова Ирина Николаевна (Москва)

Елена Хисамова (Москва)

Галина Плахова-Королева (Новомосковск Тульской обл.)

Валерий Савостьянов (Тула)
Сергей Лебедев (Гольяты Самарской обл.)
Любовь Самойленко (Донской Тульской обл.)
Ольга Бугримова (Тула)
Николай Макаров (Тула)
Надежда Ма Динь (Кемерово)

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

(Общероссийская литературная газета, 2012.— № 8 (190))

Первый Каверинский

Каверинский литературный конкурс, посвященный 110-летию со дня рождения Вениамина Александровича Каверина, проводившийся в целях пропаганды его творчества и выявления лучших литературных произведений современных авторов, их поддержки, проходил с декабря 2011 по май 2012 года. Конкурс проводился при поддержке муниципальных органов власти Мурманской области.

Участвовать в конкурсе были приглашены как писатели-профессионалы, так и самодеятельные авторы. В жюри Каверинского литературного конкурса вошли члены псковского отделения Союза писателей России: А. П. Казаков, В. В. Пшеничная, И. О. Исаев, В. Я. Курбатов, а также Н. А. Черкашин (Москва), Т. В. Берникова — внучка В. А. Каверина (Москва), Н. А. Бакшевников, председатель правления мурманской областной организации Союза журналистов России. Мурманское отделение СП России делегировало в жюри Каверинского конкурса: Т. П. Агапову, А. С. Рыжова, В. В. Сорокажердьева.

Конкурс проводился в трех номинациях: поэзия, проза, историческое краеведение. Всего в конкурсе принимали участие более шестисот авторов.

По решению жюри авторы, вошедшие в шорт-листы по всем номинациям, награждаются дипломами лауреатов и памятными Каверинскими медалями.

Победители конкурса: Алексей Яшин, г. Тула, за рассказы «Растерялись... два капитана», «Счастье юного милитариста», Александр Богданов, Нью-Йорк, США, за подборку стихотворений, Роберт Микиртумов, Санкт-Петербург, за рассказ «Здорово живешь!», Евгений Боков, г. Омск, за цикл рассказов «Север-2», Марина Сизова, г. Пермь, за очерк «По Перми с "Двумя капитанами"».

Специальной премией Каверинского конкурса «Журналисту», учрежденной правлением мурманской организации Союза журналистов России, награждается Наталья Труш, Санкт-Петербург, за очерк «Десант на Муста-Тунтури».

Специальной премией Каверинского конкурса в номинации «Автору из ЗАТО Александровск» награждается Елена Леонова, г. Гаджиево Мурманской области, за рассказ «Одуванчик».

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

(Общероссийская литературная газета, 2012.— № 8 (190))

«Приокские зори»

(«Приокские зори»: Академия российской литературы.— Тула, 2012 — № 2)

В колонке главного редактора открыта дискуссия по вопросу соотношения «бумажной» и «электронной» литературы. Позиция автора, проследившего развитие средств письменности за весь период цивилизации, считающего письмо искусством,

а славянскую азбуку — божественно гениальной, ясна, она не в пользу виртуальной литературы и «человека компьютерного». Но в заключение звучит призыв принять участие в дискуссии и высказать свои соображения по данному вопросу. Это еще одно подтверждение традиционного для журнала глубокого уважения к его авторам и читателям.

В разделе «Роман, повесть» О. Пономарева-Шаховская в «Лоскутном одеяле» пишет о целительной памяти детства как источнике жизненной силы, о важности детских впечатлений, открытий и участия в общем деле для формирования личности. Обращает на себя внимание и задает тон всему номеру глава «Растерялись... два капитана» из романа А. Яшина. Произведение наполнено глубоким знанием жизни береговых служб Северного флота, его истории и, как всегда, тонким юмором. Воспитанию будущих жен и матерей — корню добра и зла в жизни посвящена глава «Учение благородной девицы» из нового романа И. Кедровой.

В «Современном русском рассказе» удивительная по своей тонкости и искренности проза С. Крестьянкина, в которой он предстает мастером малого и большого рассказа. Небольшие, но очень важные рассказы Т. Ермаковой, поднимающие темы родительского внимания к ребенку, сторонней благотворительности и собственной забывчивости, предательства любви, вреда природе, жалости к братьям меньшим, того, что причины многих бед человека — в нем самом. О последнем и значимый рассказ В. Сапожникова «Уродливое счастье». В рассказах Д. Воронина заслуженные в прошлом люди предстают ненужными и неуважаемыми, с которыми любой хам может сделать, что угодно, и которые встречают наибольшую человечность порой от тех, кто, казалось бы, должен быть озлоблен на все и вся. Как всегда, добротна проза В. Артамонова и Н. Квасниковой. Серьезны сказки об очень многом и очень важном от Н. Макарова. Впечатляет рассказ Т. Камаевой о счастье и виртуальной реальности. Из «Дня рождения» В. Гальперина, так и не нашедшая и капли спасительного тепла черной дырой смерти зияет одинокая беспросветная старость. Счастье не в бегстве и не в смене мест, а в преодолении опасностей и трудностей, в любви, в одухотворении своей жизни — говорит в своих рассказах Я. Шафран. Здесь же читаем замечательные притчи мастера пера В. Маслова. И завершает раздел рассказ Г. Маркина «Бесноватая» о том, как неумение и нежелание прервать цепочку злых мыслей и поступков в своей жизни приводит человека к беснованию и гибели души.

Раздел «Образы и тропы поэзии» богат силой патриотизма «Задонщины» И. Лукьянова и «Прорыва» А. Евдокимова, метким словом В. Резцова, проникновенными строками С. Лебедева, Особо следует сказать о *Personalia* протоиерея А. Зайцева. Его талантливые поэтические строки о природе, матери, русском языке, России и вере читаются на одном дыхании. Обращают на себя внимание своей тонкой лиричностью и отточенностью образа стихи Г. Лялиной. Любовью к корням, красоте и истории народа наполнена добротная поэзия С. Никулова. Светла и возвышена лирика О. Пантюхина. Хороши стихи А. Барсовой и Г. Гоманчука.

«Русское литературное зарубежье» привлекает читателя статьей К. Санрин о романе А. Яшина «Катехизис идеалиста», как о новом опыте исследования жизни героя его же глазами; напевным «Стихотворением в прозе» И. Карлова; глубоко лиричным рассказом В. Ковалева «Замысел» и его же «Прочитайте это!..»; работой Н. Циписа «Стихи из старой папки» о В. Шаламове (с публикацией его незнакомых читателям стихов); произведениями талантливого С. Горы, интересных прозаиков Б. Верниковой и И. Мадрига. «Современные писатели Сибири» хорош перекликающимися друг с другом стихами Н. Гурьевой и В. Корнилова, рассказами Г. Черновой и Н. Шалыгиной. А «Тверской бульвар — 25» в «Приокских зорях» представлен перспективным прозаиком И. Хаустовой.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравляем ответственного секретаря редколлегии журнала «Приокские зори» Геннадия Маркина, а также наших авторов: Сергея Крестьянкина, Сергея Куликова и Алексея Гусакова (псевд. Твердовский) с приемом в члены Союза писателей России. Желаем им дальнейшего творческого мастерства и активного участия в нашем журнале.

Редколлегия

Поздравляем с Юбилейной датой главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки» (Нижний Ингаш Красноярского края), члена Международной федерации русскоязычных писателей (МФРП) и члена редколлегии «Приокских зорь» — зав. отделом литературы Сибири Сергея Тимофеевича Прохорова и с награждением его высшим орденом МФРП «Культурное наследие» (Вена, Австрия). Желаем Сергею Тимофеевичу дальнейших успехов в его многогранном творчестве и издательско-просветительской деятельности. Надеемся, что в Вашем лице редколлегия «Приокских зорь» приобрела талантливую и исполнительного сотрудника, человека дисциплинирующего военно-морского воспитания, нашего полпреда на огромных просторах литературной Сибири и Дальнего Востока.

Поздравление нашему главному редактору с победой в Первом Каверинском конкурсе (г. Полярный, Северный флот) в почетной номинации «За верность Северу и Флоту» прислали: Клуб писателей Литературного института им. А. М. Горького и помощник ректора Литинститута Галина Дубинина, Олег Корниенко из Сызрани, Сергей Лебедев из Тольятти, Тамара Булевич из Красноярска, Сергей Прохоров из Красноярского края и многие другие писатели из России, ближнего и дальнего Зарубежья.

В связи с награждением ряда сотрудников «Приокских зорь» медалью «100 лет газете «Правда» мы получили многочисленные поздравления, в частности, от Анны Барсовой из Екатеринбурга, Игоря Нехамеса из Москвы, Виктора Буланчева из Бийска — главного редактора альманаха «Бийский Вестник», Олега Корниенко из Сызрани, Ольги Пономаревой-Шаховской из Москвы, Ефима Гаммера из Иерусалима (Израиль), Наума Циписа из Бремена (Германия), Бориса Кобринского из Москвы, Сергея Лебедева из Тольятти и других авторов и читателей нашего журнала.

Спасибо Вам — редколлегия

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Группа активных сотрудников редколлегии и редакции «Приокских зорь» награждена медалью к 100-летию начала издания газеты «Правда», которая была и есть не только идеологический орган печати, но и, что главнее, источник объективной информации, в том числе в области искусства и культуры. Последнее очень важно для «Приокских зорь», как внеполитического, классического журнала, продолжающего лучшие традиции русской и советской художественной литературы и публицистики. Наши поздравления:

*Марина Баланюк,
секретарь редакции
(Тула)*

*Олеся Янгол,
технический редактор
(Юрмала, Латвия)*

*Алексей Яшин,
главный редактор
(Тула)*

*Яков Шафран,
зав. редакцией
(Тула)*

*Геннадий Маркин,
ответств. секретарь
(Щекино)*

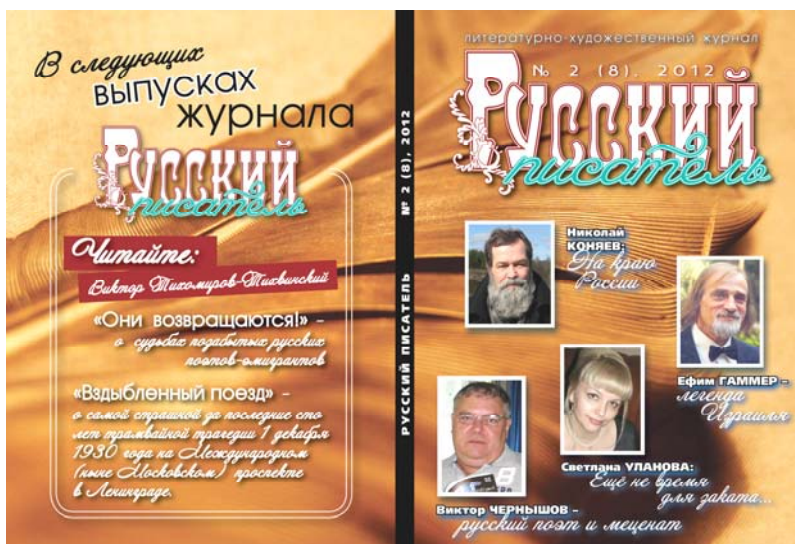

*Владимир Резцов,
зав. отделом поэзии
(Калининград)*

*Владимир Сапозжников,
член редколлегии
(Тула)*

Член редколлегии «Приокских зорь» Ефим Гаммер — на обложке издаваемого в СПб литературного журнала «Русский писатель». — 2012. — № 8.

В этом же номере напечатано пространное интервью «Ефим Гаммер — легенда Израиля», рассказ «Орденская кладка», рисунки и фотографии.

Мы также поздравляем нашего коллегу со спортивной победой:

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

22 ноября прошло открытое первенство Иерусалима по боксу. Чемпионом Иерусалима в 27 раз подряд стал писатель Ефим Гаммер, член редколлегии журнала «Приокские зори», старейший в мире боксер, ему 67 лет.

На снимке: Ефим Гаммер в бою за звание чемпиона Иерусалима.

Поздравляем лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2012-й год! (см. на 3-й странице обложки).

Редколлегия

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

В 2013 году (10 января) исполняется 130 лет со дня рождения МОЕГО А. Н. Толстого. Он год учился в Сызрани в реальном училище. Это можно было бы отразить... У меня есть несколько работ, каких нет в российском и зарубежном литературоведении. Ведь этим периодом, да и писателем сейчас мало кто занимается...

Олег Корниенко (Сызрань)

На прошедшем съезде Международной гильдии писателей я избрана руководителем представительства по регионам Восточной Сибири и Дальнего Востока. В связи с большой загруженностью и предстоящими частыми командировками, прошу вывести меня из состава редколлегии журнала «Приокские зори». Надеюсь, ранее пришедшие мною работы сибирских авторов будут опубликованы и высланы для вручения по назначению в мой адрес.

Тамара Булевич (Красноярск)

Мы с Иннокентием Медведевым приносим родным и близким сочувствие и горькие соболезнования по поводу кончины Академика Мирнева. Извините, что поздно ответили — были в Крыму на двух международных фестивалях: «Славянские традиции» и на Песенном Слете «Зов Нимфея» и вернулись оттуда только 11 сентября.

С уважением к Вам, Владимир Корнилов (Братск)

Уважаемые руководители «Приокских зорь»!

Ваши решения и предложения заставили меня изрядно поволноваться, а еще больше ввели в сомнения. Достоин ли я столь высоких решений, которые приняли вы? Алексей Афанасьевич, я понимаю, насколько серьезно Ваше решение пригласить меня в члены редколлегии журнала. И поэтому мне, принимая решение о такой ответственности, чтобы не подвести Вас и журнал, хотелось бы хоть вкратце знать, чем я могу быть полезен журналу, и какие вопросы придется решать здесь, на месте.

Сергей Лебедев (Тольятти)

В редакцию «Приокских зорь». Посылаю Вам снова эссе «Берегите себя». Мне кажется, что я сделала все, как требуют правила Вашего журнала. Думаю, что мои рассуждения по поводу отношения к жизни и к себе могут заинтересовать читателя. Напишите, пожалуйста, можно ли прислать еще что-нибудь и в каком размере. Все года в США я веду журнал наблюдений и переживаний. Я посылаю во многие редакции. Одна из них ответила, что с июня будут потихоньку публиковать. Думаю, одним издательством этот материал не может ограничиваться. Журнал называется «Архипелаг ГудЛак». Само название о многом говорит. Материал чрезвычайно интересен, так как показывает жизнь в «самой могущественной стране мира» изнутри.

С уважением и благодарностью за внимание.

Ирина Стругова-Неверова (Сизтл, шт. Вашингтон, США)

Весьма польщен вашим доверием. Пустяки предлагать не буду. Есть у меня на примете стоящие авторы. Хотел уточнить: только по Красноярскому краю или можно из Иркутской области, с Алтая? Спасибо за сборник моих стихов в третьем номере — прочел в электронном варианте. Не откладывая в долгий ящик, начинаю понемногу приятную для себя миссию — открывать ворота сибирским авторам в прекрасный журнал «Приокские зори». Чтобы освободить себя от забот с почтовой операцией, я

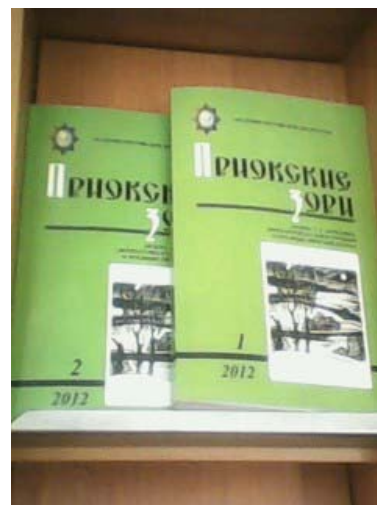
буду рассылать своим кандидатурам образцы публикации в журнале и совет, как все это делать. Первому автору — Николаю Еремину из Красноярска я предложил отправить рассказ «По барабану» (в своем журнале я этот материал еще не печатал), Юрию Розовскому (г. Братск) — два небольших рассказа: «Свидание» и «Боженька». Всего доброго.

Сергей Прохоров (Нижний Ингаш, Красноярский край)

Дорогой Алексей Афанасьевич! На одном дыхании, как говорится, прочитал Ваш роман «Видение на Патмосе»! Давно не читал такой прозы! Вы замечательный писатель живого русского языка. Получил истинное удовольствие, спасибо! Много можно говорить хороших слов о Вашем стиле, образах, наблюдательности, то есть о том, что отличает большого Мастера слова от прочих. Вы — большой Мастер Слова! Рад, что мое первое знакомство с Вашим творчеством стало таким ошеломляющим. Высылаю свой альманах для знакомства членам Вашей редакции. Ваше ходатайство в работе. Думаю, результат будет положительный!

Виктор Буланичев, главный редактор альманаха «Бийский Вестник» (Бийск Алтайского края)

Уважаемая редакция «Приокских зорь»! Посетил Калужскую областную библиотеку им. В. Г. Белинского. Пообщался с сотрудником зала периодических изданий Мариной Васильевной Морозовой. В подписной каталожной карточке назван Ваш журнал — два номера этого года. Приходящие будут отмечаться. Журналы представлены на стенде. В подтверждение вышесказанного — прилагаю фото.

Алексей Селичкин (Калуга)

Алексей Афанасьевич, довожу до Вашего сведения, что в субботу к нам в Самару приезжал представитель Правления СП России — секретарь правления СП Игорь Витюк, и я был награжден за книгу «Шаги за дверь» (рассказы Вы публикуете в № 4) Почетным дипломом им. А. Т. Твардовского.

Олег Корнилов (Сызрань)

Письмо нашему автору, народному артисту СССР, Льву Дурову

Уважаемый Лев Константинович, здравствуйте! Передаю Вам журнал «Приокские зори» и две книги. В журнале опубликована глава из вашей книги «Странные мы люди» на стр. 87. Ваша книга очень интересная и замечательно написана, спасибо Вам за эту литературную работу, спасибо, что разрешили нам опубликовать Ваш труд. Для нашего журнала — это большая честь! Если бы Вы разрешили, то мы опубликовали бы и другие Ваши работы, но у нас, к сожалению, не выплачивается авторский гонорар. Журнал существует благодаря энтузиазму главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина и попечительству Тульского государственного университета. Главред А. А. Яшин дарит Вам свою книгу «Катехизис идеалиста». Я тоже с огромным удовольствием хочу подарить Вам и свою книгу «Письмо с уведомлением». Это сборник рассказов и повестей.

Лев Константинович, очень хотелось бы взять у Вас интервью, поговорили бы о жизни, Вашем творчестве и о литературе, если Вы, конечно, согласились бы. Обещаю Вам, что никаких неудобных для Вас вопросов не будет. Только о творчестве, а если и о личной жизни, то в пределах допустимого и разумного, не выходя за рамки приличия. Мы очень уважаем и ценим наших авторов, а также стараемся беречь свою репутацию. Вы можете убедиться в этом, прочитав в журнале на странице 31 интервью с замечательным писателем Тимуром Касымовичем Зульфикаровым.

Надеемся на Ваше понимание и дальнейшее сотрудничество. Счастья Вам, здоровья, долголетия и, конечно же, творческих успехов!

С уважением, Геннадий Маркин, ответственный секретарь журнала «Приокские зори»

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! С наилучшими пожеланиями из Ростова-на-Дону — Федор Ошевнев. Сегодня получил бандероль с тремя № 3 «Приокских зорь», где размещен и мой рассказ «Заавторство». Очень благодарен и за публикацию, и за предложение попытаться написать рецензию на сборник стихов С.Лебедева. Принимается. Вот только я невеликий критик по части чужих стихов, поскольку сам попытался как-то и что-то срифмовать в 1979-м, когда делал еще, можно сказать, младенческие литературные шаги. И один из известных ростовских писателей Михаил Андриасов, прочтя эти вирши, мне тогда сказал, дословно, что моя проза сильнее стихов и посоветовал сосредоточиться на рассказах. Что ваш покорный слуга и счел нужным сделать. Нет, конечно, настоящие стихи от графоманского стихоплетства отличить легко. И сразу скажу: у Лебедева Слово настоящее. При прочтении первых его, небольших вещей, они моментально вызвали в памяти воспоминания о детстве, в котором у меня тоже была своя деревня — Девица, Липецкой области, а до середины 50-х — Воронежской, а до революции — Тамбовской губернии. Это — родина родителей моего отца, отсюда он и мой дед, Федор Николаевич Ошевнев, 1903 г.р., уходили на фронт. Отцу повезло неизмеримо больше, он вернулся живым и даже без единого ранения, закончив войну старшим сержантом, помкомвзвода. (Хотя и продержали его в армии, по неизвестным причинам, аж до апреля 50-го). А следы пропавшего без вести в октября 41-го деда я отыскал лишь несколько лет назад в Интернете. «Пленен не позднее 10 февраля 41-го», скончался в шталаге в начале апреля 42-го. Ни отец, ни бабушка (она в Девице родилась, тоже в 1903-м, и прожила на малой родине до 87 лет, лишь дважды в 1947-ом выезжала в Воронеж, в облвоенкомат, пытаясь найти следы пропавшего без вести мужа) судьбы главы семьи так и не узнали. Что особо бросилось мне в глаза в карточке военнопленного, выставленной в Интернете: у немцев не существовало слова колхозник, и профессия деда была обозначена как землепашец. Впрочем, это я что-то углубился в свою родословную. В общем, книгу Лебедева я внимательно прочту, поскольку она близка мне по духу и опишу, как могу, свои впечатления. Только будет это на

уровне эмоций, а не по теории стихосложения. И обзор свой назову, видимо, лебедевскими строками: «Мы из одной деревни, Ее названье — Русь...». Пока все.

Федор Ошевнев (Ростов-на-Дону)

Предложения в план 2013 года

Получила все Ваши циркулярные письма, за что искренне благодарна. Поздравляю Вас и всех награжденных юбилейной медалью газеты «Правда». Все время задерживаюсь с ответом, так как год оказался действительно високосным. Неделю назад на нашем этаже ночью вспыхнул пожар по вине соседа, у которого полностью выгорела квартира, а несколько пострадали, в том числе и наша напротив. Слава богу, все живы, благодаря оперативности пожарных, но состояние шока здорово вывело из ритма жизни. Несколько дней подъезд был без коммуникаций и до сих пор без телефона, ТВ и радио, не считая непредвиденного ремонта и прочих неприятных моментов.

Вы писали о предложениях в план следующего года.

1) Безусловно, 270-летнему юбилею Г. Р. Державина (02.07.2013 г.) Вы уделите особое внимание, тем более что Орден великого просветителя украшает обложку журнала. В Союзе писателей был объявлен конкурс на литературно-общественную премию его имени за книги 2011—2012 гг. Возможно, Вы и члены редколлегии приняли участие, а я узнала только на этой неделе и из-за всех вышеуказанных событий и участия в неделе иранской культуры даже не выбрала времени отвезти свои книги, тем более, что принимали с 11 до 17 час. А потом формулировка премии «Живи и жить давай другим» не только мне, но и коллегам показалась по звучанию двусмысленной, с некоей укоризной обладателю.

2) Думаю, что журнал отметит 120-летие Владимира Владимировича Маяковского, на которого, как я Вам ранее писала, немало нападок желтой прессы и злопыхателей всех мастей.

Я написала большой цикл стихов, посвященных Маяковскому, назвав его словами поэта «Во весь голос», и две поэмы «Разговор с Маяковским накануне юбилея» и «Про это». Уже не раз прочитала на литературных встречах в Некрасовской библиотеке, в библиотеке ЦАО, в Пушкино на вечере памяти поэта в музыкальном колледже, где присутствовали сотрудники и директор Московского музея Маяковского, в ДК Пушкино и на районном радиовещании, где веду сейчас серию передач о творчестве Маяковского. Хочу их переслать в «ПЗ» на 2013 г., хотя они большие и надо будет сокращать.

В г. Пушкино судьба Маяковского вызывает у слушателей особый интерес, так как Маяковский в Пушкино на Акуловой горе жил и творил с 1919 по 1929 гг. на 4-х различных съемных дачах, по разным причинам не сохранившихся. Дом Костюхиных сгорел после войны, дача Румянцева продана теперь в частные руки, перестроена в двухэтажный особняк за высоким забором и не доступна посетителям. Дача Вячеславова — небольшой деревянный дом с террасой был музеем и библиотекой Маяковского, но первый раз вандалы подожгли его в 1991 г., а во второй раз спалили полностью в 1997 г. ночью на день рождения поэта. Еще одна дача Власовых была до середины 50-х детским домом. Теперь эта улица носит имя Маяковского. У меня очень много интересных материалов литературно-краеведческих о Маяковском в г. Пушкино, если бы очерк пошел в печать, могла бы прислать вместе со стихами. На Ваше усмотрение.

3) Еще хотела бы предложить провести дискуссию, посвященную современной литературной критике, ведь коллективными усилиями литературоведов, рецензентов, критиков складывается история современной русской литературы. А, откровенно говоря, неистовых Виссарионов что-то не заметно. А вот случайных людей, по-приятельски превозносящих до небес посредственные произведения, предостаточно.

Зачастую по-ремесленнически рецензирование сводится к пересказу содержания, а то и к описанию красот обложки. А сколько среди берущихся за рецензирование низвергателей традиционных форм той же поэзии. Думаю, что дискуссия была бы и интересна, и полезна так же, как и предыдущие.

Людмила Авдеева (Москва)

Памяти Владимира Мирнева

Возвратилась два дня назад и обнаружила среди почты очень много Вашей информации, в том числе некролог о смерти Владимира Никоноровича Мирнева с его фотографией, где он такой молодежавый, подтянутый, с книгой и микрофоном, хотя глаза у него все-таки грустные. Очень больно, что все чаще уходят люди нашего поколения, те, кому за шестьдесят. Уже и из рядов «ПЗ» смерть вырывает ярких, талантливых людей. У меня в студии «Вдохновение» тоже потери среди тех, кто был опубликован в подборке журнала. А вчера сообщили, что умер Игорь Кваша, замечательный актер «Современника» и на редкость честный и порядочный человек, который стольким помог своей телепередачей «Жди меня».

Подобные известия не проходят бесследно для близких, друзей, коллег и, думаю, для всех, кто понимает, что вместе с этим поколением мы теряем целую эпоху, а в нашей и без того больной культуре, искусстве, литературе появляется бездна, которая неизвестно кем и как будет заполнена и какие всходы на ней появятся. Все эти печальные известия и мысли вылились у меня в стихи, которые посвящаю памяти Владимира Никоноровича Мирнева, который не только был и остается известным писателем, но и одним из создателей и первым президентом Академии русской литературы, членом редколлегии «ПЗ», и оставившим о себе светлую, добрую и долгую память.

ПАМЯТИ В. Н. МИРНЕВА

*Все уже круг друзей. Их забирает смерть.
Неласковая жизнь не дарит долготы.
Уходят в мир иной, ломая жизни клеть,
Чтобы остаться песней в поднебесье.*

*Еще один покинул жизни пир.
Еще один, не износив седины,
Оставил невзначай сей бранный мир
С цветущим лугом, зреющей рябиной.*

*Потомкам в дар оставлено перо.
Раскроют книги лабиринты сердца.
Ему теперь и вольно и легко
Делить с великими поэтами наследство.*

*Не надо плакать о кончине тех,
Кто больше не узнает боль и горе,
Завистливость, изменчивый успех.
Там все равны, как волны перед морем.*

*Звездой там становится душа.
Не существует там травы забвенья.
А час придет, в Руси колокола
Оповестят весь мир о воскрешенье.*

Передайте мои соболезнования семье Владимира Никоноровича, и да будет земля ему пухом.

Людмила Авдеева (Москва)

РАСТАЯЛ В ДАЛЕКОМ ТУМАНЕ РЫБАЧИЙ...»

От главного редактора: работая над новой повестью (или романом? — Как получится) «Дэкаф», действие которой происходит в 60-е годы прошлого столетия в городе Полярном — тогда «столице» Краснознаменного Северного флота, — написал своему другу и однокласснику по Полярной средней школе, ныне живущему в Петрозаводске, Карелия, но поддерживающему связь с нашим Заполярьем, с просьбой сообщить: что происходит сейчас с нашей малой родиной. Выдержки из его ответного письма публикуем ниже, как представляющие общий интерес для читателей «Приокских зорь». Ведь не один десяток тысяч, а может и сотни тысяч ныне здравствующих служили на Северном флоте...

Алексей, здравствуй!

Письмо от тебя получил, спасибо!

Вот уже пятый месяц, с июня, собираюсь написать тебе очередное письмо, но все откладываю на «завтра». Кажется, что нужно написать о многом, но все постепенно забывается и отходит на второй план.

В мае получил первый номер журнала «ПЗ», а в июне второй. Прочитал. Передал в национальную библиотеку (по старому «публичку») в конце июня (а может в первых числах июля). Журнал в библиотеке знают и ждут.

Июнь был достаточно напряженным в смысле занятости в универе. Зачеты, экзамены у студентов, «хвосты», заочники. Так, практику сдали до конца сессии около четверти студентов. Часть осталась в должниках на осень, а часть отчислили по итогам сдачи сессии. Советская школьная подготовка отличается от современной капиталистической прежде всего тем, что сейчас не учат думать. Школьные знания слабые.

В июле вместе с женой и внучкой совершили короткую поездку на север (Петрозаводск, Княжая-губа (Мурманская область), Зеленоборский, Кандалакша, Мурманск). Планировали съездить на полуостров Рыбачий. Там воевал мой отец и многие северяне. После войны на Рыбачьем заготовливали сено для подсобного хозяйства (пос. Сайда-губа), сено привозили на мотоботах и сейнерах (МРТ). Мы с братьями-мурманчанами рассчитывали побывать в тех местах с оказией. Но не получилось. В летний сезон на Рыбачьем и в других местах работают группы поисковиков, которые занимаются захоронением наших бойцов, погибших в ВОВ, устанавливают памятники, памятные доски и т.д. Руководит этой работой краевед и писатель Михаил Орешета (его брошюры я высылал тебе). Мы встречались с ним, но в летний период все машины были в деле и в нужном нам направлении попутки не было. Мы же на ВАЗовской «восьмерке» добрались до половины пути, до впадения реки Титовки в морской залив.

Фотографии разрушенных мостов на р. Титовка

Дорога от Мурманска до границы хорошая, асфальт. Никаких пограничников, КПШ. Дорога на п-ов Рыбачий начинается в Ст. Титовке. Возможно, когда-то дорога была частично асфальтированная. Сейчас — убитая грунтовка. Камни, ямы, лужи и т.д. Удивило то, что мосты на реке Титовка разрушены (как специально). Перебраться на тот берег никак, только вплавь. На другой стороне Новая Титовка, что там осталось — неизвестно. Военные городки, поселки разрушены. Север обезлюдел, жизнь ушла, остались одни кладбища — людские, поселков, военных городков, ракетно-зенитных комплексов, кораблей...

Флот наш сократился в четыре раза. Наша власть с каким-то упоением уничтожала корабли за американские деньги, выслуживаясь перед американским империализмом. За двадцать лет ни одной подводной лодки нашему флоту не сдано, а американцы за это время ввели в строй тридцать. То, что построили, еще нужно довести до ума, провести все необходимые испытания. Может быть, первый подводный корабль смогут сдать в этом году; приемо-сдаточный акт не подписан, но Севмаш готов к сдаче. На вывод лодки из стапельного цеха приезжали наши высокопоставленные чиновники в разное время. Но это всего лишь пиар-акции, а корабли самые дорогостоящие декорации. Мрачновато.

После севера короткие поездки совершили в Великий Новгород, Псков, Петергоф. Странные ощущения испытываешь в этих поездках. В деревнях и селах, городках немало встречается полуразрушенных, нежилых домов, заросшие травой и кустарником поля, что огорчает, но встречаются изредка и засеянные поля, небольшие стада коров, что радует. Среди нищеты и какого-то вынужденного убожества встречаются и особенки. Только в Карелии за последние десять лет обезлюдели около ста населенных пунктов — деревень, а за двадцать лет население сократилось на 20 %; было 799 т. чел., осталось 639 т. чел. (160 т. чел.). Много заброшенных и разрушенных военных городков, военных сооружений, аэродромов; везде, а на севере в особенности.

Между поездками трудился на даче. Летний дачный сезон завершен, убран урожай: картошка, морковь, свекла и ягоды. С сентября начались занятия в университете. Веду практики по информатике, алгоритмическим языкам, базам данных и лекции по АСУ. Времени уходит много. Надо подготовить лекции еще по одной дисциплине на второй семестр. Накоротке посмотрел «ПЗ» № 3 в Интернете. Поздравляю от души с присуждением литературных премий и желаю дальнейших творческих успехов и здоровья, как залога успехов.

Что касается Полярного. Я созваниваюсь и переписываюсь с братьями, живущими в Мурманске — они тоже прошли школу интерната. Приведу отрывки из недавних писем брата Николая. Он учился на два класса старше нас, жил в интернате, школу закончил в 1964 году. Николай прислал ряд снимков, которые прикладываю к письму.

Отрывки:

Некоторые штрихи к текущей жизни Полярного. Это — лодок (дизельных) практически нет у причалов. Часть домов заколочены: законсервированы, что-то из них разрушается. Такая же картина в Видяево. В Видяево стоит аквапарк с пляжем, морской водой и искусственной волной, с ультрафиолетовым солнцем, но никто туда не ходит — некому. Возили из Мурманска за полцены. Работает сейчас или нет — не знаю. Квартплата запредельная, но ничего не ремонтируется. Складывается впечатление, что махнули рукой на город, и флот, и область. Временщики в управлении — отбыть срок, а там хоть трава не расти. Школа закрыта. Занятия в новой школе — (новое здание) — в Старом Полярном с сент. 2010 г. Традиции прерваны — умирающий, ненужный город. Может я сгустил краски, но такое впечатление от разговора с жительницей города. Когда я был в 2006 г. в Полярном, то эти тенденции просматривались. Я тогда удивился, когда увидел строящееся здание школы — типовое

здание — на фоне общего упадка. Правда, в городе чувствовалась попытка сохранить лицо. В 2006 г. я увидел, скорее всего, не строящееся здание, а законсервированную стройку. Решение о завершении стройки, чтобы окончательно не пропала, было принято позже и закончено в 2010 г. Фото у меня нет.

Юра, предварительная информация. Дом офицеров (дэкаф) сгорел в январе 91-го, загорелся ночью, утром догорал. Сейчас на его месте площадка с военной техникой: выставка под открытым небом. Информация от Елены Николаевны Зениной, выпуск 65 года. Попросил ее все уточнить. В интернате был ОМИС — военная организация, связанная со строительством. Он сгорел еще раньше. Неофициальная информация — оба здания сожжены — заметали следы. Высылаю фото здания администрации г. Полярный, мы жили там зиму 61—62 гг. Снимок сделал Шишебаров В. Я. в 2006 г. Я на снимке. Вид из актового зала школы на место, где стоял ДОФ. Остатки Чертова моста, рядом новая дорога через «овраг».

Новый ДОФ — бывший ДК судоремонтников, называемый в то время просто «окурок» или «сугроб», я бывал в нем в 67 году будучи в патруле, Чертов мост (вид сверху), вид на ДОФ из-за циркульного, старейшее каменное здание города — баня.

Юра, на месте ДОФа площадка с военной техникой — музей под открытым небом, а остатки его — ДОФа — картину — «Бой тральщика «Туман» в каком-то месте» нашел в музее Северного флота в Росте. Сделал еще пару снимков там же. Название можно уточнить. Картина висела в фойе ДОФа на втором этаже. Она висела ближе к выходу, дальше висела еще одна картина, но я ее не помню, может вспомнил бы, если б увидел. Елена молчит, после выходных позвоню. Она сейчас в Мурманске, а информацию можно получить только в Полярном.

Николай

На сайте города <http://www.zatopol.ru> есть фотоальбомы. В фотоальбомах есть старые фотографии, в том числе ДОФа. Фотографии ДОФа наших времен поищут северяне. Если найдут, то вышлют.

Виды современного Полярного, о которых идет речь выше, в письме:

Наш автор из Петрозаводска, Карелия

НОВОСТИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В США выпустили художественный фильм, оправдывающий Сталина!
«СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ» http://rodonews.ru/news_1295859217.html

В США выпустили художественный фильм, оправдывающий Сталина!

Почти 70 лет пылился в американских архивах фильм, воспевающий Советский Союз и лично Иосифа Сталина. Теперь эту картину может посмотреть любой желающий: «Миссия в Москве», снятая в 1942 году компанией *Warner Bros* по личной просьбе президента США Франклина Рузвельта, вышла на *DVD*.

Никакой политической подоплеки в этом нет, просто сейчас вся фильмотека знаменитой кинокомпании переводится в цифровой формат.

Картина стоимостью 2 млн. долларов, снятая в тот период, когда чаша весов в победе во Второй мировой войне склонялась в пользу гитлеровской Германии, должна была поддержать моральный дух янки и рассказать им о главном союзнике — СССР, бившемся насмерть с нацистами.

Построенный на воспоминаниях бывшего сотрудника посольства США в Москве фильм рассказывал о том, как «Сталин распознал нацистскую угрозу» задолго до Запада. Репрессии не замалчивались, но объяснялись в том числе «заговором германской разведки». Не оправдывалась и война с Финляндией, однако говорилось о том,

что она была одной из форм «защиты страны от фашистов». А договор Молотова — Риббентропа вполне в духе тех времен трактовался как «попытка отсрочить войну для СССР и союзников».

Правда, в 42-м после короткого проката, лента легла «на полку». Потом, в годы «холодной войны», консервативные силы в Америке приводили эту картину как пример того, что «коммунистическая зараза» проникла в Голливуд. Основатели *Warner Bros* даже вынуждены были публично признаться, что сожалеют о создании «Миссии в Москве». А вот во время войны они так не считали...

Материал с сайта Тульской епархии Русской православной церкви

ПРОТОКОЛ № 11

**Расширенного заседания Епархиального Совета,
состоявшегося 26 июля 2012 года
под председательством Председателя Епархиального Совета
митрополита Тульского и Ефремовского АЛЕКСИЯ**

(Выписка)

Слушали: председателя Информационного отдела епархии игумена Агафангела (Болдина) с информацией о необходимости системной организации деятельности интернет-сайтов учебных заведений, монастырей, отделов, благочиний и приходов епархии, а также ежемесячном предоставлении медиа-планов работы.

Постановили: 1. Считать целесообразным каждый последний четверг месяца проведения расширенного заседания Епархиального Совета с участием отцов благочинных и председателей епархиальных отделов с планом мероприятий на предстоящий месяц с обязательным представлением председателю Епархиального Информационного отдела.

2. Провести 8 сентября сего года в 13.00 в Тульской Духовной семинарии для лиц, ответственных за работу интернет-сайтов информационную деятельность.

3. Интернет-ресурсы епархиальных структур, не соответствующие «Стандарту присутствия епархий Русской Православной Церкви в сети интернет» Синодального Информационного Отдела, прекращают самостоятельную деятельность, а все интернет-сайты епархиальных отделов, благочиний, монастырей, приходов предоставляют информацию на сайт Тульской епархии и действуют в строгом подчинении Епархиальному Информационному отделу.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

12+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 12 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.03.2013
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

МУЗЫ МЕЛЬПОМЕНА И ПОЛИГИМНИЯ В ТУЛЕ
(Фото Геннадия Маркина)

Тульский ордена Трудового Красного знамени академический театр драмы имени Максима Горького. Открыт 25 декабря 1970-го года; архитекторы В. Красильников, А. Попов, В. Шульрихтер и С. Галаджиева, главный консультант Л. Брунин и производитель работ Е.Сотников в 1971-м году удостоены Государственной премии

Концертный зал Тульской областной филармонии имени Иосифа Михайловского. Открыт в 1912-м году как драматический театр (до 1970-го года). Архитектор И. А. Иванов-Шиц

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2012 ГОДУ**

Марина Ильинична Майорова (мать Иоанна) — в жанре прозы. Удостоена звания лауреата за повесть «Джулиана. Попытка взлета» («ПЗ» № 3, 2012). Музыкальный работник. После принятия иноческого чина живет и работает в селе Пятница Владимирской области.

Игорь Владимирович Лукьянов — в жанре поэзии за поэму «Задоницина» (поэтическое переложение) («ПЗ» № 2, 2012). Сотрудник редакции газеты «Борисоглебские вести». Живет и работает в г. Борисоглебске Воронежской области.

Сергей Александрович Лебедев — в жанре поэзии за сборник стихотворений «Течет Ветлуга в памяти» (Тольятти, 2012), изданный в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Главный специалист производственного отдела ОАО «КуйбышевАзот». Живет и работает в г. Тольятти Самарской области.

Валерий Яковлевич Маслов — в жанре публицистики за очерки в «ПЗ» №№ 1—4, 2012. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов СССР и России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Тульского отделения Литфонда России. Живет и работает в г. Туле.